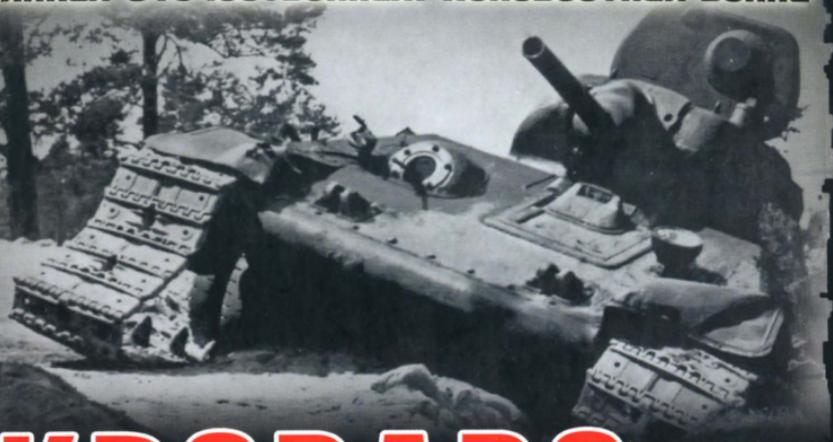

Великая Отечественная: Неизвестная война

«КРОВАВО- КРАСНАЯ» АРМИЯ

Владимир
Бешанов

По чьей вине?

Владимир Бешанов

«КРОВАВО-
КРАСНАЯ»
АРМИЯ

По чьей вине?

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2010

УДК 355/359
ББК 68
Б 57

Экранирование: vmarkhankov
Обработка: Vitautus

Оформление серии *П. Волкова*

Бешанов В. В.

Б 57 «Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине? / Владимир Бешанов. — М. : Эксмо : Яуза, 2010. — 384 с. — (Великая Отечественная : Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-40237-3

Почему летом 1941 года кадровая Красная Армия была разгромлена за считанные недели? По чьей вине не удалось одолеть врага «малой кровью, могучим ударом»? Отчего до самого конца войны наши потери многократно превышали немецкие и за каждый успех приходилось расплачиваться огромной кровью, так что Красную Армию прозвали «кровоаво-красной»? Почему Победа была достигнута столь дорогой ценой? На все эти вопросы, самые сложные и болезненные в нашей истории, есть простой и ясный ответ, известный еще Сталину: «Кадры решают всё!»

Данная книга неопровержимо доказывает: именно в кадровом вопросе, в низком уровне профессиональной подготовки советского генералитета и офицерского корпуса следует искать причины всех трагедий и катастроф Великой Отечественной. Потому что кадры и в самом деле решали всё!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-40237-3

© Бешанов В. В., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ВСТУПЛЕНИЕ

«Злодейства крупные и серьезные нередко именуются блестящими и, в качестве таковых, заносятся на скрижали Истории».

М. Е. Салтыков-Щедрин

Вначале появился призрак — призрак Коммунизма. Первыми явление зафиксировали в 1848 году выдающиеся ученые-медиумы Карл Маркс и Фридрих Энгельс, вооруженные самой передовой и безошибочной собственного сочинения теорией. Призрак бродил по Европе, тряс позаимствованными у пролетариата цепями, уверял, что у рабочих нет отечества, предлагал им «соединяться», записываться в ряды могильщиков буржуазии и «разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность». Пророчества коммунистического Духа два классика марксизма изложили в знаменитом «Манифесте».

Манифест, «с гениальной ясностью и яркостью» обрисовавший новое, коммунистическое «миросозерцание», призывал всех угнетенных к насильственному свержению существующего общественного и политического строя, установлению диктатуры пролетариата, уничтожению классов и частной собственности. Вслед за этим, по мысли авторов, раньше или позже, неизбежно должен был наступить Коммунизм — высшая и конечная стадия развития человеческого общества, рай на земле: фабрики — у рабочих, земля — у крестьян, женщины — в общем пользовании.

Международный пролетарский гимн — «Интернационал» — определял четкую программу действий и конечную цель коммунистического движения:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Правда, наряду с пассажами о «завоевании демократии» в Манифесте проскальзывали термины вроде: «экспроприация», «деспотическое вмешательство», «конфискация имущества» — конечно, исключительно в отношении «эксплуататоров», но также и «промышленные армии», в которые для удобства строительства нового мира предлагалось мобилизовать освобожденных пролетариев.

Делать революцию предпочтительнее в развитых промышленных странах, где пролетариат наиболее сконцентрирован и организован. Поэтому долгое время коммунисты всех мастей, в том числе и русские социал-демократы, пытались поднять рабочих на правое дело в какой-нибудь Германии или Швейцарии. Но самым слабым звеном «в империалистической цепи» оказалась Российская империя.

25 октября 1917 года власть в России захватили левые радикалы.

Они тут же окрестили государственный переворот, совершенный на германские деньги штыками «интернационалистов» и одуревших от безделья матросов, «пролетарской диктатурой», собственную власть — «властью рабочих и крестьян» и от имени последних принялись истреблять и тех и других, и всех несогласных.

Послеоктябрьская история первого в мире социалистического государства показывает, что вся политика строилась в соответствии с тремя пунктами «Интернационала»: разрушение, построение, назначение на должности.

Какое отношение к пролетариату имели никогда и нигде не работавшие литератор В.И. Ульянов (Ленин), кавказский абрек И.В. Джугашвили (Сталин), польский боевик Ф.Э. Дзержинский, журналист-космополит Л.Д. Бронштейн

(Троцкий) или екатеринбургский мафиозо Я.М. Свердлов — сказать трудно.

Для чего они все это затеяли?

Чтобы наесться до отвала кетовой икры, о которой и через 20 лет с ностальгией вспоминал загнанный сталинскими волкодавами в мексиканское захолустье Троцкий: «...этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции?»

А что дальше?

Ограбить всех сограждан? Реставрировать феодализм в отдельно взятой стране? На горе всем буржуям раздуть мировой пожар? Да какая разница, главное — сама Власть. Ленин так и писал членам ЦК за сутки до переворота: «Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия».

Деятель Великой французской революции Жорж Дантон объяснил доступно: «Революция — это просто перераспределение собственности». Проще говоря, основу мировоззрения любого революционера составляет шариковское «отобрать и поделить».

Действительно, на первом месте в ленинской программе действий стоял пункт об «экспроприации экспроприаторов». Это значит — всеобщий грабеж. В перспективе населению обещали светлое будущее, сортиры из золота и кухарок, которые будут управлять государством. А пока — «грабь награбленное», разрушай «мир насилья».

Самое простое дело — разрушать. Правоверные марксисты, защитники угнетенных и обездоленных, спасители Отечества, уверенно определяли, что именно нужно разрушить.

К «миру насилья» относились: монархия, государственный аппарат, духовенство, армия и флот, капиталисты, дворянство, купечество, произведения искусства, шедевры архитектуры, «плохие» книги, буржуазные писатели, поэты и философы, научные направления, крестьяне (богатеи и середняки, кулаки и подкулачники), интеллигенция и многое другое, что определяло устои государственности и составляло национальную гордость.

В итоге разрушать и уничтожать пришлось очень многое, ибо те, «кто был ничем, а стал всем», имели довольно специфичные взгляды при полном отсутствии таких «буржуазных» понятий, как совесть и мораль:

«Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем... Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата».

Под шум всеобщего грабежа с помощью ЧК и «бьющей через край энергии масс» большевики довольно быстро установили в стране «высшую форму государственности» — Советскую власть.

Но что же взамен монархии или буржуазной республики могли предложить стране Ленин и К°?

В апреле 1918 года в статье «Очередные задачи Советской власти» Владимир Ильич обрисовал вкратце свою модель идеального общества:

«Первым шагом освобождения трудящихся... является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, **принудительная организация** всего населения в потребительские общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и другими необходимыми продуктами...

...от трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить задачу применения соответствующих принципов к **большинству трудящихся, рабочих и крестьян**».

Со времен хрущевских разоблачений культа личности нам внушали, что Ленин составил рецепты построения коммунизма, а Сталин их спрятал и ленинские идеи извратил. Клевета! Никто ничего не скрывал, наоборот, заставляли конспектировать на занятиях по истории Партии: принудительная организация, хлебная пайка и трудовая повинность — главные условия на пути к освобождению трудящихся от «капиталистической каторги».

Далее еще интереснее:

«Что же касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения. Увольнение с завода тоже может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление (!), и за это должна быть наложена определенная кара». Виновных в нарушении дисциплины «надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно».

Вот оно, освобождение труда! Позднее Сталин, развивая положения «основоположника», пожизненно закрепил крестьянина за колхозом, рабочего за предприятием, а уж как он умел «находить» и «карать»!

Осуществлять пролетарскую диктатуру, принудительно организовывать должна, естественно, самая передовая партия во главе с «вождем мирового пролетариата». А как же! За это и боролись!

А нельзя ли поменьше диктатуры? Нельзя ни в коем случае:

«...беспрекословное подчинение единой воле, безусловно, необходимо.

И вся наша задача, задача партии коммунистов... встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора во время работы...

...нужна железная рука...

Подчинение, и притом беспрекословное, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных... снабженных диктаторскими полномочиями».

Вот и вся «диктатура пролетариата».

(Карл Фридрихович Маркс-унд-Энгельс, обличая капиталистическую эксплуатацию, писал: «Массы рабочих, ску-

ченые на фабрике, организованные по-солдатски, как рядовые промышленной армии, они становятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они — рабы не только класса буржуазии, ежедневно и ежечасно их поработывает машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный буржуа-фабрикант».

Последнее, по мнению классиков, особенно обидно. Но стоит отдельного фабриканта поменять на отдельного пролетарского диктатора да назвать его народным комиссаром, и рабочие — уже не рабы, а самые свободные люди, и даже владельцы этой фабрики и этих машин.)

Куда же под столь чутким руководством должна была прийти «истомленная масса»? Какова конечная цель?

Вот и ответ:

«Если бы мы смогли через малое число времени осуществить государственный капитализм (?!), это было бы победой. Только государственный капитализм, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социализму. А без этого социализма нет...

Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Иными словами то же самое сформулировал писатель Владимир Солоухин (1924—1997): «Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению, держать в подчинении и трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовное население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства».

А по Ленину — первая фаза коммунистического общества. Орднунг. Да он и думал-то на немецком языке.

Ах да, еще «плюс электрификация всей страны».

Конечно, всякие «прихвостни и прихлебатели буржуазии», пугая народ, рисовали социализм как однообразную, монотонную, серую казарму. Но на то они и «лакеи денежного мешка» и «холопы эксплуататоров».

На деле же бояться народу нечего.

Во-первых, никаких тебе эксплуататоров, а только родные красные диктаторы, днем и ночью о народе болеющие.

Во-вторых, при социализме произойдет «великая смена труда подневольного трудом на себя, планомерно организованном в гигантском общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, мировом) масштабе».

В-третьих, пролетарии, рационально и строго по-отечески управляемые диктаторами, смогут соревноваться в работе, «проявлять себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты».

В-четвертых, в нерабочее время все дружно будут ходить на субботники и митинги, где разрешается призывать братьев по классу трудиться еще лучше и млеть от слова «гегемон».

В-пятых, население «поголовно» будет управлять государством: «Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей по отбытии 8-часового урока производительной работы». Например, отстоял токарь смену у станка, выдал план и — в министерство, управлять.

Наконец, где-то в далеком далеке коммунизм вступит в свою высшую фазу. Для этого нужно только освободить трудящихся всего мира и принудительно их организовать по марксистской схеме. После чего государство само собой отомрет, наступит полная свобода, всеобщее благоденствие и изобилие. Непонятно только, куда денется расплодившееся в планетарном масштабе племя красных диктаторов.

— Эх, Петька, знаешь, какая жизнь наступит? Помирать не надо!

Как ни странно, но очень и очень многих почему-то не вдохновили идеи строительства гигантской электрифицированной «зоны». Даже союзники в захвате власти — анар-

хисты и бомбисты-эсеры — отшатнулись от большевиков и тут же были зачислены в «контру».

Не страшно. Ради мировой революции и счастья пролетариата Владимир Ильич готов был истребить 90% населения России. Не зря им так восхищался Троцкий:

«У Ленина твердая рука. И вокруг него — крепкое ядро таких же, как он, решительных и непримиримых людей».

Правда, по признанию самих вождей, среди этих решительных людей было немало — 90 человек из каждых 100 — мерзавцев, жуликов, «бездарных и бессовестных комиссаров» и прочей «коммунистической сволочи», достойной быть повешенной «сугубо на вонючей веревке». Но именно такие и требовались: «Партия не пансион благородных девиц, иной мерзавец потому-то и ценен, что он мерзавец».

Вроде харьковского чекиста Ивановича, в полной мере подчинившего нравственность интересам классовой борьбы: «Бывало раньше совесть во мне заговорит, да теперь прошло — научил товарищ стакан крови человеческой выпить: выпил — сердце каменным стало».

На досуге, напившись крови, «веселые чудовища» большевизма изливали душу в поэзии:

Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых жизнью и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинается страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Вот почему история о городке под названием Чевенгур, поведенная писателем Андреем Платоновым (1899—1951), — вовсе не роман и не гипербола, а подлинная летопись установления «высшей формы государственности» в какой-нибудь Астрахани, Архангельске или Сызрани.

«Надо поскорее начинать социализм. — Горит энтузиазмом местный председатель ревкома. — В первую очередь необходимо ликвидировать плоть нетрудовых элементов...

У Чепурного после краткой жизни в Чевенгуре начало болеть сердце от присутствия в городе густой мелкой буржуазии. И тут он начал мучиться всем телом — для комму-

низма почва в Чевенгуре оказалась слишком узка и засорена имуществом и имущими людьми; а надо было немедленно определить коммунизм на живую базу... Пробыв председателем ревкома месяца два, Чепурный замучился — буржуазия живет, коммунизма нет...

А потом Чепурный захотел отмучиться и вызвал председателя чрезвычайки Пиюсю. «Очистить мне город от гнетущего элемента!» — приказал Чепурный.

«Можно», — послушался Пиюся. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей, с чем облегченно согласился Чепурный.

— Ты понимаешь — это будет добрей! — уговаривал он Пиюсю. — Иначе, брат, весь народ помрет на переходных ступенях. И потом, буржуи и теперь все равно не люди: я читал, что человек, как родился от обезьяны, так ее и убил. Вот ты и вспомни, раз есть пролетариат, то к чему ж буржуазия? Это прямо некрасиво!

(Запись из дневника Короленко от 29 марта 1918 года: «Разговор с заместителем начальника ЧК Украины о массовых безрассудных расстрелах: — Товарищ Короленко, но ведь это же на благо народа! — и пытливо смотрит на меня».)

Пиюся был знаком с буржуазией лично: он помнил чевенгурские улицы и ясно представлял себе наружность каждого домовладельца. Кроме того, Пиюся знал их способ жизни и пропитания и согласен был убить любого из них вручную, даже без применения оружия. Со дня своего назначения председателем чрезвычайки он не имел душевного покоя и все время раздражался: ведь ежедневно мелкая буржуазия ела советский хлеб, жила в его домах и находилась поперек революции тихой стервой.

(Достаточно почитать указания Ленина представителям Советской власти на местах и легко представить, как точно так же Предсовнаркома маялся всем телом в Кремле от присутствия в стране буржуазии, как не давали ему покоя «неправедные тыщонки» в чужих кубышках, как убеждал он председателя чрезвычайки Дзержинского «немедленно определить коммунизм на живую базу»: расстреливать, рас-

стреливать и расстреливать, «не допуская идиотской волокиты».

Чего стоит один только циркуляр о расказачивании:

«Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам...»

Или инструкции Е.Б. Бош — «активной участницы борьбы за советскую власть»:

«Повесить, непременно повесить, дабы народ видел, не менее 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал...»)

Однако, после поголовного уничтожения «натуральной» буржуазии в городе еще осталось много всякого народу, почти все — не члены большевистской партиячейки. И коммунизм в Чевенгуре все не наступал.

«Я полагаю, — рассудочно округлял Прокофий, — одно: раз у Карла Маркса не сказано про остаточные классы, так их и быть не может. А они есть — выйди на улицу: либо вдова, либо приказчик, либо сокращенный начальник пролетариата. Как же быть, скажи, пожалуйста!

А я полагаю, поскольку их быть, по Карлу Марксу, не может, постольку же их быть и не должно.

А они живут и косвенно нас угнетают — как же так?..

Я исхожу так: необходимо остатки населения вывести из Чевенгура сколько возможно далеко, чтобы они заблудились...

Чепурный с затыжкой понюхал табаку и продолжительно ощущал его вкус.

Теперь ему стало хорошо: класс остаточной сволочи будет выведен за черту уезда, а в Чевенгуре наступит коммунизм, потому как нечему быть».

Так как «остаточная сволочь» далеко уйти не смогла и не захотела, ее пришлось расстрелять из пулеметов. Наконец, сбылась мечта предреволюции: «В городе осталось одиннадцать человек жителей... Солнце уже высоко взошло, и в Чевенгуре, должно быть, с утра наступил коммунизм».

Это и есть ленинская методика строительства коммунизма: стрелять и вешать, вешать и стрелять, до тех пор, пока «масса» не станет абсолютно покорной, управляемой, бесконечно влюбленной в родную Советскую власть и «самого человеческого человека».

Один из главных специалистов по «ликвидации плоти нетрудовых элементов», член коллегии ВЧК М.И. Лацис (Ян Судрабс) через газету «Красный террор» инструктировал коллег:

«Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какого он образования и какова его профессия. Все эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».

И сладострастно защелкали курками наганов товарищи Эйдуки, Орловы, Кедровы, Ивановичи, Шульманы, Саенки, Розы Шварц, Ревекки Майзель и прочие Бела Куны, готовые днем и ночью в революционно-кокаиновом угаре «дырявить затылки», «пускать в расход», «отправлять в штаб Духонина», «шлепать», «цокать», «разменивать», «запечатывать».

Поскольку против этих уголовников и маргиналов поднялась почти вся мыслящая и созидательная часть России, эту часть нации пришлось истребить. Первый пункт программы построения светлого будущего, как известно, был выполнен и перевыполнен. Это не требовало особых знаний, а лишь определенных качеств организаторов и исполнителей.

«Ну вот, — удовлетворенно вздохнул Вождь, — мы Россию завоевали, теперь надо научиться Россией управлять».

Строить «новый мир» оказалось гораздо труднее. Во-первых, выяснилось — «завоеватели» сами не знают, что, собственно говоря, надлежит строить. Во-вторых, не хватало рабочих рук, мирных дней, материалов и сырья, производственных площадей, знаний, опытных специалистов. При этом, в условиях непрерывного «обострения классовой борьбы», нужно было вести непрерывную борьбу с вредите-

лями, шпионами, чуждыми элементами, лодырями, несуннами, разрухой, вшами и т.д.

К тому же в предельно короткие сроки удалось разрушить действительно все «до основания», а коммунизм так и не наступил. Поэтому создавать заново потребовалось очень многое, и это должен был делать «новый» человек, которого тоже еще предстояло «произвести». Старые специалисты, интеллигенция — «говно», по ленинскому определению, — для построения светлого будущего не годились.

Впрочем, и сам Ленин для этого был мало пригоден, потому почти сразу по окончании польской кампании, похоронившей надежды на революцию в Европе, затосковал и умер.

Все, что он умел, это «с самой бешеной и беспощадной энергией» разрушать, давить, экспроприировать. Все, что его действительно увлекало до последних дней, это повышение «массовидности» и принципиальное оправдание террора. Никакой созидательной деятельностью, даже в минимальном объеме, Ленин никогда в жизни не занимался. Он не посадил дерево, не построил дома, не вырастил ребенка. От него осталось только «дело» и тело. И на краю могилы он продолжал потрясать крепким кулачком: «Мы еще вернемся к террору!»

Спи, Ильич ты мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо светит месяц ясный
В мавзолей твою...

Знамя борьбы за всеобщее счастье подхватили верные ленинцы.

Часть I

ВОЖДИ

«А некоторые люди утверждают, что все-таки в той большой войне мы одержали победу главным образом потому, что нами руководил именно Сталин, а если бы не Сталин, то неизвестно, смогли бы мы справиться с врагом и победить его... Независимо ни от чего не смогу согласиться с таким истолкованием событий потому, что это — рабская точка зрения. Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за них, все организовывал за них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология».

Н.С. Хрущев

Кто же определял государственную политику в Стране Советов?

Все важнейшие государственные и военные посты, разумеется, заняли активные участники Октябрьского переворота и Гражданской войны. Профессиональная пригодность во внимание не принималась. Пункт «кто был ничем, тот станет всем» был выполнен буквально.

1 ноября 1917 года Россия узнала фамилии своих новых правителей — народных комиссаров Рабочего и Крестьянского правительства.

Председателем Совнаркома стал «вождь мирового пролетариата» В.И. Ульянов-Ленин (1870—1924), в графе профессии писавший «литератор».

Народным комиссаром по внутренним делам — А.И. Рыков (1881—1938). После окончания гимназии Алексей Иванович поступил на юридический факультет Казанского университета, но, по его же воспоминаниям, «не успел я

сесть на студенческую скамью, как попал в каталажку». Потом последовали партийное подполье, новые аресты, тюрьмы, ссылки, побеги.

Само собой, проведя почти шесть лет в каталажке, плюс к ним три года в северных краях, «внутренние дела» Рыков изучил только изнутри и ничего в полицейской работе, как и в любой другой, не смыслил: «Дожил я до 30 лет и не знаю, как выправлять себе паспорт. Понятия не имею, что такое снять где-то постоянную квартиру».

Нарком земледелия В.П. Милютин (1884—1937) был сыном сельского учителя. В партию большевиков вступил в шестнадцать лет. Дважды пытался получить высшее образование, но уж очень отвлекала революционная деятельность — восемь арестов. Между делом сочинил две марксистские брошюры о сельском хозяйстве, потому считался в нем крупным специалистом.

Нарком труда А.Г. Шляпников (1885—1937) был в Совнаркоме единственным «рабочим», поскольку в молодости, до эмиграции, успел постоять у станка и даже «мечтал стать токарем по металлу». Однако бузить оказалось гораздо интереснее. Довольно рано прорезалось умение мобилизовать массы: «Работая на Семянниковском заводе, я принял активное, по своему возрасту, участие в стачке, группируя мальчиков всех мастерских, корабельных, столярных, для выгона тех рабочих, которые не хотели участвовать в стачке. Мы набирали в карманы гайки, обрезки и всякого рода куски железа; не подчинившихся общему решению о стачке осыпали градом железных осколков, гаек, болтов и этим заставляли их примкнуть к общему движению». Образование имел «низшее».

Комитет по военным и морским делам возглавили изгнанный из армии офицер, редактор солдатских газет В.А. Антонов-Овсеенко (1883—1939), прапорщик Н.В. Крыленко (1885—1938), матрос П.Е. Дыбенко (1889—1938).

Торговлю и промышленность доверили сыну приказчика В.П. Ногину (1878—1924). По окончании городского училища он некоторое время служил конторским мальчиком, затем работал подмастерьем в красильне, посещал марксистские кружки, являлся агентом «Искры». С двадцати лет

Виктор Павлович скитался по тюрьмам и эмиграциям: «Как-то вспоминая прошлое, он подсчитал количество тюрем, известных ему по сидению в них. Таких тюрем он насчитал 50». Усиленные занятия самообразованием в местах отсидки позволили ему «самоучкой выйти на литературную дорогу», а заодно освоить все тонкости руководства промышленностью и торговлей.

Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский (1875—1933) родился в семье полтавского чиновника. В молодости Анатолий Васильевич около года провел в Цюрихе, сочетая посещения лекций в университете и партийных сборищ. Затем были восемь месяцев в Таганской тюрьме, трехлетняя ссылка, эмиграция, революционная журналистика, шарахания от марксизма к богоискательству, от большевиков к меньшевикам и обратно. Соратники считали его человеком весьма просвещенным. Луначарский представлял собой тип самовлюбленного болтуна, умеющего произносить бесконечные пустопорожние речи по любому поводу и на любую тему, но органически неприспособленного к какой-либо организованной деятельности.

Нарком юстиции Г.И. Оппоков-Ломов (1888—1938), сын банковского служащего, один год проучился на юридическом факультете Петербургского университета, да бросил — закрутила революция.

Вечному партийному журналисту, переводчику «Капитала» и других марксовых произведений И.И. Скворцову-Степанову (1870—1928) поручили руководить финансовым ведомством.

Наркомат продовольствия возглавил сын польского дворянина, окончивший Московский университет, И.А. Теодорович (1875—1937). Он из той же когорты партийных теоретиков и журналистов.

Комиссаром по иностранным делам стал окончивший реальное училище Л.Д. Бронштейн-Троцкий (1879—1940), партийный теоретик, публицист и оратор, активный участник революции 1905—1907 годов, председатель Петроградского Совета, один из главных организаторов Октябрьского переворота.

Народный комиссар почт и телеграфов Н.П. Ави-

лов-Глебов (1887–1942), сын калужского сапожника, «партийный профессионал» с 19 лет, окончил партийную школу в Болонье. И у него за плечами аресты, ссылки, эмиграция, тюремные университеты. Меньше всего в жизни он интересовался телеграфами.

Портфель председателя по делам национальностей вручили еще одному сыну сапожника, недоучившемуся семинаристу, для пополнения большевистской кассы организовавшему ограбление Тифлисского банка, автору героических стихов и работы «Марксизм и национальный вопрос», чудесному, но малоизвестному тогда в партии грузину И.В. Джугашвили-Сталину (1877–1953).

В общем, все как один члены «рабоче-крестьянского» правительства были профессиональными революционерами, то бишь «литераторами». Других профессиональных навыков ни у кого из них не было.

При назначении на высшие государственные должности большое значение имели партийный стаж, факты преследований и репрессий со стороны «кровавого царского режима» за революционную деятельность. В свое время были исключены из учебных заведений такие «видные большевики», как В.И. Ленин, И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, А.И. Криницкий, А.И. Рыков, А.И. Стецкий, С.И. Сырцов.

Большинство, кроме того, подвергались арестам, сидели в тюрьмах, находились в ссылках. Количество выслоков и отсидок являлось предметом особой гордости и явным показателем заслуг.

Один из своеобразных рекорсменов, Яков Давидович Драбкин (1874–1933), более известный под партийным псевдонимом Сергей Иванович Гусев, без сомнений, являлся одним из активнейших революционеров. В его анкете, в частности, указано:

«Участвовал в экономических стачках 53 раза, политических стачках 20 раз, всего 73 раза; в уличных политических демонстрациях — 5 раз, студенческих движениях — 1 раз, подпольных кружках — 19 раз, нелегальных массовых митингах — 75 раз, маевках — 6 раз, вооруженных восстаниях

и партизанских выступлениях — 4, партконференциях — 2, партийных съездах — 4 раза. В тюрьме пробыл 2 года 1 месяц, административной ссылке — 6 лет 3 месяца, в политической эмиграции — 1 год 6 месяцев». С каким тщанием все подсчитано!

Первый нарком юстиции Г.И. Ломов писал:

«Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было учиться управлять государством.

Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России с подробным описанием режима, который в них существует. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».

Поначалу могло утешить то обстоятельство, что первое самопровозглашенное Рабоче-Крестьянское правительство звалось еще и Временным. Но недолго, лишь до расстрела мирных демонстраций и разгона Учредительного собрания 5 января 1918 года.

По воспоминаниям старого партийца А.В. Шотмана (1880—1939), он отговаривал Ленина брать власть, поскольку не видел среди большевиков людей, способных управлять государством.

«Пустяжи! — сказал Ильич. — Любой рабочий министерством овладеет в несколько дней, никакого особого умения тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов».

И назначил Шотмана заместителем наркома.

С тех пор и повелось в Стране Советов: не место красит наркома, а нарком место. Правоверный большевик, облеченный доверием партии, может руководить чем угодно, «никакого особого умения тут не требуется».

Разве могли быть плохими министрами путей сообщения такие заслуженные борцы за пролетарское дело, как крестный отец всех чекистов Ф.Э. Дзержинский или сапожник Л.М. Каганович? А если кто-нибудь сомневался в правильности предначертаний и вредительно срывал планы, тех Феликс Эдмундович расстреливал сразу, а Лазарь Моисеевич (кроме того, последовательно нарком тяжелой, топливной и нефтяной промышленности) объявлял врагами народа и отдавал в руки наследников Железного Феликса, то есть тоже расстреливал, но опосредованно.

Не был исключением в списке «старых большевиков» по вехам пройденного пути В.А. Антонов-Овсеенко, увлекшийся с семнадцати лет идеями пролетарской революции. Окончив кадетский корпус, он поступил в Николаевское военное училище. Однако, пройдя «курс молодого бойца», присягу на верность принимать отказался, мотивируя «органическим отвращением к военщине». За это Вове, потрясенному «оскорбительной обстановкой» казармы, вклеили десять суток гауптвахты, а потом вернули отцу. Повкалывав чернорабочим и кучером, через год Антонов поступил в юнкерское училище, где с энтузиазмом занимался антиправительственной агитацией и в конце концов был схвачен с подрывной литературой. Самое замечательное в этой истории — финал: выпущен офицером. Прослужил всего полгода, перешел на нелегальное положение.

Дальнейшие строки биографии содержат общие для людей его положения понятия: кружок, военный комитет, агитация, нелегальная работа, аресты, тюрьмы, эмиграция и тому подобное. Отсутствует лишь все, что относится к созидательной деятельности. Но человек, приговоренный царским судом к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой, не мог быть неспособным занимать самые высокие посты в стране: командующий войсками Петроградского военного округа, войсками Украины и начальник Политуправления РСФСР (полководец), полпред и генеральный консул (дипломат!), нарком юстиции РСФСР (и правовед).

Одна из виднейших фигур в партии — М.К. Муранов (1873—1959)— нигде и никогда не учился, в графе «образование» писал «самоучка». Зато он был наделен правом рас-

поряжаться судьбами и жизнями людей. Его должность — член Верховного суда СССР — требовала только одного — быть беспощадным «к врагам революции».

Высокие государственные и военные посты занимал Н.И. Муралов (1886—1938). 23 ноября 1917 года он, рядовой солдат автороты, стал командующим войсками Московского военного округа, позже являлся членом Реввоенсовета армий, Реввоенсовета СССР, членом президиума Госплана РСФСР и так далее. Основная его специальность — агроном, которую он приобрел в сельскохозяйственной школе.

Активный участник революционного движения в России В.В. Куйбышев (1888—1935) считался одним из наиболее подготовленных к занятию самых высоких государственных постов. Образование получил в кадетском корпусе, несколько месяцев учился на первом курсе Военно-медицинской академии, несколько недель — на юридическом факультете.

Поэтому: «Валерий Владимирович был одним из образованнейших людей своего времени. Его экономические труды и поныне представляют немалую ценность. Был он и способным литератором. Разбирался в технике, медицине, естествознании. Работал председателем Госплана, заместителем председателя Совнаркома СССР».

Авантюрист-бомбист Л.Б. Красин (четыре года ссылки, полтора года отсидок не помешали «гонимому судьбой российскому студенту» за тринадцать лет подпольной деятельности закончить образование, получить диплом инженера и высокооплачиваемую работу по специальности — все в условиях «бесчеловечного» царского режима) за неполные шесть лет успел повозглавлять Наркоматы торговли и промышленности, путей сообщения, внешней торговли, одновременно являясь полпредом в Англии и Франции. Красин — это голова.

Типична биография теоретика, организатора и практика красного террора М.И. Лациса. Старый большевик, вел нелегальную и легальную партийную работу, имел арест и находился в царской ссылке. Недостаток образования не являлся препятствием для занятия высоких партийно-государственных постов. По Лацису, в принципе те, кто «умеет

грамоте», «нашими» быть не могли. В дальнейшем пламенный чекист своих взглядов не менял:

«Юнкера, офицеры старого времени, учителя, студенчество и **вся учащаяся молодежь** — ведь это все в своем громадном большинстве мелкобуржуазный элемент, а они-то и составляли боевые соединения наших противников, из нее-то и состояли белогвардейские полки».

В 1932 году отставного палача, имевшего диплом народного учителя, назначили директором Института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

Освоился, вошел во вкус руководства людьми и скромняга Ломов (он же Оппоков). Превзойдя тонкости юстиции, перешел на хозяйственную работу и возглавил Госплан. Только Скворцов-Степанов, пожалуй, единственный, отказался заниматься не своим делом, сославшись на некомпетентность в финансовых делах.

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами, —
В чем по существу нет разницы.

Впрочем, ничем они управлять не собирались, ничего строить не планировали, тем более ничему не желали учиться. После завоевания России другая заветная цель жгла душу — освободить от гнета капитала остальную пролетариат. Главнейшей из всех программ была ленинская «Военная программа пролетарской революции»: захватив власть в одной стране, необходимо, всемерно вооружившись, выступить против других государств. Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».

Что Россия! Россия — лишь плацдарм для завоевания мира или хотя бы Евразийского континента. Как и положено «несравненному гению», Ильич мыслил масштабно: «На Россию мне наплевать. Я большевик». Очень хотелось на

штыках принести счастье всему трудящемуся человечеству, землю в Гренаде крестьянам отдать, вымыть калоши в Индийском океане.

Таким образом, с самого начала большевики объявили войну всему миру «разнузданного империализма». И в первые годы существования Советской власти главной ее целью являлось продвижение революции на Запад, Юг и Восток, создание Всемирной Республики Советов. Все богатства ограбленной дочиста страны были брошены на раздувание хаоса в разоренной войной Европе. Потоки золота и оружия шли через большевистских эмиссаров в Германию, Венгрию, Австрию, Финляндию, Швецию.

1 октября 1918 года Ленин потребовал от Троцкого и Свердлова создать к весне армию в 3 миллиона человек для «помощи международной рабочей революции». А потому — выгрести у русских крестьян вдесятеро больше хлеба, «запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих» (заметим, до этого полгода гребли хлеб для себя и для кайзера), в десять раз увеличить призыв, не жалеть денег: «Не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов».

В марте 1919 года по инициативе Вождя был создан Коминтерн — штаб мировой революции, подрывная организация с практически неограниченными финансовыми ресурсами. Послевоенные лишения, патогенность бациллы большевизма, распространяемой в благоприятной среде, оружие и без счета выделяемые деньги делали свое дело. Весной 1919 года возникли Венгерская и Баварская Советские республики. Вот он, «мировой пожар», ликовали в Кремле. Ведь именно Германия с ее могучей промышленностью и организованным пролетариатом считалась наиболее «подходящей» страной для марксистских экспериментов.

«Советская Германия, — мечтал Троцкий, — объединенная с Советской Россией, оказались бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!»

Председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев (1883—1936) печатно объявил, что буквально через год вся Европа будет коммунистической:

«Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а мо-

жет быть, и в Азию, и в другие части света» (из многочисленных высказываний ясно видно, в чем заключался процесс «строительства коммунизма»: а где у власти большевики — там и коммунизм. Чем не Чевенгур?).

Красная Армия, едва установив советскую власть на Украине, сделала первую попытку прорваться в Европу через Галицию и Бессарабию, однако сначала была задержана поляками и григорьевским мятежом, а затем разбита войсками А.И. Деникина (1872—1947). Не дождавшись помощи, Баварская и Венгерская республики пали под ударами «реакции». Несостоявшийся вождь красных мадьяр Бела Кун (1886—1939) всплыл в Москве и прославился впоследствии дикими крымскими расправами над русскими офицерами и «враждебным населением». Рассаженных по тюрьмам наркомов Советской Венгрии обменивали на пленных венгерских офицеров.

«Военная программа» дала первый сбой. В самой России в полную силу разгоралась Гражданская война, народ уже вдосталь нахлебался «пролетарской диктатуры». Ильичу со товарищи пришлось на время отложить глобальные планы и заняться работой по «очистке земли российской от всяких вредных насекомых». Европа в это время вырабатывала иммунитет и отгораживалась от зараженной Совдепии санитарным кордоном национальных государств, возникших по Версальскому договору.

Летом 1920 года была сделана новая попытка донести до немцев, французов и англичан «красную правду большевиков» — через «труп белой Польши». Войну с пресловутыми «белополяками» объявили «самой справедливой, какую когда-либо знала история».

В июле войска Западного фронта вышли к Висле и обошли Варшаву с севера. В обозе ехало будущее правительство «социалистической Польши»: Ю. Мархлевский (1866—1925), Ф. Дзержинский (1877—1926), Ф. Кон (1864—1941), Э. Прухняк (1888—1937), И. Уншлихт (1879—1938). Московские типографии в срочном порядке тиражировали их портреты с биографиями на польском языке. Вопрос советизации Польши казался Ленину уже решенным и не самым существенным. В эти дни он телеграфировал Сталину:

«Зиновьев, Каменев, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а также Чехию и Румынию».

С каждой новой верстой, оказавшейся под красным сапогом, аппетиты росли тысячекратно, захватывающие дух перспективы ударили в голову. Второй конгресс Коминтерна так сформулировал программу-минимум:

«Красная Армия, главное оружие рабочего класса, должна быть подготовлена так, чтобы выполнить свою наступательную миссию на любом участке фронта. **Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света».**

Однако и этот поход с треском провалился.

Во-первых, из-за самонадеянности командующего фронтом М.Н. Тухачевского (1893—1937), полагавшего, что на войне «революционная смелость и энергия доминируют над всем остальным».

Во-вторых, Европа не стала безучастно ждать, когда ее осчастливят, и, «мобилизовав все черные силы», оказала польскому политическому лидеру Ю. Пилсудскому (1867—1935) всю возможную материальную и военную помощь.

В третьих, польский «пролетарий» братьев по классу не признал. «Ревкомы приволжских и донских дивизий прокламировали советскую власть по-русски и на жаргоне. Для большинства поляков вопрос выглядел просто: сначала Польша, а потом посмотрим какая», — вспоминает участник событий.

14 августа поляки внезапно (кто бы ожидал!) начали контрнаступление, приведшее к сокрушительному поражению всего Западного фронта. Тем из освободителей, кто не попал в плен, пришлось пробежать 800 километров, до самого Минска. Конный корпус Г. Гая (1887—1937), прорвавшийся в Германию, там же и разоружился.

Пришлось московским советизаторам умыться, подписать с поляками мирный договор, объявить себя победителями и выплатить «побежденной» Польше 5 миллионов золотых рублей контрибуции.

Тем более что в это время из Крыма на последний бой вышла Белая гвардия «черного барона» Врангеля, полыхнули восстания в Кронштадте, главной базе Балтийского флота, и на Тамбовщине.

«Известия» восставшего Кронштадта в марте 1921 года указывали, что власть захватили авантюристы, готовые ради абстрактных идей угробить страну со всем населением:

«На горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов мы убедились, к чему приводит партийная диктатура. Немедленно на сцену выползает ряд партийных генералов, уверенных в своей непогрешимости и не брезгующих никакими средствами для проведения в жизнь своей программы, как бы ни расходилась она с интересами трудовых масс. За этими генералами неизбежно тащится свора примыкающих прихвостней, не имеющих ничего общего не только с народом, но и с самой партией. Создается класс паразитов, живущих за счет масс, озабоченных собственным благополучием, или тех, кто обеспечивает ему обеспеченную жизнь.

И какая бы партия ни стояла у власти, она не избежит роли диктатора, так как, какой бы крайне социалистической она ни явилась, у них будут программные и тактические пункты, выработанные не жизнью, а созданные в стенах кабинетов».

Но ни «контрреволюционные мятежи», ни разразившийся в России смертный голод на «программные пункты» ленинцев никак не повлияли. Матросов и крестьян показательно жестоко привели к покорности при помощи артиллерийских орудий, пулеметов, аэропланов, ядовитых газов и концлагерей.

А голод вообще оказался очень кстати. Под предлогом борьбы с ним удалось «с беспощадной решительностью» провести акцию по изъятию церковных ценностей, заодно перестреляв изрядное число «представителей черносотенного духовенства». Гигантские богатства монастырей и лавр, оценивавшиеся в несколько сотен миллионов рублей, давно грезились Ильичу. Ленин был в восторге от «комбинации»: «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются когда следует и против кого следует».

Правда, ни крошки хлеба, ни грамма муки на эти деньги не приобрели. Закупили у буржуев 60 тысяч комплектов кожного обмундирования для доблестных чекистов, снабжали оружием и золотыми слитками турков-кемалистов, оплатили установку памятника Марксу в центре Лондона, усиленно размышляли над вопросами помощи золотом и винтовками Индии.

В 1922 году в стране царил еще более страшный голод и эпидемия холеры. В сводках ОГПУ сообщалось: по Самарской губернии «...наблюдается голодание, таскают с кладбища трупы для еды. Наблюдается, детей не носят на кладбище, оставляя для питания...»; по Тюменской губернии «в Ишимском уезде из 500 000 жителей голодают 265 тысяч... Случаи голодной смерти учащаются...»

Ленин, которого уже начали мучить «кондрашки», в это время голоданием лечился, заявляя докторам, «что никогда больше есть икру не будет». Бюджет Коминтерна в 1922 году составил свыше трех миллионов рублей. Циничный краснобай Николай Бухарин (1888—1938) позже вспоминал с удовольствием: «... мы ободрали церковь как липку, и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим».

В 1923 году советское руководство выделило 300 миллионов золотых рублей на осуществление «германского Октября». Чемоданы с валютой и «бриллиантами для диктатуры пролетариата» ушли в сотрясаемую кризисом Веймарскую республику (инфляция в ограбленной победителями стране достигла такой высоты, что для покупки буханки хлеба требовалась тачка немецких марок). На нелегальную работу в Западную Европу выехали Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, В.В. Шмидт и другие видные деятели партии, слушатели Военной академии РККА, чекисты. Они формировали «красные сотни», писали инструкции для «всегерманской ЧК», раздавали оружие и деньги коммунистам, фашистам, анархистам, национал-социалистам.

Это сегодня «фашист» и «нацист» — слова ругательные, а в те поры Ленину весьма импонировали энергия и боевой задор социалиста Бенито Муссолини (1883—1945), а Н.И. Бухарин между фашистами и большевиками особой

разницы не видел. Фашизм, по мнению «ценнейшего и крупнейшего теоретика» партии, «это полное применение большевистской практики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации... и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами».

В смысле — банды одного пошиба. Что ж, ему, теоретику, виднее.

Средства тратились щедро и бесконтрольно, разрывывались миллионами. Апофеозом бурной подрывной деятельности должны были стать восстание в Берлине 7 ноября 1923 года, в день шестой годовщины Октября, и «прямая помощь пролетарской диктатуры» германской и итальянской революциям. По приказу Троцкого к западным границам СССР начали выдвигаться конные корпуса.

Правда, прагматичный Сталин относился к проекту со скепсисом: «Если сейчас власть в Германии, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем случае». А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад».

Зато был в полном восторге глава Коминтерна Г.Е. Зиновьев: «Кризис в Германии нарастает очень быстро. Начинается новая глава германской революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи... Я убежден, что скоро нам придется принимать решения всемирно-исторического характера».

Ан не обломилось и на этот раз. Рабочий класс Германии отчего-то не поддержал коммунистов, сколько-нибудь масштабных боев не получилось. Правительственные войска под руководством получившего диктаторские полномочия генерала фон Секта быстро разогнали «рабочие правительства» Саксонии и Тюрингии, «потопили в крови» вооруженное выступление красноармейцев Тельмана в Гамбурге и «пивной путч» нацистов Адольфа Гитлера в Мюнхене. Очередная авантюра провалилась. Как и вооруженное восстание «пролетариев» в Болгарии. И как предпринятая в ноябре 1924 года попытка государственного переворота в Эсто-

нии, которая должна была закончиться провозглашением «революционного правительства» и приглашением регулярных частей Красной Армии.

Европа устояла перед нашествием. Эту крепость большевикам взять не удалось. Пришлось взять мирную передышку. Осенью 1923 года началось глобальное, почти десятикратное, сокращение Красной Армии, перевод ее на миллионно-территориальный принцип.

Ленин, «горный орел нашей партии», к этому времени вел растительное существование и 21 января 1924 года представился. Зарыть его в землю, по мнению Зиновьева, «было бы слишком уж непереносимо». Поэтому Ильича забальзамировали и отвели нетленному телу персональную пирамиду на Красной площади. Петроград — «колыбель революции» переименовали в Ленинград.

Решение архисложной задачи построения социализма в отдельно взятой стране досталось И.В. Сталину. Он одним из первых понял, что произошел откат «революционной волны» и пора как-то устраиваться на оккупированных территориях. Россия, выжатая досуха, лежала в разорении и запустении. Экономика развалилась, промышленности не существовало, транспорт парализован, немногочисленный пролетариат почти уничтожен. Товарные отношения существовали лишь в форме натурального обмена. В сражениях Гражданской войны, от голода и болезней, по разным подсчетам, сгинуло от 8 (официальная цифра советского времени) до 15 миллионов человек, население Москвы уменьшилось вдвое.

Сумасшедшие деньги, щедро вбрасываемые в топку революционного паровоза, кончились. «Чтобы выиграть Гражданскую войну, мы ограбили Россию», — откровенно проговорился Троцкий.

Армии тоже не было. Специальная комиссия ЦК, изучив положение дел в РККА, в начале 1924 года вынесла вердикт: «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной запасами силы у нас в настоящее время нет».

Приехали... В Коммуне остановка.

Для начала предстояло восстановить хоть какое-то подобие нормальной жизни, обеспечить самые простые человеческие потребности. Как это сделать, никто из пламенных революционеров не знал и подобными низменными вопросами не интересовался.

Поэтому еще в 1921 году большевики со скрежетом зубным вынуждены были протрубить «временное отступление»: объявить новую экономическую политику (НЭП), разрешить «остаточные классы» — мелкую и среднюю буржуазию, частную собственность и наемный труд; отменить продразверстку, взять курс на «смычку» города с деревней, реанимировать рынок с тем, чтобы народ, пока власть будет заниматься созданием «распределительных и снабженческих аппаратов», прокормил себя сам.

Как объяснял Сталин, глупо было бы взвалить на свои плечи «неимоверное бремя устроения на работу и обеспечения средствами жизни, искусственно созданных, миллионов новых безработных. Нэп тем, между прочим, и хорош, что он избавляет пролетарскую диктатуру от таких и подобных им трудностей».

В самой РКП(б), между тем, разворачивалась борьба за Верховное Кресло в пирамиде красных диктаторов, которую с первых дней революции любовно, под себя, отстраивал усопший Вождь. Укрепляя машину беспрекословного подчинения, он успел провести на X съезде партии, состоявшемся в марте 1921 года, резолюцию о запрете всякой фракционности и роспуске всех групп, образовавшихся на любой, кроме большевистской, платформе. Данная резолюция ознаменовала закономерный переход от «беспошадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян» к применению подобных мер к членам партии.

Без Ленина, естественно, необходимо было сплотиться еще сильнее. И главное, не сломать саму «машину», в этом вопросе были едины все члены Политбюро.

Троцкий представлял партию как некий коммунистический орден самураев. Сталин писал о «своего рода ордене меченосцев», спаянных единой волей и беспримерной железной дисциплиной: «Партия есть единство воли, исклю-

чающее всякую фракционность и разбивку власти в партии». Вот только желающих стать «великим магистром» хватало. В составе «капитула» — сплошь авторитетные вожди, старая партийная гвардия:

Вождь Октября, создатель Красной Армии, председатель Реввоенсовета, нарком по военным и морским делам, нарком путей сообщения, зажигательный оратор и героический герой товарищ Лев Давидович Троцкий-Бронштейн.

Вождь Коминтерна и Ленинградской партийной организации, деливший с Лениным спальное место в сакральном шалаше, товарищ Григорий Евсеевич Зиновьев.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР, первый после Ленина, товарищ Алексей Иванович Рыков.

Председатель Совета Труда и Оборона товарищ Лев Борисович Каменев-Розенфельд, сподвижник Ильича, хранитель его личного архива.

Вождь профсоюзов товарищ Михаил Павлович Томский, матерый подпольщик, десять лет отстрадавший за дело пролетариата в тюрьмах и ссылках (из них пять лет каторжных работ, неужто вправду всего лишь «за принадлежность к партии»?).

Любимец партии и тоже вождь товарищ Николай Иванович Бухарин. В детстве сей вундеркинд воображал себя Антихристом и допрашивал свою мать — «женщину очень неглупую, на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную — не блудница ли она, что, конечно, повергало ее в величайшее смущение». Путем упорного самообразования, «усиленно работая в библиотеках», Коля Балаболкин вырос в ба-а-альшого теоретика, например: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Или член ЦК, перековавшийся из анархиста в правоверного большевика, Г.Л. Пятаков, даже Ленина пугавший своими «выдающейся волей и выдающимися способностями».

ми». Георгий Леонидович придумал универсальный большевистский ключ для решения любых задач:

«Когда мысль держится за насилие, принципиально и психологически свободное, не связанное никакими законами, ограничениями, препонами — тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, падает до нуля. Беспредельным расширением возможного, превращением того, что считается невозможным, в возможное, этим и характеризуется большевистская коммунистическая партия. В этом и есть настоящий дух большевизма. Это есть черта, глубочайше отличающая нашу партию от всех прочих, делающая ее партией «чудес».

Просто сверхчеловек какой-то! Кровавый путь «чудотворца»-беспредельщика в конце концов закончился «стенкой», но умиляет эпитафия в нынешних энциклопедиях: «Необоснованно репрессирован».

Их портретами обклеивали улицы и учреждения, фотографиями «творцов и руководителей» украшались календари, именами называли города. На карте Советского Союза появились новые географические названия — Троек, Зиновьев, Каменев.

Кандидатура «серой посредственности», недалекого провинциала, «недоучившегося семинариста» Сталина, теоретическими изысканиями не прославившегося, командовавшего всего-то Секретариатом, как претендента на пост «великого магистра», среди «маршалов Ильича» не котировалась.

«...Прошлая его деятельность оставалась фактически неизвестной не только народным массам, но и партии. Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже до 23–24-го годов... Зиновьев относился к Сталину осторожно-покровительственно. Каменев — слегка иронически», — утверждал Лев Давидович.

«Вождем уездного масштаба» считал генсека Лев Борисович Каменев.

«Ничего, — снисходительно кивал Николай Бухарин, —

нам нужны такие, а если он невежественен и малокультурен», то «мы ему поможем».

Они, пробившие Сталина на пост Генерального секретаря и яростно противодействовавшие ленинской рекомендации подобрать более терпимого товарища, собирались использовать его, «фигуру второго или третьего плана», в качестве союзника в борьбе с несомненным «принцем» Троцким.

А Коба — истинный конспиратор, подпольщик-практик — разводил этих пламенных трибунов, как мальчишек. Он уже сосредоточил в своих руках необъятную власть, а они этого не поняли и предостережениям не вняли. Он переставлял кадры, те самые, которые, как известно, решают все, а они витийствовали на заседаниях и красовались в президиумах, рассчитывая, что «шашлычник» выполнит черную работу для них. Они верили в силу великих идей и своего раздутого авторитета. Сталин же понял силу бюрократического аппарата, позволявшего законно, демократично, путем хорошо подготовленного голосования (этой методикой виртуозно владел Ленин, а Иосиф Виссарионович умел учиться) принимать нужные решения, превращавшиеся в силу партийной дисциплины в нерушимый закон. Когда вожди «планетарного масштаба» осознали свою ошибку, оказалось поздно.

Но сначала «правящая тройка» — Зиновьев, Каменев, Сталин — в полном согласии делала одно общее дело: вышибала из седла Льва Троцкого. Ничего личного, исключительно ради единства партии. Способ избрали самый простой. Все теоретические воззрения, идеи, высказывания «демона революции» объявили «троцкизмом», все, что бы он ни предлагал, — антипартийной крамолой, всех его сторонников — «троцкистами». Само собой, троцкизм находился в «непримиримом противоречии» с ленинизмом, являлся «уклоном в сторону».

Правда, если внимательно перечитать «три особенности троцкизма», то самая главная ересь Троцкого — претензии на первенство, «недоверие к лидерам большевизма, попытка к их развенчанию», в остальном никакой разницы.

В организованной против него кампании Троцкий про-

игрывал по очкам. Идеологу перманентной революции была скучна аппаратная возня. Неинтересно ему было что-то там строить в отдельно взятой стране, хотелось великих свершений, грандиозных трагических ролей на исторической сцене. Он жил прошлым. Его идейные соратники точно так же были не приспособлены к мирной жизни, испытывали отвращение к каждодневной систематической работе. Один из таких жаловался на жизнь: «.. вместо того, чтобы готовить тайную революционную борьбу, я оказался занят подготовкой консульской карьеры... Вместо того, чтобы быть агитатором или организатором восстания, я буду чиновником».

Вот в чем трагедия фанатиков «мирового пожара». А ведь совсем недавно они знавали другие, славные времена. К примеру, в 1919 году собирался на войну за счастье германского пролетариата большевистский эмиссар Я.С. Рейх: «Инструкции Ленина были кратки: «Возьмите побольше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка». Затем ленинский банкир Ганецкий «выдал 1 миллион рублей в валюте — немецкой и шведской и повел меня в кладовую секретной партийной кассы... Повсюду лежали золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, кто-то явно пытался сортировать и бросил. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит «выбирайте!»... Наложил полный чемодан камнями, — золото не брал: громоздко. Никакой расписки на камни у меня не спрашивали, — на валюту, конечно, расписку я выдал» (впрочем, и выдаваемую под расписки валюту «товарищ Томас» воровал миллионами).

Ныне, вместо того чтобы заниматься подрывной деятельностью, вести массы за собой, глаголом жечь сердца людей, свергать угнетателей, рушить троны, экспроприировать чужую собственность, не думая о хлебе насущном, когорте романтиков революции предлагалось буднично ходить на службу и отрабатывать жалованье. Неудивительно, что возврат к нормальной жизнедеятельности, заботы об интересах одного лишь СССР, когда кругом по-прежнему правят буржуи, представлялся им реакцией, термидором

(человеком подобного склада был Эрнесто Че Гевара, заскучавший на освобожденной от диктатуры Батисты Кубе, бросивший все свои министерские портфели и сложивший голову в борьбе с империализмом в джунглях Боливии).

Кроме того, «во всякой политической борьбе большого масштаба можно, в конце концов, открыть вопрос о бифштексе. Перспективе «перманентной революции» бюрократия противопоставляла перспективу личного благополучия». Так за это же и боролись, за лучшую жизнь. Для этого и брали власть. Революция победила, пришла пора делить материальные блага.

Степень доступа к ним зависела от занимаемой должности, места в партийной иерархии, успешности карьеры. При этом власть на местах от чрезвычайных органов военного времени переходила в руки первых партсекретарей. А их назначением ведал товарищ Сталин. Он стал их вождем, кропотливо, с помощью ближайших сотрудников В.М. Молотова и Л.М. Кагановича, выстраивая свою пирамиду власти, тщательно подбирая и расставляя лично преданных ему людей, не претендующих на политическое лидерство. Функционеров. Номенклатуру. Им, как и основной массе большевиков, было глубоко плевать на угнетенных всех без исключения стран.

Преданных Сталину людей оказалось немало. «Но это была преданность особого рода, — обличал Троцкий. — Не преданность учеников к учителю, который обогатил их мысли, а преданность людей, которых вождь вывел из ничтожества и которым он помогает обеспечить привилегированное положение».

То ли взаправду Лева был такой наивный, то ли прикидывался. К троцкистам примкнули те, кому не хватило бифштекса: обиженные «герои» Гражданской войны, оттесненные от штурвала комиссары волостных совнаркомов, председатели бутафорских республик, ревкомов, чрезвычайек, прочие «красные диктаторы», вкусившие «радости» под хруст «ломаемых жизней и костей». Обиженные борцы, в награду за «свою беззаветную преданность» получившие дырку от бублика, требовали продолжения революции, обвиняя партийную верхушку в перерождении.

Троцкий пытался выступить под флагом борца за внутрипартийную демократию, против запрета на фракционную борьбу мнений. Он утверждал, что фракционность неизбежно связана с жизнью и развитием партии. Его били резолюцией X съезда, обвинениями в бонапартизме, решениями пленумов, где решающие голоса принадлежали расставленным Сталиным и Молотовым кадрам. Да и сам «железный нарком» в ризах демократа выглядел неестественно. Он прекрасно понимал и сам это проповедовал: марксов социализм есть тоталитарная система, партийная бюрократия является ее главной опорой, а мифическая «пролетарская диктатура» — лозунгом, позволяющим оправдать любезные сердцу марксистов неестественные никакими законами насилие и террор.

Ленин писал: «Без «аппарата» мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма». Сталин в статье «О дискуссии» вполне резонно указал, что все вопли оппозиции о демократии есть лишь стремление развратившихся и отодвинутых от кормушки партийных вельмож вернуть былое влияние:

«В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, «демократизм» которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выл весь Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого до сих пор воет Хорезм. Думает ли Сапронов, что если нынешних «партийных педантов» сменят поименованные выше «уважаемые товарищи», демократия внутри партии восторжествует? Да будет мне позволено несколько усомниться в этом».

Сталин занял выгодную позицию: он — за коллегиальное руководство, он — борец с «культом личности». Он спрашивает с трибуны: «Существует ли ЦК, единогласные решения которого уважаются членами этого ЦК, или существует лишь сверхчеловек, стоящий над ЦК, сверхчеловек, которому законы не писаны?» Он требует подчинить личные амбиции общим интересам: «Троцкий не понял, что у партии вы-

росло чувство силы и достоинства, что партия чувствует себя хозяином и она требует от нас, чтобы мы умели склонить голову перед ней, когда этого требует обстановка».

Особое значение в этой схватке имела борьба за Вооруженные Силы, где у Троцкого был огромный авторитет. Большинство ключевых постов в центральных военных учреждениях занимали выдвинутые им в ходе Гражданской войны, преданные ему люди. Во всех казармах, красноармейских клубах, красных уголках были развешены транспаранты и плакаты, где Троцкий именовался вождем и руководителем Красной Армии, на собраниях военнослужащих он избирался в почетный президиум, зачислялся в списки части почетным красноармейцем и краснофлотцем, в его адрес направлялись принятые резолюции и тосты, его биография и военные победы изучались на политических занятиях.

Руководство Реввоенсовета Республики целиком было троцкистским и не скрывало, что армия имеет собственное мнение по поводу внутривнутрипартийных разборок. Так, начальник Политуправления РВСР Антонов-Овсеенко, герой Октября, руководивший штурмом Зимнего и арестом Временного правительства, в конце декабря 1923 года от имени «работающих в армии товарищей» прислал в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК угрожающего содержания письмо, в котором предупреждал, что военные могут «обрести голос и призвать к порядку «зарвавшихся вождей»:

«Среди военных коммунистов уже ходят разговоры, что нужно поддержать всем, как один, т. Троцкого... Партию и всю страну, вместо серьезного разбора серьезных вопросов, кормят личными нападками, заподозрениями, желчной клеветой, и это возводят в систему, как будто в сем и состоит широко возвешенный новый курс... Знаю, что этот мой предостерегающий голос на тех, кто застыл в сознании своей непогрешимости историей отобранных вождей, не произведет ни малейшего впечатления. Но знайте — этот голос симптоматичен. Он выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою беззаветную преданность партии в целом, интересам коммунистической революции».

Ответные меры последовали незамедлительно. Срочно созванный 12 января 1924 года партийный Пленум признал «особенно опасной эту работу оппозиции в Красной Армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии — ЦК». Последовавшая за этим XIII Всесоюзная партконференция потребовала усилить партийную работу в армии, а «за попытки вести фракционную работу в рядах Красной Армии... карать особенно сурово». Впавший в истерику Зиновьев требовал немедленного ареста Троцкого. Однако подобные действия были чреваты опасными последствиями, да и Лев не делал резких движений, уложенный в постель «криптогенной лихорадкой».

Февральский Пленум ЦК отметил «наличие в армии серьезных недочетов, угрожающих армии развалом» и поставил задачу оздоровить и укрепить Вооруженные Силы. Уже 2 марта Антонов-Овсеенко, как фракционер, подрывающий авторитет Центрального Комитета в армии, был снят, а его место занял заведующий Агитпропом (отделом агитации и пропаганды) А.С. Бубнов (из старой гвардии, по профессии, нетрудно догадаться, литератор; перечень заслуг в борьбе с царизмом включает 13 арестов и 4 года отсидок; после революции устанавливал Советскую власть на Украине, орден Красного Знамени получил «за личную храбрость и мобилизацию бойцов на очищение Кронштадта от контрреволюционных банд»).

Андрей Сергеевич был известен тем, что неоднократно участвовал в различных оппозиционных группировках и фракциях, за что в свое время из кандидатов в члены ЦК РПК был удален комиссарить в Северо-Кавказский военный округ. Но мало кто знал, что Бубнов (не сталинист, а скорее бухаринец) был яростным противником Троцкого, вот почему в мае 1922 года Сталин перетянул «изжившего свои ошибочные взгляды» Бубешку из Ростова в Москву и дал шанс, обеспечив ответственным постом.

11 марта 1924 года отправили в отставку бессменного заместителя наркома и заместителя председателя Реввоенсовета, несостоявшегося медика Эфраима Склянского (1892—1925). Его обвинили в том, что он и возглавляемая им цен-

тральная группа РВСР со своими обязанностями не справляются и систематической военной работой не занимаются. Поводом послужил доклад комиссии С.И. Гусева об итогах проверки РККА, пришедшей к выводу, что армия небоеспособна.

На освободившиеся должности назначили М.В. Фрунзе — креатуру Зиновьева. Вскоре Михаил Васильевич совместил еще два ответственных поста — начальника штаба РККА и начальника Военной академии РККА. Был образован новый состав Реввоенсовета. Председателем пока оставался Троцкий, но совет оказался значительно «оздоровлен» его оппонентами: С.М. Буденным, К.Е. Ворошиловым, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Каменевым, М.М. Лашевичем, М.Н. Тухачевским.

В апреле чекист И.С. Уншлихт возглавил Управление начальника снабжений РККА. В мае убежденного троцкиста Н.И. Муралова на посту командующего войсками Московского военного округа сменил Ворошилов. Комиссия под председательством Бубнова провела чистку преподавательского состава академий и вышвырнула в отставку 199 «чуждых Советской власти или не имеющих достаточного профессионального уровня элементов».

На IX Всекрымской областной партийной конференции новый начальник ПУРа продемонстрировал, что твердо вернулся «на ленинские позиции» и доверие оправдывает. Критикуя компромиссное решение крымских коммунистов, посчитавших антитроцкистскую кампанию внутренними московскими делами, Бубнов заявил: «Вы оправдали этим оппозицию и обвинили руководящих товарищей, то есть основную группу ЦК партии... Троцкизм надо бить беспощадно и прямо».

Одновременно правящая тройка урезала финансирование военных расходов. Армия буквально нищенствовала. Реввоенсовет сообщал, что «ассигнования, произведенные на армию на февраль и на март, ставят армию в совершенно тяжкое положение, еще более ухудшающее ее нынешнее положение». В ответ правительство выражало намерение еще более сократить военный бюджет даже «за счет значи-

тельного сокращения боеспособности Красной Армии в течение летнего периода».

В августе Реввоенсовет принял специальное постановление, в котором говорилось, что сокращение сметы до 380 млн рублей неизбежно приведет к сокращению численности армии, а «армия такой численности, т.е. ампутированная на 1/3, ни в коем случае не может отвечать задачам обороны, имея в виду реальные силы возможных врагов». Правительство отвечало, что «дело не в порядке выдачи ассигновок и не в недостатке кредитов, а в организационной стороне дела, в дефектах организационного характера». Мол, не умеете вести хозяйство. Пришлось 610-тысячные вооруженные силы сократить еще на 50 тысяч человек.

Притом что введение НЭПа позволило в значительной степени восстановить экономический потенциал страны, и 1924 год оказался в этом смысле весьма удачным. То есть развал армии в условиях растущей экономики диктовался исключительно логикой внутрипартийной борьбы. Сразу после устранения Троцкого деньги на армию нашлись.

Работа по вытеснению сторонников Троцкого из военного ведомства приняла массовый характер в ходе одного из основных мероприятий военной реформы — введения единоначалия. Ряд видных полководцев — Федько, Фабрициус, Лацис, Дыбенко, Якир, Вострецов... — обратились в Центральный Комитет с докладной запиской «Об итогах строительства Красной Армии к 6-й годовщине ее существования», в которой утверждали, что в войсках выросло достаточное количество преданных Советской власти командиров, способных обойтись без опеки комиссаров, превратившихся в тормоз военного строительства и занимавшихся в основном склоками и доносами. Ну, писать доносы — самая прямая комиссарская обязанность, но властные их полномочия решили слегка ограничить.

Сталин переадресовал письмо Бубнову. Тонкость в том, что буквально за год до этого именно Андрей Сергеевич принципиально возражал против приказа Реввоенсовета №-511, допускавшего отсутствие комиссара даже при беспартийном начальнике и тем самым «неоправданно сужавшего роль комиссаров в Красной Армии». Партии тогда

пришлось поправить преждевременную инициативу товарища Троцкого. Однако теперь — совсем же другое дело!

Тщательно все взвесив, Бубнов предложил не форсировать введение единоначалия, а растянуть процесс во времени, не оказывать всем командирам огульное доверие, а подходить к каждому индивидуально в зависимости от уровня подготовки. Заодно переаттестовать весь командный и политический состав. А еще заодно, как выяснилось, и пересчитать, поскольку обобщенными сведениями о численности командиров, как и системой учета личного состава в армии, Штаб РККА не располагал.

В июне 1924 года была создана комиссия Оргбюро ЦК ВКП(б) по военным вопросам под председательством Бубнова. В рамках комиссии образовали специальную подкомиссию, имевшую исключительные полномочия по проверке деловых, профессиональных качеств и политических взглядов всего начальствующего состава. Члены комиссии определяли пригодность каждого командира и комиссара на роль командира-единоначальника на основании двух критериев: принадлежность к большевистской партии и умение проводить воспитательную работу среди подчиненных. Понятно, что сторонники Троцкого быть «умелыми проводниками политики партии» никак не могли.

В декабре 1924 года пленум РВС утвердил представленную Бубновым инструкцию по практическому осуществлению единоначалия и поручил проведение ее в жизнь Политуправлению РККА. Инструкция рекомендовала рассматривать введение единоначалия не как ликвидацию политсостава, а как способ совмещения функций партийного руководства, политического воспитания и военного обучения в одном лице. Проще говоря, каждый командир должен был стать в первую очередь комиссаром. Второй вариант — комиссара и сделать командиром.

Поэтому пленум принял резолюцию, в которой отмечалось, что единоначалие необходимо вводить в двух формах. Полное единоначалие предполагалось, когда командир являлся членом партии и был облечен ее доверием. При таком командире назначался заместитель по политической части. Неполное единоначалие вводилось, когда командир был

беспартийным или признан «недостаточно подготовленным» в политическом отношении. В этом случае при нем сохранялся чистокровный комиссар. 6 мая 1925 года ЦК принял постановление «О единоначалии в Красной Армии», в котором одобрялась проделанная в этом направлении работа и давались директивные указания о постепенном переходе к единоначалию, не снижая роли политсостава.

Бубнов указывал: «Не надо думать, что мы, выдвигая кандидатов на ответственные должности в качестве единоначальников, — замахиваемся на такой ценнейший институт, как комиссарский состав нашей армии. Ведь в армии остается громадный процент беспартийного командного состава. При полном доверии к нему мы тем не менее не можем допустить передачи ему руководства политической работой и тем более — партийной... Великую армию политруков надо сохранить и укрепить». Одновременно — неуклонно увеличивать партийную прослойку среди командного состава. Бубновский пятилетний план предусматривал 100-процентное членство в партии командиров полков, дивизий и корпусов и не менее 60% командиров рот.

Введение единоначалия при сохранении «великой армии политруков» дало в руки партийного аппарата во главе с генсеком неограниченные возможности назначения, перемещения и освобождения от должности начальствующего состава армии и флота (работали вдумчиво, даже в конце 1928 года половина командиров были все еще «неполными» единоначальниками), что в итоге обеспечило Сталину полную победу в борьбе за армию.

Надо сказать, что Лев Давидович особо и не сопротивлялся. По окончании Гражданской войны блистательный лидер классовой борьбы зачах в атмосфере «идейной оседлости», часто и со вкусом хворал, страдая загадочной болезнью, избегал партийных шашаей и публичных дискуссий, лишь изредка строчил письма в Центральный Комитет, публиковал статьи в «Правде» и, отдыхая на курортах, «всем своим существом ассимилировал уверенность в своей исторической правоте».

Осенью 1924 года нарком выступил с большой статьей

«Уроки Октября», в которой пенял Зиновьеву и Каменеву на их старые грехи, напоминал о собственных заслугах в деле организации Октябрьского переворота и пытался выставить себя в качестве единственного и естественного преемника Ленина. Реакцию сторонников тройки нетрудно предвидеть: каждый написал по статье, где поведение Троцкого прямо называлось уже не фракционным, а антипартийным, указывалось его меньшевистское прошлое. И вообще, оказалось, что Лев Давидович не только не являлся сколько-либо выдающимся деятелем русской революции, но, наоборот, всю сознательную жизнь только и делал, что вредил Ленину и ленинизму.

Ты, Лева, тиснул зря уроки Октября.

Развернулась широкая работа по развенчанию мнимых заслуг «вождя Красной Армии», вытеснению из сознания начальствующего состава и красноармейцев представления о Троцком как о выдающемся военном деятеле. В ноябре 1924 года совещание начальников политорганов под председательством Бубнова приняло резолюцию с требованием изменить уже утвержденную тематику политзанятий. Вместо заучивания лозунгов вроде «Вождь Красной Армии тов. Троцкий» в новой программе политпросвещения предписывалось изучать деятельность большевистской партии как организатора и вдохновителя всех побед, в том числе в борьбе с троцкизмом, являющимся разновидностью меньшевизма. Из казарм начали выносить портреты «идола красноармейцев».

Во весь голос, ничего не скрывая, партия указала на истинного создателя и непосредственного руководителя Красной Армии — Владимира Ильича Ленина. Именно из его гениальной головы появились планы разгрома Колчака, Деникина, Врангеля и прочих юденичей, из его ценных указаний черпали вдохновение командующие фронтами. Цельный институт Имени Его начал работу над сборником «Ленин и Красная Армия». И здесь Бубнов проявил догадливость: поняв, кто на самом деле заказывает музыку, он умудрился отстранить от участия в редактировании книги члена Политбюро, создателя и директора того самого ин-

ститута Льва Каменева: «Людам, склонным к извращению ленинизма, А.С. Бубнов боялся доверить издание трудов вождя».

В качестве доказательства выдающихся военно-теоретических познаний «гениального стратега и тактика» были заново переписаны (все тем же неутомимым Бубновым) и опубликованы ленинские выписки из сочинений Клаузевица, высказывания и директивы, сыгравшие «решающую роль в обороне Советской Республики».

Тиражировались и превозносились ленинские глубоко-мысленности на военную тему: «...вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься...». А вот уже вдумался: «Готовьтесь серьезно, напряженно, неуклонно к защите отечества, к защите социалистической Советской республики!»

Во всех ротах и равных им подразделениях красные уголки переименовывались в Ленинские, все казармы и плацы украсились памятным каждому служивому лозунгом: «Учиться военному делу настоящим образом».

Самый верный ученик декламировал чуть ли не в рифму:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних — по Ильичу».

Но всех переплюнул бывший управделами Совнаркома, задвинутый на «научную работу» В.Д. Бонч-Бруевич (1873—1955): «Там, где идет он, все одухотворяется новой жизнью, зима сменяется весной, ледяные покровы тают, снег орошает землю, и под его ногами вырастают и расцветают прекрасные, благоухающие цветы, и путь его обрамляется цветущими широколистными лилиями».

Новые инструкции требовали усилить работу по разъяснению заслуг животворяще благоухающего Ильича в победе Октября и истории его принципиальной борьбы с троцкизмом: «Партия никому не позволит исказить заветы Ленина!» Из «демона революции» вдохновенно лепили «иудушку» Троцкого.

Объект травли, обложенный со всех сторон, в полемику

больше не вступал. 15 января 1925 года он написал заявление с просьбой «в интересах дела» поскорее снять с поста наркома, выразив готовность работать «куда партия пошлет», и продолжил пестовать любимую лихорадку. Ну, что ж, развел руками Сталин: «Если после каждой атаки Троцкого на партию его начинает бросать в жар, то партия в этом не виновата». А заявление примем к сведению.

На собранном спустя два дня Пленуме ЦК РКП(б) по многочисленным требованиям высших политработников и военных партийных организаций было принято решение об освобождении «ревизиониста» Троцкого от обязанностей председателя Реввоенсовета и наркомвоенмора. 26 января постановлением Президиума ЦИК СССР на эти должности был назначен Фрунзе, его заместителем стал Ворошилов. Не забыли и командовавшего войсками Северо-Кавказского округа Муралова: его отозвали в столицу и дали бутафорскую должность — для «особо важных» поручений при РВС.

Сразу после отлучения Троцкого от руководства армией Военное ведомство получило крупные дополнительные ассигнования и значительно повысило жалованье всему начсоставу. На том же январском пленуме Сталин предложил всячески поддержать просьбу нового наркома о дополнительном финансировании:

«У нас сложилось некоторое ликвидаторское настроение в отношении армии... Я должен заявить самым категорическим образом, что нужно решительно ликвидировать это ликвидаторское настроение... мы должны пойти навстречу, решительно и бесповоротно, требованиям Военного ведомства».

Антитроцкистская кампания тем не менее не теряла своего накала. Уже 31 января в войска был направлен циркуляр Политуправления РККА, в котором политическим органам предписывалось продолжать работу по искоренению и разоблачению троцкизма среди личного состава. Собственно говоря, эта работа не прекращалась до 1941 года.

Удаленных с ключевых постов видных троцкистов не репрессировали, упаси бог! Время еще не пришло. Их направляли на хозяйственную или дипломатическую работу.

Склянского, например, поставили председательствовать правлением треста «Моссукно», Антонова назначили полпредом в Чехо-Словакию, вождя червонного казачества Примакова — военным советником в Китай.

Вытеснению из сознания военнслужащих имен Троцкого и его команды способствовала широкая пропаганда заслуг его преемника. Биография Михаила Васильевича Фрунзе (1885—1925), старого большевика (два смертных приговора, восемь лет каторги), военного самородка, прославившегося победами над Колчаком и Врангелем, в обязательном порядке стала изучаться в системе политической подготовки личного состава армии и флота. Его деятельность превозносилась в периодической печати, издавались его статьи и выступления. Фрунзе все чаще именовали одним из виднейших полководцев Гражданской войны, выдающимся практиком военного строительства. В выступлениях и публикациях Сталина и его сторонников настоятельно подчеркивалась несовместимость взглядов Троцкого и Фрунзе на основные мероприятия военной реформы.

Фрунзе мечтал создать новую теорию пролетарского военного искусства, Троцкий ехидно интересовался: а «может ли марксизм научить плести лапти?» Троцкий всего-то и предлагал, что создать программу обучения красноармейца, заняться решением бытовых вопросов в армии. Он считал, что в условиях царившей в стране разрухи при практически отсутствии нормального финансирования большего сделать просто нельзя. Фрунзе настаивал, что реформа необходима, но в первую очередь надо выработать единство взглядов по основным вопросам строительства армии и военного искусства. Он додумался до тривиальной, но слишком глубокой для красных первоконников мысли: оказывается, каждое приличное государство, пусть даже и советское, должно иметь военную доктрину, и посвятил этой проблеме теоретическую работу «Единая доктрина и Красная Армия».

Военной доктриной Фрунзе называл «принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил, методы боевой подготов-

ки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны».

Иными словами, сначала надо разобраться, к какой войне мы будем готовиться, «должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние. От ответа на этот вопрос зависит «весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных войсковых соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны».

Для Фрунзе, убежденного марксиста, ответ ясен. Он и мысли не допускал о мирном сосуществовании двух разных типов государств:

«Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть... Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда сложится благоприятная обстановка».

Если докопаться до первоисточника, то здесь Михаил Васильевич дословно цитирует резолюции Второго конгресса Коминтерна. Исходя из вышесказанного, политическая часть военной доктрины «не может не быть активной в самой высокой степени».

Вывод: необходима безоговорочная милитаризация всей жизни государства, «энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи», сознание каждого жителя «должно быть пропитано той мыслью, что наша страна по-прежнему находится в положении осажденной крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал», пропагандистский аппарат должен готовить «ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии...».

Все учреждения, организации, отрасли промышленности, наука, образование, медицина — ВСЕ должно строиться и исходить в своей работе из перспективы грядущей войны.

Большевики прекрасно понимали, что их коммунизм может победить окончательно только тогда, когда на земном шаре не останется свободных от него территорий, когда в казармы, освещенные «лампочками Ильича», будет загнано все человечество, или те самые десять неистребленных процентов «человеческого материала». Об этом писал Маркс. Об этом писал Ленин:

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе... Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен».

Прекрасно понимал суть проблемы и Сталин, когда указывал: «Одно из двух: либо мы рассматриваем нашу страну как **базу пролетарской революции**... Либо мы базой революции не считаем нашу страну, данных для построения социализма не имеем, построить социалистическое общество не можем, — и тогда, в случае оттяжки победы социализма в других странах, должны мириться с тем, что капиталистические элементы нашего народного хозяйства возьмут верх, **Советская власть разложится, партия переродится**. Вот почему потеря международной революционной перспективы ведет к опасности национализма и перерождения». В конце концов так и случилось. Но, как видим, в 1924—1925 годах никто из советского руководства отказываться от революционной перспективы не собирался.

Суть теоретических разногласий между Троцким и Сталиным заключалась лишь в том, что первому не терпелось завоевать мир сразу, «перманентно», поскольку он считал, что «только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» возможен «подлинный подъем социалистического хозяйства в России», а второй выступал за то, чтобы

накопить силы, создать в СССР «базу» и проводить постепенную эскалацию революций.

Сталин прогнозировал:

«Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения новых стран от системы империалистических государств... Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, **чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма**».

Таким образом, на данном этапе «военная программа» заключалась в том, чтобы превратить страну в мощный плацдарм для дальнейшего экспорта мировой революции и ждать/создавать «благоприятную обстановку», когда нас «вынудят перейти к нападению». Сталин уже понял: никто, кроме него, решить эту грандиозную задачу не способен — одни пустозвоны кругом.

Троцкий «не верил в крестьянство», говоря, что оно, мелкобуржуазное по классовой сущности, за пролетариатом в социализм не пойдет, «отвернется» от него. А потому рабочий класс, «с государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европейской реакцией перед собой, он бросит своим братьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Сталин тоже не верил в крестьянство, но не мог же он сказать, что спор не о крестьянстве идет, а о власти. Поэтому он обвиняет оппонента в недоверии к крестьянству, которое на самом деле является «третьим нашим союзником»: «Крестьянин наш союзник, причем такой союзник, который дает нам прямую помощь теперь же, дает армию, хлеб и пр. ... и мы должны уметь ценить этого союзника именно теперь, особенно теперь».

А главное — пора добиться монолитного единства, положить конец «фракционной вакханалии» и выработать конкретную программу дальнейших действий, пора заняться

делом: «Мы не можем двигаться вперед, не зная, куда нужно двигаться, не зная цели движения. Мы не можем строить без перспектив, без уверенности, что, начав строить социалистическое хозяйство, можем его построить. Без ясных перспектив, без ясных целей партия не может руководить строительством». В конце концов, либо мы можем строить социализм, либо «мы не в состоянии» и должны «честно и открыто отойти от власти и вести курс на организацию новой революции в СССР в будущем».

Неудивительно, что единая доктрина Фрунзе получила полное одобрение партийного руководства. Правда, воплощать ее в жизнь самому Михаилу Васильевичу не пришлось. 31 октября 1925 года он скончался в палате Боткинской больницы после назначенной решением Политбюро, казалось бы, несложной операции по поводу язвы желудка. Как сообщали газеты, на лице покойника застыла «радостная улыбка» — перед смертью ему прочитали ободряющую записку от любимого товарища Сталина. После смерти Фрунзе единодушно канонизировали. В знак траура приказом Реввоенсовета даже отменили воинские парады в день восьмой годовщины Октября.

Новым наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета республики стал Климент Ефремович Ворошилов (1881—1969), безусловный сталинский кадр, его заместителями Михаил Михайлович Лашевич (1884—1928) — из зиновьевцев, и Иосиф Станиславович Уншлихт — это свой человек.

Таким образом, используя основные мероприятия военной реформы для перевода армии под свое непосредственное влияние, ЦК РКП(б) во главе со Сталиным была создана принципиально новая система политического и административного руководства Советскими Вооруженными Силами. Главенствующее положение в этой структуре заняло политическое руководство, и такое положение вещей сохранялось до самого конца существования Советского Союза.

В условиях, когда с введением единоначалия принадлежность командного состава к Коммунистической партии

стала определяющим критерием при продвижении по службе, значительно повысилась роль партийных организаций и политорганов в решении кадровых вопросов. Был принципиально изменен статус Политуправления Реввоенсовета СССР. Его начальник А.С. Бубнов в апреле 1925 года стал секретарем Центрального Комитета партии. Само же Политуправление выводилось из состава Реввоенсовета, становилось Политуправлением РККА и получало права отдела ЦК ВКП(б). В итоге вся вертикаль армейских политорганов и парторганизаций теперь непосредственно замыкалась на центральный партийный аппарат, возглавляемый Сталиным. Все организационные связи армейских политорганов и партийных организаций с местными партийными комитетами были ликвидированы.

В результате в короткие сроки в Военном ведомстве была создана качественно новая, строго иерархическая партийная структура, не подчиненная ни территориальным партийным органам, ни высшему военному руководству, находящаяся в прямом и непосредственном ведении ЦК партии, а в конечном итоге его Генерального секретаря — И.В. Сталина. По позициям Троцкого и его сторонников в армии был нанесен сокрушительный удар. Самое главное, на обозримую перспективу исключена была возможность деятельности в Вооруженных Силах какой-либо иной политической силы, кроме Коммунистической партии. Руководство партии Вооруженными Силами стало «основой основ военного строительства» на все последующие десятилетия.

В 1925 году Сталин — уже признанный кормчий и единственный толкователь ленинского учения (во всех его выступлениях, густо пересыпанных цитатами, заклинанием звучало: «Так говорил Ленин»). Песен о нем еще не пели, но в апреле город Царицын переименовали в Сталинград.

Зиновьев, считавший себя законным престолонаследником, с удивлением понял, что Сталин оказался мастером политической интриги, переиграв его по всем статьям. Растеряв все свое самодовольство — «На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав», — Зиновьев и Каменев кинулись к Троцкому, жало-

ваться на коварство «азиата». В самом деле, была у генсека, сам признавался, такая милая манера: «Наметить жертву, все подготовить, беспощадно отомстить, а потом пойти спать». Но кого интересуют крики проигравших.

На XIV съезде партии, состоявшемся в декабре 1925 года, Зиновьев, последний раз выступивший с отчетным докладом, критиковал Сталина, его методы руководства, предлагаемые им пути развития народного хозяйства страны. Вслед за ним Каменев потребовал отставки Генерального секретаря. Прикормленные сталинские «партайгеноссе» предложение не поддержали, и через месяц Льва Борисовича из членов Политбюро перевели в кандидаты. Делегатам особенно импонировало заявление Сталина, что вождям никто не позволит «безнаказанно ломаться и садиться партии на голову. Поклонов в отношении вождей не будет» (*Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.*)

Другое высказывание, знаковое: «Для нас, для большевиков, формальный демократизм — пустышка, а реальные интересы партии — все», — они пропустили мимо ушей.

По отработанной методике Зиновьева и Каменева причислили к «новой оппозиции», препятствующей строительству социализма в стране и извращающей святое учение ленинизма.

В армии процесс проходил аналогично. Военные коммунисты оппозиционеров нигде не поддержали, какие-то нездоровые сомнения возникли лишь в Ленинградском военном округе. Туда направилась комиссия Политуправления РККА во главе с неутомимым Бубновым. Собрав партконференцию, он фактически повторил сталинские тезисы:

«Вы говорите, что под колесо попали ученики Ленина, бывшие вожди нашей партии? Тем хуже для вождей и тем лучше для партии, которая находит в себе силы идти мимо таких вождей, которые не идут за Лениным. Это показывает только силу нашей партии!»

Летом 1926 года выпавший из правящей колоды Зиновьев заголосил, что троцкисты «правильно предупреждали» об опасности перерождения партии и «угрожающем росте аппаратного режима». Троцкий, обретя союзников, воспрянул духом и заявил, что грубо ошибался, считая оппортуниста-

ми Зиновьева и Каменева. С некоторым опозданием он разглядел-таки, что «оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой тов. Сталиным».

«Сложение сил оскопленных», — усмехнулся в усы Сталин, но оргвыводы сделал.

В июле Объединенный Пленум высших органов партии вывел Зиновьева из состава Политбюро, первым секретарем ленинградского губкома стал С.М. Киров (1886—1934). Октябрьский Пленум отозвал «Гришку Интерплута» с коминтерновской работы и рекомендовал ИККИ освободить беспринципного фракционера от должности председателя Исполкома Коминтерна. Тогда же было принято решение об исключении Троцкого из членов Политбюро, а Каменева из числа кандидатов высшего органа ВКП(б). Льва Борисовича заодно освободили от должности председателя СТО и сделали наркомом торговли. Основные сталинские конкуренты были изъяты из политического обращения.

Неоценимую помощь в деле разгрома «оппозиционного троцкистско-зиновьевского блока» оказали новые сталинские союзники — Бухарин, Рыков, Томский и их сторонники. Все важнейшие решения, несмотря на имевшиеся политические и экономические разногласия, теперь принимала дружная «двойка». Друг Иосиф решал, друг Коля теоретически обосновывал.

Осенью 1926 года вождем всемирного коммунистического движения объявили товарища Сталина. Политическим руководителем Коминтерна стал Бухарин. 27 сентября 1927 года Троцкого исключили из состава Исполкома Коминтерна. Вслед за этим на ноябрьском заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий, Зиновьев, Каменев были изгнаны из партии. Двое последних еще дважды восстанавливались в членстве и дважды вновь исключались — сталинская игра в кошки-мышки; он вообще с трибуны всегда высказывался против исключения, или, как он выражался, отсечения, товарищей по партии. Заодно вычистили из стройных рядов известных военачальников Муралова и Лашевича, Георгия Пятакова, а также не в меру говорливого Карлушу Радека, на посиделках в Коммунистической академии ляпнувшего по поводу строительства социализма в отдельно взятой

стране: «У Щедрина в «Пампадурах» есть пампадур единственный, который либерализм строит в одном уезде». Сильно Иосифа Виссарионовича покорило это «пошрое хихиканье» и недвусмысленные намеки.

Еще через два месяца дюжие агенты ГПУ завернули упирающегося Льва Давидовича в шубу, на руках вынесли из дома и доставили на вокзал. Путь его лежал в Среднюю Азию, а вскоре и вовсе за пределы СССР.

Известный историк и писатель «новой эмиграции» А.Г. Авторханов (1908—1997) утверждал, что Сталин не хотел отпускать Троцкого за границу, «пока его не заверил начальник ОГПУ Менжинский, что будет ли Троцкий находиться в Алма-Ате, на Лубянке или на Мадагаскаре, для его ведомства это не играет роли. «Везде Троцкий будет находиться у нас», — успокоил Менжинский Сталина. Как известно, он не ошибся».

Схоронившись в Мексике, Троцкий, характеризуя генсека, писал:

«В нем не было и тени того великодушия богатых натур, которое радуется талантам и успехам другого. В чужом успехе он всегда чувствовал угрозу своим целям, удар по своей личности. С силой рефлекса он занимал немедленно оборонительную, а если возможно, и наступательную позицию...

Чего Сталин, эта выдающаяся посредственность, никогда не прощал никому, это — духовного превосходства. Он заносил в список своей памяти всех, кто в какой бы то ни было степени превзошел его или хотя бы не отнесся к нему со вниманием».

С момента разгрома «оппозиционного блока» Сталина определенно раздражал Бухарин и его «школка». Дело даже не столько в дурном характере Иосифа Виссарионовича, — о духовном превосходстве Бухарчика вовсе говорить не серьезно, — а в том, что от лидерства в разработке принципиальных теоретических вопросов социалистического строительства один шаг до претензий на политическое руководство. Слишком популярный, независимый и безответственно болтливый Бухарин стал мешать.

В это время Сталин взял на вооружение тезисы Троцкого

и Зиновьева, которые сам не так давно осуждал и громил, и выступил за ускоренную индустриализацию и коллективизацию. В начале 1928 года при обсуждении положения в народном хозяйстве, в связи с трудностями, возникшими с развитием промышленности и при заготовках хлеба, в ЦК начались столкновения мнений в вопросе о методах разрешения проблем. Бухарин и его сторонники выступали против чрезвычайных мер при проведении коллективизации и индустриализации, против «военно-феодалной эксплуатации крестьянства». Сталинцы обличали противников в непонимании «механики классовой борьбы».

Тут Николай Иванович, как и предыдущие товарищи, «прозрел», стал искать совета у опального «Каменюги» и тиснул статейку «Заметки экономиста» — благо являлся главным редактором «Правды». Такое предательство привело Сталина в ярость. Ноябрьский Пленум ЦК осудил теоретические взгляды группы Бухарина—Рыкова, направленные на снижение темпов развития индустрии и свертывание строительства колхозов. Так началась борьба с «правым» уклоном.

В январе и апреле 1929 года Объединенные Пленумы вновь рассмотрели и осудили «капитулянтскую» платформу «правых» — Бухарина, Рыкова и Томского. Наивный Бухарчик что-то лепетал о личной дружбе, мол, все свои, старые большевики, не сошлись во мнениях — бывает. Из-за чего ссоримся, ребята? Было время, Сталин писал: «Поцелуйте за меня Бухашку в нос», — но неумолима логика политической борьбы. «У нас не семейный кружок, — отрезал Иосиф Виссарионович, — не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса». Нечего, сволочь, конспирировать с вчерашними троцкистами и отходить от «генеральной линии».

«Друзей» обвинили во фракционности, попытках сколотить антипартийный блок и освободили от всех занимаемых должностей. Вслед за этим их вывели из состава Политбюро, полностью отстранив от политической деятельности. Зиновьева и Каменева выслали в Калугу. Сталин прямо заявил, что время вождей закончилось: «Если мы провозгла-

сим одни законы для лидеров, а другие для «простого народа» в партии, то у нас не останется ничего ни от партии, ни от партийной дисциплины».

Из всего состава Политбюро ЦК РКП(б), упомянутого в ленинском завещании, на политическом олимпе удержался лишь один человек. Троцкий писал: «Серая фигура неожиданно отделилась в известный момент от кремлевской стены — и мир впервые узнал Сталина, как готового диктатора».

Неожиданность состояла лишь в том, что этим диктатором оказался именно Сталин. Все остальное — закономерность, которую молодой Лев, ярый противник большевизма, вывел еще в 1904 году — партия насилия способна эволюционировать только в одном направлении:

«Аппарат партии замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат, и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет».

В партии и стране установился террористический режим партийного аппарата во главе с единоличным руководителем — товарищем Сталиным, вождем мирового пролетариата, гениальным стратегом, лучшим другом ученых, детей и физкультурников.

Вот теперь можно всерьез заняться созданием «базы мировой революции». Всю свою энергию, всю волю Сталин направил на создание своей, невиданной доселе, по определению Авторханова, идеократической Империи.

Введение новой экономической политики позволило в кратчайшие сроки восстановить экономический потенциал страны. В 1923 году промышленное производство более чем в два раза превысило по своему объему уровень 1921 года, составив 39% по отношению к 1913-му. Сельское хозяйство, освобожденное от прелестей продразверстки, составило 75% довоенного уровня. Снятие внешней блокады позволило начать экономические контакты с европейскими странами, хотя они так и не стали прочными. Кризис сбыта 1923 года удалось благополучно преодолеть, и в 1924 году экономические показатели медленно, но верно росли.

В 1926 году Сталин объявил, что страна вступила «в но-

вый период новой экономической политики, в период прямой индустриализации» и что «необходимо иметь развитую индустрию, ибо индустрия есть основа, есть начало и конец социализма, социалистического строительства...». 13 апреля, читая доклад ленинградскому активу, генсек провозгласил курс на индустриализацию:

«Стало быть, очередная и основная задача состоит в том, чтобы ускорить темп развития нашей страны, двинуть вперед всю нашу индустрию, используя имеющиеся ресурсы, и ускорить тем самым развитие хозяйства в целом... Но для того, чтобы обновить нашу промышленность на основе новой техники, для этого требуются, товарищи, большие и очень большие капиталы. А капиталов у нас мало, как это всем вам известно... Нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную, и чем скорее — тем лучше. Но для всего этого требуются большие капиталы».

С капиталами и вправду было проблематично. Денег в долг Советам никто давать не хотел. Ну еще бы. Ленин и его правительство, захватившие власть на немецкие деньги и не без помощи германского генштаба, самостоятельно вышли из войны, заключили с кайзером сепаратный мир, снабжали его хлебом и золотом, отпустили на родину почти два миллиона пленных солдат, тем самым обозначив себя как фактических союзников Германии. Кроме того, большевики отказались от всех довоенных договоров и обязательств, то есть в первую очередь от необходимости возвращать миллиардные долги по займам, а заодно прикарманили золотой запас Румынии. После этого гордо обижались на Антанту, стремившуюся «задушить Советскую власть».

Кому на международной арене интересно иметь дело с беспредельщиками, финансирующими подрывные организации по всему свету с целью разрушить «мир капитала». Как раз в мае 1927 года Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, когда выяснилось, что всеобщую забастовку английских шахтеров финансируют коминтерновские агенты. Скандал получился грандиозный. (Интересно, как сегодня реагирует Запад, если россий-

ский президент откажется выплачивать ельцинские долги, начнет поставлять оружие в Иран, Палестину, Северную Корею, финансировать «Аль Джихад» и при этом у того же Запада будет просить новые кредиты на развитие военно-промышленного комплекса?)

Выступая на собрании московского партийного актива 13 апреля 1928 года, Сталин подтвердил, что капиталистические страны готовы нормализовать отношения с Советским Союзом при условии выплаты царских долгов и отказа от политики «поддержки освободительного движения рабочего класса других стран». Но тут дело принципа:

«...мы не можем пойти на эти и подобные им уступки, не отказавшись от самих себя, — именно поэтому мы должны быть готовы к тому, что международный капитал будет нам устраивать и впредь все и всякие пакости...» А мы должны продолжать «вести освободительную внешнюю политику».

Невозможность получения инвестиций на Западе вынудила советское руководство принять идею экономической автаркии с опорой на собственные силы. Впрочем, собиравшийся воевать со всем миром вечно живой Ильич эту идею выдвинул еще весной 1918 года в наброске плана научно-технических работ:

«Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности».

Но для всего этого требовались «большие капиталы». Где их взять? Сталин разяснял: мы не имеем колоний, мы никого не собираемся грабить, мы не можем пойти на кабальные концессии с иностранными фирмами. Остается «четвертый путь индустриализации, путь собственных сбережений для дела промышленности, путь социалистического накопления».

Более того, Иосиф Виссарионович категорически отвергал предложение левых революционеров в качестве «колоний» эксплуатировать деревню: «Эта политика не имеет ничего общего с политикой партии, строящей дело индустриализации на основе экономического сотрудничества между пролетариатом и крестьянством». Он долбил в каждом пуб-

личном выступлении об опасности разжигания классовой борьбы в деревне и настаивал на использовании исключительно экономических методов давления на кулака: «Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы вполне применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это неверно. Ибо мы здесь незаинтересованы в разжигании классовой борьбы. Ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ней осложнений... лозунг разжигания классовой борьбы на этом втором фронте не является нашим лозунгом».

Восстановление промышленности велось в основном за счет экспорта сырья. Импортировали паровозы и промышленное оборудование. Ради приобретения валюты распродавали сокровища Эрмитажа, Кремля, музейные коллекции. На недоуменные вопросы западных покупателей, для которых прямо со стен снимали и заворачивали шедевры Боттичелли или Тициана: «Вам не жалко?» — улыбчивый Анастас Микоян (1895—1978) отвечал: «Ничего, после победы мировой революции все это будет наше» (как известно, Ленин в 1923 году предлагал продать японцам советскую часть Сахалина. Не сговорились в цене).

Возможности индивидуального примитивного крестьянского хозяйства не могли обеспечить задуманных темпов реконструкции. На XV съезде партии, состоявшемся в декабре 1927 года, Сталин продавил решения об ускоренной индустриализации, «чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны», и создании в деревне крупных коллективных хозяйств.

О насильственном насаждении колхозов речь пока не идет. Речь пока о том, «чтобы мелкие и мельчайшие хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия».

До поры до времени курс на массовую коллективизацию оставался лишь декларацией: на машины и трактора нужны «большие капиталы», с «показом» у партийцев всегда были

трудности, основная масса крестьян-единоличников добровольно объединяться и «товарищески» обрабатывать землю желанием не изъясляла. Оставались лишь большевистские методы «убеждения», но генсек, пока он боролся с Троцким, был «не заинтересован в разжигании классовой борьбы».

Еще зимой и весной 1928 года Сталин говорил:

«Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба», — и выражал надежду, чтобы через три-четыре года колхозы могли обеспечить хотя бы треть поставок хлеба: «Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период». Более того: «Никому так не выгодно теперь новая экономическая политика, как Советской власти».

Однако стремление быстро поднять экономический уровень страны неизбежно вело к идее «Большого скачка». К тому же на Западе начиналась Великая депрессия, потрясая мировой рынок и создававшая «условия нового революционного подъема». Похоже, в Европе назревала «благоприятная обстановка». Чтобы своевременно оказать помощь пролетариату «отсталых» стран, срочно необходимы были развитый военно-промышленный комплекс и могучая армия, а для этого — окончательное решение крестьянского вопроса, осуществление полной государственной монополии в сельском хозяйстве, доведение до логического конца ленинской идеи принудительной организации «большинства рабочих и крестьян».

Кстати, Владимир Ильич, задумавший хлебную монополию, хлебную пайку и трудовые армии еще до взятия власти, считал «Декрет о земле» ошибкой, уступкой, сделанной в угоду левым эсерам, помогавшим осуществить Октябрьский переворот. Фермерский путь развития сельского хозяйства отвергался всеми «красными профессорами» безоговорочно. Фермер, по-нашему «кулак», — классовый враг. К тому же произведенную продукцию, хоть бы и с помощью тракторов и научных приемов, этот мироед, «паук и вампир»

непрерывно желает продать с выгодой для себя. Это подтвердил кризис, по-большевистски — саботаж, хлебозаготовок 1928 года (товарищ Сталин тогда проехался по Сибири и продемонстрировал местным аппаратчикам свое понимание «экономических мер воздействия» на крестьян, нежелающих сдавать хлеб по государственным ценам, предложив лепить им ст. 107 Уголовного кодекса о спекуляции, хлеб конфисковать и перетасовать излишне мягкотелые прокурорские кадры: «Вы увидите скоро, что эти меры дадут великолепные результаты...»).

Любой, самый мелкий частный собственник, независимый производитель одним только фактом своего существования «рождает капитализм и буржуазию». Колхозы для того и были придуманы, чтобы хлеб изымать централизованно, желательно даром, с песнями загружать в закрома родины и не зависеть от «кулацких капризов».

В апреле 1929 года, идейно разгромив бывших «левых коммунистов», оказавшихся ныне «правыми уклонистами», советское руководство круто сменило курс, провозгласив «общее наступление социализма по всему фронту».

«Год великого перелома» означал сворачивание новой экономической политики, сплошную насильственную коллективизацию, возврат к чрезвычайным мерам, подавление железной рукой любого сопротивления. От «постепенного и неуклонного» объединения мелких хозяйств — к «неуклонному», ударными и сверхударными темпами обобществлению частной собственности в деревне с применением всего арсенала средств «убеждения». В общем, большевики решили снова примитивно ограбить мужика-хлебороба.

Объясняют, выхода иного не было: агрессивность империализма, как обычно, непрерывно возрастала, «кулачье» богатело, нагнело и «организовывало подкопы» против Советской власти, да и всему народу пора было напомнить, что уступка, сделанная капитализму в 1921 году, являлась лишь временным отступлением, накоплением сил перед рывком в светлое будущее.

Необходимость использования самых чрезвычайных мер обосновывалась изобретенной Сталиным теорией обостре-

ния классовой борьбы по мере успешного продвижения к социализму:

«Социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление...

Это есть перегруппировка сил классовых врагов пролетариата, имеющая своей целью отстоять старое против нового. **Нетрудно понять, что эти обстоятельства не могут не вызывать обострения классовой борьбы».**

Если враг не сдается, его уничтожают. Как класс. Если сдается — тоже. (Занимательно, до чего меняются люди. Максим Горький, еще не купленный с потрохами, 20 ноября 1917 года писал:

«Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт... Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею не менее кровавая и мрачная реакция». В 1933 году он будет воспевать чудеса Беломорканала и его начальников.)

В декабре 1929 года Сталин объявил поворот от политики «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Кулаков в стране было, по официальной статистике, 5 миллионов человек и кандидатов в них — так называемых «зажиточных» крестьян — около 13 миллионов. Для подавления сопротивления недобитых капиталистических элементов, их раскулачивания и уничтожения приходилось признать допустимость чрезвычайных мер. Временно, конечно.

«Началась подлинная война на истребление крестьянства, — вспоминает А.Г. Авторханов. — Пропагандная ругань по адресу «кулаков» не сходила со страниц советских газет, начиная уже с VIII съезда партии (1919 г.). Сталин же заявил о «ликвидации», то есть конфискации имущества и земли у

пятимиллионного крестьянства (для начала) и выселении его в сибирские тундры без крова, одежды и пищи, причем поголовно — от грудных детей и до глубоких стариков. Даже в мрачные эпохи рабства и работорговли щадили детей, матерей и стариков. Сталин не щадил никого. Такая расправа с крестьянством считалась настолько невероятной, что первое время мы думали, что Сталин сказал это ради красного словца или просто сболтнул лишнее по неосторожности....

Отдельные крестьянские вспышки в связи с «чрезвычайными мерами» на хлебозаготовках осени 1929 года перерастают в грозные тучи крестьянских бунтов по всей стране — в Центральной России, на Урале, в Сибири, в Туркестане, на Кавказе... Происходит второе издание крестьянской революции 1905 года, но без поддержки рабочих города, при молчании интеллигенции, при безучастности внешнего мира... Мужики с вилами бросаются на первые, для них еще диковинные, советские танки (первое «боевое крещение» советские танки получают в войне против собственного народа), женщины — на штыки чекистов, дети истерически плачут на телах умерщвленных родителей, а танки, пушки, пулеметы и штыки безжалостно и с какой-то жуткой планомерностью «коллективизируют» одних, ликвидируют других».

Как только большевики занялись любимым делом, победы последовали за победами, аж голова закружилась от успехов. Чуть больше года прошло, и половина крестьян (более 10 миллионов семей) записалась в колхозы: «Мы перевыполнили пятилетний план коллективизации более чем вдвое». Пейзанам настолько соблазнительно разъяснили преимущества колхозного строя, что в колхозы повалили «не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями и районами, даже округами».

Тех, кто не желал объединяться в крупные хозяйства, пусть и самых беспорточных, в соответствии с установившейся систематикой зачисляли в подкласс «подкулачников».

Писатель Михаил Шолохов в личном письме Сталину описывал процесс сдачи хлеба колхозами одного отдельно взятого Вешенского района Северо-Кавказского края:

«Так как падающая кривая поступления хлеба к сроку не обеспечивала выполнения плана к сроку, крайком направил в Вешенский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать «дополнительную» урожайность). Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»...

И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой». К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИКа Королева по району уже имелись плоды овчинниковского внушения:

1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК, Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытывались у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод, по одному колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаши и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Граческом колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло. И уполномоченный продолжал собрание...

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов. О работе уполномоченного или секретаря Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных

печей. «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы слоим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу... Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т.к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб.... Число замерзших не установлено, т.к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода...

Но выселение — это еще не главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1) Массовые избиения колхозников и единоличников.

2) Сажание в холодную. Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажались целыми бригадами.

3) В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4) В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

5) Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

6) В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

7) В Солонцовском колхозе в помещение комсод внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

8) В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз...»

И так далее — до «способа» № 16.

Партия большевиков есть партия чудес, а насилие рас-

ширяет область возможного до гигантских размеров. Чем Овчинников, Белов, Шарапов и другие уполномоченные отличались от иноземных оккупантов? «Матка, яйко!» говорили без акцента? Верой в светлые идеалы коммунизма? Как сказал один из героев братьев Стругацких: «Если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо».

Шолохов отчего-то думал, а скорее «наивничал», что воцарившийся в станицах разбой есть следствие «перегибов» местного руководства, и просил прислать в район «доподлинных коммунистов».

Сталин ему ответил, что коммунисты в Вешенке самые доподлинные, просто очень стараются «обуздать врага», а писателям, прежде чем лезть в политику, «надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлебоборбы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлебоборбы по сути дела вели «тихую войну» с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов».

Пил дорогой Михаил Александрович горькую и сочинял «Поднятую целину».

На вопросы трудящихся об извивах и изгибах внутренней политики Сталин терпеливо разъяснял, что мелкий собственник всегда был врагом, но раньше — два-три года назад — раскулачивать его было нельзя, так как кулак кормил пролетариат и Красную Армию; «кулацкое производство нечем было заменить». Теперь, когда мы решили перейти к коллективному хозяйствованию, теперь можно его ограбить, теперь безусловно необходимо. А можно ли «кулаков» принимать в колхоз? Ответ: ни в коем случае не пускать в колхоз «заклятого врага советской власти». И в армию не призывать, даже в стройбат.

Что же с ними делать? Во-первых, самых злостных (по классификатору ОГПУ — 1-я категория, «контрреволюционный кулацкий актив»), несомненно, расстрелять. Во-вто-

рых, сколько вокруг «великих строек» и как не хватает рабочих рук.

Ведь в знаменательном апреле 1929-го XVI партконференция одобрила первый пятилетний план. Обосновывая его, Сталин объяснял:

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние за 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Ставку сделали на форсированное развитие в первую очередь передовых отраслей тяжелой промышленности (производство средств производства), которые могли стать базой для индустриализации других областей экономики. И здесь, как показало Шахтинское дело и другие подобные дела, невозможно было обойтись без чрезвычайных мер. Вот и пригодились массы раскулаченных (за три месяца 1930 года в отдаленные и необжитые районы выселили более полу-миллиона «кулаков 2-й категории»), «вредителей», недобитых врагов народа, не осознавших прелестей товарищеской обработки земли, и прочих капиталистических элементов, препятствовавших наступлению социализма. На них сваливали неумелое планирование, собственную некомпетентность, провалы в экономике и сельском хозяйстве.

Именно они — дармовая рабочая сила — осваивали Крайний Север и Дальний Восток, рыли каналы, возводили заводы и электростанции, добывали никель и апатиты, мыли золотишко, попутно перековывались под руководством и бдительной охраной чудесных людей — чекистов.

Ради великой цели у колхозников отобрали все имущество и паспорта. А чтобы не чувствовали себя обделенными заботой Советской власти, взамен дали Закон об усилении уголовной ответственности за кражу и расхищение колхозной собственности от 7 августа 1932 года. Только за первые полтора года по «закону о трех колосках» арестовали и осудили 125 тысяч «уважаемых хлеборобов», из них 5400 человек были расстреляны.

«Победивший пролетариат» получил семидневную рабочую неделю без права увольнения и систему прописки, подростков прикрепили к станку с 14 лет и облагодетельствова-

ли распространением на них всех мер социальной защиты наравне со взрослыми, вплоть до «вышки».

Мировой экономический кризис СССР умело использовал для закупок техники, технологий и специалистов за рубежом. В годы первой пятилетки около 95% советских промышленных предприятий получили западную помощь. У разорявшихся, «загнивающих капиталистов» купить можно было все, что угодно, — от нефтеперерабатывающего оборудования до секретных танков, двигателей, систем наведения, самолетов и торпед. Сотрудничество с западными фирмами и использование дешевого труда советского населения позволили заложить основу современной тяжелой промышленности.

Правда, одновременно в 1932—1933 годах произошло более двух тысяч вооруженных выступлений против принудительной коллективизации, в обобранной деревне «случился» небывалый голод (только на Украине погибло порядка 20% всего сельского населения, еще страшнее было в Средней Азии), но эти контрреволюционные выпады не могли помешать движению «на всех парах по пути индустриализации». Что касается бесконечной череды трупов по обе стороны полотна, так это всего лишь «отработанный человеческий материал капиталистической эпохи».

Зато какие были достижения! За пятилетку построили более 1500 заводов и фабрик, в том числе автомобильных, авиационных, тракторных, паровозостроительных, артиллерийских, патронных, оружейных, создана тяжелая промышленность, осваивались новые месторождения, совершенствовалась топливно-энергетическая база, закладывались новые экономические центры на Урале. Ускоренными темпами развивался военно-промышленный комплекс.

Эти успехи выглядели особенно внушительно на фоне экономического кризиса, охватившего страны западной демократии. Так, уровень промышленного производства Франции на протяжении большей части 30-х годов находился ниже 1913 года. К 1933 году промышленное производство в США упало до 64% по сравнению с уровнем 1929 года, в Англии — до 88 %, в Германии — до 65%. Миро-

вая торговля сократилась до 65%. Число безработных в капиталистическом мире составило 30 миллионов человек. Правда, людоедства там не наблюдалось.

В том же приснопамятном 1929 году Советский Союз, «учитывая вероятность нападения», начал развертывать невиданную по масштабам программу (пятилетний план) военного строительства. Основные направления развития советских Вооруженных Сил были определены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 года «О состоянии обороны страны». В ноябре была учреждена должность начальника вооружений РККА, на которого возлагалась ответственность и руководство вопросами технического перевооружения родов войск. Первым начальником вооружений был утвержден И.П. Уборевич, с июля 1931 года — М.Н. Тухачевский.

Летом 1930 года на заседании Реввоенсовета СССР был рассмотрен и утвержден план строительства Красной Армии. Предусматривались перевооружение в массовом масштабе армии и флота новейшими образцами военной техники; создание новых технических родов войск; модернизация старых систем; моторизация и организационная перестройка старых родов войск; подготовка технических кадров и овладение новой техникой личным составом. Неуклонно повышалась доля военных расходов в государственном бюджете. В 1930—1931 годах советская промышленность выпускала ежегодно 1911 артиллерийских орудий, 174 тысячи винтовок, 41 тысячу пулеметов, 860 самолетов. С 1931 года началось серийное производство танков Т-26 и знаменитой серии БТ.

В июне 1930 года Сталин, пугая партийцев возрастающей вероятностью внешней интервенции, аргументировал: чем более глубокий экономический кризис испытывает мировой капитализм, тем сильнее ему хочется на нас напасть и разрешить «все противоречия, вместе взятые, за счет СССР». Тогда и прозвучало всем известное, мгновенно зарифмованное поэтами-песенниками изречение:

«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка не отдадим никому».

В речи Ворошилова прозвучала не менее знаменитая программная установка Красной Армии: **«Мы должны строить дело так, чтобы в предстоящей войне добиться победы «малой кровью и войну эту провести на территории страны, которая первой поднимет против нас меч».**

В 20-е годы, в период бурных споров о военной доктрине, Троцкий утверждал, что оптимальным вариантом действий для Красной Армии является стратегическая оборона и даже отступление в глубь страны, чтобы выиграть время для мобилизации всех сил и средств. И только потом, «имея за собой пространство и численность, мы спокойно и уверенно намечаем тот рубеж, где обеспеченная нашей упругой обороной мобилизация подготовит достаточный кулак для нашего перехода в наступление». В связи с этим Лев Давидович предлагал выкинуть из резолюций декларацию, скопированную из французского устава (он начинался с заявления: «Французская армия... не признает никакого другого закона, кроме наступления»), о том, что Красная Армия будет самой наступающей из всех армий.

Стратегию оборонительной войны выдвигал профессор Военной академии А.И. Верховский (1886—1938), не озабоченный большевистской скорбью о тяжелой доле «угнетенных» в других странах. Бывший офицер русского Генерального штаба, он утверждал, что оборонительное сражение дает крупные политические выгоды и позволяет наращивать силы, что для Красной Армии лучше готовить противнику «Полтаву», чем мечтать о «Каннах»: «С этой точки зрения нам выгоднее отдать Минск и Киев, чем взять Белосток и Брест».

Марксист Фрунзе предлагал выкинуть вреднейшие рассуждения, прославляющие оборону, и, «кроме самых необходимых, никаких оборонительных работ не производить, а средства лучше тратить на ремонт казарм». Он полагал, что будущие войны, в силу раздирающих капитализм классовых противоречий, «будут приближаться по типу к нашей гражданской войне», суть их будут составлять маневренные операции крупного масштаба, потому Красную Армию надо воспитывать «в духе величайшей активности, готовить

ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций», а вся военная масса «должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры». Отступление — сугубо второстепенный вид боевых действий, «понятие, целиком входящее в понятие наступления».

Правда, Фрунзе еще не планировал «маневрировать» исключительно на чужой территории и для борьбы с технически превосходящим противником считал необходимым вести планомерную и систематическую подготовку «возможных театров» к ведению партизанской войны.

Концепция стратегической обороны была решительно отвергнута, как несовместимая «с духом советской военной доктрины», тем не менее в общем комплексе мер подготовки к войне намечалось еще в мирное время определить будущие районы партизанских действий в тылу противника и в своей приграничной полосе. В будущих районах военных действий предполагалось создать сеть партизанских ячеек, законспирированных баз и складов со всем необходимым для боевой работы.

1 августа 1931 года Совет Труда и Обороны, принимая большую танковую программу, указал, что технические успехи в области танкостроения в СССР «создали прочные предпосылки к **коренному изменению общей оперативно-тактической доктрины**». В 1932 году тракторные и паровозостроительные заводы СССР выдали 3032 танка и танкетки (Франция, самая могучая сухопутная держава, за 17 послевоенных лет произвела около 280 новых танков, Англия — около 80 танков и 325 танкеток, Германия по известным причинам — ни одной боевой машины), авиационные — 2490 самолетов (США — 1396, Англия — чуть больше 1000).

Началось формирование первых механизированных корпусов (около 500 танков, свыше 200 бронев автомобилей, 60 орудий в каждом), отдельных мехбригад, танковых и механизированных полков. Постановление Реввоенсовета, принятое 11 декабря 1932 года, санкционировало создание массовых воздушно-десантных войск.

«Глупой сказкой, — гордо вещал с трибуны мавзолея

Климент Ефремович, — является писание поджигателей войны, что большевики боятся войны. Нет, большевики войны не боятся, они ее не хотят и все силы употребляют для ее избежания. Но если все же империалисты обрушатся на нас войной, мы будем драться со всей присущей нам страстью, со всей жесточайшей силой 150 миллионов свободного народа. Мы знаем, что за нас все трудовое человечество, мы знаем, что мы победим».

Параллельно переписывалась история Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1929 году Ворошилов опубликовал книгу «И.В. Сталин и Красная Армия», где воспевал, в частности, сталинский план разгрома Деникина. В 1930 году под редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана вышел капитальный трехтомный труд «Гражданская война 1918—1921 гг.», в котором деятельность Троцкого упоминалась лишь как одна из причин неудач и поражений Красной Армии. Наконец в праздничном приказе Военного Совета от 23 февраля 1933 года все было расставлено по своим местам:

«С именем тов. Сталина, лучшего ленинца, вождя партии большевиков, вождя всех трудящихся, тесно связана вооруженная борьба, победы и строительство Красной Армии. В годы Гражданской войны партия всегда посылала тов. Сталина на наиболее опасные и решающие для жизни пролетарской революции фронты».

В последующем все советские генеральные секретари, сверяя жизнь по Сталину, непременно хотели числиться в великих полководцах. Понятно, что их пожелания всегда находили отклик в сердцах карманных историков-борзописцев и придворных маршалов. Через тридцать лет С.М. Буденный с умилением будет вспоминать молодого комиссара 74-го полка 19-й стрелковой дивизии. Тогда же кропотливые исследователи, выбросив в мусорную корзину портрет усатого вождя и заменив его портретом вождя лысого, докопаются, что:

«Именно он, Хрущев, был одним из тех, под чьим руководством Красная Армия сорвала черный замысел амери-

канских, английских и французских империалистов с помощью флота Антанты спасти от полного разгрома армии Деникина». И он же — «один из активных создателей Красной Армии и организаторов победы молодой Республики Советов над иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией». Попутно вспомнят о невинно убиенных диктатором военных «талантах» — Тухачевском, Якире, Уборевиче... Еще через десять лет «мучеников» снова вымарают из истории, а «несгибаемый» маршал Г.К. Жуков будет вспоминать, как мечтал встретиться и поразмышлять наедине со знаменитым на советско-германском фронте политработником Л.И. Брежневым.

К 70-м годам XX века картину Гражданской войны в России столько раз замазали, переписали и снова замазали, что на эпическом полотне, кроме Ленина, с трудом можно было разглядеть пять-шесть фигур «легендарных полководцев» — Буденный, Фрунзе, Котовский, Чапаев, Щорс... Вот, пожалуй, и все, кого знает народ из нескольких тысяч командиров Красной Армии высшего и среднего звена.

К началу 30-х относятся первые самостоятельные шаги Сталина на международной арене как вождя мирового пролетариата. Отстранив бухаринцев от руководства Коминтерном и национальными партиями, Иосиф Виссарионович назначил политическим руководителем своего секретаря Молотова, который быстро навел должный порядок среди буйных нахлебников-интернационалистов, превратив эту лавочку из штаба мировой революции в «канцелярию товарища Сталина по делам партий». Клара Цеткин сильно обижалась: «Коминтерн превратился из живого политического организма в мертвый механизм, который с одной стороны проглатывает инструкции на русском языке, и с другой выдает их на различных языках...» А хотелось бы Кларе, как встарь, — чемодан с «камушками», и — «не жалейте миллионов».

Любимым коньком генсека оставался лозунг: «Партия укрепляется тем, что очищает себя».

В своей речи на историческом Объединенном Пленуме 1929 года он, в частности, отметил, что в Европе нарастают

условия нового революционного подъема. В связи с этим перед коммунистами разных стран наравне с известной задачей — «подтачивания и расшатывания» капитализма, возникает более актуальная — усиление борьбы с правым уклоном и очищение от социал-демократических традиций. Социал-демократы, на каждом шагу обманывающие и заманивающие пролетариат обещаниями, по мнению вождя, являлись «социальной опорой капитализма», хуже фашистов. Отсюда борьба с социал-демократией «является одной из главных задач секций Коминтерна».

Все национальные компартии получили в ноябре директиву ИККИ порвать все связи с социал-демократами, разоблачать их «фашистскую» сущность и создавать революционные профсоюзы. Как признавался позже Д.З. Мануильский:

«Вопрос заключался в том, что, игнорируя борьбу с фашизмом, мы сосредоточили огонь на социал-демократах и считали, что, борясь с социал-демократами, мы тем более громим фашизм».

В итоге, пока коммунисты и социалисты грызлись друг с другом, менее чем через год национал-социалистическая партия Германии легально, демократично выиграла выборы в рейхстаг. В январе 1933 года ее лидер Адольф Гитлер, «неизвестный солдат мировой войны», стал канцлером и очень скоро отвинтил головы и коммунистам, и социал-демократам.

Кое-кто утверждает, что именно этого Сталин и добивался, отводя фюреру роль Ледокола революции. Хотя — маловероятно. Иосиф Виссарионович не жил в эмиграции, не знал иностранных языков и происходящие в Европе процессы, плохо понимал менталитет западных лидеров. Любое событие за пределами СССР он укладывал в прокрустово ложе классовой борьбы и препарировал скальпелем марксизма. Потому, принимая единоличные решения, внося в них свои собственные симпатии и неприязни (ну, не нравились ему поляки, еще больше англичане, зато импонировали немцы и американцы), во внешнеполитических вопросах ошибался почти всегда. В чем косвенно признался писателю Эмилю Людвигу: «На основании опыта трех

революций, мы знаем, что приблизительно из 100 единоличных решений, не проверенных, не исправленных коллективно, 90 решений — односторонние... Нет, единолично решать нельзя».

На основе бурного опыта строительства социализма в отдельно взятой стране и хода партийных дискуссий мы тоже знаем, что к декабрю 1931 года, когда давалось интервью, могло существовать только два мнения — сталинское и неправильное, антипартийное. Другое дело, что услужливая пропаганда любые провалы выдавала за невероятные успехи мудрой сталинской политики или сваливала на происки врагов. В данной истории победу нацизма в Германии объяснили изменой социал-демократов, «расчистивших дорогу фашизму». Фашистские государства действительно прямо выросли из социал-демократии, но причина тому — дружное стремление обуздать коммунистическую «бациллу». Неспроста академик Иван Павлов утверждал: «До вашей революции никакого фашизма не было».

В январе 1934 года в отчете ЦК ВКП(б) XVII съезду партии с чувством глубокого удовлетворения констатировалось, что пятилетка выполнена за четыре года — «сделали больше, чем мы сами ожидали», что в результате борьбы советского народа за досрочное осуществление первого пятилетнего плана Советский Союз преобразился, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья, стал передовой индустриально-колхозной державой. Съезд принял резолюцию о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1933—1937 годы, «направив материальные ресурсы страны, волю партии и энергию масс на завершение технической реконструкции». В ней говорилось:

«Выполнение второй пятилетки еще больше усилит значение СССР, как оплота борьбы международного пролетариата, еще выше поднимет в глазах трудящихся эксплуатируемых масс всего мира авторитет Страны Советов, как опорной базы мировой пролетарской революции».

Экстенсивное развитие в период создания основ современной индустрии в годы первой пятилетки сменилось во

второй пятилетке более планомерным промышленным строительством, интенсивным освоением производственных мощностей и наращиванием производства. Правда, производительность труда, несмотря на все рапорты стахановцев, оставалась в три раза меньше, чем в Англии и Германии, и никогда оную не превзойдет. Съезд завершился бурными овациями, пением «Интернационала» и криками «Да здравствует Сталин!».

К этому времени колхозы объединяли около трех четвертей всех крестьянских хозяйств и около 90% всех посевных площадей. Мелкобуржуазная стихия в деревне наконец, была укрощена: крестьянин низведен до положения крепостного, целиком зависевшего от милостей секретарей крайкомов и уполномоченных.

Бухаринский лозунг: «Обогащайтесь!» — то есть повышайте материальное благосостояние своим трудом, лозунг «по сути эксплуататорский», призывавший восстановить капитализм, был заменен сталинским лозунгом: «Сделать всех колхозников зажиточными». Для воплощения его в жизнь всего-то требовалось — «работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность», а государство о тебе позаботится, государство тебя «сделает» (бесприогрышная стратегия любой диктатуры — отобрать у народа все, а потом облагодетельствовать его подачками. Личный переводчик вождя В.М. Бережков вспоминал, сколько было радости, когда 1 января 1935 года в городах отменили продовольственные карточки: «Хотя и не верилось в поворот к лучшему, провозглашали тосты за «новый светлый этап» в нашей жизни и, конечно же, пили за Сталина, который, как и обещал, вывел нас на дорогу изобилия. **Нас приучили благодарить Сталина за все, что в нормальной стране народ должен иметь по праву»**).

Апологеты Сталина любят бесконечно тиражировать отзывы зарубежной печати о первой пятилетке в СССР.

«Успехи, достигнутые в машиностроительной промышленности, не подлежат никаким сомнениям. Восхваления этих успехов в печати и в речах отнюдь не являются необос-

нованными... СССР в настоящее время производит все оборудование, необходимое для своей металлургической и электрической промышленности. Он сумел создать свою собственную автомобильную промышленность. Он создал производство орудий и инструментов, которые охватывают всю гамму от самых маленьких инструментов большой точности и вплоть до наиболее тяжелых прессов. Что же касается до сельскохозяйственных машин, то СССР уже не зависит от ввоза из-за границы» — газета «Financial Times».

«Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения. Советский Союз работал с интенсивностью военного времени над созидательной задачей построения основ жизни. Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости...» — журнал «Nation».

«Он действительно решил самую сложную для Европы проблему — ликвидировал безработицу. Он построил замечательные дороги и оживил экономику, начав производство вооружения, строительство казарм и объявив призыв на воинскую службу. Никто не объяснил народу, что большая часть его программы включала непродуктивный труд, результаты которого не могли увеличить благосостояние страны, поскольку продукт этого труда нельзя было экспортировать... Росла якобы покупательная способность государства, потому что оно печатало деньги, которые можно было тратить...» — стоп! Кажется, это о Гитлере — тоже социалист, он как раз развертывал свой четырехлетний план.

Самих статей, разумеется, никто не читал, а первые две цитаты выхвачены из сталинского доклада «Итоги первой пятилетки», сделанного на Объединенном Пленуме 7 января 1933 года. В нем были и совершенно противоположные отзывы, и Иосиф Виссарионович, не в пример своим нынешним защитникам, не побоялся их озвучить:

«Обозрение нынешнего положения дел в России, таким образом, ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась как в отношении объявленных целей, так и еще более основательно в отношении ее основных социальных принципов» — журнал «Current History».

«Коллективизация позорно провалилась. Она привела Россию на грань голода» — мнение «New York Times».

Если вдуматься, первая группа высказываний не противоречит второй. Просто одни обозреватели писали об «изумительной активности», электростанциях и домнах, другие — о том, что они возводились и стоят на костях. В то время как газета «Правда» публиковала приветствие товарища Сталина рабочим и персоналу «стального оплота коллективизации» харьковского тракторостроя, итальянский консул докладывал своему начальству в Риме: «...каждую ночь в Харькове собирают по 250 трупов умерших от голода и тифа. Замечено, что большое число из них не имеет печени... из которой готовят пирожки и торгуют ими на рынке».

Кроме того, успехи форсированной индустриализации и коллективизации — во многом успехи советской пропаганды.

Еще один вопрос стало как-то даже неприлично задавать: чего ради такие жертвы? Чтобы клепать ежегодно по 3000 танков, которые бесславно сгорят в первые дни войны и будут объявлены устаревшими? А может, жить стали лучше? Ну да, товарищ Сталин так и объявил, что «жить стало лучше, жить стало веселей», и привел в докладе цифири, доказывавшие, что в 1932 году «рост народного дохода», по сравнению с 1928 годом, составил 85%. Вот только съесть этот самый «народный доход» было нельзя: в 1932—1933 годах товарищ Сталин отправил на экспорт 34 миллиона центнеров зерна, десятки тысяч тонн мясо-молочных продуктов.

Письмо Шолохова о жизни «зажиточных колхозников», подводившее итоги коллективизации в Вешенском районе, легло на стол генсеку в апреле 1933-го:

«В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края... С момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое...

Из 50 000 населения голодают никак не меньше 49 000. Истощенные, опухшие от голода колхозники, давшие стра-

не 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж, наверное, не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году... Все это, вместе взятое, приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку, безусловно, не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы...»

Великими свершениями и переломами руководили сталинские кадры, сталинские наркомы, верные сталинские ученики, специально и тщательно подобранные Сталиным люди. Подобно прежним, они обладали всеми внешними атрибутами вождей, были украшены орденами, заслугами, в их честь также переименовывали города, их имя присваивали колхозам, предприятиям, учебным заведениям и метрополитенам. Но, в отличие от буйной, вечно пререкающейся по любому поводу «ленинской гвардии», они знали, кому всем обязаны, кто в доме Хозяин.

Иосиф Виссарионович добился своего. Отдельные «механизмы» сконструированной им машины власти еще требовали дополнительной обкатки и доработки, некоторые «шестеренки» и «болты» определенно придется менять в процессе эксплуатации, но в целом приятно глазу — как выровнялись ряды, укрепилась дисциплина, как упорядочились мнения, какое единообразие в мыслях и даже в одежде. Неспроста, говоря о партии, Сталин использовал военную терминологию:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется 3—4 тысячи высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного звена. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

10 февраля 1934 года, сразу после «съезда победителей», Пленум ЦК ВКП(б) образовал Политбюро сталинского на-

бора в составе: **И.В. Сталин** (скромный Генеральный секретарь Всесоюзной Коммунистической партии большевиков), **В.М. Молотов** (окончил реальное училище; председатель Совнаркома СССР), **Л.М. Каганович** (самоучка; первый секретарь Московского комитета партии, секретарь сельскохозяйственного отдела ЦК; в качестве председателя Центральной комиссии по проверке партийных рядов руководил происходившей в 1933—1934 годах чисткой партии.), **М.И. Калинин** (два класса сельской школы; председатель ЦИК СССР), **С.К. Орджоникидзе** (фельдшерская школа; нарком тяжелой промышленности), **К.Е. Ворошилов** (один класс сельской школы; нарком обороны), **С.М. Киров** (техническое училище; первый секретарь Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК), **А.А. Андреев** (два класса сельской школы; нарком путей сообщения), **С.В. Косиор** (начальное заводское училище; генеральный секретарь компартии Украины), **В.В. Куйбышев** (семестр вуза; председатель Госплана, заместитель председателя СНК и СТО).

Кандидаты: **А.И. Микоян** (окончил духовную семинарию, менее года учился в духовной академии, там же, сменив мировоззрение, вступил в партию; нарком снабжения), **Г.И. Петровский** (два класса «образцовой школы» при городской гимназии; председатель ВУЦИК), **П.П. Постышев** (самоучка; секретарь ЦК КП(б) Украины), **Я.Э. Рудзутак** (два класса приходской школы; нарком РКИ СССР и председатель ЦКК), **В.Я. Чубарь** (техническое училище; председатель Совнаркома Украины).

Позднее в состав Политбюро были введены: **А.А. Жданов** (реальное училище), **Р.И. Эйхе** (начальное училище), **Н.И. Ежов** (он писал: «неоконченное низшее»), **Н.С. Хрущев** (рабфак).

У большинства «членов» и «кандидатов в члены» в графе «образование» стояла самая убогая запись, и, при всем умении творить «чудеса», грамотно написать коротенькое письмо или записку для многих из них так и осталось непосильной задачей. При назначении на самые высокие посты такой критерий, как грамотность, в принципе не имел значения. «Сама по себе грамотность населения не говорит о культурности его, — убеждала «Малая советская энцикло-

педия», — поскольку грамотные могут годами не пользоваться своим умением для приобретения знаний». Вот и товарищ Ворошилов, возглавлявший Вооруженные Силы, был малограмотным, но жутко культурным — обожал оперу (и оперных певичек) и чтение вслух.

Конечно, для политика образование не самое главное. Политик — не профессия, а желание власти. Но политиками, в смысле людьми, борющимися за власть, они и не были. Политик мог быть только один, остальные — лишь проводниками его решений в жизнь, инструментами. (Хотя и воинствующему невежеству должен быть предел. Сталина считали жестким и умным политиком, но поправка «на дурака» в его машине абсолютной власти не предусматривалась. Весь мир вздрогнул, когда на вершину тоталитарной пирамиды взобрался человек, с трудом писавший слово «Хрущ», и принялся размахивать термоядерной дубинкой, обещая «похоронить капитализм». По простоте душевной Никита Сергеевич полагал вполне возможным выиграть ядерную войну: американцам все равно капут, а советские люди как-нибудь оклемаются — народу и территорий много, не такое выдывали.)

Никто из вышеперечисленных лиц не может быть назван выдающимся политическим деятелем, так же как Молотов — выдающимся дипломатом, а Ворошилов — выдающимся полководцем. Среди них имелись действительно выдающиеся организаторы, выдающиеся надсмотрщики, многоопытные аппаратчики, а палачами они, повязанные круговой порукой, были все.

Так, Лазарь Каганович (1893—1991) — копия, только значительно более масштабная, описанных в шолоховском письме уполномоченных по хлебозаготовкам — на январском Пленуме 1933 года сетовал на то, что руководители разных уровней недостаточно широко применяют такое испытанное воспитательное средство, как расстрел, и призывал к ужесточению репрессий. Критикуя порочную прокурорскую и судебную практику на местах, он призывал думать, в первую голову, не о соблюдении законов, а о беспрекословном выполнении постановлений партии и

правительства. Вячеслав Молотов (1890—1986) лично подмахнул тысячи смертных приговоров.

В революции особых лавров они не снискали, зато каждый был «непримиримым борцом партии с троцкизмом, правой оппозицией и другими антипартийными течениями и группировками, преданнейшим учеником и помощником товарища Сталина в борьбе за сплочение партийных рядов, за укрепление ленинско-сталинского единства партии»; каждый имел заслуги в организации геноцида и возвращении крестьянства в крепостное состояние, каждый, не дрогнув лицом, мог поглощать положенные по должности деликатесы под крики умирающих от голода прямо за окнами спецстоловой.

Орджоникидзе писал Кирову: «...кадры, прошедшие через ситуацию 1932—1933 годов и выдержавшие ее, закалились как сталь. Я думаю, что с ними можно будет построить Государство, которого история еще не знала».

Никто не пытался баловаться теоретическими умствованиями — не по Сеньке шапка (настолько отвыкли, что в течение сорока лет после смерти Сталина так ничего нового в «научном коммунизме» и не придумали, кроме с треском лопнувшего в 1991 году «развитого социализма»; хрущевская программа за 10 лет догнать и перегнать Америку была озвучена Сталиным в 1939 году). На заседаниях Политбюро они могли обсуждать вопросы, спорить и ругаться между собой, но последним всегда выступал генсек. Он подводил черту, за которой разговоры заканчивались.

Троцкий писал:

«Он направлял свое внимание на людей примитивного склада, низкой культуры, сильной воли и слабого интеллекта... Чтобы справиться с людьми, превосходившими его, он подбирал аппарат из людей, которые подчинялись ему».

Весь сталинский «генералитет» Лев называл «царством наглых посредственностей». Все ошибки, промахи, просчеты закономерно проистекали от воинствующего невежества, некомпетентности, жестокости, отсутствия опыта, неумения мыслить на уровне крупных руководителей и стремления любой ценой выполнить указания Вождя.

Один сокол Ленин, другой сокол Сталин,
А кругом летали соколята стаей...

Энергия, решительность, сильная воля, широко практикуемые методы запугивания и принуждения позволяли им руководить любым порученным делом. По сталинской методике они отстраивали руководимые ими структуры, подбирали и расставляли кадры, **готовили страну к войне.**

Как раз в январе 1934 года товарищ Сталин прозорливо указал:

«Дело явным образом идет к новой войне... Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны... А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получают сокрушительный отпор, чтобы впредь неподвадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород».

При этом, нет сомнений, зарубежный пролетариат и «многочисленные друзья рабочего класса СССР» не преминут воспользоваться случаем и ударят в тыл «своим угнетателям, которые затеяли войну против отечества рабочего класса всех стран».

Реально «первому в мире социалистическому государству» никто не угрожал. Заключение в 1932 году договоров о ненападении с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей обезопасило северо-западные границы от возможного их антисоветского союза и позволило заключить 29 ноября того же года советско-французский договор о ненападении. В сентябре 1934 года СССР вступил в Лигу Наций. 2 мая 1932 года Франция подписала с Советским Союзом договор о взаимопомощи, хотя и без военной конвенции.

Но события в Европе и на Дальнем Востоке свидетельствовали о глубоком кризисе Версальской системы международных отношений. В 1931 году японская армия вторглась в Северо-Восточный Китай, в 1932-м оккупировала Маньчжурию.

Германия в начале 1935 года объявила об отказе от военных ограничений. 10 марта в Берлине официально объявили о создании ВВС, а 16 марта — о введении всеобщей во-

инской повинности. 18 июня было заключено англо-германское соглашение о военно-морских вооружениях. В октябре итальянцы вторглись в Эфиопию. Сильная Германия нужна была британским политикам, чтобы ограничить гегемонию Франции на континенте. Париж заигрывал с Римом. Притом и англичане и французы фашизм рассматривали как противовес большевизму. Все великие державы раскручивали маховик гонки вооружений в преддверии новой схватки за передел мира.

Главной целью внешней политики Советского государства стало глобальное переустройство международных отношений путем «раскачивания» капиталистического лагеря, недопущения консолидации великих держав, содействия, по возможности, неизбежному межимпериалистическому конфликту и использования «удобного случая». Дальнейшая стратегия была продумана еще в 1925 году:

«Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить» (из речи Сталина на январском Пленуме ЦК ВКП(б)).

С 1935 года Сталин начал конкретную подготовку страны к будущей войне.

15 мая Центральный Комитет ВКП(б) принял решение создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к войне с враждебными СССР державами (Германия, Япония и Польша, в первую очередь; Франция и Англия — во вторую). В ее состав вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Орджоникидзе. В основу работы комиссии был положен принцип: «Будем бить врага на его собственной территории».

К концу 1935 года в основном завершился переход от смешанного территориально-кадрового принципа комплектования РККА к единому кадровому принципу. Кратковременные сборы личного состава в условиях насыщения армии современной техникой уже не позволяли обеспечить

необходимый уровень подготовки бойцов и командиров. Логичной мерой, в связи с превращением армии в кадровую, выглядит введение 22 сентября персональных воинских званий. В постановлении ЦИК и СНК СССР говорилось:

«Особо ответственные задачи в деле обучения и воспитания красноармейских масс, возложенные на начальствующий состав в целом, и ведущая роль командиров в бою требует установления военных званий, отчетливо отражающих военную квалификацию каждого командира и начальствующего лица, их служебный стаж и заслуги, их власть и авторитет как командиров и начальников Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В ноябре специальным постановлением пяти самым выдающимся полководцам были присвоены звания Маршала Советского Союза.

Красная Армия в этот период представляла собой уже внушительную силу. Общая численность Советских Вооруженных Сил к 1935 году составляла 1 200 тысяч человек, в том числе 980 тысяч в сухопутных войсках. На вооружении имелось 4400 танков, танкеток и бронемашин, свыше 6000 самолетов. Организационно они были сведены в 87 стрелковых и 32 кавалерийские дивизии, 2 отдельные стрелковые, 12 танковых и 3 стрелково-пулеметные бригады, 2 танковых полка, 4 танковых батальона РКК.

Огромная работа была проделана по подготовке «малой войны»: создана сеть диверсионных групп в городах и на железных дорогах, сформированы и всесторонне подготовлены отряды, способные разворачиваться в крупные партизанские формирования, заложены тайные склады продовольствия, взрывчатки, оружия и боеприпасов. Заблаговременно были подготовлены к взрывам мосты, большие трубы, депо, водонапорные башни, высокие насыпи и глубокие выемки. Так, к 1 января 1930 года в приграничной полосе Юго-Западной железной дороги глубиной до 200 км из личного состава погранвойск и военизированной охраны железных дорог были подготовлены, кроме подрывных команд двух железнодорожных полков, более 60 партизанских подрывных команд общей численностью около 1400 чело-

век. Оборудованы специальные минные трубы, ниши и камеры на железной дороге и на объектах. Аналогичная работа проводилась в Белорусском и Ленинградском округах.

Разработанный Штабом РККА в начале 30-х годов план отражения «иностранной интервенции» предусматривал развертывание с первых дней войны партизанской борьбы в тылу врага, в том числе за пределами Советского Союза. Для этого, кроме 3-й авиационно-десантной бригады особого назначения, в Московском и приграничных округах было создано 33 штатных и нештатных батальона особого назначения.

В соответствии с поставленной Оборонной комиссией задачей советские стратеги принялись за составление новых планов. Вероятным противником они считали Польшу в союзе с Германией. В качестве возможного союзника рассматривалась Чехословакия.

«На ближайший отрезок времени, — писал М.Н. Тухачевский, — «бить противника на его территории» означает бить польско-германские силы на польской территории».

Чтобы упредить врага в развертывании, сорвать мобилизацию и переброску сил, война должна «вспыхнуть неожиданно» и начаться немедленным вступлением в Западную Белоруссию и Украину советских армий вторжения, поддержанных сильной авиацией:

«Таким образом, операции вторжения срывают сроки сосредоточения противника, если война началась без предмобилизационного периода, что наносит удар по польской мобилизации; наконец, операции вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение...

Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным вторжением».

Вслед за этим, закончив стратегическое развертывание, Белорусский и Украинский фронты с линии Гродно—Слоним—Лунинец—Львов переходят в совместное наступление, причем главный удар предпочтительнее наносить из

района южнее Полесья «в центр Польши», где и произойдет решающее столкновение.

Различные варианты боевых действий были разыграны в ходе военных игр в апреле 1936-го и в январе 1937 года. По всем расчетам выходило, что наличных сил и средств Красной Армии пока недостаточно для нанесения поражения польско-германским силам «на чужой территории»: количество дивизий надо увеличить минимум в полтора раза и бить противников желательно поодиночке — молодой вермахт уже считался опасным противником. Но в любом случае в силе должны оставаться операции вторжения:

«Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намеченного противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию противника».

Операции вторжения с массовым применением авиации, крупных подвижных соединений и воздушно-десантных войск отрабатывались и оттачивались на маневрах Киевского (1935), Белорусского и Московского (1936) и других округов.

Стоит отметить, что напасть на СССР первой, даже в союзе с Польшей, Германия никак не могла. В 1935—1937 годах власть нацистов висела на ниточке, свитой из сытого благодущия Франции и нахальства Гитлера. В марте 1936 года, злодейски осуществляя ремилитаризацию Рейнской области своей же страны, фюрер буквально играл в русскую рулетку, доведя до состояния «истеричной служанки» военного министра Вернера фон Бломберга.

Тем временем с утроенной силой продолжался процесс «вооружения пролетариата». За две пятилетки СССР был радикально преобразован и стал могущественной военно-экономической державой. Страна достигла высокого уровня экономической автаркии, что позволяло целенаправленно готовиться к борьбе за усиление советского влияния в мире.

Особых масштабов военное строительство достигло в ходе второй пятилетки. Если общий промышленный прирост за 1933—1937 годы составил 120%, то в военно-промышленном

комплексе — 286%. Доля военных расходов в бюджете страны скакнула с 11,7% до 21%. Около 40% сметы Наркомат обороны тратил на закупку вооружения и техники.

Среднегодовая производительность авиационной промышленности в 1935—1937 годах достигла 3578 самолетов, бронетанковой — 3139 боевых машин (британская армия в 1936 году располагала 375 танками), артиллерийской — 5020. Выпуск винтовок перешагнул за миллион в год. Но и эти цифры не удовлетворяли Военное ведомство, финансирование которого стало настолько щедрым, что деньги не успевали потратить — промышленность не справлялась с заказами. Численность вооруженных сил превысила полтора миллиона человек.

Всеми вопросами вооружения ведал лично товарищ Сталин. Он регулярно вызывал к себе главных конструкторов, директоров заводов, обсуждал характеристики видов вооружения, устанавливал планы выпуска продукции и тут же давал встречные планы. «Без одобрения И.В. Сталина, — свидетельствует маршал Жуков, — ни один образец вооружения или боевой техники не принимался на вооружение и не снимался с вооружения».

Иосиф Виссарионович, обладавший колоссальными памятью, работоспособностью и обширной эрудицией, но при этом сугубо гражданский человек, сам решал, что нужно Красной Армии, а что нет. Он, конечно, советовался со специалистами, которых, кстати, довольно часто менял. Но решал сам: принять на вооружение данное орудие — снять с вооружения данное орудие, убрать со штурмовика заднего стрелка — посадить на штурмовик заднего стрелка, стереть в лагерную пыль этого конструктора — достать его из-под земли и доверить ответственное правительственное задание.

Вот только за всем разве углядишь! Даже «Военно-исторический журнал» поставил вопрос о «неэффективно истраченных финансовых средствах». О чем это? О том, что в 1934—1936 годах «практически все сходявшие с конвейера танки были устаревшими», на производство металлолома израсходовали почти два миллиарда рублей, «что сопоста-

вимо со всеми расходами на образование в СССР в этот период».

К примеру, за эти три года наклепали более 3600 двухместных плавающих танков Т-37А и Т-38 с лобовой броней 8 мм, двигателем в 40 «лошадей», вооруженных одним 7,62-мм пулеметом (вообще они стояли в производстве с 1933 по 1939 год). Как показал опыт боевых действий в Польше и финской кампании, эти пулеметы на гусеницах тонули охотнее, чем плавали, а на пересеченной местности отставали от пехоты и были «не способны ходить по маломальской грязи». Тем не менее «разведчики», пригодные только к парадным прохождением, состояли на вооружении до 1941 года и сгинули абсолютно без всякой пользы, как не было. Ни один танкист не оставил мемуаров: «Я воевал на Т-37».

Или к чему было в период натуральной революции в военной технике производить 11 000 танков Т-26 с противопульным бронированием? Да просто потому, что масштабы у нас такие — социалистические, страна большая. Вон, Жуков будет жаловаться, что ему не хватает 25 000 танков новейших конструкций, и получит эти танки. Как всякий диктатор, Сталин имел склонность к гигантомании, ему нравились большие пушки, большие корабли, армады танков и самолетов. Он понимал, что для победы всего необходимо много: сто тысяч боевых машин, сто тысяч бомбардировщиков, побольше химического оружия (через четверть века другой «верный ленинец» под бурные аплодисменты будет транжирить деньги бессчетно, пилить корабли, менять пушки на ракеты, откроет и закроет лунный проект; его объявят недоумком, Сталина — гением).

Трудно, однако, в 60 лет при немыслимой загруженности разными делами не то что вникнуть, а хотя бы понять суть таких проблем, как радиолокация, гидроакустика, радиосвязь, криптография, или что за штука такая — деление урана? Но система так была устроена, что думать больше было и некому, и принимать государственные решения никому не дозволялось.

Давно стало банальностью изречение — все генералы го-

товятся к прошедшей войне. На мышление Сталина и большинства советских генералов наложили отпечаток нестандартный опыт Гражданской войны и стереотип классового подхода.

Саму войну Иосиф Виссарионович считал менее сложным делом, чем коллективизация, — главное, досконально подготовиться и правильно расставить кадры. Военных профессионалов он всерьез не воспринимал. Весьма характерна сталинская телеграмма Ленину от 16 июня 1919 года:

«Морские специалисты утверждали, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Красной Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

С каждым прошедшим годом уверенность Иосифа Виссарионовича в своих военных дарованиях только крепла. И то сказать, самые прославленные полководцы страны учились у него науке побеждать.

«Я не могу хотя бы вкратце не вспомнить одного из классических уроков, который был дан нам с командной высоты царицынских полей великим стратегом классовых битв товарищем Сталиным», — умилялся маршал А.И. Егоров, сам командовавший фронтами и руководивший проведением стратегических операций. Но куда Егорову до «гиганта мысли»: «Боевые операции, проведенные товарищем Сталиным, неизгладимым уроком стоят в нашем сознании как образцы классического военного искусства эпохи Гражданской войны».

Самое важное в преддверии Большой войны — навести порядок в доме, превратить СССР в единый военно-трудовой лагерь, сцементированный верой и страхом.

15 мая 1935 года был создан еще один «орган» — Особая комиссия Политбюро по безопасности — для руководства

ликвидацией «врагов народа». В ее состав вошли Сталин, Жданов, Ежов, Шкирятов, Маленков и Вышинский. Эта комиссия должна была руководствоваться сталинским лозунгом: «Чтобы успешно бить врага на фронте, надо уничтожить сначала врагов в собственном тылу». Цель — обеспечить создание «морально-политического единства советского народа».

Для любого диктатора устранение политических конкурентов является заботой номер один.

Иосиф Виссарионович пятнадцать лет шел к вершине, преодолевая сопротивление реальных врагов, идейных противников, упирающихся и сомневающих. Их происками он объяснял все трудности и все неудачи. Он привык искать врагов всюду и всюду их находил. Враги были среди «ленинской гвардии», правой и левой оппозиции, инженеров-вредителей, военных, дипломатов, народов-предателей и в собственной семье. Подобно Марату, он мог сказать: «Никакая земная сила не может помешать мне видеть изменников и изобличать их, вероятно, благодаря высшей организации моего ума».

Ленин рекомендовал убивать не только врагов, но и пособников и могущих быть пособниками, «сомнительных и колеблющихся». Однажды начатое дело пора было довести до конца, а заодно почистить ряды. Слишком много скопилось обиженных — отстраненных от кормила вождей, лишенных возможности властвовать военных, задвинутых на второй план «старых большевиков», «возомнивших себя незаменимыми» зазнавшихся и зажравшихся партийных вельмож, просто «шатающихся». Они переписывались, встречались, что-то обсуждали, а то и умышляли. Несомненно, были и такие, которые спали и видели товарища Сталина в гробу в белых тапочках.

Результаты голосования на последнем съезде доказывали наличие скрытой оппозиции. Перед лицом новой опасности «верные ученики» еще теснее сплотились вокруг Вождя. Летом 1936 года Сталин начал планомерную зачистку высшего эшелона партии. Николай Ежов (1895—1940) уже примерял свои знаменитые рукавицы.

В результате кропотливого труда правильно ориентированных следователей НКВД вырисовывалась картина грандиозного заговора, опутавшего все структуры. Во главе его стояли трижды исключенные из партии, осужденные на 10 лет, но так и не разоружившиеся недобитки Зиновьев и Каменев. Тайные нити тянулись за границу, к Троцкому, к кому же еще. «Заговорщики» уже осуществили убийство Кирова и теперь планировали захват Кремля, физическое устранение товарища Сталина и членов Политбюро, список прилагается. После чего в Москву въезжает Троцкий и «реставрирует капитализм».

Давно сломленный Зиновьев во всем сознался сразу и заявил о готовности сделать все, «чтобы заслужить прощение, снисхождение». С Каменевым пришлось повозиться, но и он быстро сдался. 19 августа в Доме Союзов состоялся открытый процесс по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра». На суд вывели 15 человек, знаменитых партийцев — Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского, Рейнгольда...

Процесс прошел как по маслу. Под тяжестью «неопровержимых улик» все обвиняемые признались в террористической деятельности, раскаялись и единодушно потребовали для себя расстрела. «Мой извращенный большевизм превратился в антибольшевизм, — сокрушался Зиновьев, — и через троцкизм я пришел к фашизму. Троцкизм — разновидность фашизма».

Их убили в ночь на 26 августа. Потом убили их детей. Под бурные аплодисменты номенклатуры, еще не осознавшей всю глубину замысла Вождя.

«Уничтожьте эту гадину! Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма, которые готовы были помочь зажечь пожар войны, облегчить победу фашизму, чтобы из его рук получить хотя бы призрак власти, — обличал Карл Радек (1885—1939). — Люди, поднявшие оружие против жизни любимых вождей пролетариата, должны уплатить головой за свою безмерную вину. Главный организатор этой банды и ее дел Троцкий уже пригвожден истори-

ей к позорному столбу. Ему не миновать приговора мирового пролетариата».

Ради погромной публикации арест самого Карла решили ненадолго отложить, умел, подлец, глаголом жечь.

«Не хватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух», — задыхался от негодования Георгий Пятаков.

Антонов-Овсеенко разразился статьей в «Известиях» об «особом отряде фашистских диверсантов, с которыми может быть только один разговор — расстрел!» и славил «товарища Сталина, который орлиным взором видит перспективу, обеспечивает единство, превратил СССР в могучий гранитный утес».

Забыл Владимир Александрович про свое троцкистское прошлое, так ему вскоре напомнят.

Чекисты уже выдергивали на очные ставки участников будущих политических процессов, вместе с обвиняемыми редактировали показания, оттачивали формулировки, придумывали подробности. Кровавый карлик Ежов с восхитительной непосредственностью описывал механику следствия:

«Прежде чем протокол давать на подпись обвиняемому, его вначале просматривал следователь, потом передавал начальству повыше, а важные протоколы доходили даже до наркома. Нарком вносил указания, говорил, что надо записать так, а не эдак, а потом протокол давали подписывать обвиняемому».

23—29 января 1937 года состоялся еще один процесс над ленинскими соратниками — дело «параллельного троцкистского центра». В нем участвовали старые большевики, раскаявшиеся и прощенные оппозиционеры, заслуженные деятели партии «чудес» Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников, Муралов и другие — всего 17 человек. Как выяснилось, и они тоже убивали Кирова, занимались шпионажем, диверсиями и подготовкой террористических групп,

строили планы поражения Советского Союза в войне с Германией, портили чистый воздух и мечтали о восстановлении «капиталистических порядков».

На суде все они признавались с такой готовностью, что присутствовавший в зале знаменитый немецкий писатель Лион Фейхтвангер (1884—1958) впоследствии написал: «Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной степенью точности все происшедшее».

В самую точку: Радек, удрученный литературной бездарностью следователя, собственноручно строчил на себя протоколы, Пятаков буйно фантазировал, как он тайно летал самолетом в Осло устанавливать связь с Троцким и договариваться о германской интервенции.

Дотошно во всем разобравшись, суд приговорил 13 человек к расстрелу, четверым «навесили срока» и убили чуть позже, в лагерях.

Предавший всех своих друзей и учеников Н.И. Бухарин писал:

«Что мерзавцев расстреляли — отлично: воздух сразу очистился... Коба! Я видел, как дух Ильича почует на тебе».

Дойдет очередь и до Бухарина, морально он уже был мертвец, «душонка, обремененная трупом», сочиняющая на досуге письма о любви к Сталину, стихи о счастливой жизни в СССР и обращение к «Будущему поколению руководителей партии»:

«Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на Пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии. Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови».

«Вот с какими гадами мы работали... А если бы не было этих репрессивных методов, они бы не боялись так — тоже надо иметь в виду», — разводил руками доживший до глубокой старости Молотов.

«Но сейчас говорят, что у обвинения не было никаких фактов, кроме признания обвиняемых, что еще не является

доказательством вины», — сомневался беседовавший с ним Феликс Чуев.

«Какое нужно еще доказательство вины, — отвечал Молотов, — когда мы и так знали, что они виноваты, что они враги!»

В свое время Бухарин сам сформулировал: «В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». Товарищ Сталин оказался шустрее, он спиной не поворачивался никогда. Он — настоящий революционер — неумоимо дырявил затылки. Кому пулей, кому альпенштоком. Потому побеждал. А воздух становился все чище и бодрее.

По всей стране, «где так вольно дышит человек», разворачивалась полномасштабная охота на «врагов народа» и членов их семей. Центр спускал по административной цепочке квоты на отстрел людей в каждой республике и каждом районе. С мест кричали: «Мало!» — и выдвигали встречные планы. «Дорогой товарищ Сталин, — жаловался первый секретарь ЦК Украины. — Украина Вам посылает ежемесячно по 17–18 тысяч арестованных. Москва утверждает 2–3 тысячи. Прошу принять меры. Любящий Вас Никита Хрущев».

Репрессивная машина набирала обороты. В кровавой мясорубке гибли партийцы и беспартийные, рабочие и крестьяне, школьники и профессора, атеисты и служители культа, домохозяйки и члены Центрального Комитета партии, артисты и чекисты.

На февральско-мартовском Пленуме 1937 года генсек сделал знаменитый доклад: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»:

«Надо помнить: никакие успехи не могут аннулировать факта капиталистического окружения... Пока есть капиталистическое окружение, будут и вредительства, террор, диверсии, шпионы, засылаемые в тылы Советского Союза... Надо разбить, отбросить гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас будет затухать...»

Делегаты — члены Политбюро, партийные бонзы и гла-

вы народного хозяйства ретиво, наперегонки отчитывались об успехах в разоблачении вредителей. Им, хозяевам новой жизни, это дело всегда нравилось, им пока было весело.

Стенографистки фиксировали приступы радостного оживления. Вечернее заседание 1 марта 1937 года. Вот выступает нарком водного транспорта Пахомов:

«Недавно только стали проверять кадры и уже такой букет. Сердюк — начальник Днепропетровского пароходства, Хандожко — заместитель начальника Енисейского пароходства — я называю фамилии людей, которые уже разоблачены и арестованы. (Смех.) Зимин — начальник механико-судовой службы, Кувшинов — заместитель начальника Верхне-Волжского пароходства, Бовин — начальник Центр-управления Верхне-Волжского пароходства, Самарцев — зам. начальника Московско-Окского пароходства. (СТАЛИН. Бовин тоже арестован?) Тоже арестован, тоже сволочью оказался. (Молотов. Правильно арестован?) Правильно. (МОЛОТОВ. А раньше вы не догадывались?) Нет, не догадывался.

Я не стану занимать ваше время зачитыванием большого списка, у меня этот список имеется на 77 человек (смех), из которых 2/3 арестованы. (СТАЛИН. Маловато что-то.) Тов. Сталин, я вам сказал, что это только начало. (Смех всего зала.)...

Мы должны работать по-новому, а для этого мы должны прежде всего раскрыть всех вредителей. Как их можно раскрыть? Если этот факт взять и по-настоящему рассмотреть, по-новому рассмотреть, почему это случилось, то мы дороемся и выявим еще одного-двух сволочей, уверяю вас. А как только двух-трех сволочей поймаем, эти две-три сволочи дадут еще двух-трех сволочей. (Смех.)».

Из выступления наркома внутренних дел Ежова:

«Например, в Госбанке СССР нами вскрыта довольно мощная троцкистская организация численностью до 20 человек... (ГОЛОСА С МЕСТ. Здорово! Ого!)... По наркомлегкпрому мы, по существу, только разворачиваемся. Хотя уже сейчас у нас осужден 141 активный вредитель и диверсант. Из них довольно значительная группа расстреляна».

Вредители скрывались везде. Взрывы на шахтах, аварии — диверсии и «вредительская охрана труда», нехватка средств — «вредительская инструкция по кредитованию сельского хозяйства», не работает канализация — «вредительское составление проекта». Попутно признавались в собственной некомпетентности:

«Нам нужно, товарищи хозяйственники, основательно порыться и разобраться, где тайны и в проектах, и в предприятиях, и в цехах, и в агрегатах... Значит, для того, чтобы у нас не было вредительских вещей, для этого мы должны, во-первых, сами знать и уметь по-настоящему разбираться во всех делах, во-вторых, взять под действительный контроль, под настоящую проверку те решающие вещи, которые нам нужны».

Сталин (он готовится к войне, обеспечивает «надежный тыл», Молотов именно так объяснял Большой Террор) внимательно наблюдал эту вакханалию, вел отбор: с кем можно будет «пойти в разведку», кого пора спустить в подвал, кто еще пригодится. На письменном столе генсека уже не ленинские тома — теоретические споры давно закончены, — а история деяний Иоанна Грозного:

«Таким медленным и верным путем были уничтожены все местные уставы. Вече исчезло, дружина обратилась в придворных слуг, во всем зависящих от личного расположения князя. Сам князь и его власть поднялись на недосягаемую высоту, и величие этой власти бросалось в глаза каждому, ибо вокруг было ровное поле». На полях — сталинские пометки: «Учитель... учитель...»

Сразу после окончания Пленума последовала генеральная директива ЦК ВКП(б), в которой указывалось, что «теперь слабость наших людей составляет не их техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, необходимость проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы».

Не сразу, но до партийных бояр дошло, что в праве на пулю их уравнили со всеми счастливыми советскими людьми:

«Верхушка была охвачена страхом. Все соревновались в проклятиях бывшим друзьям и врали друг другу, отцу, и матери, и детям, только бы продемонстрировать лояльность «усатому». Люди ждали ареста со дня на день и врали даже самим себе, даже в дневниках, надеясь, что их прочтут на следствии».

Смена кадров, приобретающая характер массовых репрессий, вела к тому, что многие руководители вообще переставали думать, ибо всякая инициатива наказуема, в обстановке «дикой охоты» — смертельно опасна. В обществе насаждалась атмосфера страха, парализовавшая волю, приводившая к моральной деградации. Партийный «генералитет» и партийное «офицерство» впадали в безумие от переполнявших горячечный мозг преданности и ужаса.

Кандидат в члены Политбюро П.П. Постышев: «...везде и всюду начал кричать, что нигде нет порядочных людей, что много врагов... Часто Постышев вызывал к себе представителей райкомов, брал лупу и начинал рассматривать ученические тетради. У всех тетрадией оборвали обложки, потому что на обложке в орнаменте Постышев разглядел фашистскую свастику!»

Но ни пролетарское происхождение вкупе с полным отсутствием образования, ни заслуги в коллективизации Украины, ни усердие в проведении Большой чистки Павлу Петровичу не помогут. А с лупой — это он, надо признать, хорошо придумал. Лупой в Советской стране обзаведется каждый секретарь горкома, райкома, парткома; все будут искать и находить — в детских тетрадках, в рисунках тканей, на деньгах (первые советские деньги как раз и печатались со свастикой) — тайные фашистские знаки, нанесенные вездесущей вражеской агентурой. Их бы всех на нелегальную работу в Германию отправить, красные звезды на рейхстаге по ночам малевать.

После каждой очистительной волны «вожди» мельчали, тоньчали шей, становились ниже ростом, скуднее умом. Партийные работники всех уровней составили самый неграмотный слой советской «интеллигенции». Накануне Великой Отечественной войны 70% секретарей районных и

городских комитетов партии, а также парткомов организаций и предприятий имели лишь полное или неполное низшее образование. Лидеры уровня союзных и автономных республик, обкомов и крайкомов мало отличались от своих младших единомышленников и подельников: половина из них имела общее образование в объеме четырех классов начальной школы.

(Начальный период войны в очередной раз подтвердит известную истину: палачи не могут быть защитниками. Драпающие на восток партийные и советские работники станут самыми мобильными «наземными частями», далеко превзойдя пресловутые танковые группы как по скорости, так и по оснащенности транспортом. Они бросят секретные документы, любимые лупы, неблагодарный народ, свои обязанности по проведению мобилизационных мероприятий, но не забудут прихватить жен, любовниц, комоды и фикусы в кадках. Всего лишь несколько примеров, всего лишь за две недели памятного лета 1941 года:

«Руководящие работники Гродненского, Новоград-Волынского, Коростенского, Тернопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того, чтобы вывезти материальные ценности, вывозили имеющимся в их распоряжении транспортом личные вещи...»

«В Пинске сами в панике подорвали артсклады и нефтебазы и объявили, что их немцы бомбами подорвали, а начальник гарнизона и обком партии сбежали к нам в Лунинец...»

В Витебске за неделю до прихода немцев:

«Облсполком распустил свои отделы. Большинство работников со своими семьями уехали. Райсоветы также не работают и никакого порядка в городе не наводят. Сейчас в Витебске не найдется ни одного учреждения. Которое бы работало. Закрылись и самоликвидировались все, в том числе облсуд, нарсуды, облпрокуратура, облздрав, профсоюзы и т.д... Тревога и паника усилились еще и тем, что в городе стало известно о том, что ответственные работники облорганизации эвакуируют сами свои семьи с имуществом, получив на ж. д. станции самостоятельные вагоны, причем жены этих ответственных работников из НКВД, облисполкома, парторганов и другие

стали самовольно уходить с работы. Так, например, ушли с телеграфа, с телефонной сети, из больниц и других учреждений...

...председатель Витебского горсовета Азаренко загрузил в приготовленный им грузовик бочку пива, чтобы пьянствовать в дороге, как он обыкновенно это делает в городе у себя на службе...»

«Следует отметить, что ряд работников партийных и советских организаций оставили районы на произвол судьбы, бегут вместе с населением, сея панику. Секретарь РК КП(б)У и Председатель РКК Хмельницкого района 8.7 покинули район и бежали».

Вместе с населением — сильно сказано. Откуда у населения грузовики и «самостоятельные вагоны»? Население секретарское племя бросило на произвол судьбы.

Они вернутся только через три года, объявят всех оставшихся на оккупированных территориях людьми второго сорта, «подвергшимися воздействию фашизма». И потом пять десятилетий будут распевать о своей «руководящей и направляющей роли», заваливать прилавки макулатурой о подпольных обкомах «в действии» и о том, как «партийный билет делал бойца в два раза сильнее».)

В марте 1938 года в Москве разыграли последний открытый политический спектакль — процесс по делу «Антисоветского право-троцкистского блока». Главные роли исполнили Н.И. Бухарин (в тюрьме на него снизошло просветление — он осознал высшую целесообразность сталинского террора: «...есть какая-то большая и смелая политическая идея Генеральной чистки: а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии (?) эта чистка захватывает всех а) виновных, б) подозрительных, с) потенциально подозрительных...»), Н.И. Рыков, А.И. Ягода, Н.Н. Крестинский, А.П. Розенгольц, М.А. Чернов, И.А. Зеленский.

И эти нелюди тоже убивали Кирова, сжили со свету Горького, Менжинского, Куйбышева (его родной брат комкор Николай Куйбышев, командующий войсками Закавказско-

го ВО, тоже «заговорщик», уже сидит, его очередь подойдет в августе), планировали перерезать Политбюро, искажали верную политику коллективизации, мечтали вернуть свободные советские народы под «капиталистическое ярмо», сотрудничали с немецкой, польской, японской, британской разведками, националистическим подпольем, военными заговорщиками, вредителями из НКВД, что-то взрывали и подавали патроны Фанни Каплан, когда та стреляла в Ленина. В общем, гадили Советской власти где могли.

За время коллективизации пало более половины имевшихся в стране 33 миллионов лошадей, 70 миллионов голов рогатого скота и свиней. Так вот, лошадей извел нарком земледелия Чернов, организовавший три фабрики «для выработки заразных препаратов» и чуть было не оставивший красную кавалерию без скакунов. Он же с пособниками «специально прививал рожу и чуму свиньям». Розенгольд организовал «вредительский экспорт чугуна» в Японию, из которого японская военщина выделывала снаряды на головы мирных советских граждан. Председатель Центросоюза И.А. Зеленский подсыпал в масло и другие «предметы продовольствия» стекло и гвозди.

И при таком «букете» статей глава заговора Бухарин рассчитывал, что ему сохранят жизнь, отправят отбывать срок «на Печору и Колыму, в лагерь, где я поставил бы университет (!), институты (!!), картинную галерею (!!!), зоо- и фото-музей (?)».

15 марта 1938 года его радикально излечили от застарелого инфантилизма. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила 18 участников «блока» к расстрелу, трое дали по 25 лет заключения.

Отходную последним представителям племени «старых большевиков» спел генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский (1883—1954):

«Вся страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов! Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников за-

растут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!»

Счастлив тот человек, кто родился в советский век.

В 1939 году Советским Союзом правила совсем другая партия. Прошли времена, когда кто-нибудь имел смелость возражать, задавать вопросы, просто открывать рот в присутствии Великого Кормчего. Из пятнадцати народных комиссаров первого набора Совнаркома, деливших портфели после взятия Зимнего дворца, в живых остались трое — Троцкий, Авилов-Глебов (оба уже приговорены) и Сталин; естественным образом успели отойти в мир иной четыре человека.

На апрельском сборище партийного актива Киевского особого военного округа начальник Главного политуправления РККА комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис делился впечатлениями о последнем съезде:

«На XVIII съезде ВКП(б) не было ни оппозиционных, ни подло замаскированных речей. Даже внешне съезд выглядел по-другому — большевистская организованность, подтянутость, деловитость характеризуют работу съезда. Во время работы съезда в кулуарах и курилках люди не болтались. Внимательно слушали ораторов, аудитория ловила каждое слово выступающих и быстро реагировала.

Делегаты с особенной любовью и вниманием ловили каждое слово вождя нашей партии товарища Сталина. Нет слов, которыми можно было бы выразить то теплое чувство, ту любовь, те взгляды, которые тянулись из зала к руководителям партии и правительства, к тому человеку, с именем которого неразрывно связана наша победоносная борьба — к великому товарищу Сталину...

По своему единству, по своей монолитности, по своей спаянности и единой целеустремленности XVIII съезд пар-

тии занимает выдающееся место в истории большевизма. Многие годы нам не удавалось в партии создать такую обстановку... Великий вождь партии товарищ Сталин, руководители партии и правительства — все были избраны съездом в состав Центрального Комитета единогласно».

Он уже не человек. Позже Н.С. Хрущев вспоминал: «Мы привыкли: раз Сталин предлагает, то нет вопросов — Богом данное предложение; все, что дает Бог, не обсуждают, а благодарят за это» (в хорошем расположении духа кремлевский бог похлопывал секретаря Московского обкома партии по бритой голове и называл своим «маленьким Марксом», Никита Сергеевич краснел и расцветал счастливой улыбкой).

Понятно, что столь масштабный заговор никак не мог быть осуществлен без участия в нем военных. 23 февраля 1937 года нарком Ежов сообщил Пленуму, что лидеры анти-советской организации правых, которую возглавлял центр в составе Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и Шмидта, планировали не только проведение серии террористических и диверсионных актов, но и замыслили «свержение сталинского режима» путем дворцового переворота, «могущего быть совершенным одним из красных генералов».

Другой вариант — подготовка поражения СССР в войне с Германией или Японией, что, понятно, тоже не могло быть достигнуто без помощи «особливо конспирированной» военной организации. Молотов подтвердил: «Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко».

Репрессии и до того не раз сотрясали Красную Армию. В середине 20-х была проведена чистка командного состава и политических работников, подозреваемых в сочувствии к троцкистской оппозиции. Спустя несколько лет были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. В ноябре 1928 года уже 72% красных командиров составили выходцы из рабочих и крестьян. Только с 1 ноября 1929 по 31 декабря 1931 года из армии

было изъято 4473 человека кадрового состава и 5600 человек переменного.

Дело не ограничивалось только их увольнением из вооруженных сил. Был сколочен ряд дел о заговоре, по которому осудили более трех тысяч командиров. Волна арестов прокатилась по армии в связи с убийством Кирова. За период с 1 декабря 1934 по 20 января 1935 года только в МВО «за открытое проявление контрреволюционных настроений» было арестовано 43 военнослужащих. Из Военно-политической академии был уволен 131 человек, многие из них затем исключены из партии и арестованы. Бдительные органы никогда не упускали армию из поля зрения, но пик террора пришелся на 1937—1938 годы.

Согласно записке армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко, с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 года из РККА было уволено 21 268 военнослужащих, в том числе по политическим мотивам 17 413 человек, из них арестовано и осуждено 5329 человек. Таким образом, за этот период вычистили «всего-навсего» чуть более 1% от списочной численности вооруженных сил. Зато какой это был «процент»! Никогда террор не касался начальников столь высокого ранга. Во главе троцкистского военного заговора стояли маршал и командующие войсками важнейших округов!

Первой разоблачили, арестовали и расстреляли в июне 1937 года «банду Тухачевского». Маршал Ворошилов еще до суда над «изменниками» секретным приказом довел до личного состава всех рот, эскадронов, батарей и эскадрилий о разоблачении органами НКВД военной фашистской организации, имевшей «стремление ликвидировать Советский Союз и восстановить в СССР ярмо помещиков и капиталистов», готовившей убийства руководителей партии и правительства, продававшей врагам военные тайны, подрывавшей «оборонную мощь нашей Родины».

Дальше все пошло по накатанной колее: «А как только двух-трех сволочей поймаем, эти две-три сволочи дадут еще двух-трех сволочей». В результате выявили десятки контрреволюционных организаций, поразивших метастазами все

рода войск, все подразделения вооруженных сил. И началась пальба по своим.

По должностям в 1937—1938 годах были репрессированы три заместителя наркома обороны, нарком Военно-Морского флота, 16 командующих войсками округов, 25 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штаба округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка, два заместителя начальника политуправления РККА, начальник политуправления ВМФ и ряд других командиров и политработников.

Со времен перестройки длительное время из книги в книгу, из одной телевизионной передачи в другую кочевала фраза:

«Были репрессированы три маршала Советского Союза из пяти, два армейских комиссара 1-го ранга из двух, два командарма 1-го ранга из четырех, 12 командармов 2-го ранга из 12, два флагмана флота 1-го ранга из двух, 15 армейских комиссаров 2-го ранга из 15...», ну и так далее. Кто считал, по какой формуле — уже не понять. Также непонятно, какой исторический период имелся в виду и кого зачислили в разряд «репрессированных». Некоторую достоверность придавало то обстоятельство, что маршалов подсчитали правильно. Но отсюда же следует, что охватываемый период укладывается в 1935—1939 годы, что лишает все остальные расчеты какого-либо смысла.

Начнем с того, что в 1935 году звания командарма 1-го ранга были удостоены пять человек. Из них один умер своей смертью в 1936 году и похоронен с высшими почестями, двоих — Якира и Уборевича — расстреляли в 1937-м. В дальнейшем командармами 1-го ранга стали еще четверо военачальников, а троих расстреляли. Трое оставшихся — Шапошников, Тимошенко, Кулик — в 1940 году стали Маршалами СССР.

Армейский комиссар 1-го ранга в наличии имелся один — начальник Политуправления РККА Ян Гамарник. Гамарник застрелился сам. Позднее это звание присвоили

Петру Смирнову, Ефиму Щаденко и Льву Мехлису. Первого расстреляли, а два других прекрасно себя чувствовали.

Командармов 2-го ранга «первой волны» было девять человек. В 1936 году к ним добавились И.И. Вацетис и А.И. Седякин. В 1937-м семерых репрессировали, Ивана Федько отправили на повышение, звание командарма 2-го ранга присвоили С.К. Тимошенко. В 1938—1939 годах арестовали еще троих.

За этот же период «ромбы» командарма получили М.П. Ковалев, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С.И. Кулик, Г.М. Штерн, И.В. Тюленев, И.Р. Апанасенко, О.И. Городовиков, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич, Д.Г. Павлов, Н.Н. Воронов, В.Д. Грендаль, И.В. Смородинов, В.Н. Курдюмов и другие. Этим сажали и отстреливали уже в генеральских званиях. Поэтому «двенадцать из двенадцати» никак не получается. Такая же путаница и с комиссарами.

Всего расстреляли: маршалов — 3, командармов 1-го ранга — 5, флагманов флота 1-го ранга — 2, командармов 2-го ранга — 10, армейский комиссар 1-го ранга — 1, армейских комиссаров 2-го ранга — 15, армвоенюрист — 1, комкоров — 60, корпусных комиссаров — 25, комдивов — 136, комбригов — 221, бригадных комиссаров — 34.

В праздничном докладе «XX лет РККА и ВМФ» в феврале 1938 года Ворошилов заявил:

«Красная Армия после уничтожения военно-фашистской банды и очищения своих рядов от продажной, изменнической мерзости стала неизмеримо более крепкой, еще более чем когда-либо монолитной и спаянной вокруг партии Ленина—Сталина, вокруг нашего рабоче-крестьянского Правительства». Однако в личных заметках Климент Ефремович писал о другом: «Авторитет армии в стране поколеблен... Подорван авторитет начсостава... Это означает, что методы нашей работы, вся система управления армией, работа моя, как наркома, потерпели сокрушительный крах».

Армия была в полном смысле слова обезглавлена. Убито все командование Военно-морского флота, вся «обойма» командующих военными округами и их заместителей начиная с 1924 года, за исключением Ворошилова и Шапошни-

кова, руководство Генерального штаба и управлений, преподавательский состав военных учебных заведений. Ротация командования, чехарда перемещений неизбежно вели к снижению уровня боеготовности войск.

Вновь назначенные на должности военачальники первым делом выкорчевывали «вредительские» начинания предыдущих. Так, в Забайкалье в 1937—1938 годах сменилось пять командующих округом. Генерал армии М.И. Казаков вспоминал, как его в июле 1937 года, после одного года обучения, досрочно выпустили из академии и направили в Среднеазиатский округ:

«Буквально через несколько дней после моего приезда был отозван в Москву командующий войсками округа комкор И.К. Грязнов и обратно не вернулся. Его заменил Ока Иванович Городовиков, бывший до этого заместителем у Грязнова. Затем не более двух месяцев пост командующего занимал А.Д. Локтионов, потом — Л.Г. Петровский, а в конце года на эту должность прибыл комкор И.Р. Апанасенко. Самые добрые воспоминания остались у меня о начальнике штаба комбриге А.К. Малышеве. К сожалению, вместе мы поработали очень недолго. В начале марта 1938 года совершенно неожиданно Малышев был отстранен от должности начальника штаба округа, и на его место назначили меня. Почти одновременно с этим произошел и ряд других замен в руководящем управлении округа...

Частая смена командующих ничего хорошего не приносила. Некоторые из них начинали не с созидательной деятельности, а с реорганизации и ломки всего того, что было создано до них. Это очень отрицательно сказывалось и на решении задач, которые стояли перед войсками, и главное — на настроении командного состава. Нужно было немало усилий, чтобы восстановить у людей уверенность, деловитость».

Конечно, можно за три года подготовить новых командующих никак не хуже, чем, к примеру, Дыбенко. А «если завтра война»? Видимо, Сталин воевать еще не собирался. По наблюдению Константина Симонова, Вождь уже возомнил, что «может планировать историю».

Не повышало боеспособность армии усиление политического надзора, ликвидация единоначалия и восстановление 10 мая 1937 года института военных комиссаров. Но как без них было обойтись, ведь «комиссар — глаза и уши партии и правительства». Чехословацкий атташе полковник Ф. Дастих по этому поводу писал:

«Для меня совершенно нетерпима теория, что в силу особенностей российской психологии и советской системы Красная Армия способна эффективно действовать на основе, неприемлемой для армий других государств. Я внимательно изучил систему политических комиссаров... Она не может означать ничего иного как разделения командных полномочий».

Тем более что кроме наличия чувствительных ушей и зорких глаз во всем остальном комиссары демонстрировали вопиющую безграмотность. В акте о приеме дел Главного управления политической пропаганды новым его начальником осенью 1940 года отмечалось: общеобразовательный уровень политсостава низок: лишь 6,2% имеет высшее образование, а 71,5 — ниже среднего. Это был еще один комплект бдящих с лупами в руках, в военном деле понимавших меньше, чем комиссары Гражданской войны.

Была разгромлена военная разведка — гнездо шпионов. За 1937—1938 годы там арестовали 182 человека. Начальник политотдела этого управления Ильичев доносил Л.З. Мехлису:

«Вам известно о том, что, по существу, разведки у нас нет... Нет военных атташе в Америке, Японии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Германии, Финляндии, Иране, Турции, т. е. почти во всех главнейших странах».

В конце концов уничтожили всех лиц, занимавших пост руководителя советской военной разведки с марта 1924 по июль 1940 года. Последним предвоенным начальником Разведупра стал профессиональный комиссар Ф.И. Голиков (1900—1980). Именно он 20 марта 1941 года докладывал Сталину, что «наиболее возможным сроком начала военных действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для

Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки».

Свернули и полностью развалили всю работу, проделанную по подготовке партизанской войны. Во-первых, воевать все равно собирались на чужой территории, а своей земли «вершка не отдадим». Во-вторых, и это главное, в людях, обладавших специфическими навыками диверсионно-подрывной деятельности, Сталин видел не защитников страны, а угрозу установленному им режиму.

Чекисты, распутывая клубок военного заговора, «неопровержимо» доказали: изменники Уборевич и Якир проводили в своих округах тренировки подрывников и минирование важных объектов по заданию немцев, уготовливая поражение Красной Армии в грядущем конфликте. Указания командармы получали от командующего Берлинским военным округом (?) генерала фон Рундштедта. Потому оперативно были репрессированы работники Генштаба, НКВД, секретари обкомов, занимавшиеся подготовкой к «малой войне», командиры Красной Армии, прошедшие специальную подготовку. Уничтожили сеть партизанских школ вместе с их руководителями и обучаемыми, расформировали партизанские отряды и группы. Большинство «красных партизан» арестовали как бандитов, готовивших тайные базы для иностранных интервентов. Уцелели немногие.

«Все заблаговременно подготовленные на случай войны базы и партизанские отряды ликвидированы, кадры партизан уничтожены, а всякого, кто имел отношение к этому делу, — вспоминал профессиональный диверсант И.Г. Старинов, — рассматривали как врага народа или пособника врага народа».

В итоге, когда грянуло, с развертыванием партизанской борьбы запоздали на год, да и это было сплошной импровизацией, несравнимой с упущенными, уничтоженными собственными руками возможностями. И руководили «малой войной» верные, но мало смыслящие в ней товарищи, вроде

Пономаренко, Ворошилова или Жукова (Георгий Константинович, видимо, вспоминая молодость и личный опыт подавления антоновского мятежа, в инструкции партизанам рекомендовал при занятии населенных пунктов первым делом выставлять дозоры и брать заложников из числа местного населения).

Аресты военачальников высокого ранга влекли за собой цепную реакцию террора по отношению к подчиненным им сотрудникам, ликвидацию курируемых ими «вредительских» направлений в военной науке, в создании новых видов вооружений, изъятию «вредительских» учебников, наставлений и теоретических работ. Были расформированы механизированные корпуса.

Репрессии в вооруженных силах преследовали ту же цель, что и репрессии в партии: накануне «решительного боя» создать послушный и преданный Сталину механизм, сделав комсостав послушной марионеткой в руках политического руководства. Из армии убрали военачальников с амбициями, колеблющихся, думающих, непонятных, а значит, вызывающих сомнения. Полководческий талант или, наоборот, военная бездарность роли не играли. Что, конечно, не способствовало развитию широты мышления у новых выдвиженцев. Но как раз этого от них и не требовалось. Сталину нужна была только абсолютная покорность, свою армию он представлял как многомиллионную, послушную единой воле, механизированную орду во главе с нерассуждающими, слепо преданными «сталинскими полководцами».

Адмирал Н.Г. Кузнецов писал:

«Сталин решал, остальным предоставлялось действовать в соответствии с этим... Люди, приученные не действовать самостоятельно, а лишь ждать распоряжений и указаний свыше, чтобы не задумываясь выполнять их, принесут мало пользы, если наступит суровый час. Боязнь наказания и безответственность живут рядом друг с другом. Работа военного аппарата идет не планомерно, а словно спазматически, рывками. Выполнили одно распоряжение — и ждут следующего. А если оно не поступит вовремя?»

Репрессии имели и внешнеполитические последствия. Любому стороннему наблюдателю было ясно, что массовое уничтожение командного состава Красной Армии не может не нанести ущерба ее боеспособности.

Потенциальные союзники в очередной раз задумались над вопросом, стоит ли вообще иметь с Советами дело. Как можно доверять правительству, члены которого организуют диверсии, крушения поездов, политические убийства или готовят поражение собственной армии в будущем конфликте с «иностранными агрессорами»? Нарком связи взрывает шахты. Нарком земледелия «искусственно распространяет эпизоотии», губит скот и портит урожаи. В Наркомате обороны служат сплошь шпионы и заговорщики. И даже начальник пионерского лагеря «Артек» вкуче с главным пионервожатым умышляют грандиозную саперно-диверсионную операцию по обрушению горы Аюдаг на голову любующегося красотами Крыма товарища Молотова. Что-то совсем несусветное замышляла против членов Политбюро преступная организация гомосексуалистов, свившая гнездо под крышей Наркомата иностранных дел.

Весной 1937 года в Париже готовилось решение о переговорах с СССР на уровне Генеральных штабов. Однако после первых арестов в высшем советском военном руководстве подполковник Л. Симон, французский военный атташе в Москве, в отчете от 14 июня рекомендовал не торопить события:

«При таком положении дел представляется благоразумным, прежде чем приступать к военным переговорам, дожидаться появления в СССР признаков определенного внутреннего успокоения... Если же официальные объяснения не соответствуют действительности, то какова цена режиму, который стремится уничтожить энергичных и сведущих людей, служивших ему почти двадцать лет...»

Конечно, хотелось бы, чтобы казнь восьми военных деятелей оправдывалась серьезными мотивами, однако история большевистского режима позволяет полагать, что истинные мотивы были, несомненно, менее серьезны, чем можно вообразить. В самом деле, не следует забывать, что в России челове-

ческая жизнь никогда не имела большой ценности. Сами слова не имеют того смысла, который им придается в Западной Европе. Так обстоит дело со словами «свобода» и «демократия», которые здесь произносят скорее из хитрости и которые не соответствуют идее, вкладываемой в них нами.

...уже сейчас г-н Сталин выглядит деятелем, который при необходимости может проводить оппортунистическую политику и прекрасно умеет присваивать себе концепции своих уничтоженных противников. Поэтому так трудно предвидеть ориентацию, которую он изберет и которая, вполне вероятно, пока известна лишь ему самому».

В Париже с анализом Симона согласились и решили по-временить с налаживанием военных контактов с непредсказуемым партнером.

Новый атташе генерал Огюст-Антуан Паласс лишь утвердил французское руководство во мнении, что в случае войны с Германией от Советского Союза не приходится ожидать существенной военной помощи. В конце июня 1938 года Паласс писал:

« 1) Красная Армия, вероятно, более не располагает командами высокого ранга, которые бы участвовали в мировой войне иначе как в качестве солдат или унтер-офицеров.

2) Разработанная Тухачевским и его окружением военная доктрина, которую наставления и инструкции объявили вредительской и отменили, более не существует.

3) Уровень военной и общей культуры кадров, который и ранее был весьма низок, особенно упал вследствие того, что высшие командные посты были переданы офицерам, быстро выдвинутым на командование корпусом или армией, разом перепрыгнувшим несколько ступеней и выбранным либо из молодежи, чья подготовка оставляет желать лучшего и чьи интеллектуальные качества исключали критичную или неконформистскую позицию, либо из среды военных, не представляющих ценности, оказавшихся на виду в Гражданскую войну и впоследствии отодвинутыми, что позволило им избежать всякого контакта с «врагами народа». В нынешних условиях выдвижение в Красной Армии представляет своего рода диплом о некомпетентности.

4) Чистка, распространяющаяся по лестнице сверху вниз,

глубоко дезорганизует воинские части и скверно влияет на их обучение и даже на условия их существования. В этом отношении весьма показательны все более многочисленные нарекания на плохое обслуживание военной техники...

5) Непрерывающиеся перемещения офицеров, против чего советское командование с 1930 г. решительно выступало, вследствие чистки стали как никогда многочисленными...

б) Учреждение института военных комиссаров, усилия, прилагаемые для того, чтобы поставить во главе воинских частей офицеров, служивших в отдаленных друг от друга местностях и незнакомых между собой, и все более непосредственное наблюдение со стороны органов государственной безопасности ставит кадры Красной Армии в положение невозможности полезной работы и лишает их всякой инициативы и увлеченности делом.

7) Даже дисциплина подорвана критикой со стороны подчиненных, которых к тому подталкивают и поощряют, своих начальников, постоянно подозреваемых в том, что завтра они окажутся «врагами народа».

Эта прискорбная ситуация, которая нанесла советским кадрам (по крайней мере, высшему командованию) более серьезный урон, чем мировая война, **делает Красную Армию в настоящее время почти непригодной к использованию.** Советские власти отдают себе в этом отчет и прилагают неослабные усилия по скорейшей подготовке новых кадров. Однако, несмотря на создание многочисленных новых училищ и интенсивное направление офицеров на курсы повышения квалификации, для того, чтобы зарубцевались тяжелейшие раны от катастрофы, вызванной чисткой, по всей вероятности, потребуются годы».

К таким же выводам пришел и Гитлер. Подтверждением их правильности для него явился ход Зимней войны Советского Союза с Финляндией. Планируя Восточный поход, фюрер в качестве важного стратегического фактора закладывал в расчеты низкий профессиональный уровень советского командования.

По мнению маршала А. М. Василевского:

«Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил»

начать войну, большую роль сыграл разгром военных кадров, который у нас произошел».

Сталин, уверенный в чудодейственности метода, и в последующем регулярно устраивал военным кровопускания. Всего в 1936—1940 годах за контрреволюцию было репрессировано примерно 43—44 тысячи военнослужащих, в том числе около 10 тысяч лиц командно-начальствующего состава от среднего звена и выше.

Таким образом, накануне войны:

«Под руководством И.В. Сталина большевистская партия разгромила вражескую агентуру и тем самым своевременно уничтожила всякие возможности появления «пятой колонны» в СССР. Разгром врагов народа имел огромное значение для укрепления обороноспособности и **был равносильен выигрышу крупного сражения**».

Колонна она там или не колонна, но проблему оппозиционности Сталин снял полностью: когда своей самонадеянностью он поставил страну на край гибели, никто не посмел и пикнуть в адрес Хозяина.

Где большевики начеку, там враги в тупику.

Сегодняшние неосталинисты придумали совершенно замечательную теорию: жили в Советской стране Великий святой Иосиф Сталин и апостол его Лаврентий Берия. Все остальные, включая ближайшее окружение, оказались тупицами, сволочами и шкурниками. Все, что товарищ Сталин ни делал, было правильно и гениально, все для блага народа. И если бы не миллионы внешних и внутренних врагов, потекли бы в СССР молочные реки с кисельными берегами. Поэтому и террор 30-х годов — совершенно необходимая, прозорливая акция. Правда, с некоторыми перегибами:

«К сожалению, объективно необходимая ликвидация пятой колонны в стране не обошлась без серьезных недостатков. Пробравшиеся в органы государственной безопасности агенты иностранных разведок сумели в ряде случаев арестовать и осудить невиновных людей. Этим они преследовали две цели: нанести урон партийным кадрам, **скомпро-**

метировать карательную политику (!) Советской власти при ликвидации пятой колонны в стране» (из политической биографии И.В. Сталина, подготовленной его благодарными потомками).

Вот так, матерые резиденты абвера и дефензивы скомпрометировали, понимаешь, политику «ликвидации», чтобы забрызгать невинной кровью белые одежды святого Иосифа.

Интересно, а Коля Ежов с коллегами, они кто? Прокравшиеся агенты или «невиновные люди»?

Наряду с успехами в индустриализации и коллективизации появился еще один повод для гордости: «на священной советской земле» не осталось эксплуататоров, а значит, объявил генсек на XVIII съезде, социализм в СССР уже построен, наступила новая фаза — постепенного перехода к коммунизму.

Для успешного «перехода», в соответствии с марксистско-ленинской теорией, пролетариату надлежало победить, экспроприировать и уничтожить эксплуататоров в мировом масштабе. Сталин считал, что он уже достаточно хорошо подготовился, чтобы вмешаться в европейские дела. СССР располагал мощной экономикой, развитым военно-промышленным комплексом и хорошо вооруженной полуторамиллионной армией. Не случайно на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда Сталин заявил:

«Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать: если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют. Они вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы кричим об обороне — это вуаль, вуаль. Все государства маскируются».

При этом он особо подчеркнул ленинскую мысль, что победивший пролетариат одной страны «вынужден будет силой обстоятельств предпринять поход против других оставших, реакционных капиталистических стран для того, чтобы помочь пролетариату этих стран освободиться от буржуазии».

Киевским военным пропагандистам то же самое растолковывал Л.З. Мехлис:

«Если попытаться кратко, но доходчиво, чтобы поняли широкие массы, сформулировать суть сталинской теории социалистического государства, то надо сказать, что это есть теория ликвидации капиталистического окружения, то есть теория победы мировой пролетарской революции. Сталинская теория социалистического государства открывает семафор революции и зовет мировой пролетариат на последний решительный бой... Рабоче-Крестьянская Красная Армия, интернациональная армия по господствующей в ней идеологии, поможет рабочим стран агрессоров освободиться от ига фашизма и ликвидирует капиталистическое окружение, о котором говорил и неоднократно напоминал нам товарищ Сталин.

На стальных штыках и ворошиловских залпах, на могучих крыльях Советов мы понесем освобождение рабочему классу капиталистических стран и водрузим знамя коммунизма на остальных пяти шестых земного шара!

Социалистический корабль могуч, всесилен, непобедим. Не страшны ему непогоды и бури. Великий кормчий Сталин ведет этот корабль на последний и решительный бой, на штурм капитализма, к мировой Коммуне».

Неужто Лев Захарыч порол отсебятину?

Попытка посодетьствовать «революционному отпадению новых стран от системы империализма» была предпринята в 1938 году во время чехословацкого кризиса, когда Германия заявила о своих претензиях на заселенную «арийцами» Судетскую область. Советский Союз имел с Чехословакией договор о военной помощи, но с одной оговоркой: помощь должна была последовать, только если ее окажет и Франция. Французам воевать не хотелось, и они вкуче с англичанами уговаривали правительство Чехословакии пойти на уступки во имя сохранения мира в Европе. Тогда 26 апреля председатель Президиума Верховного Совета М.И. Калинин публично заявил: «...пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции».

В западных районах СССР было сосредоточено 30 стрелковых, 10 кавалерийских дивизий, 1 танковый корпус,

3 танковые и 12 авиационных бригад. Затем привели в боевую готовность еще 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса, 15 танковых бригад. Одновременно проводились другие мобилизационные мероприятия. Из запаса было призвано 328 тысяч человек, задержано увольнение десятков тысяч «дембелей».

Сталин в приватном порядке передал президенту Бенешу, что готов оказать военную помощь, если Чехословакия «в интересах самообороны» начнет боевые действия против Германии. 20 сентября советское правительство еще раз подтвердило готовность выполнить свои союзнические обязательства.

Однако все закончилось подписанием Мюнхенского соглашения. Сталину недвусмысленно указали его место в делах европейской политики. Версальская система прекратила свое существование. Крах ее не мог не привести к очередному столкновению между великими державами.

Как только завершилась реализация Мюнхенского соглашения, Германия 24 октября 1938 года предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора» на основе сотрудничества в рамках антикоминтерновского пакта. Тем самым Германия решила бы для себя задачу тылового прикрытия с востока в предвидении окончательной оккупации Чехословакии, ревизовала бы германопольскую границу, установленную в 1919 году, и значительно бы упрочила свои позиции в Восточной Европе.

Польша, продолжая свою политику балансирования между Берлином и Москвой, в октябре начала зондаж СССР на предмет нормализации советско-польских отношений. 4 ноября Москва предложила подписать коммюнике о нормализации отношений, которое и было подписано 27 ноября. Берлин на свои предложения ответа так и не получил.

Англия и Франция, считая, что процесс идет под контролем, форсировали сближение с Германией, не исключая процесс признания Восточной Европы зоной германского влияния.

Однако Германия, рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, добивалась от «смотрящих» Европы призна-

ния за собой статуса мировой державы, что было невозможно без демонстрации силы или даже нанесения поражения этим странам. К марту 1939 года германскому руководству стало очевидно, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим.

Окончательное устранение Чехословакии позволяло Германии продемонстрировать свою силу восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии. Возвращение Мемеля привело бы к контролю Германии над Литвой и усилению германского влияния в Прибалтике.

Тем самым обеспечивался бы тыл для войны на Западе, которая рассматривалась в Берлине как первый этап в деле обеспечения германской гегемонии в Европе. Исходя из этого с осени 1938 года германское руководство взяло курс на нормализацию отношений с СССР.

Оценивая сложившуюся международную обстановку, А.А. Жданов на ленинградской партийной конференции, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что фашизм — «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии» — угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она остается в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По уверениям Жданова, этот маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом».

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии Сталин сформулировал задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР.

Советский Союз должен «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованных в мире и дружбе между народами».

Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями войны» являются страны, проводящие политику невмешательства: Англия, Франция и США. В этих условиях целью советского руководства было использовать кризис и противоречия великих держав для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества. А события нарастали лавинообразно.

15 марта 1939 года германские войска вступили в Чехию.

26 марта Польша окончательно отвергла германские предложения о территориальном урегулировании.

28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии.

28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение и договор о ненападении с Польшей, а 30 апреля неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Германия будет вынуждена наладить отношения с Москвой.

Италия в это время, в нарушение англо-итальянских соглашений, оккупировала Албанию. Процесс «умиротворения» вышел из-под контроля. Для сдерживания германской экспансии потребовался новый союзник. Англия и Франция были вынуждены начать зондаж позиции СССР.

1 апреля Москва заявила Лондону, что «мы считаем себя ничем не связанным и будем поступать сообразно своим интересам».

Таким образом, в ходе политического кризиса в Европе сложились два военно-политических блока: англо-французский и итало-германский, каждый из которых оказался

заинтересован в соглашении с СССР. В апреле 1939 года с различными лестными предложениями к Москве обратились одновременно Германия, Англия и Франция. Сталин не торопился. Он получил возможность выбирать, с кем ему договариваться, поскольку в изменившихся условиях все были заинтересованы в переговорах с ним. Назревавшая война в Европе открывала новые перспективы для усиления влияния Страны Советов на континенте. 4 апреля нарком Литвинов, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже заплатят».

11 апреля 1939 года Германия предприняла зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию. В тот же день Англия запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 14 апреля Франция предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию. Одновременно Париж предложил Москве внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Англия предложила СССР заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. Наконец, 17 апреля Советский Союз предложил англо-французам заключить договор о взаимопомощи. Начались активные дипломатические игры между всеми заинтересованными сторонами.

Переговоры Англии и Франции с СССР, длившиеся пять месяцев, зашли в тупик. Обе стороны патологически не доверяли другу и не желали связывать себя конкретными обязательствами, погрязнув в тонкостях протокола и толкованиях норм международного права. Одновременно они втихую зондировали Берлин на предмет улучшения отношений, раздела «сфер интересов», невмешательства в дела.

К тому же западные партнеры не слишком опасались вермахта и были невысокого мнения о боевой мощи Красной Армии. Еще одним камнем преткновения стала Польша, которая громкогласно отвергала любой союз с Москвой,

требовала гарантий от Запада, проводила частичную мобилизацию и при этом тайно льстилась к Берлину.

«Как проститутка, — да извинят меня присутствующие здесь женщины, — иронизировал с трибуны проводник сталинских мыслей в массы Мехлис, — переходит из рук в руки, так Польша отдавалась то Франции, то завязывала серьезный роман с Берлином. Сейчас польская мадам объявила, что она заняла твердую позицию и ищет серьезного партнера, обязательно со средствами. Посмотрим, что выйдет из этого».

Англия и Франция воевать категорически не хотели, рассчитывали крупными политическими и экономическими уступками умиротворить Гитлера и канализировать германскую агрессию на Восток, пусть арийцы до посинения сражаются с большевиками. Англичане бомбили Берлин предложениями о сотрудничестве и разделе «сфер интересов», обещая прекратить переговоры с СССР и в то же время шантажируя немцев самим фактом переговоров — все в духе традиционной британской политики:

«Англия — это профессиональный поджигатель войны, но двурушник, но ловкий двурушник. Ее политика проста — уничтожать своих вероятных противников чужими руками, втягивая их в войну с кем угодно, особенно с Советами, а я приду к концу самым сильным и буду диктовать».

Фюрер уже твердо решил, что частные английские уступки в принципе проблемы не решают и для завоевания гегемонии в Европе необходима небольшая победоносная война. Для этого необходимо было политически изолировать Польшу, обеспечить гарантии невмешательства Англии и Франции в германо-польский конфликт, а на крайний случай обеспечить себе тыл и снизить угрозу экономической блокады договором с Советским Союзом. На майском совещании с руководителями вермахта Гитлер прямо заявил: «Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут».

29 июля 1939 года фюрер предложил Москве учесть советские интересы в Прибалтике и в Восточной Европе в обмен на отказ от договора с Францией и Англией.

Сталин, опасавшийся англо-германского сговора, весьма заинтересовался этой идеей. Он трезво оценивал обстановку и считал более выгодным подписать соглашение с Германией, чтобы выторговать свою долю, обеспечить Гитлеру «зеленый свет» в войне с Западом и самому «прийти к концу самым сильным».

Слишком многие из борцов за мир на самом деле страстно войны хотели: Германия, Япония, Соединенные Штаты и, несомненно, Советский Союз. Американского «дядюшку Сэма» война в Европе устраивала как нельзя более. Гитлер, уверовав в стратегию «блицкрига», рассчитывал разбить своих противников поодиночке. Сталин и Рузвельт — выбрать выгодный для себя момент и решить спор о влиянии в мире в свою пользу. Свои планы имелись у японского микадо и итальянского дуче. Мир был обречен.

23 августа в Москву прибыл «супердипломат» И. Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе (интересно, что в Лондоне в этот же день безуспешно ждали прилета Германа Геринга с аналогичной миссией). К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, часть Польши, Бессарабия (советские историки почти полвека скрывали факт существования тайных протоколов, обвиняя во всех грехах «буржуазных фальсификаторов»). После того как бумаги нашлись, те же люди с честными глазами стали убеждать, что ничего особенного в этих протоколах нет, все так делали. Только, как мне кажется, одно из двух: либо вы занимаетесь исторической наукой, либо охраной государственных тайн. А то какая-то нелепая получается позиция).

Военные миссии Англии и Франции покинули Москву ни с чем.

По мнению Троцкого, кроме всего прочего:

«Союз с Гитлером давал Сталину удовлетворение того чувства, которое господствует у него над всеми другими: чувства мести. Вести военные переговоры с наци во время

присутствия в Москве дружественных военных миссий Франции и Англии, обмануть Лондон и Париж, возвестить неожиданно пакт с Гитлером — во всем этом ясно видно желание унижить правительство Англии, отомстить Англии за те унижения, которым оно подвергло Кремль в период, когда Чемберлен развивал свой неудачный роман с Гитлером».

Да что говорить, Адольф Алоизович и в самом деле человек был симпатичный, понятный, не то что всякие Деладье. И какая близость мировоззрений:

«Те, кто утверждает, что революция не закончена, — дураки. К сожалению, у нас в движении есть люди, которые понимают под революцией постоянный хаос... Главное, подбор людей способных и со слепым повиновением претворяющих в жизнь правительственные распоряжения. **Партия — это своего рода орден...** Фюрер должен быть один... Сплоченность внутри движения должна быть небывало крепкой. Мы не имеем права вести борьбу между собой... Поэтому никаких ненужных дискуссий!»

А как лихо фюрер организовал своим «старым борцам» ночь Длинных Ножей! Что ни говорите, а Гитлер — «великий стратег революции». Риббентроп позднее вспоминал, что среди кремлевских большевиков чувствовал себя, как в кругу старых партийных товарищей.

Оба диктатора остались довольны собой и друг другом.

«Теперь весь мир у меня в кармане!» — стучал кулаком по столу Гитлер. Он уже отдал приказ о нападении на Польшу.

«Кажется, нам удалось провести их», — удовлетворенно произнес Сталин. Он уже подсчитывал политические барыши.

Советскому Союзу удалось остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах и возможность при этом свалить вину за срыв переговоров на Лондон и Париж. Подписывая пакт, Сталин и Молотов сами установили дату начала второй мировой бойни.

В качестве последнего аргумента Англия 25 августа

1939 года подписала с Польшей договор о взаимопомощи. Дальнейшие уступки означали для Лондона и Парижа добровольный отказ от статуса великих держав. Но Гитлера это не остановило. 1 сентября германские войска вторглись в Польшу. Через несколько дней вступили Англия и Франция.

Все шло по сталинскому плану. В беседе с руководством Коминтерна 7 сентября 1939 года Вождь так оценил сложившуюся обстановку:

«Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, подрывает капиталистическую систему...

Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону».

Что касается Польши, то «уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

Понятно, что подобные цели советской внешней политики не афишировались, наоборот, было сделано все, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что Советский Союз строго придерживается позиций нейтралитета и только сильно озабочен собственной безопасностью.

17 сентября 1939 года Красная Армия начала Освободительный поход в Польшу. В составе двух советских фронтов, спешащих на помощь славянским братьям, было около 600 тысяч человек, более 2000 самолетов и около 4000 танков. Немцы уже объявили о взятии Варшавы и получили поздравительную телеграмму от Молотова, наступила пора

и Москве урвать свою долю. К концу сентября польское государство — «уродливое детище Версальского договора» — перестало существовать на радость трудящихся всего мира. «Братья по оружию» отметили победу совместными парадами и банкетами.

До августа 1940 года Советский Союз, реализуя свое «право» и распространяя социалистическую систему, совершил агрессию еще против пяти государств. Говорят, красноармейцев там встречали с цветами. Встречают-то по одежке. В Судетах, отданных на «растерзание» Германии, вермахт тоже встречали цветами, солдаты прозвали операцию «цветочной войной», да и на Украине в 1941 году им перепало немало букетов.

Чем ностальгировать по букетам, лучше вспомнить о том, как Красной Армии стреляли в спину в 1941 году, как выпроваживали в 1991-м и как благодарны ей по сей день. Смешно слушать речи депутатов нынешней Российской Государственной думы о том, что прибалты сами нас позвали, сами организовали у себя революции и по гроб жизни должны быть благодарны Москве за уникальную возможность «воссоединиться с народами Великой страны Советов» и поучаствовать в построении коммунизма. Может, все-таки уточнить у самих прибалтов, что они об этом думают? Или по-прежнему «всякая наша война, где бы она ни происходила, является войной прогрессивной и справедливой»?

Счастливая советская жизнь оказалась привлекательна только с фасада. Советизацию новых «территорий и населения» проводили испытанными большевистскими методами: национализация, насильственная коллективизация, роспуск всех политических и общественных организаций, гонения на церковь, депортация, расстрелы ненужных классов и «всякой другой сволочи».

Сорвалось лишь в Финляндии, она единственная не поддалась на кремлевский шантаж и оказала мужественное сопротивление, утратив в итоге Зимней войны часть территорий, но отстояв свою независимость. Уже после войны Молотов в беседе с югославским коммунистом М. Джила-

сом заметил с сожалением: «Ах, Финляндия — это орешек».

Оккупация соседей на основе тайного сговора с Гитлером до сих пор в России считается делом вполне житейским и совершенно необходимым для обеспечения безопасности СССР. К тому же это «благоприятно для человечества, ведь счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи», и резонно с точки зрения плацдарма для дальнейших завоеваний с целью осчастливить и немцев, и чехов, и поляков, и датчан.

Троцкий не раз подчеркивал ограниченность сталинского ума в долгосрочных прогнозах:

«Сталину свойственно презрение к теории. Теория берет действительность больших масштабов. Здравый смысл берет действительность в малых масштабах. Оттого Сталин чрезвычайно чувствителен ко всякой непосредственной опасности, но не способен предвидеть опасность, коренящуюся в больших исторических тенденциях».

Действительно, Сталин и представить не мог, что будет жестоко обманут, новые территории ничуть не повысят «обороноспособность» страны, поскольку не для того предназначались, а приведенное к покорности стадо ему, небожителю, придется назвать своими «братьями и сестрами» и поднимать не на Освободительный поход, а на Отечественную войну.

Но пока Иосиф Виссарионович все более убеждался в собственной непогрешимости, в своей способности надуть Гитлера.

К осени 1940 года обеим дружественным сторонам стало ясно, что делить больше нечего. На переговорах в Берлине Молотов безрезультатно пытался выторговать у фюрера Финляндию, Румынию, Болгарию и Черноморские проливы.

Гитлер не собирался уступать ключевые позиции на Балканах, он уже принял «самое важное в своей жизни» решение: чтобы победить Англию, необходимо сокрушить Советский Союз. 18 декабря фюрер подписал директиву о претворении в жизнь плана «Барбаросса».

Товарищ Сталин своего решения и вовсе никогда не менял. Двум самым агрессивным режимам предстояло неминуемое столкновение друг с другом.

Советское военное планирование боевых действий против Германии началось в октябре 1939 года, почти сразу после подписания Договора о дружбе и границах, согласно которому Сталин выменял у Гитлера Литву за кусок бывшей польской территории.

До июня 1941 года было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии. Особую интенсивность творческий процесс приобрел со второй половины 1940 года, и в конце июля составление документа под названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.» было завершено. План предполагал сосредоточить основные усилия в направлении Варшавы и Восточной Пруссии.

Весной 1940 года Гитлер «повернулся спиной» и начал вторжение во Францию. Казалось, вот случай «проломить череп», удобнее не бывает: вермахт упирается в неприступную линию Мажино, истекает кровью в боях с самой большой сухопутной армией Европы, и тут Красная Армия приходит на помощь странам, стонущим под нацистским сапогом.

Сразу после подписания мира с финнами началась ускоренная переброска прошедших боевую школу советских войск на западную границу. К концу июня СССР мог выставить против Германии 84 стрелковых и 13 кавалерийских и механизированных дивизий, подкрепленных 17 танковыми бригадами (200 танков в каждой). Сухопутная армия Германии на тот момент располагала у советских границ 12 пехотными дивизиями. Из них 9 были ландверными.

Молотов в узком кругу откровенно высказался о намерениях советского руководства:

«Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать ее от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций

не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей...

В этот момент мы придем на помощь, мы придем со свежими силами, хорошо подготовленными, и на территории Западной Европы... произойдет решающая битва между пролетариатом и гнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы».

Случайно ли (хотя Сталин почти ничего не делал и ни одного слова не сказал просто так) указом Президиума Верховного Совета от 7 мая 1940 года в Красной Армии были введены генеральские и адмиральские звания, что вполне естественно для любой профессиональной армии. Но для РККА эти звания были принципиально новым явлением.

Раньше слово «генерал» должно было ассоциироваться у красных бойцов с образами классовых врагов, «организаторов контрреволюции, палачей свободы», теперь — с «верными сынами социалистической Родины, умелыми воспитателями подчиненных». Важной причиной для принятия такого решения указывался факт «острой военно-политической обстановки».

К удивлению всего мира и крайнему разочарованию Сталина, кампания на Западе не затянулась. Гитлер, продемонстрировав образец «молниеносной войны», разгромил Францию за сорок дней. 22 июня 1940-го в Компьенском лесу фюрер принял капитуляцию. Товарищ Сталин, узнав об этом, матерно ругался и решил подготовиться более основательно.

После дополнительной проработки к 18 сентября 1940 года советским Генштабом был подготовлен новый вариант плана, который предполагал возможность использования главных сил Красной Армии, в зависимости от обстановки, на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Эти варианты развертывания советских войск получили соответственно наименования «северный» и «южный». Географически бассейн реки Припять почти точно посередине разделял Западный театр военных действий — отсюда два основных направления.

5 октября 1940 года Сталину и Молотову данные планы

были доложены. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. В результате было предусмотрено увеличить здесь численность войск на 31% по дивизиям, на 300% по танковым бригадам и на 59% по авиаполкам. 14 октября 1940 года «южный» вариант был утвержден в качестве основного.

Для наступления он был более выгоден, поскольку пролегал по более удобной местности, отрезал Германию от основных союзников и источников нефти, выводил советские войска во фланг и тыл противнику. Тогда как удар на севере приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии и требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности.

Серия проведенных на картах оперативно-стратегических игр привела к окончательному отказу от «северного» варианта. В марте 1941 года был принят новый план стратегического развертывания Красной Армии. Главным направлением советского наступления была избрана Южная Польша. На одной из страниц плана, где ставились задачи Юго-Западному фронту, стоит красноречивая пометка: «Наступление начать 12.6».

Основные силы германца также предполагалось встретить на юго-западном направлении. Наши стратеги были уверены, что главные силы вермахт сосредоточит к югу от Бреста. Со времен Тухачевского считалось, что сама идея похода на Москву и военного разгрома СССР гитлеровской армией фантастична. Если Гитлер решится воевать, то будет стараться оттяпать Украину.

Развитие Красной Армии в 1939—1941 годах было фактически скрытым мобилизационным развертыванием, так как по принятой летом 1939 года системе мобилизационного развертывания количество соединений и частей в мирное время доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и должно было способствовать более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск. Большая часть запланиро-

ванных сил уже была сформирована или заканчивала формирование к лету 1941 года.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых операций были рассчитаны на полное отмотобилизование Красной Армии, они были тесно увязаны с мобилизационным планом, утвержденным правительством 12 февраля 1941 года. Мобилизационное развертывание должно было привести к созданию армии военного времени численностью в 8,9 миллиона человек. Отмотобилизование предусматривалось произвести поэшелонно в течение месяца.

Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрепрайоны на новой границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 артполка РКГ, должен был завершить отмотобилизование в течение 2—6 часов с момента объявления мобилизации.

Основная часть войск развертывалась на 10—15-е сутки, полное отмотобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15—30-е сутки. Главной задачей советских дивизий у границы было прикрытие сосредоточения и развертывания своих войск и подготовка их к переходу в наступление.

8 марта было принято Постановление Совнаркома, по которому предусматривалось провести скрытное отмотобилизование 903,8 тысячи военнослужащих запаса под видом учебных сборов. Эта мера позволила к началу июня призвать 805,2 тысячи человек.

Весной 1941 года вермахт повернул на юг, на Балканы и Средиземноморье, осуществил десантную операцию на Крит — репетицию высадки на Британские острова, демонстрировал подготовку в операции «Морской лев».

Сталин решил — пора начинать «Грозу».

В апреле началось скрытное стратегическое развертывание Красной Армии, которое должно было составить завершающий этап подготовки к войне.

Именно с апреля, когда вермахт занимался завоеванием Югославии и Греции и ничем не угрожал стране победившего пролетариата, Сталин стал панически опасаться «провокаций». До этого на них вполне «поддавались», не страшась никаких «осложнений». Например, адмирал Н.Г. Кузнецов рассказывает:

«В конце февраля и начале марта немецкие самолеты снова несколько раз нарушили советское воздушное пространство. Они летали с поразительной дерзостью, уже не скрывая, что фотографируют наши военные объекты... Я предложил Главному морскому штабу дать указание флотам открывать по нарушителям огонь без всякого предупреждения. Такая директива была передана 3 марта 1941 года. 17 и 18 марта немецкие самолеты были несколько раз обстреляны над Либавой...

Перечитывая сейчас донесения с флотов, нахожу среди них доклады, и в частности от командующего Северным флотом А.Г. Головки, что зенитные батареи открывают огонь по немецким самолетам, летающим над нашими базами. Кстати говоря, **Сталин, узнав о моем распоряжении, ничего не возразил**, так что фактически в эти дни на флотах уже шла война в воздухе: зенитчики отгоняли огнем немецкие самолеты, а наши летчики вступали с ними в схватки на своих устаревших «чайках»... глупо заниматься уговорами бандита, когда он лезет в твой дом.

После одного из таких случаев меня вызвали к Сталину. В кабинете, кроме него, сидел Берия, и я сразу понял, откуда дует ветер. Меня спросили, на каком основании я отдал распоряжение открывать огонь по самолетам-нарушителям. Я пробовал объяснить, но Сталин оборвал меня. Мне был сделан строгий выговор и приказано немедленно отменить распоряжение.

Главный морской штаб дал **1 апреля новую директиву**: «Огня не открывать, а высылать свои истребители для посадки противника на аэродромы».

Именно в апреле 1941 года начался полномасштабный процесс сосредоточения в западных округах выделенных для войны с Германией 247 дивизий (81,5% наличных сил РККА). После мобилизации резервистов и доведения численности до полных штатов они насчитывали бы свыше 6 миллионов человек, около 70 тысяч орудий и минометов, свыше 15 тысяч танков и 12 тысяч самолетов.

С 12 апреля началось выдвижение к западной границе четырех армий из внутренних округов, готовилось выдвижение еще трех армий, которые должны были завершить

сосредоточение к 10 июля. Эти армии, объединявшие 77 дивизий, составляли второй стратегический эшелон.

12—16 июня Генштаб приказал штабам западных округов начать под видом учений скрытное выдвижение вторых эшелонов армий прикрытия и резервов округов, которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20—80 км от границы. Всего в войсках первого оперативного эшелона насчитывалось 114 дивизий.

Понятно, что эти приготовления были окружены завесой строжайшей секретности и обеспечивались мощной дезинформационной кампанией. К примеру, из дневников Гальдера следует, что немцы так и не вскрыли наличие в Белостокском выступе ударной советской группировки (10-я армия) в составе двух стрелковых, одного кавалерийского и двух механизированных корпусов — почти 1500 танков. Да что говорить, если наличие у русских танков Т-34 и КВ, принятых на вооружение в 1939 году, участвовавших в войне с Финляндией, оказалось для немцев сюрпризом.

Режим маскировки распространялся даже на Коминтерн, которому было отказано в публикации воззвания к 1 мая 1941-го с обстоятельным анализом международного положения на том основании, что это «могло раскрыть наши карты врагу». Вообще в апреле—июне 1941 года советское руководство вело столь осторожную внешнюю политику, что это дало ряду авторов повод говорить о политике «умиротворения Германии». Дескать, Сталин боялся Гитлера. Еще круче:

«Сталин знал, что весной и летом 1941 года армия не была готова к войне... Неготовность армии к войне явилась причиной стремления Сталина оттянуть сроки начала войны. В конце концов он убедил себя в том, что войны в 1941 году не будет».

Вот странность: Сталин боялся «спровоцировать» германское нападение и одновременно выдвигал на запад 77 дивизий второго стратегического эшелона, в прямое нарушение секретных договоренностей приказал сформировать 238-ю стрелковую дивизию, «укомплектованную личным составом польской национальности и лицами, знаю-

щими польский язык, состоящими на службе Красной Армии». С какой целью? Для парада в «освобожденной» Варшаве? Это ли не «провокация»?

С чего бы Сталину бояться? Он обладал всей полнотой информации о силах вермахта и возможностях германской промышленности. Он имел перед собой цифры. Он знал, что советская боевая техника значительно превосходит германскую количественно и не уступает ей качественно. Он верил, что по боевой выучке красноармейцы и их командиры не уступят германским солдатам и офицерам.

Он собирался напасть внезапно, в самый выгодный момент огромными силами. Он прекрасно понимал, что в случае выступления СССР против Германии неизбежно получит в союзники Англию и Соединенные Штаты. Он вполне логично рассуждал, что нападение на Советский Союз — самоубийственная затея, на которую Гитлер никогда не пойдет.

Одного только не могло прийти в голову «вождю всех народов» — что Гитлер не считает его серьезным противником, так же как и «непобедимую и легендарную» Красную Армию, и собирается разгромить СССР за четыре недели. Привыкнув играть в свои игры со скулящими «старыми большевиками», ломать волей все преграды, иметь дело с подобострастными ничтожествами, Иосиф Виссарионович дал маху в психоанализе германского фюрера. У Адольфа была своя логика, имелись свои планы, дух Ильича на челе Сталина не повергал его в трепет, как Бухарина.

Откуда Сталин мог знать о «неготовности армии»? Со всем наоборот.

По свидетельству адмирала Н.Г. Кузнецова:

«И.В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на приграничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши

самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах».

На приеме в Кремле в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 года Вождь уверенно заявил:

«Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий... Война против Германии неизбежно перерастет в победоносную народно-освободительную войну».

Победы германской армии в Европе советское руководство объясняло слабостью противников, немецким нахальством и численным превосходством. С Красной Армией подобный номер не пройдет:

«Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армией, не так уж сложно и теперь воспринято и изучено ее противниками, так же как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас... военно-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается».

То есть, с точки зрения товарища Сталина, ничего особенного вермахт из себя не представлял.

К середине мая был готов окончательный план будущей войны.

В этом документе прямо была сформулирована мысль о том, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Таким образом, основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных округов завершит сосредоточение на театре военных действий сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление.

Поскольку никаких документов по плану «Барбаросса» советской разведке добыть не удалось, задуманная Сталиным война не являлась превентивной. «Величайший стратег всех времен» не верил в германское нападение на Советский Союз и считал, что «для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть, и они должны сначала завоевать ее, и, во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир».

Отсюда делался вывод, что Гитлер двинет вермахт либо на Ближний Восток, либо на Британские острова, но не пойдет на риск затяжной и безнадежной для него войны с «великим и могучим», имея в тылу Англию.

В целом видно, что в советских планах отсутствовала всякая связь действий РККА с возможными действиями противника. Отсюда вырисовывается сценарий начала войны: под прикрытием войск западных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции. Завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по Южной Польше.

Немецкие войска в советских планах обозначены термином «сосредоточивающиеся», а значит, инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре. Переход в наступление был привязан не к ситуации на границе, а к моменту сосредоточения назначенных сил — это 20-й день начала развертывания.

Войскам ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить разгром глав-

ных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест—Демблин, и выход к 30-му дню операции на фронт Остроленка, река Нарев, Лович, Лодзь, Крецбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь: наступление из района Катовице в северном или северо-западном направлении с целью разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией Южной Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице...»

Для обеспечения мощного первого удара основные силы планировалось развернуть в восемнадцати армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений. В тылу у них развертывались семь армий второго стратегического эшелона, а за ними — еще три армии третьего стратегического эшелона. Роль ударных подвижных группировок должны были сыграть 29 механизированных корпусов, по 1031 танку в каждом, формирование которых началось в июне 1940 года.

К лету 1941 года Вооруженные Силы СССР были крупнейшей армией мира. К началу войны в них насчитывалось 5774,2 тысячи человек, из них в сухопутных войсках — 4605,3 тысячи, в ВВС — 475,7, в ВМФ — 353,8, в погранвойсках — 167,6, во внутренних войсках НКВД — 171,9 тысячи человек.

В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, 16 воздушно-десантных и 3 стрелковые бригады. Войска располагали 117 581 орудием и минометом, 24 488 самолетами и 25 886 танками. В первой половине 1941 года советская промышленность выпускала 100% танков и 87% боевых самолетов новейших типов, завершив переход только на выпуск этих образцов. Ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 годах составил 39%, втрое превосходя прирост всей промышленной продукции в стране.

Одним словом, Сталин решил первую из важнейших задач: превратил-таки СССР в «базу для дальнейшего развития мировой революции».

20 мая «всесоюзный староста» Калинин заявил: «Капи-

талистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны». Очень кстати и песня «Священная война» уже написана, правда, премьера состоялась раньше, чем рассчитывали.

27 мая издан приказ о создании полевых фронтовых командных пунктов.

При этом советское руководство знало о сосредоточении у границ Советского Союза германских войск, но, судя по всему, его это не слишком беспокоило. Сталин, а вместе с ним и посвященный в Большой план Тимошенко с Жуковым почти до самого 22 июня верили в оборонительный характер германских мероприятий и продолжали подготовку наступательной операции.

Например, в сводке разведывательного отдела штаба Западного особого округа от 5 июня 1941 года отмечали наращивание германских войск у границы. Но в выводах подчеркивалось, что усиление группировки происходит «преимущественно артиллерийскими и авиационными частями», причем одновременно немцы «форсируют подготовку театра путем строительства оборонительных сооружений, установки зенитных и противотанковых орудий непосредственно на линии госграницы, усиления охраны госграницы полевыми частями, ремонта и расширения дорог, мостов, завоза боеприпасов, горючего, организации мер ПВО». Говорилось также, будто «антивоенные настроения в германской армии принимают все более широкие размеры».

Подобные донесения, поступавшие в Генштаб, скорее должны были создать убеждение, что вермахт готовится к обороне против возможного советского вторжения, но сам на СССР в ближайшее время нападать не собирается.

18 июня Сталину передали донесение агентов из Германии о дислокации немецких истребителей и назначении будущих глав оккупированных русских земель. Ослепленный захватывающими дух перспективами, Освободитель Европы поставил резолюцию: «Можете послать ваш источник на...»

«Кремлевский горец» не сомневался, что Красная Армия сильнее вермахта и что бояться должен Гитлер. Бояться и,

вполне естественно, принимать оборонительные меры против советского вторжения. Маршал Жуков в одном из вариантов бессмертных своих мемуаров так и пишет:

«Помню, как однажды в ответ на мой доклад, что немцы усилили свою воздушную, агентурную и военную разведку, И. В. Сталин сказал: «Они боятся нас».

Сам Сталин боялся одного — спугнуть «зверя» и был озабочен лишь одним — до последнего момента сохранить тайну. Не раскрыть раньше времени свои планы. Ведь тогда не будет внезапности.

Германское командование в это время было обеспокоено аналогичными проблемами. Так, Геббельс 18 июня (по случайному совпадению, в тот же день, когда была наложена историческая матерная резолюция) записал в дневнике:

«Мы соблюдаем во всех вопросах, касающихся России, абсолютную сдержанность... Мы не должны позволить сейчас спровоцировать нас».

И никто не делает вывода, что Гитлер боялся. Все понимают, что это — маскировка агрессором своих гнусных намерений.

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание вывести фронтовые и армейские управления на полевые командные пункты. Советская подготовка выходила на финишный этап.

К 22 июня 1941 года группировка советских войск первого эшелона на Западе насчитывала 3088,2 тысячи человек, 57 041 орудие и миномет, 13 924 танка, 8974 самолета. Кроме того, в авиации флотов и флотилий имелось 1769 самолетов.

Из состава второго эшелона к этому времени уже прибыли 16 дивизий — 10 стрелковых, 4 танковые и 2 механизированные, в которых насчитывалось 201,7 тысячи человек, 2746 орудий и минометов и 1763 танка.

В западных военных округах было сосредоточено 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Кроме того, имелось 4 дальнебомбардировочных корпуса и 1 дальнебомбардировочная дивизия — всего

1339 самолетов. С 10 апреля начался переход на новую систему организации авиационного тыла.

В апреле в западных округах были сформированы пять воздушно-десантных корпусов. 12 июня создано Управление воздушно-десантных войск. Одновременно шло развертывание тыловых и госпитальных частей. На стационарных складах и базах непрерывно шло накопление запасов.

До дня «М» оставалось неделя-полторы.

Можно бесконечно дискутировать на тему, собирался ли Сталин напасть первым. И сторонники, и противники этой версии приводят множество аргументов, которые на самом деле почти ничего не доказывают и ничего не опровергают.

Спор, начавшийся примерно лет пятнадцать назад, зашел в тупик по причине отсутствия документов. Российские архивы продолжают хранить секреты погибшей империи, тайны товарища Сталина. Хотя сам факт того, что оперативные планы Красной Армии на 1941 год до сих пор «не нашлись», наводит на размышления.

Во всяком случае, наши оборонительные мероприятия впечатления не производят. К примеру, из работ бывшего начальника штаба 4-й армии Западного ОВО генерала Л.М. Сандалова следует, что никакой обороны в приграничных районах не строили и обороняться не собирались: «кто решался задавать вопросы об обороне на брестском направлении, считался паникером».

Впрочем, не только на брестском. Ни окружные, ни армейские планы прикрытия создания тыловых фронтовых и армейских линий обороны не предусматривали. Конкретно войска 4-й армии готовились к форсированию Буга и наступлению к Висле.

В марте—апреле штаб армии участвовал в окружной оперативной игре на картах. В ходе ее отрабатывалась фронтовая наступательная операция на Бяла Подляску.

Подготовка шла поэтапно во всех командных звеньях. 21 июня прошло штабное учение 28-го стрелкового корпуса на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды», а на 22 июня было запланировано новое

учение: «Преодоление второй полосы укрепленного района». Это — «армия прикрытия», так она собиралась «прикрывать».

Советские планы прикрытия изначально не предусматривали противодействия сосредоточению войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало, по планам, до 15 дней. Причем при нападении противника войска первого эшелона заведомо не успевали бы занять свои полосы обороны на границе.

Снова Сандалов:

«Взаимное расположение укрепленных районов и районов дислокации войск не обеспечивало в случае внезапного нападения противника своевременного занятия укреплений не только полевыми войсками, **но и специальными уровнями частями**. Так, например, в полосе 4-й армии срок занятия Брестского укрепленного района был определен округом для одной стрелковой дивизии 30 часов, для другой — 9 часов, для уровня частей — 0,5—1,5 часа. **На учебных тревогах выявилось, что эти сроки являлись заниженными**».

Таким образом, советский Генштаб исходил из такого варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести от мобилизацию:

«Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного наступления превосходящих вражеских сил. Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо было быстро собраться и совершить марш к границе. Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою».

Лишь под влиянием ряда тревожных сигналов за несколько часов до германского нападения Сталин решил дать войскам знаменитую Директиву № 1 — «на провокации не поддаваться». С точки зрения повышения боеготов-

ности в предвидении вражеской агрессии документ совершенно дурацкий. Но сталинские колебания можно понять: буквально две-три недели оставалось до начала «Грозы», может быть, действительно немецкие генералы некой «разведкой боем» пытаются вскрыть группировку советских войск. Очень не хотелось раскрывать свои карты.

Поэтому вместо директивы о приведении войск западных округов в полную боевую готовность на случай войны Сталин велел дать короткую директиву с указаниями, что нападение может начаться с провокационных действий. Он еще надеялся, что удастся начать дипломатические переговоры и под их прикрытием завершить сосредоточение сил для наступления. Но здесь действительно «история отвела мало времени». Проведение мобилизации директивой не предусматривалось.

Маршал Баграмян, сообщая, что прием первой директивы в штабе КОВО продолжался около двух часов, разъясняет:

«Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, приняв который командование округа могло бы приказать войскам столь же коротко: ввести в действие «КОВО-41» (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15—20 минут. По-видимому, в Москве на это не решились».

В том-то и дело, за сигналом «КОВО-41» должны были последовать совершенно определенные действия, не имевшие отношения к отражению агрессии. Пока имелась надежда — а вдруг Гитлер блефует, войскам слались предупреждения вроде «ничего не предпринимать» и «границу не переходить».

Причина в том, что, вложив весь талант организатора и все силы в план «Гроза», других планов Сталин не имел. Никаких оборонительных операций советский Генштаб не планировал. Никаких планов на оборону, «красных пакетов», специальных «коротких» сигналов на этот случай в войсках не было. Внезапный удар противника большими силами не рассматривался даже теоретически, а значит, не имелось на этот счет никаких продуманных решений.

Вот флоту на первом этапе Большой войны наступательных задач не ставилось, и нарком ВМФ вместо дезориентирующих директив просто объявил флотам «Готовность № 1». Этого оказалось достаточно, чтобы моряки войну встретили подготовленными: они знали, что нужно было делать в этом случае, и сделали. Не могли Кузнецову помешать выполнить свои прямые функциональные обязанности ни Сталин, ни Жданов, курировавший флот, ни Тимошенко с Жуковым.

И еще один вопрос. А если бы Гитлер не напал на Советский Союз в 1941 году, что предпринял бы товарищ Сталин? Приказал бы армиям грузиться в эшелоны и отправляться обратно в свои округа? Можно еще упростить. Если бы вермахт совершил прыжок через Ла-Манш и вторгся в Англию, соблюдал бы в такой ситуации Советский Союз договор о дружбе с Германией?

«Вероломное нападение» Германии оказалось для советского руководства настолько неожиданным, что в ответ на формальное объявление войны нарком иностранных дел Молотов сумел из себя выдавить только беспомощное: «Мы этого не заслужили».

Некоторое время в Кремле питали иллюзии, что «непобедимая и легендарная» в кратчайшие сроки вышвырнет врага со священной советской земли. Но чуда не произошло. Сталин, объявив войну Отечественной, а себя Верховным главнокомандующим, пытался руководить боевыми действиями привычными методами: искал врагов, расстреливал и перетасовывал командующих, терзал их мелочной опекой, вновь приставил комиссаров, объявил всех попавших в плен предателями, своим авторитетным мнением «опрокидывал военную науку».

И только когда немцы вышли к Волге, а под оккупацией оказалось 70 миллионов советских людей, Сталин утратил спесь, стал прислушиваться к мнению специалистов и с присущими ему упорством и обстоятельностью принялся за изучение военного дела.

Часть II

ПОЛКОВОДЦЫ

«...вместо славы ратной стыдом упиваешься: ибо нет доброго царствования без добрых вельмож, и несметное войско без искусного полководца есть стадо овец, разгоняемое шумом ветра и падением древесных листьев. Ласкатели не синклиты, и карлы, увечные духом, не суть воеводы».

Из письма князя Курбского Ивану Грозному

В апреле—мае 1917 года, фантазируя на тему будущего мироустройства, марксист В.И. Ульянов мечтал о всеобщем вооружении народа, поголовно всех граждан и гражданок в возрасте от 15 до 65 лет, которые заменят постоянную армию и полицию, возьмут на себя дело защиты социалистического Отечества, проведения продразверстки, санитарного контроля, «воспитания масс». Все это не отрываясь от производства и управления государством. Ленинская «кухарка» грезилась на редкость многофункциональным социальным организмом.

Первыми вооруженными формированиями большевистской партии стали рабочие дружины и батальоны Красной Гвардии. Их начали формировать при заводах и фабриках сразу после Февральской революции. Наряду с отрядами сагитированных матросов и солдат они составили ударную силу Октябрьского переворота.

Жалованье революционным пролетариям, как и всему ленинскому ЦК РСДРП(б), как и другим левым партиям, исправно платил германский Императорский Банк. Оружием снабжал германский Генеральный штаб. Ленину со товарищи, чтобы освободить всех угнетенных и повести их верной дорогой прямо к коммунизму, очень нужна была власть. Немцам необходима была сила, которая разрушила

бы Российскую империю изнутри, разложила русскую армию, вывела страну из войны, избавив тем самым задыхающуюся в удавке морской блокады Германию от безнадежной перспективы войны на два фронта. Интересы компаньонов совпадали почти идеально.

После взятия Зимнего дворца и распределения портфель первой, архиважнейшей задачей самопровозглашенного правительства народных комиссаров наряду с национализацией Госбанка стало заключение сепаратного мира с Германией. Ленину пришлось отдавать долги тем, без чьей помощи он никогда бы не взойшел на российский престол, а на нем еще предстояло усидеть. В противном случае на те же деньги другие защитники «интересов трудящихся» легко могли свалить непрочную новую власть. Естественно, что царский аппарат и царская армия, «как один из важнейших элементов государственной машины буржуазно-помещичьего строя», подлежали слову.

7 ноября 1917 года исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин (1876—1917), находившийся в Могилеве, получил ленинский приказ немедленно начать переговоры «с командованием австро-германских войск», что являлось прямым предательством по отношению к союзникам России. На следующий день Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав с предложением объявить перемирие на фронтах.

Не дожидаясь ответа Антанты, 9 ноября Совнарком сместил саботировавшего указания большевиков главнокомандующего, назначив на его место прапорщика Н.В. Крыленко. Необходимо было срочно «вырвать армию из рук реакционного генералитета». На Московский военный округ поставили солдата автороты Н.И. Муралова, штаб ему набрали из прапорщиков и поручиков, каким-то недоразумением туда затесался один штабс-капитан.

Одновременно во все корпуса и дивизии полетели телеграммы, призывавшие солдатские массы через головы командиров самим начинать переговоры о перемирии на отдельных участках фронта и организовывать братание с не-

приятелем. В Берлине все поняли правильно: уже в конце ноября началась переброска немецких дивизий на Запад.

21 ноября, сразу после «взятия» Могилева новым Верховным главнокомандующим, генерал Духонин был растерзан «революционными солдатами и матросами» (как раз в это время, направляясь в Брест-Литовск, пересекла линию фронта русская мирная делегация под руководством, по современным понятиям, международного террориста А.А. Иоффе). И еще долго, убивая офицеров, защитники революции шутили: «Отправили к Духонину».

Ленину «мирная передышка» нужна была не меньше, чем кайзеру, чтобы как можно быстрее укрепить свою власть в огромной стране, сломать старый государственный аппарат, создать новые силовые структуры для борьбы с внутренней «контрреволюцией». Суть происходившего маскировалась демагогическими лозунгами о «революционном мире» и призывами к пролетариату воюющих стран «взять дело мира в свои руки».

Старая армия, насчитывавшая около 8 миллионов человек, из них на фронте более 6 миллионов солдат и офицеров, мешала и Вильгельму, и Владимиру Ильичу. Поэтому, объявив вооруженные силы «большей частью русского государственного организма», большевики немедленно приступили к их лечению путем планомерного разложения и кардинального уничтожения. 10 ноября 1917 года председатель Совнаркома подписал декрет о демобилизации армии. Вдоволь навоевавшиеся окопники целыми полками оставляли фронт и расходились по домам: делить землю, громить помещичьи усадьбы и полицейские участки, экспроприировать экспроприаторов, обеспечивая тем самым «триумфальное шествие Советской власти».

Параллельно осуществлялось формирование нового армейского аппарата, основными задачами которого считались перехват управления, «устранение всякой возможности восстановления власти эксплуататоров».

22 ноября для «осуществления борьбы с контрреволюцией» при Ставке был создан Центральный революционный полевой штаб, формировавший экспедиционные отря-

ды в помощь местным Советам. 16 декабря Совнарком в целях «демократизации» принял декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Были отменены чины, звания, титулы, награды и иные отличия — все стали носить «почетное звание солдат революционной армии», утверждена выборность командного состава, то есть полный развал регулярной армии. «Этими мерами, — подтверждает официальная советская историография, — создавалась возможность для беспрепятственной деятельности большевиков в солдатских массах».

Офицеров, отказывавшихся снять знаки различия, линчевали. В далеком Тобольске, исполняя декрет, охранники содрали погоны с гражданина Николая Романова.

Были также разработаны «Общие соображения по формированию армии», в соответствии с которыми новые вооруженные силы должны были комплектоваться на добровольческих началах из числа «истинных поборников свободы и революции», чья обязанность — «жить, сражаясь, и умереть в борьбе».

К концу 1917 года в большинстве воинских частей власть перешла в руки солдатских комитетов, а бывшей Ставкой Верховного главнокомандующего стал управлять Военно-Революционный комитет. Руководство войсками осуществляли одновременно два органа — реорганизованный штаб Ставки и Революционный полевой штаб.

В середине января 1918 года Ленин с гордостью доложил делегатам экстренного съезда Советов:

«Старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она сдана на слом, и от нее не осталось камня на камне».

Усилиями большевиков Россия стала беззащитна перед внешним вторжением. Недолгий опыт боевых действий выявил низкую боеспособность, слабую организованность, недисциплинированность и неуправляемость красногвардейских «экспедиций», «летучих отрядов», «вольных дружин» и ватаг балтийской «братвы». Советское правительст-

во приняло решение приступить к созданию регулярной армии нового типа.

Первым юридическим актом, провозглашавшим образование «социалистической армии рабочих и крестьян», явилась опубликованная 4 января 1918 года «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую вместе с присягой на верность Советской власти большевики пытались подsunуть на утверждение Учредительному собранию.

Но увы. Депутаты Советскую власть не признали. Несговорчивую «учредилку» пришлось разогнать, а рабочие демонстрации в ее поддержку — расстрелять, исключительно ради блага пролетариата. Этим знаковым решением Ленин взял курс на развязывание гражданской войны, но его это не пугало (он и статью тут же настрочил с характерным подзаголовком: «Пугают гражданской войной»). А Декларацию через неделю утвердил III Всероссийский съезд Советов.

Главной задачей «социалистической армии» декретировалось «обеспечение всей полноты власти за трудящимися массами и устранение всякой возможности восстановления власти эксплуататоров». Причем имелась в виду не только Россия. Один из пунктов постановления гласил, что армия нового типа «борется за интересы трудящихся всего мира и служит поддержкой для грядущих социальных революций во всем мире».

15 января на заседании Совнаркома был рассмотрен и принят Декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Согласно этому документу, явившему собой подлинное завоевание демократии, «около 40 нерусских народностей, не допускавшие царизмом к военной службе, впервые получили право с оружием в руках защищать социалистическое Отечество». Через две недели был принят Декрет «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота».

При Народном комиссариате по военным делам учреждалась Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА, в обязанности которой входили разработка новых уставов и инструкций, а также обеспечение форми-

ровавшихся частей всем необходимым. Вошедшие в ее состав Н.И. Подвойский (1880—1948), Н.В. Крыленко (1885—1938), К.А. Мехоношин (1889—1938) и другие большевики развернули широкую агитационную работу.

По всей стране при Советах и солдатских комитетах создавались военные отделы и штабы Красной Армии. В действующей армии для вербовки добровольцев организовывались штабы РККА при солдатских комитетах. Раскидывалась сеть вербовочных пунктов, а из числа красноармейцев выделялись сотни агитаторов, проводивших мобилизационную работу в тылу и на фронте. 18 января главнокомандующий войсками Петроградского военного округа А.В. Антонов-Овсеенко подписал приказ о создании первого корпуса РККА, основу которого должны были составить питерские рабочие.

В ряды Красной Армии допускались граждане Советской республики не моложе 18 лет. Вступление в ряды РККА было организовано на принципе добровольности и классовых началах. От добровольцев требовались рекомендации войсковых комитетов, партийных, профсоюзных или иных общественных организаций, лояльных по отношению к Советам.

Красноармейцам полагалось денежное довольствие в размере 50 рублей в месяц, аккуратно обеспеченное всеми активами Имперского Банка Германии («на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторам в стране» в январе 1918 года немцы перечислили 50 миллионов рублей золотом «для вручения их представителям Народных Комиссаров»).

Однако ожидавшегося наплыва защитников социалистического Отечества не произошло. Не слишком много нашлось охотников участвовать в братоубийственной войне, если не считать Красной Гвардии, моряков-анархистов, «интернационалистов», определенного количества оболваненных идеями всеобщего равенства рабочих и крестьян и разного рода криминальных элементов (идеи равенства очень вдохновляли «истомленную массу» и всесторонне эксплуатировались большевиками. Сами-то они прекрасно

знали, что никакого равенства быть не может. «Понятие равенства помимо уничтожения классов есть глупейший и вздорный предрассудок... Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента», — писал Ленин. Это детали, в которые народу вникать не стоит).

Успешно «демократизированные» солдаты кадровой армии, стремясь быстрее попасть домой, массово самодемобилизовывались, офицеры разбежались, спасая свою жизнь.

Тем временем для мировой и российской общественности в Белом дворце Брестской крепости разыгрывался спектакль переговоров.

Но выдвинутые немцами условия, означавшие для страны потерю 150 тысяч квадратных километров территории, были настолько позорными, что даже в стянутой железным обручем дисциплины партии большевиков возникла непримиримая оппозиция «похабному миру», предлагавшая объявить врагу революционную войну. На расширенном заседании ЦК РКП(б) за предложение Ленина подписать мир проголосовали лишь 15 человек, против — 48. Большинство членов правительства и партии понятия не имело о глубоко законспирированных связях Ленина с германской разведкой.

Поэтому А.А. Иоффе, а вслед за ним Л.Д. Троцкий затягивали переговоры в Бресте, преследуя две тактические цели. Во-первых, планировалось развернуть пропагандистскую кампанию с целью защитить вождей от обвинений в слишком явной продаже интересов России, внушить массам, что власть упорно сопротивляется требованиям Германии, а заключаемый мир носит вынужденный, насильственный характер. Во-вторых, в Петрограде надеялись на быстрое развитие революции в Европе — чем черт не шутит, а вдруг взаправду К. Либкнехт «спихнет» германских империалистов и «выпутает нас из всех трудностей».

Чтобы помочь Ильичу принять правильное решение и убедить излишне революционных соратников, что немцы

«могут наступать», кайзеровские войска 18 февраля перешли в наступление по всему фронту от Рижского залива до устья Дуная. Остановить их было некому. Начальник штаба Верховного главнокомандующего, бывший генерал-лейтенант, а ныне «солдат революционной армии» М.Д. Бонч-Бруевич докладывал Совнаркому: «Многие участки фронта совершенно оставлены частями и никем не охраняются. При таких условиях фронт следует считать только обозначенным... Громадное большинство опытных боевых начальников или удалено при выборах, или ушло при увольнении от службы солдат их возраста. У громадного большинства солдат одно желание уйти в тыл... Укрепленные позиции разрушаются, занесены снегом, постройки разваливаются; дерево растаскивается на топливо, а проволока снимается для облегчения «братания» и торговли. Армии совершенно небоеспособны и не в состоянии сдержать противника... Фронт особой армии на протяжении 120 верст открыт».

Не встречая сопротивления, германец занял Двинск, Полоцк, Минск, подошел к Петрограду, захватил огромное количество орудий, боеприпасов и различного снаряжения.

Тем временем спектакль продолжался. С одной стороны, Ленин и Троцкий громогласно объявили «Социалистическое Отечество в опасности», был организован революционный штаб обороны Петрограда, на важнейших направлениях спешно создавался заслон из красногвардейских формирований и частей армии и флота, еще сохранивших боеспособность.

С другой — «господин Председатель Совета Народных Комиссаров» получал конфиденциальные инструкции от Русского отдела Германского генштаба: «Отделение Штаба имеет честь просить сведения о настроении направляемых к Пскову отрядов и предостерегает от возможных печальных последствий, если в этих отрядах будет вестись патриотическая пропаганда и агитация против Германской Армии».

Псков немцы взяли без боя. После чего приостановили наступление и утром 23 февраля выдвинули более жесткие условия мира. Данное событие и послужило поводом объа-

вить 23 февраля днем рождения Красной Армии, «остановившей немецкое продвижение (по некоторым источникам, даже «разгромившей германцев») под Псковом и Нарвой».

То, что противник остановился сам по собственному разумению, следует из речи Ленина на VII съезде партии:

«Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное, причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами».

Кайзеру нужен был не Петроград (это могло вызвать в стране волну патриотического подъема, неизбежно бы смывшую большевиков), а сепаратный мир, русское сырье и карманное российское правительство.

24 февраля ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли все условия ультиматума. 3 марта 1918 года был подписан мирный договор между Советской Россией с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией — с другой. Согласно договору, от России отходили Польша, Литва, Латвия, Эстония. На Кавказе Турция получала Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. Россия, таким образом, теряла территорию площадью около 800 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек.

Как прокомментировал американский дипломат Э. Сиссон:

«Германия заключила русский мир с собственным подставным правительством, ложно называемым Советом Народных Комиссаров... Германия не отказалась от большевистских главарей, признавая их дальнейшую пользу для Германской мировой кампании, направленной на внутреннюю дезорганизацию народов, с которыми она воюет. Но

она ограничила их деятельность пределами замкнутой провинции, в какую превратилась Великая Россия».

Зато в пределах этой вассальной «провинции» большевики под охраной немецких штыков и при непосредственном участии немецких «советников» могли творить все, что им вздумается. Ради такой возможности Ленин готов был отдать и Питер и Москву. Он готов был «отступить хотя бы до Урала». И предусмотрительно гнал на восток «золотые эшелоны», а столицей собирался сделать Нижний Новгород. Главное — сохранить власть, отдать пространство и выиграть время: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун».

До ноября 1918 года первое в мире государство рабочих и крестьян являлось, по сути, германским протекторатом, правительство которого «ползло на брюхе», выжидая своего часа и мечтая о революционной войне в Европе.

Кстати, в соответствии со статьей 5-й мирного договора подлежала ликвидации и Красная Армия. Ликвидировались фронты, расформировывались армии, пришлось распустить Первый корпус РККА, упразднить должность Верховного главнокомандующего. На VII съезде партии Ленин констатировал: «Армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов...»

Между тем умиротворенный «хищник» делал все возможное, чтобы ускорить процесс установления власти большевиков на местах. Немцы продолжали оказывать не только финансовую и материальную помощь, но и отправляли в Россию для подавления народного сопротивления военные подразделения германской армии.

Ленин не сомневался, что время работает на него. Весной 1918 года невооруженным глазом было видно, что положение Германии бесперспективно, войну она все равно проиграет и к этому дню надо быть готовым. Оставаясь марксистом до мозга костей, Владимир Ильич собирался перенести пожар мировой революции в Европу, «вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой».

А пока следовало «ловить момент», тайно помогать якобы независимой Украинской советской республике, поддерживать повстанческие отряды Махно и Григорьева, поставлять оружие для финской Красной Гвардии, культивировать новое идеологически-бактериологическое оружие — «бациллу большевизма», и распространять ее на все окружающие территории.

Поэтому, одобрив в целом Брестский мир, съезд принял и секретную «Резолюцию о войне и мире»:

«Первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России... для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, — наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, **только в превращении ее в международную рабочую революцию.**

Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне».

Весна 1918 года стала временем лихорадочного военного строительства, заложившего организационные принципы Красной Армии на все последующие годы.

Уже в марте был образован Высший военный совет, которому поручалось руководство организацией кадровой армии и «всеми военными операциями». Совет состоял из председателя Л.Д. Троцкого, военного руководителя М.Д. Бонч-Бруевича и трех членов. Для охраны демаркационной линии с германскими войсками создавалась линия

завес, состоявшая из отдельных красноармейских, красногвардейских и партизанских отрядов. Завесы не столько защищали страну «от возможных вторжений», сколько препятствовали начавшемуся массовому бегству населения из северных и центральных губерний, первым оценившего прелести диктатуры пролетариата.

26 марта Высший военный совет отменил выборность командиров; 31 марта — издал приказ о введении новой системы военно-окружного управления и об учреждении на территории европейской части РСФСР шести военных округов.

Поскольку подготовленных командиров с пролетарским происхождением было мало, а все юнкерские и кадетские училища Подвойский ликвидировал еще в ноябре 1917-го, Ленин предложил использовать бывших офицеров царской армии, «но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы».

6 апреля для надзора за работой военспецов и воспитания личного состава в духе преданности Советской власти был учрежден институт военных комиссаров. Согласно положению, ни один приказ командира части или соединения без подписи комиссара не подлежал исполнению. Комиссарами ставились «лишь безупречные революционеры, стойкие борцы за дело пролетариата и деревенской бедноты», но, как правило, в военном деле ничего не смыслившие.

Декретом Совнаркома от 8 апреля для проведения организационной работы по комплектованию Красной Армии создан местный военный аппарат — волостные, уездные, губернские и окружные военные комиссариаты. Намечалось приступить к формированию 58 пехотных дивизий со штатом 36 тысяч человек командного и рядового состава. В апреле Ленин утвердил план развертывания миллионной армии на основе единых штатов.

Дело полным ходом шло от добровольности к всеобщей воинской повинности. Первым шагом к ее введению стал декрет ВЦИК от 22 апреля, обязавший каждого добровольца служить не менее шести месяцев.

В этот же день декретом «Об обязательном обучении во-

енному искусству» ввели обязательное всеобщее обучение рабочих и «не эксплуатирующих чужого труда крестьян» военному делу. В системе Всеобуча должны были обучаться — сбывалась ленинская мечта — все граждане обоего пола (правда, участие женщин было добровольным) в возрасте от 16 до 40 лет, а также подростки, без отрыва от работы и учебы. Через восемь недель занятий по единой 96-часовой программе пролетарий считался военнообязанным. За уклонение от обучения «военному искусству» декрет предусматривал «революционную ответственность».

К концу апреля 1918 года в вооруженных силах Советской Республики насчитывалось 200 тысяч человек плюс 36 тысяч в отрядах Красной Гвардии. Значительный процент личного состава в них составляли так называемые воины-интернационалисты, попросту — наемники.

На момент свержения самодержавия в России находилось около 5 миллионов иностранных граждан, в том числе 2,2 миллиона военнопленных — австрийцев, немцев, турок, болгар, венгров, чехов, словаков. Эти, по сути дела, вражеские солдаты (многие участвовали в российской революции с разрешения германского командования) в кампании с неприкаянными латышскими стрелками, нищими китайцами, просто авантюристами со всего света на первых порах и составили опору, ударную силу ленинского режима, с удовольствием и не без прибыли устанавливавшую Советскую власть в отданной на полное разграбление и поругание стране.

К примеру, прекрасно вооруженные, спаянные сознательной дисциплиной и землячеством, ненавидевшие Империю, под командой боевых кадровых офицеров полки латышских стрелков стали для Ленина настоящей находкой, той силой, без которой большевистское правительство, пожалуй, не удержалось бы у власти. В то время, когда сознательно разваливалась русская армия, латышские полки демобилизации не подлежали. Обещанную независимость они должны были оплатить своей «интернациональной помощью».

(Кстати, в национальном вопросе тоже имелись свои тонкости. Громогласное декларирование прав наций, «угнетавшихся царизмом», на самоопределение, способствуя

развалу Российской империи и разобщению народов, препятствовало сплочению антибольшевистских, делало националистов союзниками Ленина, обещавшего никого «не удерживать насильно».

Разумеется, до поры до времени. Ведь интересы мировой революции требовали совершенно обратного — глобальной советизации: «Мы, со своей стороны, вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций... Мы хотим революционно-пролетарского единства, соединения, а не разделения».)

Уже 30 октября 1917 года Владимир Ильич пригласил латышей для наведения революционного порядка в Петрограде, и менее чем через месяц в столицу прибыл 6-й Тукумский стрелковый полк (свыше 2500 человек). Стрелки участвовали в роспуске Учредительного собрания, в акциях по национализации банков, арестовывали контрреволюционеров, охраняли важные объекты, склады, несли караульную службу. Одновременно для охраны народных комиссаров от народа по приказу главкома Крыленко была сформирована Сводная рота латышских стрелков (540 человек).

В январе 1918 года большевики взяли курс на Гражданскую войну, но для подавления разгоравшегося сопротивления им катастрофически не хватало надежных частей. Немного было проку от отрядов анархистствующих матросов, всю войну прятавшихся в тылу и терявших боеспособность сразу после отбития у неприятеля винной лавки. Какой-нибудь матрос Железняк годился на то, чтобы вышвырнуть из Таврического дворца возмущавшихся «интеллигентов» с депутатскими мандатами, проводить экспроприации — тоже нужное дело, но, как утверждает молва, когда «скитальцу морей» потребовалось попасть в Одессу, то вышел он к Херсону.

Поэтому на Дон, усмирять казаков генерала Каледина, в январе 1918 года отправился 3-й Курземский полк латышских стрелков. Тогда же выехал на север, оказывать братскую помощь пролетариату Финляндии, 6-й Тукумский полк. Задачу подавления в Белоруссии «мятежа» корпуса ге-

нерала Довбор-Мусницкого, отказавшегося «демократизировать» польские части, с готовностью взяли на себя 1-й и 4-й полки. В целом в конце 1917 — начале 1918 года почти половина латышских стрелков (около 10 тысяч человек) приняла участие «в борьбе с контрреволюцией» вне территории Латвии. И не только стрелки. Латышские красногвардейские отряды были созданы в Харькове, Екатеринославле, Одессе, Александровске, Витебске и других городах.

Февральское наступление германской армии и последовавшее за ним заключение Брестского мира временно ограничило территориальные аппетиты Ленина. Красных финнов и красных латышей немцы выбили и из Прибалтики, и из Финляндии. Прекратила свое двухмесячное существование Советская Латвия. Стрелки приняли резолюцию не «сдаваться в плен германскому империализму» и «присоединиться к пролетарской армии России». Практически они и составили ядро этой «пролетарской» армии — восемь поредевших полков и 1-й латышский коммунистический отряд. Остальная Красная Армия представляла собой отдельные, не связанные друг с другом и практически никому, кроме революционной совести, не подчинявшиеся партизанские отряды с выборными командирами, обычно бывшими унтерами или рядовыми.

Латыши обеспечивали тайный переезд правительства в Москву, охраняли Кремль (сводная рота выросла в 9-й стрелковый полк) и подступы к новой столице. Им же доверили вывоз золотого запаса и других «ценностей Республики» в глубь страны.

Не написана еще славная история китайских батальонов, которые формировались по всей стране. Они тоже охраняли Ленина. И товарища Троцкого, и других товарищей. Китайцев широко использовали для проведения карательных акций, расстрелов, в качестве специалистов по пыткам. Китайцев в России было почти 300 тысяч, во время мировой войны их массово вербовали для различных работ, и имелись они почти в каждом крупном городе — Петрограде, Москве, Перми, Екатеринбурге, Одессе...

А немцы занимались продразверсткой (!), в частности на Дону (!!). Легко представить реакцию казачества.

Понятно, что это воинство предназначалось исключительно для «внутреннего употребления». Число интернационалистов, сражавшихся за счастье российского пролетариата в рядах Красной Армии, в разное время составляло от 250 до 300 тысяч человек (в том числе более 40 тысяч китайских наемников, около 12 тысяч чешских легионеров), количество различных интернациональных соединений — отрядов, рот, батальонов, легионов, полков, бригад и дивизий — зашкаливает за пятьсот. А как они укрепили ВЧК!

Весной 1918 года Ленин считал, что Гражданская война им уже выиграна: «Надо было отстоять эту победу (*имеется в виду Октябрьский переворот*) в Гражданской войне. **Это заняло около трех месяцев**, начиная с победы над Керенским («дурачком и хвастунишкой») под Гатчиной, продолжая победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества в Москве, Иркутске, Оренбурге, Киеве, кончая победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону... Победы на внутреннем фронте дались сравнительно легко...»

На VII съезде вождь заявил: «Гражданская война стала фактом... **По всей России вздымалась волна Гражданской войны и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью...**» Наконец, в апреле: «Мы Россию отвоевали... Мы должны теперь Россией управлять».

А управлять, по ленинскому разумению, означало осуществить принудительную организацию всего населения, подчинить его железной дисциплине, наладить всеобъемлющий учет и контроль хлеба и добычи хлеба (а затем и всех других необходимых продуктов), отделить овец от козлищ, определить каждому пайку и эту пайку распределять в зависимости от «полезности» члена общества для Советской власти:

«Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределять только справедливо, нельзя. А нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства. Необходимо давать

государственное содержание продовольствием только тем служащим, которые действительно нужны в условиях наилучшей производительности труда, и если распределять продукты как орудие политики, то в сторону уменьшения тех, которые не безусловно нужны, и поощрения тех, кто действительно нужен».

Таким образом, управлять Владимир Ильич намеревался террором и голодом. В мае 1918 года он, «победив с необыкновенной легкостью» в Гражданской войне, решил, что пришло время перейти к заветному, «третьему этапу революции» — введению **продовольственной диктатуры**, подчинению мелкобуржуазной стихии «воле одного лица». Невыносимо было смотреть на образовавшийся кругом бардак: «...всякий по-своему норовил. Звери — рыскали, птицы — летали, насекомые — ползали; а в ногу никто маршировать не хотел».

13 мая был утвержден декрет ВЦИК и СНК «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими».

27 мая последовал декрет «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов», предусматривавший централизацию всего продовольственного дела и неуклонное выполнение хлебной монополии.

На основании декретов Наркомпрод получил право применять вооруженную силу для отъема хлеба и приступил к организации продкомитетов и военизированной Продовольственно-реквизиционной армии. В июне появились первые продотряды, из них формировались продбатальоны и продполки (к осени 1920 года в Продармии насчитывалось более 77 тысяч продбойцов).

Ленин, объявив «крестовый поход» в деревню, призвал передовых рабочих самим организовывать «железные отряды» и брать под контроль «всякий пункт производства хлеба».

Продразверстку придумало еще Временное правительство, но понимало оно под этим термином несколько иное и лозунга «С пулеметами за хлебом» не выбрасывало. Со-

ветская власть просто объявила врагами народа всех, кто скрывал излишки хлеба, не вывозил их на ссыпные пункты, а желал непременно продать. То есть всех крестьян, кроме самых беднейших, которым «скрывать» было нечего. Этим люмпенов зачислили в союзники пролетариата, организовывали согласно декрету от 11 июня в комитеты бедноты, дали им «неограниченную никакими законами власть» и позволили грабить всех остальных. Комбеды являлись «опорными пунктами, органами диктатуры пролетариата в деревне».

Главными врагами, естественно, были объявлены те, у кого было что отнять — «обожравшиеся» кулаки — «самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры». Сама мысль о том, что люди могут нормально жить на земле, кормиться своим трудом и богатеть, независимо от существующей власти, не подчиняясь «единоличным распоряжениям советских диктаторов» и не выказывая никакого желания кормить дармоедов, вызывала у Ленина приступы бешеной злобы.

Как только он их не называл: пауками и пиявками, вампирами и кровопийцами, грабителями и спекулянтами. У них водились деньги, «они скопили тысячи и сотни тысяч денег», а еще они собирались передуть и перерезать «бесконечно много рабочих» и восстановить «власть помещиков»! Поэтому всех их надо убить. Вождь уже прикинул, что «кулачья» в стране едва ли больше двух миллионов, «кулаки — меньшинство в народе», патронов хватит на всех. Очень не любил Ильич кулаков, классово их ненавидел: «Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!» И двинулись в деревню продовольственные отряды, да под охраной немецких, венгерских, австрийских и прочих интернационалистов.

Вот тогда и полыхнуло. Тогда, летом 1918 года, с «крестового похода», мятежа левых эсеров (они-то знали, что изъятый хлеб эшелонами уходит в Германию), крестьянских восстаний и началась Гражданская война. Она приобрела еще больший размах осенью, когда немецкие войска начали

очищать оккупированные территории, передавая власть национальным правительствам.

13 ноября 1918 года ВЦИК торжественно заявил, что условия Брестского мира «лишились силы и значения», и призвал народы «самим решить свою судьбу». Возникшее буквально из воздуха Центральное бюро большевистских организаций оккупированных областей выпустило воззвание: «Мы не можем допустить организацию контрреволюционных элементов и захват власти... Немедленно приступайте к организации Советов рабочих депутатов».

Ни на Украине, ни в Прибалтике Советы никто организовывать не собирался. Потоки беженцев из РСФСР многое успели рассказать о жизни в стране победившего пролетариата. В Эстонии и Латвии к власти пришли законно избранные Временные правительства. На Украине возникло правительство Скоропадского. Объявили о своей независимости Закавказские республики — Армения, Грузия, Азербайджан.

Но все эти правительства были буржуинские, с точки зрения большевиков, «неправильные». Подлинные правители проживали в Москве. Через демаркационную линию на запад и на юг, с целью обеспечить «революционно-пролетарское единство» народов и оказания помощи «международной рабочей революции», двинулись части Красной Армии. Однако за время Брестского мира не только большевики получили «передышку»: на пути пролетарского воинства встали «армии низвергнутых классов», небольшие по численности, но лучше организованные, с большим количеством офицеров в своих рядах.

Собственно, только тогда РККА по-настоящему и родилась, хотя декрет ВЦИК о всеобщей воинской повинности для всех трудящихся в возрасте от 18 до 40 лет вышел еще 29 мая 1918 года.

2 сентября 1918 года одновременно с объявлением страны военным лагерем — «Республика в кольце врагов!» — вместо Высшего военного совета был создан Революционный военный совет республики под председательством

Л.Д. Троцкого. Руководство действующей армией РСФСР осуществлял через главнокомандующего всеми Вооруженными Силами Республики. Завершилось расформирование Красной Гвардии.

11 сентября были ликвидированы завесы и вместо них созданы фронты. К декабрю было развернуто 12 армий, в боевом составе которых насчитывалось 285 тысяч штыков и сабель (по подсчетам советских историков, интернационалисты составляли всего лишь около 8%, но это осенью, и есть странность: латышские стрелки «не считаются»). Общая численность вооруженных сил достигла 800 тысяч человек, а к началу 1919 года — 1 миллиона 630 тысяч. Ленин требовал к весне довести ее до трех миллионов.

Стало ясно, что без специалистов не обойтись.

Принцип формирования командного состава молодой Красной Армии был сформулирован Лениным. В день Красного офицера 24 ноября 1918 года вождь дал четкую установку:

«Строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм. Такая армия будет непобедима».

Однако подавляющее большинство «красных офицеров» не имело военного, а зачастую никакого образования. Возглавляемые ими формирования представляли собой плохо управляемые отряды вооруженных рабочих, бывших солдат и матросов, способные терроризировать отдельно взятый район или совершать партизанские налеты, но не имели «правильной разведки, ни связи друг с другом, ни способности к более сложному маневру» и обнаруживали полную несостоятельность при столкновении с армиями «низвергнутых классов». К тому же расплодившиеся во множестве «главки» и «командующие» никому не желали подчиняться.

(С.С. Каменев, будучи руководителем Невельского участка Западной завесы, описывал такой формально ему подчиненный отряд: «Многие добровольцы были из тех, которые, идя добровольно на службу в Плотский отряд, факти-

чески укрывались от военной работы, много было среди них порочного элемента с грабительскими наклонностями».)

«Наше центральное положение, — писал Троцкий, — расположение врагов по большому кругу, возможность для нас действовать по внутренним операционным линиям, свели нашу стратегию к одной простой идее: именно к последовательной ликвидации фронтов в зависимости от их относительной важности... Мы имели возможности перебрасывать наши силы и массировать их в ударные кулаки на наиболее важном в данный момент направлении. Однако реализовать это преимущество можно было только при условии полного централизма в управлении и командовании... нужно было иметь возможность приказывать, а не уговаривать».

После жестоких партийных споров Красную Армию решили строить на регулярной основе, отбросив бредни о поголовном вооружении народа. Через месяц после объявления обязательной воинской повинности для трудящихся была введена мобилизация бывших офицеров и чиновников. 1 октября 1918 года вышел декрет Совнаркома о всеобщей мобилизации «лиц Генерального штаба», кроме явных калек и «одержимых тяжкими болезнями».

«Каждому из импровизированных командиров, — вспоминал Троцкий, — нужен был офицер... Изрядный процент образованных офицеров имел... в высшей степени благоприятное влияние на общий уровень командования».

В 1918 году, по свидетельству Троцкого, «76% всего командного и административного аппарата представляли бывшие офицеры царской армии и лишь 12,9% состояли из молодых красных командиров, которые, естественно, занимали низшие должности».

А всего в Красной Армии служили 75 000 бывших офицеров, в том числе более 500 выпускников Академии Генштаба. Были среди них мобилизованные принудительно, были решившие сделать карьеру при новой власти, да ведь и семью нужно было как-то кормить в условиях «военного коммунизма». Прилив патриотизма и стремление послужить родине, независимо от политической окраски правительст-

ва, среди офицеров, не желавших участвовать в войне на «внутреннем фронте», вызвало немецкое нашествие, а потом оказывалось, что «птичка уязвля» и нет никакой свободы выбора.

Были и такие, которым воплощение большевистских идей о новой России казалось гораздо привлекательнее, чем идеи Белого движения. Они составляли «маленькое меньшинство» и не сразу поняли, что основные идеи большевиков — насилие, беспринципность, жестокость, а все их лозунги и обещания — беззащитная ложь. Кстати, независимо от того, добровольно офицеры шли в ряды Красной Армии или по мобилизации, специальный приказ требовал от комиссаров за ними следить, карать, «держат на учете семьи офицеров и принимать их на ответственные посты в том случае, если имеется возможность в случае измены захватить семью».

Как учил товарищ Лацис: «Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какого он образования и какова его профессия». На основании «трех вопросов» любого военспеца в любой момент можно было тащить в подвал, что и проделывалось систематически. При любой неудаче первым делом обвиняли в измене бывших офицеров. Даже главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики летом 1919 года угодил на нары. Офицерство было и оставалось классовым врагом, его использовали до поры до времени или, выражаясь ленинским языком, «строили коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас».

Они воевали на стороне «красных», кто за совесть, кто за страх, организуя снабжение Красной Армии, проводя мобилизационные мероприятия, командуя армиями и фронтами, планируя операции, чтобы в итоге какой-нибудь Примаков мог покрасоваться перед бойцами на белом коне с шаблякой. Смешно читать рассуждения С.М. Буденного вроде: «Пожалуй, самым слабым местом в организации Врангеля были генералы. Я хорошо знал и Покровского, и Шатилова, и Улагая, и других: нам приходилось их бить в

1919 году. Это были не очень храбрые вояки, с узким военным кругозором, с ограниченным оперативным мышлением». Интересно, откуда у безграмотного казака такое «неограниченное оперативное мышление», кто у него был начальником штаба?

Все начальники советских фронтовых штабов в 1918—1920 годах — это бывшие офицеры Генштаба (откуда еще было взять грамотного штабиста?), 53% начальников штабов армий и 37% командующих армиями — тоже они.

Заместителем Фрунзе был царский генерал Ф.Ф. Новицкий, начальником штаба служил генерал Н.С. Махров, в штабе Тухачевского во время наступления на Варшаву — граф Н.В. Соллогуб. Генерал А.А. Самойло командовал 6-й отдельной армией, генерал П.П. Сытин — Южным фронтом, генерал В.Д. Ольдерроге — Восточным, генерал А.Е. Снесарев — войсками Северо-Кавказского военного округа и объединенными вооруженными силами Белоруссии и Литвы, полковник В.М. Гиттис — Западным и Кавказским фронтами. Всю войну Главкомами Вооруженных Сил Республики были полковники Генерального штаба И.И. Вацетис и С.С. Каменев, а начальниками штаба при них состояли генералы П.П. Лебедев и М.Д. Бонч-Бруевич.

На VIII съезде (1919 г.) член ЦК партии Яков Сокольников докладывал:

«Там, где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную, там была достигнута устойчивость фронта, там был достигнут военный успех. Наоборот, там, где военные специалисты не нашли себе применения... там пришли к полному разложению и исчезновению самих армий».

Несмотря на это, многие видные члены партии, например Зиновьев, Пятаков, Сталин, а также выдвинувшиеся из народа пролетарские военачальники, вроде Буденного и Ворошилова, высказывались против привлечения к военной работе классово чуждого офицерства, выражали ему свое недоверие, обвиняли в изменничестве, требовали «пересмотреть отношение» к военспецам. На этой почве даже

возникла так называемая «военная оппозиция». Действительно, насильно мобилизованные офицеры нередко перебегали на противоположную сторону. Так ведь и трудящиеся целыми полками переходили от красных к белым, от белых к зеленым и обратно к красным, на то она и Гражданская война. Лучшей воинской частью в армии Колчака считался полк ижевских рабочих. Но марксисты видели разницу: пролетарии ошибались по причине темноты и несознательности, «офицерье» изменяло в силу своего классового происхождения.

Ленин тоже впадал в сомнения, ибо логика борьбы требовала полного уничтожения этого «буржуазного слоя». Однако поражения Красной Армии на Восточном фронте, полный развал и разгром партизанского по сути Украинского фронта произвели на Владимира Ильича должное впечатление. Гибкий тактик и сторонник железной дисциплины, он объявил политику привлечения военспецов единственно верной, призвал, отбросив «невежественное самомнение», учиться у них военному делу, конечно, при условии неусыпного контроля над офицерством и беспощадного подавления всякого «контрреволюционного его поползновения»:

«Нам изменяют и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и подолгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на востоке... Партизанщина, ее следы, ее остатки, ее пережитки причинили и нашей армии и украинской неизмеримо больше бедствий, распада, поражений и катастроф, потери людей и потери имущества, чем все измены военспецов».

По мере минования надобности от них избавлялись, продвигая «красных офицеров», выпускников скороспелых курсов командного состава, так что к концу Гражданской войны численность бывших офицеров царской армии составила около 34% и неуклонно снижалась в дальнейшем.

В конце концов, используя беспощадный террор и обещания всеобщего равенства, мобилизацию всех ресурсов в сочетании с беспримерной лютостью, железную организацию с опорой на самые низменные инстинкты, лозунги самоопределения наций и разлад в стане врагов, позволявший бить их по очереди, большевики победили Россию. Одним из факторов, способствовавших этой победе, было наличие десятков тысяч офицеров на службе Советской власти.

Но героями войны, увешанными орденами и «революционным оружием», прославляемыми в стихах и прозе, стали, конечно, не они, а плоть от плоти трудового народа, рабоче-крестьянские полководцы, в основном бывшие унтеры и подпоручики, и комиссары в «пыльных шлемах», разгромившие вооруженные Антантой до зубов белые полчища. Они создали новое пролетарское военное искусство, на голову превосходящее все прочие. О генералах теперь полагалось отзываться свысока, учиться у них было нечему. С.М. Буденный писал:

«Белогвардейцы располагали вышколенными кадрами, ими командовали опытные военачальники. Однако всех этих господ красные бойцы, в том числе и конармейцы, били по всем правилам военного искусства».

Еще один стратег-самородок — Р.П. Эйдеман — недочувшийся студент лесного института, прапорщик ускоренного выпуска, начавший военную карьеру сразу с должности начальника дивизии, с апломбом утверждал: «Оперативная мысль Деникина была слишком дряхлой, отражавшей вырождение отживающего строя».

Военное наследие царской армии отвергалось, как «отсталое» и для РККА непригодное. М.Н. Тухачевский в 1921 году в статье для журнала «Военный вестник» утверждал:

«Мы не получили в наследство от царской армии хороших приемов общеармейского обучения и нам самим надо настойчиво их разрабатывать применительно к условиям Красной Армии».

Очень многого «тухачевские», «буденные» и «эйдеманы» не получили в наследство. Например, «приемов» уничтоже-

ния народов и сословий в собственной стране, разорения шедевров архитектуры. Не получили в наследство от царской власти и таких методик обучения и воспитания войск, в результате применения которых на сторону противника переходили миллионы солдат самой идейной армии, как получилось в Отечественную войну 1941—1945 гг.

В 1921—1922 годах, в период сокращения Красной Армии, «старорежимных» генералов и полковников тихо выпроваживали на преподавательскую работу. В 1924 году их вычищали из учебных заведений и увольняли из армии, в 1930—1931 годах оставшихся в живых арестовывали и сажали по обвинению в монархическом заговоре, в их числе таких крупнейших военных специалистов и ученых, как А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, А.Х. Базаревский, Н.Е. Какурин. Кое-кого расстреляли. Так, в Ленинграде ОГПУ раскрыло организацию бывших офицеров-военспецов, с «контрреволюционными» целями хранивших под церковным алтарем знамя и реликвии лейб-гвардии Семеновского полка, — из 27 фигурантов 11 человек были приговорены к высшей мере социальной защиты, в том числе последний командир полка Алексей Матвеевич Поливанов (1879—1931).

В 1937—1938 годах добивали тех, кто не успел умереть своей смертью — А.А. Свечина, 68-летнего П.П. Сытина...

К концу 1935 года сложилась советская военная иерархия. Высшее руководство Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота представляли сорок человек командного и начальствующего состава, утвержденных в новых воинских званиях в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 22 сентября: пять маршалов СССР, пять командармов 1-го ранга, два флагмана флота 1-го ранга, один армейский комиссар 1-го ранга, девять командармов 2-го ранга, два флагмана флота 2-го ранга, пятнадцать армейских комиссаров 2-го ранга.

Почти все они были твердокаменные большевики, герои Гражданской войны, по маковку забрызганные кровью соотечественников, проверенные в идеологических боях с

троцкистами, правой и левой оппозицией и прочими уклонами.

На вершине пирамиды сияла заслугами и регалиями пятерка первых в советской истории маршалов. Газета «Правда» писала о них:

«Лучшие из лучших, достойные из достойных железного племени командиров Красной Армии. В пяти маршалах воплощены несравненные качества сынов народа, военных руководителей из рабочих и крестьян, наших командиров. Под их руководством полки Красной Армии покрыли свои знамена неувядаемой славой, под их руководством Красная Армия зорко охраняет Советские земли от врагов».

Вот это «железное племя»:

Маршал Советского Союза Ворошилов Климент Ефремович родился в 1881 году в селе Верхнее Екатеринославской губернии в рабочей семье. В двенадцать лет Клим пошел в сельскую земскую школу, в которой проучился две зимы. Официальная биография «первого красного офицера» повествует о голодном детстве, нищете и «тяге к образованию при невозможности ее удовлетворения». Правда, когда появились все возможности к удовлетворению, пропала тяга. Климент Ефремович больше никогда ничему не учился.

В пятнадцать лет он начал работать подручным слесаря на Юрьевском металлургическом заводе, где в 1899 году организовал забастовку крановщиков и литейщиков. Последовали первый арест, увольнение, занесение в «черные списки», скитания в поисках работы. В 1903 году его приняли в Луганскую организацию РСДРП. Так начинался путь в профессиональные революционеры.

После раскола социал-демократов Ворошилов решительно примкнул к ленинцам и в пику меньшевикам на партийных сходах представлялся «товарищем Антимековым». Энергичный, темпераментный Клим быстро стал заметной фигурой в большевистском движении.

В первую русскую революцию, избранный председателем Луганского Совета рабочих депутатов, Ворошилов руководил стачками на заводе Гартмана, занимался созданием

боевых дружин, доставкой оружия из Финляндии, организовал подпольную лабораторию по изготовлению бомб. В 1906 и 1907 годах он был делегатом IV Стокгольмского, V Лондонского съездов партии, там познакомился с Лениным, Сталиным, Дзержинским. В июле 1907 года слесарь-бомбист был арестован в третий раз и получил от кровавого царского режима три года ссылки в Архангельскую губернию. Из ссылки бежал ровно через три месяца.

В 1908—1917 годах Ворошилов вел подпольную работу в Баку, Петербурге, Царицыне. Работа регулярно прерывалась арестами, отсидками и высылками в отдаленные районы империи. После Февральской революции Климент Ефремович месяц походил в членах Петроградского Совета рабочих депутатов, а затем вернулся в Луганск, где был избран председателем городского Совета, городской думы и комитета партии. В ноябре 1917 года в качестве делегата Учредительного собрания Ворошилов отправился в столицу и, попав в самую гущу событий, стал комиссаром Петроградского военно-революционного комитета и одним из отцов-создателей Чека — Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

В марте 1918 года Ленин, оплачивая выданные авансы и безбилетный проезд в запломбированном вагоне, подписал сепаратный мир с Германией, согласно которому оккупированная немцами Украина признавалась самостоятельным государством, дальнейшая судьба которого будет решаться «без участия русских властей». Соответствующие договоры Австро-Венгрия и Германия подписали с делегацией Центральной Рады Украины, которая тут же запросила немецкой военной помощи.

Официально большевики никак не могли этому помешать. Но они имели огромный опыт подпольной работы и, формально соблюдая условия Брестского мира, старательно раздували пламя «революционной войны» на отложившихся от Российской империи территориях, тайно поддерживая повстанцев Махно, Григорьева, Шинкаря.

Ворошилова откомандировали на Украину. Там он организовал 1-й партизанский Луганский социалистический

отряд численностью в 600 человек и 13 марта двинулся на битву «с палачами пролетарской революции» — немецкими интервентами и украинскими самостийниками.

Вскоре отряд превратился в 5-ю Украинскую армию. Правда, немцев это не слишком испугало. Всего через две недели разбитая «армия» начала поспешно отступать с Украины. Ворошилов свои «войска» повел к Луганску, откуда начался «легендарный ворошиловский поход» красных партизан с семьями, эшелонами и обозами с награбленным добром через восставший казачий Дон к Волге.

Донцы с началом революции воткнули было пики в землю и, бросив фронт, разбрелись по станицам, но два месяца советской власти и ленинский декрет о введении продразверстки их возмутили. Генерал А.И. Деникин писал в своих воспоминаниях:

«Со всех сторон неслись вопли, рассказы о массовых злодеяниях, об осквернении церквей, о поджогах и грабежах, об изнасиловании женщин и детей...»

Посему обозленные «белоказаки разрушали железнодорожные пути, мосты, взрывали водокачки, непрерывно совершали нападения надвигающиеся войска и эшелоны». Тем не менее в начале июля 1918 года «группа войск товарища Ворошилова» прорвалась к Царицыну.

Здесь находился его старый знакомый по бакинскому подполью, чрезвычайный уполномоченный по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа И.В. Сталин. Под «заготовкой» большевики понимали насильственное, под дулами пулеметов, изъятие продовольственных продуктов у всего населения страны. Возражавшие объявлялись врагами народа со всеми вытекающими последствиями.

Крестьянство и казачество ответили на грабеж массовыми восстаниями. Сталин, имея неограниченные полномочия, заодно назначил себя председателем Реввоенсовета Северо-Кавказского военного округа и руководителем обороны города от не принявших советской власти казачьих частей генерала П.А. Краснова, избранного Донским атаманом.

Иосиф Виссарионович категорически не доверял воен-

ным специалистам, служившим в штабе округа, предпочитая периодически топить бывших царских офицеров в Волге. Климент Ефремович, ненавидевший «белую кость» всем своим пролетарским нутром, немедленно стал членом Военного совета округа и командующим Царицынской группой войск.

В сентябре 1918 года Реввоенсовет Республики приказал сформировать на базе Северо-Кавказского округа Южный фронт со штабом в Козлове; командующим поставили «военспеца» П.П. Сытина. Из войск царицынского и камышинского направлений была организована 10-я армия под командованием Ворошилова. Армия состояла в основном из выбитых с Украины партизан, а также, по свидетельству члена реввоенсовета армии А.И. Окулова, из элементов «деклассированной вольницы, для которых ничего не нужно, только «немножко резать»: кого, за что — это решительно безразлично. Громаднейшие обозы некоторых частей, где скрываются тысячи мародеров, дезертиров и лодырей, как саранча, опустошают окрестности, пожирают снабжение, сеют панику и разложение... Частью в силу того, что творит 10-я армия среди мирного населения, и может быть больше всего именно по этой причине, мы ведем войну среди неприятельской страны... В результате при приближении наших войск мирное население нередко вооружается, оказывает нам отчаянное сопротивление, а при поражении повально бежит, захватывая с собой все, что можно, а остальное пряча и уничтожая».

Сталин и Ворошилов, в переписке с Москвой скромно величавшие себя «виднейшими членами партии», категорически отказались переезжать в Козлов и подчиняться «не заслуживающему доверия» бывшему генералу, требуя права голоса во всех военных решениях.

Склока дошла до Ленина. Владимир Ильич принял сторону Троцкого. В результате Сытин остался на посту командующего с персональным мандатом РВСР на «полную самостоятельность в вопросах стратегически-оперативного характера». Сталина во второй половине октября отозвали

из Царицына, Ворошилова вывели из состава реввоенсовета фронта.

«Демон революции», взявшийся за насаждение в армии железной дисциплины, бывшего слесаря характеризовал как сосредоточие «доморощенной оппозиции унтер-офицеров и партизан против централизованной военной организации и военных специалистов». С тех пор Ворошилов стал вернейшим соратником Сталина в борьбе против Троцкого.

В ноябре Климента Ефремовича в связи с полной некомпетентностью отстранили от командования армией и назначили на пост наркома внутренних дел в составе спешно сформированного Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. Оно, не медля, опубликовало манифест, в котором объявило о низложении гетмана Скоропадского и «восстановлении всех завоеваний» Октября.

Вслед за манифестом в поход двинулись советские войска, образовавшие в январе 1919 года Украинский фронт под командованием В.А. Антонова-Овсеенко. Некоторое время Ворошилов командовал войсками Харьковского округа, в июне 1919 года исполнял обязанности командующего 14-й армией, формируемой из остатков 2-й Украинской армии и выбитых из Крыма и Екатеринослава красных частей. Как докладывал В.А. Антонов-Овсеенко:

«Ворошилов был командующим на определенном участке внутреннего фронта. Имел на нем вначале большие неудачи, поправленные удачами на других участках, где командовал не он. Приписывать себе успех борьбы с Григорьевым он может лишь по большому недоразумению. Донесения его штаба о разгроме Григорьева под Александрией оказались ложными... Утверждения Ворошилова в области его собственных успехов постыдно преувеличены».

Военных талантов на посту командарма Ворошилов проявить так и не успел, армия его была разгромлена корпусом генерала А.Г. Шкуро и отброшена за Днепр.

Тем не менее на VIII съезде РКП(б) Климент Ефремович, искренне возомнивший себя полководцем, стал одним из лидеров так называемой военной оппозиции, отрицав-

шей необходимость использования военспецов. Выдвинувшиеся из низов в ходе Гражданской войны командиры и комиссары утверждали, что бывшим офицерам в любом случае доверять нельзя, а назначать на высокие должности следует исключительно коммунистов.

19 ноября 1919 года Троцкий подписал приказ о создании Первой конной армии, в которой Ворошилов стал членом РВС. В этой должности он участвовал в кампаниях на деникинском, польском и врангелевском фронтах, был награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. Озверевшие от крови конармейцы наводили ужас на население «неприятельской страны», уничтожали на своем пути все, не отличая красных от белых. Комиссар Южного фронта Гусев телеграфировал наркомвоенмору:

«Части Первой конной армии терроризируют власть, грабят и расстреливают жителей и даже семьи служащих в Красной Армии, весь скот угоняется... Результаты бесчинств уже сказываются, те села, которые были на стороне советской власти и далеки от участия в бандитизме, теперь, наоборот, питают страшную ненависть к Красной Армии и советской власти».

В марте 1921 года комиссар Южной группы войск Ворошилов подавлял Кронштадтский мятеж, за что получил второе Знамя на грудь. В том же году его избрали членом ЦК партии большевиков и назначили командующим войсками вновь созданного Северо-Кавказского военного округа, ведущего в ту пору «непрерывную борьбу с бандитизмом»: то выселяли и отстреливали поддержавших Деникина терских казаков, а их земли отдавали чеченцам, то «беспощадно расстреливали» чеченских националистов. За эти труды Климент Ефремович удостоился еще одного ордена Красного Знамени.

Сталин внимательно следил за продвижением старого друга. С подачи генсека командующий войсками Московского округа Н.И. Муралов был переброшен на Северный Кавказ, а на его место назначен Ворошилов. В январе 1925 года он стал заместителем председателя Реввоенсовета

СССР и наркома по военным и морским делам. После смерти Фрунзе Климент Ефремович 6 ноября 1925 года возглавил вооруженные силы страны, а в январе 1926-го был избран членом Политбюро. Назначение Ворошилова вызвало удивление в военной среде, где были невысокого мнения о его военных талантах. Но для Сталина имел значение только один факт: Клим был проверенным, надежнейшим союзником.

Как утверждала в 1929 году Большая Советская энциклопедия:

«Ворошилов не получил систематической военной подготовки. Впервые с военным делом он познакомился в ожесточенной революционной борьбе того класса, из недр которого он вышел. Гражданская война была для него единственной практической школой. Лишь по окончании военной страды он получил возможность ознакомиться с теорией военного дела. Все это наложило особый отпечаток на работу Ворошилова и сделало его одной из наиболее характерных, ярких и оригинальных фигур среди военных вождей и полководцев Октябрьской революции... Высоко развитое классовое чутье, глубокая принципиальность, подлинный демократизм — вот основные черты его политического профиля».

Беда в том, что Климент Ефремович считал, что этой «школы» и этого «профиля» достаточно для того, чтобы разгромить любого врага. Поэтому теорией военного дела оригинальный и яркий вождь особо не интересовался, предпочитая ей высокое искусство оперы.

Пропагандистский аппарат неустанно воспевал подвиги «первого красного офицера», он стал одним из самых популярных людей в стране. О нем пели песни, слагали стихи, называли его именем города и поселки. Артиллеристы давали «ворошиловские залпы», летчики ели «ворошиловские завтраки», красноармейцы боролись за право носить значок «ворошиловского стрелка» и «ворошиловского всадника», в полях колосилась пшеница «ворошиловская». Ворошилов, в свою очередь, воспевал стратегический гений Сталина, посвятив ему опус «Сталин и Красная Армия».

20 июля 1934 года Наркомат по военным и морским делам переименовали в Наркомат обороны. Ворошилов по-прежнему оставался на своем посту, «успешно осуществляя сталинские планы строительства могучей Красной Армии». В канун восемнадцатой годовщины Октября Климент Ефремович получил еще один подарок — город Луганск был переименован в Ворошиловград.

Маршал Советского Союза Егоров Александр Ильич родился в 1883 году в городе Бузулуке Оренбургской области в мещанской семье, что впоследствии тщательно скрывал, выдавая себя за пролетария. Окончил самарскую классическую гимназию.

В 1901 году был призван отбыть воинскую повинность на правах вольноопределяющегося, а затем направлен в Казанское пехотное юнкерское училище, которое окончил в 1905 году. В годы первой русской революции Александр Ильич подавлял беспорядки и крестьянские восстания в Закавказье и немало в карательных делах отличился, заслужив орден Святого Станислава 3-й степени. Во время Первой мировой войны Егоров командовал ротой, батальоном, полком. Воевал храбро: два ранения, три контузии, шесть боевых наград и Георгиевское оружие. Дослужился до подполковника.

После Февральской революции Егоров — приспособленец чистой воды — вступил в партию эсеров, примыкая к ее правому крылу, агитировал за войну до победного конца, резко критиковал безответственность большевиков. Неспроста Временное правительство произвело его в полковники. В октябре 1917 года Александр Ильич сильно полевел во взглядах и перешел в правящую партию левых эсеров. Потому в декабре получил пост члена коллегии комиссариата по демобилизации старой армии.

С января 1918 года работал в военном отделе ВЦИК, инспектируя формирование и обучение частей Красной Армии. В мае его утвердили комиссаром Всероссийского главного штаба и председателем Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров для Красной Армии. Убеж-

денный сторонник создания дисциплинированной регулярной армии, Егоров в докладе на имя Ленина обосновывал необходимость введения должности главнокомандующего вооруженными силами Республики и создания при нем единого штаба. В июле 1918 года, после неудавшегося мятежа, левые эсеры оказались вне закона. Возмущенный Александр Ильич публично, через газету «Правда», с ними порвал и записался в большевики.

В августе 1918 года Егоров возглавил красные войска, сражавшиеся против казаков генерала П.А. Краснова на участке Балашов, Камышин. В октябре на базе этих войск была сформирована 9-я армия Южного фронта. В декабре Егоров сменил Ворошилова на посту командующего 10-й армией, а в январе 1919 года нанес поражение казакам на подступах к Царицыну. Однако весной на помощь Краснову подошли войска Кавказской Добровольческой армии П.Н. Врангеля. 25 мая крупные силы белых форсировали реку Сал в районе хутора Плетнева. Егоров лично возглавил контратаку 4-й (комдив С.М. Буденный) и 6-й (комдив И.Р. Апанасенко) кавалерийских дивизий. В результате было разгромлено до трех полков белой пехоты, а бравый командарм получил пулевое ранение. За этот бой Егорова наградили орденом Красного Знамени. Тем не менее 30 июня армия генерала Врангеля взяла Царицын.

9 июля 1919 года Александр Ильич ненадолго был назначен помощником командующего и членом РВС Южного фронта с одновременным вступлением, опять же вместо Ворошилова, в командование 14-й армией. Эта армия с боями оставила Киев, потом обороняла Брянск. В конце сентября из Южного фронта был выделен Юго-Восточный фронт, а новым Южным фронтом по предложению Сталина стал командовать Егоров, хотя главком С.С. Каменев против назначения возражал: «По личным свойствам вряд ли справится с такой трудной задачей...» Членом РВС фронта был Сталин.

В связи с решительным наступлением войск Деникина на Москву Южный фронт был объявлен главным фронтом Республики. 20 сентября красными войсками был оставлен

Курск, 1 октября — Воронеж, 13 октября — Орел. Реальная угроза нависла над Тулой с ее важнейшими военными заводами и Москвой. Успеху белых способствовало наличие у них крупных кавалерийских соединений, что позволяло маневрировать силами, создавая превосходство на нужных направлениях.

Огромное впечатление на большевиков произвел сорокадневный рейд 4-го Донского казачьего корпуса генерала К.К. Мамонтова (6000 сабель, 3000 штыков) по советским тылам. Поэтому под лозунгом, брошенным наркомом Троцким: «Пролетарий, на коня!», началось создание красной кавалерии. Лев Давидович был одним из инициаторов формирования в качестве мобильной ударной силы червонного казачества наряду с Конармией.

Для разгрома Деникина под руководством Троцкого и Каменева был разработан план, суть которого состояла в нанесении фланговых ударов по сходящимся направлениям с целью окружения основных сил неприятеля: из района северо-западнее Орла с участием Латышской и Эстонской стрелковых, 8-й кавалерийской дивизии червонных казаков и из района восточнее Воронежа силами Конного корпуса Буденного вместе с другими кавалерийскими частями. Контрнаступление началось 11 октября и развивалось чрезвычайно успешно.

Одновременная победа красных войск под Орлом и Воронежем положила начало коренному перелому обстановки на Южном фронте. В ноябре Сталин и Егоров развернули Конный корпус в Первую конную армию, утвердив Буденного командармом, а Ворошилова членом реввоенсовета. Много лет эта четверка шла по жизни, поддерживая друг друга в борьбе за власть. Во всех дискуссиях двадцатых годов Егоров отстаивал правоту Сталина и заботился о продвижении по службе ветеранов Первой конной.

10 января 1920 года Южный фронт переименовали в Юго-Западный, во главе его остались Егоров и Сталин. В феврале войска фронта полностью очистили Украину от деникинцев. Весной, ввиду обоюдного желания сторон, началась война Советской России с Польшей: поляки стреми-

лись возродить Речь Посполитую «от можа до можа», большевики — экспортировать свой фирменный продукт — пролетарскую революцию. В марте Ленин потребовал от Сталина скорейшей ликвидации белых в Крыму, поскольку «только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой, и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам».

21 апреля Варшава подписала договор с Симоном Петлюрой (1879—1926), согласно которому возглавляемое им правительство признавалось законной властью на Украине, а взамен уступало Польше Восточную Галицию до рубежа реки Збруч. Через два дня была заключена военная конвенция о совместных действиях польской и украинской армий.

25 апреля армии Южного польского фронта под командованием Юзефа Пилсудского перешли в наступление, прорвали советский Юго-Западный фронт и в течение трех суток заняли Житомир, Казатин, Жмеринку. 6 мая они взяли Киев, захватив плацдармы на восточном берегу Днепра.

Месяц спустя прибывшая с Кавказского фронта Первая конная армия Буденного мощным контрударом из района Умани проломила польский фронт и 12 июня освободила Киев. Легионеры и петлюровские гайдамаки, несмотря на подкрепления, переброшенные из Белоруссии, столь же стремительно покатались обратно на запад.

4 июля, получив 200 тысяч человек пополнения, из которых более 100 тысяч составляли отловленные по деревням дезертиры, и 3-й конный корпус Г.Д. Гая, двинул вперед войска Западного фронта М.Н. Тухачевский. Северный польский фронт генерала С. Шептыцкого откатывался на линию старых немецких позиций, не принимая боя. Через двадцать дней советским войскам была поставлена задача «нанести противнику окончательное поражение и не позже 12 августа овладеть Варшавой».

Егорову и Сталину тоже хотелось совершить что-нибудь

великое, и они предложили перенести основные усилия своего фронта с люблинского направления на Львов, обещая управиться с ним за неделю. Московские товарищи, в эйфории прикидывавшие расстояние до Бухареста, Будапешта и Праги, согласились с радостью и без всяких сомнений. С этого момента два советских фронта, совершавших ранее концентрическое наступление на польскую столицу, стали разбегаться в разные стороны. Самоуверенность советских стратегов была скоро наказана. В конце июля поляки крепко побили буденновцев под Бродами; основные силы Юго-Западного фронта втянулись в тяжелые затяжные бои на подступах к Львову. А в середине августа грянуло «чудо на Висле» — внезапный контрудар в левый фланг Тухачевского, закончившийся полным разгромом всего Западного фронта.

В итоге мало того, что Егорову пришлось отводить свои армии на восток, так еще вышедший из Крыма Врангель занял Северную Таврию. Для борьбы с ним пришлось создавать новый фронт под командой Фрунзе. Юго-Западный фронт, после заключения перемирия с поляками 18 октября, отошел на линию государственной границы и в конце года был упразднен.

30 декабря 1920 года, учитывая «солидные теоретические познания военного дела» и опыт командования фронтами, Реввоенсовет Республики причислил Егорова к Генеральному штабу. С января 1921 года Александр Ильич командовал Киевским военным округом, в апреле принял Петроградский округ. Одновременно с сентября 1921-го по январь 1922 года он командовал и Западным фронтом вместо оскандалившегося и отозванного Тухачевского.

В феврале 1922 года Егорова отравили командовать карательной армией в Закавказье, с задачей «замирить» оккупированные территории совсем еще недавно независимых республик. Дело было смолоду знакомое.

«Бандитизм ликвидировать в кратчайший срок и с бандитами расправляться беспощадно и сурово, — приказывал командарм 22 февраля 1923 года, — население, относящееся

недоброжелательно к Советской власти, разоружить, пособников и укрывателей арестовать».

В общем, Александр Ильич справился прекрасно и заработал республиканские ордена Красного Знамени от народов благодарной Грузии и благодарного Азербайджана. Краснознаменной в период его начальствования стала и Кавказская Армия.

В мае 1924 года Егоров сменил Фрунзе на посту главнокомандующего войск Украины и Крыма. В 1925 году Егорова назначили военным атташе в Китае, но весной 1926-го Александра Ильича с дипломатической работы отозвали. Полтора года он просидел на должности заместителя председателя Военно-промышленного управления при ВСНХ. В октябре 1927 года нарком Ворошилов назначил соратника по царицынским боям командующим войсками Белорусского военного округа.

В конце 1930 года Егорова откомандировали в Германию для повышения полководческой квалификации. В апреле 1931-го он занял пост начальника Штаба РККА, преобразованного в 1935 году в Генеральный штаб.

Теоретическими трудами Александр Ильич не увлекался. Свое высокое положение неустанно укреплял славословиями в адрес учившего его военному делу Сталина и покровителя Ворошилова, опускаясь до откровенного холуйства. Вот что писал он в 1931 году, поздравляя наркома обороны с 50-летним юбилеем:

«С каким восторгом я вспоминал эту тесную совместную боевую работу, проходившую под тактическим руководством нашего горячо любимого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда взвесишь, что история для решения своих задач потребует еще людей, способных проявить великие качества ума, воли, твердости, решительности и беззаветной преданности делу Ленина, и знаешь, что таких людей, в лице Иосифа Виссарионовича и Климента Ефремовича, наш Советский Союз имеет, становится еще радостнее, и бодрость, как живая струна, наполняет все фибры организма».

Маршал Буденный Семен Михайлович родился в 1883 году на хуторе Козюрин в семье обосновавшихся на Дону безземельных крестьян. Грамоте обучался самоучкой. В 1903 году был призван в армию и в составе 48-го Донского казачьего полка участвовал в Русско-японской войне. В 1908 году окончил Петербургскую школу наездников, после чего служил в Приморском драгунском полку. Лихим рубакой был в те поры Семен Михайлович, настоящей «опорой трона». В Первую мировую дослужился до вахмистра. За исключительную храбрость, проявленную в боях на германском, австрийском и кавказском фронтах, удостоился полного Георгиевского банта.

Советскую военную карьеру Буденный начал в феврале 1918 года в качестве предводителя одного из краснопартизанских отрядов Сальского округа. С июля он состоял помощником командира 1-го Донского крестьянского социалистического карательного кавалерийского полка Б.М. Думенко, тоже бывшего вахмистра. В сентябре полк был развернут в 1-ю Донскую кавбригаду, ставшую ядром сформированной в ноябре 1918 года Сводной кавалерийской дивизии 10-й армии Южного фронта. Дивизия почти целиком состояла из добровольцев-крестьян Дона и Кубани, люто ненавидевших «белоказаков».

В марте 1919 года, в связи с назначением Думенко помощником начальника штаба 10-й армии по кавалерии, Буденный стал комдивом и членом большевистской партии. Вступив в должность, первым делом он потребовал от штаба армии персональный автомобиль и новое пальто «на меху покрыт цвет хыке». В мае 1919 года из двух кавалерийских дивизий был сформирован 1-й Сводный конный корпус под командованием Думенко. Однако Борис Мокеевич получил тяжелое ранение в том же бою у реки Сал, что и командарм Егоров. Его место занял Буденный, и своего шанса Семен Михайлович не упустил.

В августе 10-я армия и корпус Буденного попытались вернуть Царицын, но были отбиты. Как реальная боевая сила корпус впервые заявил о себе во время проведения Воронежско-Касторненской наступательной операции Юж-

ного фронта. В ходе встречных боев 12—19 октября 1919 года буденновцы нанесли поражение двум конным корпусам белых — 4-му Донскому генерала К.К. Мамонтова и 3-му Кубанскому генерала А.Г. Шкуро — и заняли Воронеж. Затем, развивая наступление на курском направлении, создали серьезную угрозу флангу и тылу Добровольческой армии, обеспечив успех войск Южного фронта под Орлом.

Через месяц корпус Буденного развернули в Первую конную армию. В ее состав вошли 4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии, автобронедивизион, бронепоезда, авиаотряд и другие части. Таким образом, родилось мощное кавалерийское объединение, способное решать стратегические задачи, а Буденный выдвинулся в ряды виднейших советских военачальников. Членами РВС армии стали старые царцынские знакомые К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко.

Вместе с боевой славой к армии пришла слава бандитская. Военком 42-й стрелковой дивизии сообщал в Москву:

«Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей. Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанью белых... Взламывали сундуки, отнимали женское белье, деньги, часы, столовую посуду и проч. Поступали заявления об изнасиловании и истязании. Кони вводились в комнаты... Крестьяне спрашивают — в чем разница: грабили белые — теперь грабят красные?!»

Понятно, что в Гражданскую войну обе стороны занимались самоснабжением, проявляли жестокость, чинили насилие над местным населением. Но и здесь Первая конная превзошла всех прочих. Где бы ни побывали красные конники, всюду за ними тянулся шлейф грабежей, разбоя, погромов.

К 1 января 1920 года, стремительно развивая наступление на юг, Первая конная прорвалась в Донбасс, 7 января овладела Таганрогом, 10 января — Ростовом-на-Дону и вышла к Азовскому морю, расчленив фронт деникинских войск на две части. Для завершения ликвидации северокавказской группировки противника 16 января 1920 года был образован Кавказский фронт под руководством В.И. Шо-

рина, в состав которого вошла Первая конная. Однако попытка решить поставленную задачу путем неотступного преследования на батайском направлении провалилась ввиду того, что Семен Михайлович с Климентом Ефремовичем решил предоставить своим героическим бойцам полноценный отдых.

Ростовский грабеж затмил все предыдущие. «После занятия Ростова, — писал Дзержинскому полномочный представитель ВЧК на Северном Кавказе Я.Х. Петерс, — белые бежали в панике, ушли дальше, за Батайск, но армия Буденного вместо того, чтобы преследовать бежавшего противника, начала заниматься грабежами, пьянством в Ростове. О погромах буденновцев местные товарищи рассказывают ужасы. Но это еще не так важно, как поведение самого Буденного — он ни с кем больше не может разговаривать и страдает манией величия».

Семен Михайлович, твердо уверовавший в свою гениальность, вседозволенность и безнаказанность, не считался ни с кем, посылая всех «командующих» по известному адресу:

«Пошлите Реввоенсовет-8 к..., также и комфронта — предателя революции и вас посылаю к..., а если хотите, пристрелю».

Радевший за Конармию Сталин добился отставки «некомпетентного» Шорина и убеждал Ленина и новое командование фронта, что враги революции специально создают вокруг Первой конной «атмосферу вражды и злобы». Обилие в Ростове вина объявили «провокацией белых».

В середине февраля, когда грабить было уже нечего и выпита была последняя бутылка, буденновцы двинулись на покорение Кубани. Началась Егорлыкская операция, в ходе ее произошло самое крупное за всю Гражданскую войну встречное кавалерийское сражение — 28 февраля у Белой Глины свыше 20 тысяч всадников сшиблись в сабельной рубке, — завершившееся поражением деникинских войск. Последовавшие затем массовые грабежи в станицах в целом соответствовали ленинской политике «расказачивания».

Однако, с другой стороны, любому командиру известно,

что мародерство разлагает войска. Совещание ответственных политработников от 28 февраля констатировало:

«Грабежи, насилия, бандитизм, самоуправство, разбой и убийства бойцами и комсоставом политкомов, расхищение трофеев остаются безнаказанными... Продвижением вперед Конармия уничтожает контрреволюцию, но своим поведением в занимаемых местностях способствует возрождению контрреволюции».

Большевистские уполномоченные всерьез опасались, как бы «буденновщина» не превратилась в новую махновщину. Комиссары периодически перед строем полков расстреливали бандитов, те, в свою очередь, втихую отстреливали комиссаров.

В апреле 1920 года Буденный повел свою армию походным порядком с Кавказского фронта на Польский. За 52 дня конармейцы преодолели 1500 км и в составе Юго-Западного фронта приняли участие в советском контрнаступлении. 5 июня Первая конная прорвала оборону противника, заняла Житомир и Бердичев. Затем, выйдя в тыл 3-й польской армии, заставила ее 11 июня оставить Киев.

Победу отметили новыми погромами и массовыми убийствами пленных. 18 августа будущий писатель Исаак Бабель (1894—1940), служивший в 6-й кавдивизии, записывал в дневнике:

«Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко умывает руки. Шеко обмолвился — рубить, это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, хрипы... Ад. Как мы несем свободу, ужасно. Ищут в ферме, вытаскивают, Апанасенко — не трать патронов, зарежь. Апанасенко говорит всегда — сестру зарезать, поляков зарезать... Сведения об обороне Львова — профессора, женщины, подростки. Апанасенко будет их резать — он ненавидит интеллигенцию, это глубоко, он хочет аристократического по-своему, мужицкого, казацкого государства».

В дальнейшем советское наступление застопорилось. Пилсудский сумел решить «проблему Буденного». Против

подготовленной обороны, насыщенной заграждениями и огневыми точками, лихие кавалерийские атаки оказались бессильны. Проходивший боевую практику в 4-й кавдивизии К.А. Мерецков вспоминал:

«Сражения носили чрезвычайно ожесточенный характер. Кавалеристы превращались в пехоту: подскакав к позициям врага, очень редко атаковали их в конном строю, а чаще спешивались и под ураганным огнем, нередко ползая по-пластунски, действовали как егеря. Прорвем одну полосу обороны, но тут же встречаемся со второй, третьей».

После неудачи под Львовом потрепанная Конармия совершила переход на Южный фронт для борьбы с врангелевцами. В обратном направлении прокатилось по Украине «Батыево нашествие». С первых дней отхода частей с фронта в отдельных группах бойцов начали проявляться нездоровые настроения: «идем почистить тыл от жидов», «идем соединиться с батькой Махно», «бей жидов — комиссаров и коммунистов». Председатель Чрезвычайной следственной комиссии Г.Н. Мельничанский доносил:

«В Прилуках убито 21 человек, 12 раненых и много изнасиловано женщин и детей. По рассказам обывателей, женщины насиловались на улице на глазах у всех, многие из девушек покрасивее взяты в обоз. В Вахнавке 20 убито, количество раненых и изнасилованных неизвестно и сожжено 18 домов». Руководство Киевской губернии 14 октября жаловалось председателю Совнаркома Украины: «В Таращанске ограблению подверглись все жители, совработники и даже совучреждения. Общая численность убитых 150...»

В конце октября пришлось арестовать и отдать под трибунал несколько сот бойцов и командиров 6-й кавалерийской дивизии (в составе этой славной дивизии имелась отдельная венерическая рота имени Семена Буденного), в том числе «аристократа» Апанасенко, сто сорок человек приговорили к расстрелу.

В ходе начавшегося 28 октября 1920 года наступления Южного фронта Конная армия была введена в прорыв с каховского плацдарма с задачей отрезать противнику пути отхода в Крым через Чонгарский перешеек. Войска Врангеля

в этом сражении потерпели поражение, однако советская кавалерия действовала вяло, и главные силы белых сумели уйти на полуостров. В решающих боях за Крым Фрунзе использовать Первую конную не рискнул и выпустил ее из резерва, только когда исход сражения был совершенно ясен. С конце ноября буденновцы без энтузиазма занимались «выколачиванием продразверстки» и борьбой с повстанцами Махно, при этом зачастую перебегая от одной противоборствующей стороны к другой. Так, друг командарма орденосеца Г.С. Маслаков увел к махновцам целый полк.

В мае 1921 года Буденный был назначен членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Туда же перебазировалась Первая конная армия. Семену Михайловичу поручили ликвидировать Кубанскую повстанческую армию и умиротворить нежелающие «рассказываться» станицы, для чего в сентябре в его руках было сосредоточено командование всеми войсками Кубано-Черноморской области. На новой должности командарм первым делом (Приказ № 1 от 28 сентября 1921 года) приказал расстрелять 56 заложников и предупредил, что «осиные гнезда кулачья Советская власть выжжет без остатка ураганом артиллерийского огня».

«Прибежал он на воеводство ранним утром, в самый Михайлов день, и сейчас же решил: «Быть назавтра кровопролитию». Что заставило его принять такое решение — неизвестно: ибо он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина».

Больше года в поте лица трудился Буденный, организуя карательные экспедиции и показательные расстрелы «пособников», семей повстанцев и заложников. Только в Ейском отделе и всего за два месяца расстреляли 680 человек, из них лишь 90 были повстанцами.

В конце 1922 года военное положение в Кубано-Черноморской области было снято, а Семен Михайлович стал заместителем командующего округом. За «активное участие в борьбе за диктатуру пролетариата» и личный героизм легендарный командарм был награжден тремя орденами Красного Знамени на грудь, одним орденом на верную шашку и еще одним — на револьвер.

В октябре 1923 года Первую конную армию расформировали, Буденного назначили помощником Главкома по кавалерии и членом РВС СССР. С апреля 1924 года — инспектором кавалерии РККА. Генерал А.А. Брусилов (1853—1926) вспоминал:

«Сам по себе вахмистр Буденный ко мне всегда относился очень почтительно, только жаль, что еле-еле умел подписывать свою фамилию, и за него писали статьи и приказы другие, даже и офицеры-академики, сумевшие затушевать свою «белую кость» и подладиться к коммунистам».

В мае 1926 года Семена Михайловича направили в Ташкент, добывать басмачей. Эту его командировку, когда красные конники рубили всех, кто ростом выше тачанки, старики в кишлаках помнили полвека спустя. Очередные достижения на ниве истребления контрреволюции были отмечены Узбекским трудовым орденом Красного Знамени.

В 1928 году Буденный вместе с Микояном контролировал ход хлебозаготовок в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1932 году «без отрыва от служебных обязанностей» совершенно безграмотный полководец окончил Военную академию РККА. Вряд ли зная хотя бы алфавит, он к тому ж являлся редактором газеты, которая называлась «За коня», и автором трудов по коневодству.

Правда, устройство лошади Семен Михайлович знал досконально и любил с высокой трибуны рассуждать о важности «случной кампании» и тонкостях осеменения маток. Как писала в 1933 году «Советская военная энциклопедия»:

«Буденный ведет непримиримую борьбу против взглядов отдельных командиров, недооценивающих роль конницы в современной войне, решительно пресекая все «выпады», ослабляющие рост и боевую подготовку конницы. В соответствии с этой установкой Буденный ведет широкую работу по внедрению в гущу армии правильных взглядов на обеспечение условий дальнейшего роста нашей конницы — от важнейших политических вопросов, от вопросов боевой подготовки до частных вопросов о ковке, подстилочном материале, конном спорте и т.д.».

Имя маршала носили два города, бывшая станица Ново-Николаевская и мыс на острове в Ледовитом океане. В день его 50-летия Ворошилов писал: «...в годы Гражданской войны в нашей коннице немало людей претендовало на «буденновскую» роль. Но Буденный у нас был и есть только один».

Маршал Тухачевский Михаил Николаевич родился в 1893 году в имении Александровское Смоленской губернии в семье разорившегося землевладельца. Окончил гимназию и кадетский корпус. В 1912 году поступил в Александровское военное училище. С юных лет Михаил чувствовал себя рожденным для великих дел, мечтал выйти как минимум в генералы и твердо шел к заветной цели. Летом 1914 года, по окончании училища, он был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Семеновский полк, с которым и выступил на войну с твердым намерением свершить «большие подвиги» и стать Георгиевским кавалером.

В должности заместителя командира роты Тухачевский участвовал в боях под Люблином, Ивангородом, Ломжей, удостоился ордена Святого Владимира с мечами, однако 19 февраля 1915 года попал в плен. Из офицерского лагеря с пятой попытки ему удалось бежать только к осени 1917 года, применив военную хитрость: Михаил Николаевич под офицерское слово чести был отпущен в город погулять, но вместо того, чтобы осмотреть достопримечательности славного Ингольштадта, рванул к швейцарско-германской границе. На родину он вернулся аккуратно в октябре. Солдаты избрали решительного подпоручика командиром роты.

В апреле 1918 года Тухачевского приняли на службу в Военный отдел ВЦИК, занимавшийся вопросами формирования Красной Армии. В апреле Михаил Николаевич вполне сознательно вступил в РКП(б). «Если Ленин окажется способным избавить Россию от хлама старых предрассудков и поможет ей стать независимой, свободной и сильной, я пойду за ним», — это он, разочаровавшись в Романовых, утверждал еще будучи в лагере.

В мае Тухачевского назначили военным комиссаром

Московского района Западной завесы, в июне отправили на Чехословацкий (с середины июля Восточный) фронт на борьбу с 40-тысячным мятежным корпусом, восстание которого, начавшееся 25 мая, охватило Поволжье, Урал и Сибирь.

Имея на руках лишь мандат, Михаил Николаевич в кратчайшие сроки из разрозненных отрядов сформировал свою 1-ю Революционную армию, впервые проведя мобилизацию бывших офицеров и учредив военно-революционные трибуналы. Мятеж главнокомандующего левого эсера М.А. Муравьева едва не стоил молодому командарму жизни. Он был арестован и лишь случайно избежал расстрела. Позже Тухачевский писал о неудачливом командующем:

«Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках... Был чрезвычайно жесток. В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист, и ничего больше».

Забавно, что наш герой с презрительной миной рисовал собственный портрет, именно так он сам воспринимался глазами окружающих. Один из сослуживцев вспоминал:

«Умный, энергичный, твердый, но подлый до последней степени — ничего святого, кроме своей непосредственной выгоды; какими средствами достигается — безразлично».

«Безжалостный и беспринципный авантюрист», — написал А.И. Деникин. А уж бонапартизмом Миша болел с детства: «...он снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица».

Первой крупной операцией, разработанной и успешно проведенной Тухачевским, стало взятие Симбирска в сентябре 1918 года. В течение осени большевикам удалось очистить Поволжье от Народной армии Комуча (Комитета Учредительного собрания), благо чехословацкие войска уже были выведены из боя. В декабре, в разгар подготовки оренбургской наступательной операции, Тухачевского перебросили на Южный фронт, где он возглавил 8-ю армию. Перед фронтом стояла задача добить армию атамана Краснова,

«оккупировать Донскую область» и показательно наказывать казаков.

24 января 1919 года вышло Циркулярное письмо ЦК РКП(б) о расказачивании, требовавшее стереть с лица земли восставшее население Дона, Кубани, Урала. Циркуляром предписывались «истребление» казачьих верхов, массовый террор «по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью», расстрел любого, «у кого будет обнаружено оружие», то есть чуть ли не всех казаков поголовно, колонизация казачьих районов. Для уничтожения казачества был сформирован специальный экспедиционный корпус, действовавший под лозунгом: «Чем больше вырежем, тем скорее установится Советская власть на Дону».

8-я армия, наступая вдоль Дона, к марту достигла реки Северский Донец. Московские указания в ней исполнялись старательно и неукоснительно. Как утверждал командующий группой войск Ф.К. Миронов, «только на пути 8-й армии трибуналами во благо социальной революции было расстреляно 8 тысяч человек». Дальнейшее продвижение армии было остановлено начавшимся ледоходом и вспыхнувшим в тылу казачьим восстанием.

В этот момент Тухачевского снова перевели на Восточный фронт, где в апреле он возглавил разбитую колчаковцами 5-ю армию. Обстановка здесь сложилась критическая: советский фронт был прорван, белые уже заняли Уфу, Бугульму, Белебей и рвались к Волге. Командующий Восточным фронтом С.С. Каменев разработал план контрудара во фланг наступающей группировке противника. В рамках начавшегося 28 апреля наступления Тухачевский успешно провел Бугурусланскую и Белебеевскую операции, приведшие в сочетании с ударом Южной группы Фрунзе к поражению Западной армии генерала Гайды. Затем последовала рискованная по замыслу Златоустовская операция, с преодолением Уральского хребта и глубоким обходным маневром, открывшая в июле 1919 года Красной Армии дорогу в Сибирь. 24 июля «пятоармейцы» вошли в Челябинск.

Командующий за «искусное водительство» войск и дос-

тигнутой «огромный успех» был награжден орденом Красного Знамени. Решительностью и стремительным продвижением отличалась развернувшаяся в середине октября Омская операция, завершившаяся полным разгромом колчаковских войск и взятием 14 ноября столицы «верховного правителя» России. Тухачевский удостоился высшей на то время награды — Почетного Революционного оружия. Михаил Николаевич уже возомнил себя маститым полководцем, растолковывал слушателям Академии Генштаба основы «классовой стратегии» и, несомненно, зная труды Наполеона, мог повторить вслед за ним: «...я уверовал в себя как в необыкновенного человека и проникся честолюбием для свершения великих дел, которые до тех пор рисовались мне фантазией». Правда, в 26 лет генерал Бонапарт еще только мечтал получить под свое командование армию.

Обласканного властью командарма направили на юг, добивать Деникина. В конце января 1920 года, сменив смещенного по инициативе «обиженных» конармейцев Шорина, он вступил в командование Кавказским фронтом, действовавшим против главных сил Деникина на рубежах рек Дон и Маныч. После перегруппировки сил, протрезвления конницы Буденного красные 14 февраля начали генеральное наступление. Михаил Николаевич с обязанностями командующего справлялся успешно, во всем следуя им же сформулированной стратегии:

«Гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным».

Это была его формула победы, ни разу не подводившая. Взятие Новороссийска 26 марта ознаменовало конец Добровольческой армии Деникина. Тухачевский по заданию Москвы начал обдумывать план вторжения в Закавказье, но внезапно был отозван в Москву, где по предложению главнокомандующего Каменева, высоко оценившего «последние операции», был назначен командующим Западным фронтом.

План разгрома поляков Михаил Николаевич разрабатывал сам, вложив в него все свои «полководческие находки»:

таранный удар «пехотных масс», сосредоточение сил на избранном направлении, глубокий обходной маневр, смелые наступательные действия без оглядки, без резервов и безотносительно к противнику, напрямик в «революционно-клокотавшую» Германию.

Поход на Вислу начался 4 июля 1920 года. «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву — марш!» — вдохновенно напутствовал красные полки командующий. И был бит. Не вышло из Михаила Николаевича Бонапарта. Польская кампания сильно подмочила его репутацию полководца. К тому же, обвинив в своей неудаче командование Юго-Западного фронта, он нажил себе «великолепных врагов». Собственно, на этом полководческая карьера Тухачевского закончилась и началась карательная.

В марте 1921 года вспыхнул Кронштадтский мятеж.

Вдоволь набуянившись, настрелявшись в офицеров и других представителей «остаточных классов», балтийские матросы с изумлением обнаружили, что на четвертый год борьбы за светлое будущее им элементарно нечем питать свои революционные организмы. И грабить в России уже некого. При этом вся база знала о пирах, которые закатывал для своего окружения командующий флотом Федор Раскольников.

Возмущенный очередным урезанием пайков гарнизон провел общегородской митинг, создал Временный революционный комитет, посадил в следственный подвал местных партийцев и 3 марта обратился с воззванием ко всем «товарищам и гражданам», призывая их провести перевыборы Советов, выбросить за борт истории большевиков и самим осуществить право на новую свободную жизнь — без комиссаров, чекистов, продрозверстки и «нравственной кабалы»:

«Сама жизнь под властью диктатуры коммунистов стала страшнее смерти. Здесь поднято знамя восстания для освобождения от трехлетнего насилия и гнета, владычества коммунистов, затмившего трехсотлетнее иго монархии».

На фоне повсеместных крестьянских бунтов и забасто-

вок голодающих рабочих в Петрограде это была серьезная угроза. В распоряжении гарнизона, насчитывавшего более 25 тысяч человек, находились боевые корабли, в том числе два линкора, до 140 орудий береговой обороны, свыше 100 пулеметов.

Правительство комиссаров немедленно объявило недавнюю опору революции черносотенцами и стало стягивать к Кронштадту воинские формирования, восстановив управление 7-й армии и поставив во главе ее Тухачевского.

Первый штурм, предпринятый красными курсантами 8 марта, был отбит артиллерийским огнем линкоров и фортов с большими потерями для нападавших. Для подъема морального духа красноармейцев проходивший в это время в Москве X съезд партии откомандировал на борьбу с «черносотенско-эсеровской контрреволюцией» около 300 делегатов-фронтовиков.

К 16 марта численность 7-й армии достигла 45 тысяч бойцов при 159 орудиях и 433 пулеметах. В ночь на 17 марта советские части двинулись по льду Финского залива в наступление на Кронштадт и утром следующих суток ворвались в город. Приказ командарма гласил: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления... пленными не увлекаться».

Началась расправа. К расстрелу приговорили 2103 человека. Кроме того, несколько сотен убили здесь же — на льду под стенами крепости. Около 6,5 тысячи отправили в лагерь. Примерно треть гарнизона бежала в Финляндию. Красные войска, по официальным данным, потеряли 3120 человек убитыми и ранеными, «но планы контрреволюции были сорваны». Двумстам особо отличившимся вручили ордена Красного Знамени.

Буквально через месяц таланты Тухачевского потребовались на «Тамбовском фронте». Там крестьяне, ограбленные до нитки родной властью трудящихся, толпами собирались у зернохранилищ и просили хлеба — самая злостная контрреволюция. Эти голодные толпы, согласно докладу главкома С.С. Каменева, красными армейцами доблестно «расстреливались из пулеметов». В августе 1920 года в Тамбов-

ской губернии вспыхнуло крестьянское восстание под руководством бывшего учителя А.С. Антонова (1888—1922), охватившее 5 из 12 уездов и перекинувшееся в Воронежскую и Саратовскую губернии. Восставшие, доведенные до отчаяния грабежами и насилием, которые учиняли продотряды и вечно пьяные ревкомовцы, требовали созыва Учредительного собрания, восстановления политических и гражданских прав всех слоев населения, «не разделяя их на классы», отмены продовольственной диктатуры, свободы слова, печати, совести, собраний. К декабрю в крестьянском войске насчитывалось более 20 полков, сведенных в две армии и отдельную бригаду.

В Тамбовской губернии немедленно было введено военное положение. Красные войска дотла сжигали деревни, крестьяне уходили в леса и упрямо отстреливали чекистов и партийных работников. В октябре Ленин потребовал от РВС Республики, командования войсками внутренней охраны и ВЧК «быстрой и полной» ликвидации антоновщины, грозившей перерасти в массовое вооруженное выступление крестьян всей Центральной России. На борьбу с «кулаками» бросили крупные силы — 22 000 штыков, 4500 сабель, 312 пулеметов, 44 орудия и 10 броневиков — под командованием бывшего штабс-капитана А.В. Павлова.

В феврале 1921 года была создана «полномочная комиссия ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии» под председательством В.А. Антонова-Овсенко, в апреле—мае — «командование войсками Тамбовского района». Давить «бандитов» и «эсеровскую саранчу» Политбюро ЦК ВКП(б) доверило кронштадтскому герою Тухачевскому, которого 27 апреля поставили во главе карательного воинства. Кроме регулярных частей Красной Армии в операциях участвовали войска ВЧК, ВОХР и ЧОН — около 140 тысяч человек, поддержанных 103 орудиями, 21 бронемашинной, 18 самолетами, пятью бронепоездами.

Местное население упорно отказывалось как сдавать оружие, так и выдавать антоновцев. Перелом произошел после того, как стал проводиться в жизнь приказ комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня, согласно которому уничтожались

заложники, если население не выдавало партизан и членов их семей, если поблизости от деревни портились мосты и «прочее народное достояние». Вообще каждый пункт этого документа заканчивался стандартной формулой «расстреливать на месте без суда».

Особенно круто приказ выполнялся в «злостнобандитских» селах. Если расстрел первой партии заложников не давал результата, тут же бралась следующая. К примеру, после расстрела трех партий заложников в деревне Кулябовка Борисоглебского уезда она превратилась-таки из «злостнобандитской» в советскую. Через десять лет авторы «Советской военной энциклопедии» поведают, что каратели Тухачевского занимали «центры» антоновского движения с единственной лишь целью «обеспечения проведения политической разъяснительной работы и защиты крестьянства». В «злостнобандитском» селе Паревка Кирсановского уезда в ходе разъяснительной работы расстреляли 80 жителей.

К концу июня в заранее оборудованных концлагерях только на территории Тамбовской губернии сидело около 50 тысяч «кулацко-эсеровских элементов» и членов их семей. В июле командующий решил применить химическое оружие: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами». В конце концов Тухачевский потопил восстание в народной крови. Как писал биограф полководца-оккупанта:

«На антоновском фронте Тухачевским были применены новые методы по увязке боевой работы с закреплением на местах советской власти, и восстание было ликвидировано методично, по расписанию, в сорокадневный срок».

Бывший дворянин доказал свою преданность подлой власти, после чего быстро пошел в гору. Осенью 1921 года Тухачевский был назначен начальником Военной академии РККА. В январе 1922-го снова вступил в командование войсками Западного фронта. Весной 1924 года был назначен заместителем начальника Штаба РККА. В 1925 году — командующим войсками Западного военного округа, а также членом РВС СССР. В ноябре стал начальником Штаба Красной Армии. С мая 1928 года командовал войсками Ленинградского военного округа. С июля 1931 года Тухачев-

ский — начальник вооружений, заместитель наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР. С 1934-го — заместитель наркома обороны.

Михаил Николаевич был энтузиастом технического оснащения Красной Армии, много теоретизировал, в основном на тему будущих завоеваний, мечтал о десятках тысяч танков и самолетов, за что удостоился звания «красного милитариста». Троцкий характеризовал его как «талантливого, но излишне стремительного полководца».

Маршал Блюхер Василий Константинович родился в 1890 году в деревне Баршинка Ярославской губернии. Окончил церковно-приходскую школу и уехал на заработки в Москву. Работал слесарем. В 1910 году за призывы к забастовке был осужден и отсидел 2 года и 8 месяцев в Бутырской тюрьме. В 1914 году был призван в армию. Воевал рядовым на Юго-Западном фронте. В январе 1915 года попал под артиллерийский обстрел, получил тяжелые ранения и после излечения был списан «в первобытное состояние». В 1916 году вступил в партию большевиков.

После Февральской революции Василий Константинович с целью ведения антивоенной и антиправительственной агитации записался в размещавшийся в Самаре запасной полк. Солдатам идеи пацифизма пришлись по душе, и в дни Октября они всем полком перешли на сторону большевиков, обеспечив установление в Самаре Советской власти.

А вот атаман Оренбургского казачества генерал Дутов «великой правды большевиков» не признал и взял под свой контроль стратегически важный регион, перекрывавший сообщения с Туркестаном и Сибирью. За что немедленно был объявлен врагом народа. 26 ноября 1917 года Ленин приказал «оказать трудящимся Оренбужья экстренную военную помощь» (примечательно, что действия генерала одобрил оренбургский Совет рабочих и солдатских депутатов).

Из Петрограда на Южный Урал направился сводный Северный летучий отряд под командованием бывшего мичмана С.Д. Павлова, уже прославившийся тем, что в Могилеве

поднял на штыки генерала Духонина; Самара выделила красногвардейский отряд, подкрепленный артиллерийской батареей и комиссаром Блюхером. С приходом отряда в Челябинск большевистский Совет ликвидировал местное учредительное собрание и взял власть в городе в свои руки. Василия Константиновича избрали главой военно-революционного комитета, а в марте 1918 года он возглавил Челябинский Совет и объединенный штаб отрядов, действующих против Дутова.

Весна прошла в боях с «белоказаками», в ходе которых красными отрядами начисто были уничтожены одиннадцать станиц, «наиболее выдающихся своей контрреволюционностью». Оренбургский атаман вынужден был увести свои отряды в киргизские степи. «Совсем уже была наша победа», но мятеж чехословацкого корпуса резко изменил ситуацию. 27 мая чехи захватили Челябинск, 7 июля генерал Дутов вернулся в Оренбург.

К середине июля вся южноуральская группировка красных численностью около 10 тысяч штыков и сабель оказалась во вражеском кольце. В сложившейся ситуации некоторые отряды идейных бойцов переметнулись на сторону «белоказачьей контрреволюции». Василий Константинович предложил пробиваться в районы, занятые частями Красной Армии.

Под руководством Блюхера и братьев Кашириных, с боями преодолев около 1500 километров, Сводный Уральский отряд в середине сентября 1918 года соединился с частями 3-й советской армии. Кстати, вместе с Блюхером выходили из окружения китайский батальон под командованием товарища Жен Фучена, немецкие и венгерские отряды. Отмечая заслуги Василия Константиновича («Переход войск т. Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии»), ВЦИК наградил его только что учрежденным орденом Красного Знамени № 1. Сводный отряд слился с остатками разбитой белыми 4-й Уральской дивизии, из китайцев сколотили 225-й стрелковый полк. Начальником дивизии стал

Блюхер. Армия в это время вела тяжелые оборонительные бои на пермском направлении.

Василий Константинович с командованием справлялся успешно, и в январе 1919 года его сделали помощником командующего 3-й армией, а в апреле — начальником Вятского укрепленного района. После перехода Красной Армии на Восточном фронте в решительное контрнаступление, освобождения от белых Кунгура и Перми нужда в укрепрайоне отпала. В конце лета из крепостных бригад и Северного экспедиционного отряда Блюхер сформировал 51-ю стрелковую дивизию и во главе ее отправился «догонять» Колчака. В осенних сражениях в районе Тобольска дивизия продемонстрировала стойкость, а комдив — умение ориентироваться в сложной обстановке. 11 ноября дивизия Блюхера вошла в колчаковскую столицу Омск, затем преследовала противника до самого Байкала.

В августе 1920 года 51-ю дивизию перебросили на Южный фронт, в район Каховки, на борьбу с «черным бароном» Врангелем. Дивизия отбила все попытки 2-го армейского корпуса белых ликвидировать каховский плацдарм, сумев отразить даже экзотическую для той войны массированную танковую атаку. В последовавшем 28 октября контрнаступлении Блюхер командовал Перекопской ударной группой, наносившей главный удар с плацдарма. Однако с ходу на плечах противника ворваться в Крым не получилось. Поэтому 7–8 ноября состоялся штурм.

Две бригады блюхеровской дивизии пошли в обход неприятельских укреплений через Сиваш, а две другие, вместе с бригадой махновцев, брали в лоб Турецкий вал. Имея восьмикратное превосходство над противником, красные смяли немногочисленных защитников белого Крыма и ворвались на полуостров. «Последнее гнездо российской контрреволюции» было разорено. За взятие Перекопских и Ишуньских позиций героическая 51-я стрелковая дивизия, потерявшая три четверти состава, и ее командир были удостоены орденов Красного Знамени. Оставшихся в живых махновцев перестреляли сразу после штурма, что еще с бандитами делать. Охотой на «батьку» и его «повстанческую

армию» Блюхер занимался и в последующие месяцы совместно с конниками Буденного.

Летом 1921 года Василия Константиновича отозвали с Украины и назначили военным министром придуманной Лениным для избежания трений с Японией «буферной» Дальневосточной Республики и главкомом созданной на базе партизанских формирований Народно-революционной армии. Блюхер много сделал для того, чтобы армией она являлась не только по названию, да и Москва помогла — подкинула полтора миллиона рублей золотом.

В феврале 1922 года под руководством Блюхера НРА начала генеральное наступление и нанесла «белоповстанцам» ряд чувствительных поражений. Штурмом Волочаевки и взятием Спасска, предопределившими падение белого Приморья, официально были завершены боевые операции Гражданской войны. Из-за свары, разгоревшейся в стане победителей, до Тихого океана Василий Константинович не дошел, был отозван в Москву.

В августе 1922 года Блюхера назначили командиром 1-го стрелкового корпуса, дислоцировавшегося в районе Петрограда, а в 1924-м его направили главным военным советником в Китай при революционном правительстве Гуанчжоу. Первым делом советник ввел в Народно-революционной армии институт комиссаров. Он стал одним из основных разработчиков плана и участником Великого Северного похода гоминьдановских войск. Однако в июле 1927 года, после того как маршал Чан Кайши объявил о разрыве с коммунистами, советских специалистов из армии Гоминьдана отозвали.

По возвращении из Китая Блюхер был помощником командующего Украинским военным округом, но летом 1929 года, в связи с конфликтом на КВЖД, его вновь направили на Дальний Восток. Дело в том, что официально Китайско-Восточная железная дорога находилась в совместном управлении, но реально находилась полностью в советских руках. Правительство Чан Кайши попыталось водворить на КВЖД китайских представителей под охраной войск. Такая наглость не должна оставаться безнака-

занной — решили в Москве, и 6 августа вышло постановление Реввоенсовета о создании Особой Дальневосточной армии. Во главе ОДВА был поставлен Блюхер, опытный «дальневосточник» и знаток китайских хитростей.

18 августа советские передовые отряды «с величайшей сдержанностью» вторглись на территорию Маньчжурии, а к концу ноября «китайские милитаристы» с фузеями были полностью разгромлены красными полками, пустившими в ход новейшие танки МС-1. В операции приняли участие три стрелковые дивизии, одна кавбригада и Амурская военная флотилия. Безвозвратные советские потери составили 147 человек, китайцев никто не считал. За эту победу Блюхер был награжден орденом Красной Звезды под номером один, а Особая Дальневосточная армия стала Краснознаменной.

С тех пор Василий Константинович сидел генерал-губернатором на Дальнем Востоке, активно участвуя «в общественной жизни и развитии экономики края». Блюхер — какой-то случайный маршал. Высшее воинское звание он получил скорее под занимаемую им ответственную должность, учитывая особый статус Дальневосточной армии (в ней состояла четвертая часть всех сухопутных сил страны), чем за реальные военные заслуги. Крупными стратегическими операциями он не руководил, особо громких побед не одерживал, в войну ничем крупнее дивизии не командовал, о его роли в реорганизации и модернизации РККА ничего не известно, ни одной работы по военной теории или истории из-под его пера не вышло. Маршал-администратор. Маршал-хозяйственник.

Самое оригинальное его изобретение — это советский вариант аракчеевских поселений — Особый колхозный корпус. Он был создан по предложению Блюхера в разгар коллективизации в марте 1932 года с целью «укрепить безопасность советских дальневосточных границ, освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток, развить экономику Дальнего Востока».

В свой «военный колхоз» Блюхер записал 60 тысяч бой-

цов и командиров, половину своей армии. Колхозоармейцы пасли скот, комсостав постигал тонкости свиноводства, насколько это укрепило «безопасность дальневосточных границ» — непонятно, хлеб и картошку все равно приходилось завозить. А вот проложить вдоль границы хоть какую-нибудь дорогу для переброски войск в случае военного конфликта Василий Константинович так и не додумался.

Командарм 1-го ранга Каменев Сергей Сергеевич родился в 1881 году в Киеве в военной семье. Окончил кадетский корпус, Александровское военное училище и Академию Генштаба. Все свое время посвящал исключительно службе, ни о каких революциях не мечтал. Во время Первой мировой войны был начальником оперативного управления 1-й армии, командиром 30-го Полтавского пехотного полка, начальником штаба 15-го стрелкового корпуса. Дослужился до полковника.

После Октябрьского переворота пошел на службу новой власти. По утверждению Сергея Сергеевича, в выборе ему помог утвердиться сборник статей Ленина и Зиновьева, который произвел на него «ошеломляющее впечатление, открыл совершенно новые горизонты». Уже бывший полковник сначала исполнял обязанности выборного начальника штаба 3-й армии, занимаясь в основном ее демобилизацией и ликвидацией, а с мая 1918 года руководил Невельским участком Западного района отрядов завесы. В августе был назначен помощником военного руководителя Западной завесы.

В сентябре 1918 года Каменева назначили командующим Восточным фронтом, который пришлось фактически сколачивать заново. Не имелось даже штаба, который предыдущий командующий увез с собой (до этого фронтом командовал Вацетис, его штаб был сформирован из латышских стрелков). Под руководством Каменева фронт отразил натиск армии Колчака в марте 1919 года, перешел в контрнаступление и, успешно осуществив ряд операций, отбросил войска противника за Урал. По мнению Троцкого: «Каменев был, несомненно, способным военачальником, с вооб-

ражением и способностью к риску... Дела на востоке шли в этот период настолько хорошо, что я туда совсем перестал ездить и даже не знал Каменева в лицо. Окрыленные успехами, Смилга, Лашевич и Гусев носили своего командующего на руках, кажется, пили с ним на брудершафт и писали о нем в Москву восторженные отзывы». За победы на Восточном фронте ВЦИК наградил командующего золотым оружием с орденом Красного Знамени.

Между тем на юге к началу лета 1919 года Красная Армия оставила Царицын, Донбасс, Харьков. Разгромив Украинский фронт, генерал А.И. Деникин 20 июня издал так называемую «Московскую директиву». В соответствии с ней Вооруженные силы Юга России начали общее стратегическое наступление на столицу. «Все на борьбу с Деникиным», — призвал Ленин. Заодно по настоянию членов ЦК Владимир Ильич решил сменить главкома.

В начале июля главнокомандующим Вооруженными Силами Республики был назначен Каменев. Первой задачей на новом поприще стала выработка плана группировки сил на Южном фронте. Однако организованное красными августовское контрнаступление на Кубань провалилось, назревала военная катастрофа. Наконец в сентябре, после долгих споров среди членов Политбюро и военных, было принято предложение Троцкого о нанесении главного удара через пролетарский Донбасс «по линии водораздела между Деникиным и казачеством». Через десять лет это назовут «гениальным сталинским планом разгрома Деникина».

В начале октября Южный фронт срочно пополнялся свежими силами, по приказу Каменева с других направлений сюда были переброшены Латышская и Эстонская дивизии, кавалерийская бригада червонных казаков Примакова, Конный корпус Буденного. С 11 октября по 18 ноября войска Южного фронта, перейдя в наступление, нанесли поражение Добровольческой армии, 3-му и 4-му конным корпусам деникинцев и, вырвав стратегическую инициативу, отбросили их на орловско-курском направлении на 165 километров.

В дальнейшем под руководством Каменева осуществля-

лись разгром Врангеля, война с Польшей. При его участии были подавлены «последние очаги контрреволюции» в Карелии, Бухаре и Фергане.

С апреля 1924 года, после реорганизации центрального аппарата и упразднения должности главкома, Каменев назначили инспектором РККА, а с марта 1925 года — начальником Штаба Красной Армии. На последней должности он продержался восемь месяцев. Затем снова был инспектором, начальником Главного управления РККА, главным руководителем Военной академии по тактике. С мая 1927 года — заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя РВС СССР. С июня 1934 года Каменев — начальник Управления противовоздушной обороны и одновременно член Военного совета при НКО СССР.

Командарм 1-го ранга Якир Иона Эммануилович родился в 1896 году в Кишиневе в семье провизора. Учился в Швейцарии в Базельском университете и в Харьковском технологическом институте.

В 1915—1917 годах, уклоняясь от мобилизации в армию, Иона работал токарем на Одесском военном заводе. После Февральской революции записался в большевики и вел антивоенную пропаганду среди солдат 5-го Заамурского полка. В декабре 1917 года был избран членом Бессарабского Совета, губпарткома и губревкома.

В январе 1918 года Якир за умеренное вознаграждение нанял «красногвардейский отряд» в 500 китайцев и объявил войну румынским оккупантам. Весной и летом он, по собственному признанию, ничего в военном деле не понимавший, недоучившийся студент, командовал Тираспольским сводным отрядом «по борьбе с румынской олигархией». Китайцы Якиру полюбились сразу и на всю жизнь:

«Китаец — он стоек, он ничего не боится. Брат родной погибнет в бою, а он и глазом не моргнет: подойдет, глаза ему прикроет, и все тут. Опять возле него сядет, в фуражке — патроны и будет спокойно патрон за патроном выпускать... Китаец будет драться до последнего».

В связи с наступлением австро-венгерской армии отряд вынужден был отступить через восставшие казацкие районы на территорию РСФСР. Казаки азиатов-интернационалистов отчего-то невзлюбили и почти весь батальон уничтожили: «Казак китайца как поймает во время Гражданской войны, обязательно убьет да еще над ним и поиздевается».

Влившись в ряды Красной Армии, Якир пошел по комиссарской линии. С июня он — комиссар бригады Воронежской дивизии, с сентября — начальник политотдела Южного участка отрядов завесы, с октября — член РВС действовавшей на донецком направлении 8-й армии. Китайцев нанял себе новых. В боях с казаками Краснова за станцию Лиски в ноябре 1918 года заработал тяжелую контузию и орден Красного Знамени № 2.

В январе 1919 года, в ходе оккупации Донецкой области, развивая и систематизируя положения циркуляра о рассказывании, Якир издал приказ о «расстреле на месте всех имеющих оружие» и «процентном уничтожении мужского населения». Сохранилось донесение о работе ревтрибунала в станице Урупинская:

«Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети... Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30—40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. Всех расстрелянных слегка закапывали близ мельницы, недалеко от станицы... Около мельницы развелась стая собак, растаскивавших руки и ноги казненных по станице».

Довести начатое дело до конца помешали войска Деникина.

В июле 1919 года Якир получил под свое начало 45-ю стрелковую дивизию. В августе—сентябре командовал Южной группой войск 12-й армии (из трех дивизий) при ее выходе из окружения к Житомиру и Киеву. За этот переход и

вывоз «всех ценностей юга Украины» удостоился второго ордена. Третье Знамя Якиру вручили за польский фронт, за невзятие Львова. В общем, несмотря на орден, победами свое имя Иона Эммануилович не прославил.

В декабре 1920-го его назначили командующим 14-й армией, но буквально через месяц армию расформировали. В 1921—1923 годах Якир был командующим войсками Крымского района, Киевского военного округа и Киевского района, командиром 14-го стрелкового корпуса, помощником командующего Вооруженными силами Украины и Крыма. С апреля 1924 года — начальником Главного управления военно-учебных заведений РККА.

С ноября 1925 года Якир командовал войсками Украинского военного округа. На этом посту обеспечивал операцию по организации голодомора на Украине и недопущению организованного «контрреволюционерами и польскими агентами» массового исхода крестьян в города и другие районы. Партия сказала: «Пусть подыхают на родине», и обреченные на голодную смерть районы оцеплялись войсками.

«За неделю была создана служба по поимке брошенных детей, — сообщал итальянский консул. — В полночь их увозили грузовиками к товарному вокзалу на Северском Донце... Тех, кто еще не опух от голода и мог выжить, отправляли в бараки на Голодной Горе или в амбары, где на соломе умирали еще 8000 душ — в основном дети. Слабых отправляли в товарных вагонах за город и оставляли умирать вдали от людей. По прибытии вагонов всех покойников выгружали в заранее выкопанные большие рвы... каждую ночь в Харькове собирают по 250 трупов умерших от голода и тифа».

Это происходило буквально под окнами якировского кабинета: в Харькове размещался штаб округа.

В 1927—1928 годах Якир прошел курс обучения в академии германского Генерального штаба. 17 мая 1935 года на базе Украинского округа были образованы два новых — Киевский и Харьковский. Якир перебрался в Киев. Военной

теорией не увлекался, в войсках был известен как виртуоз устной матерной речи.

Командарм 1-го ранга Уборевич Иероним Петрович родился в 1896 году в деревне Антадрикус Виленской губернии в крестьянской семье. Учился в Петербургском политехническом институте. В 1916 году окончил курсы при Константиновском артиллерийском училище. Подпоручиком 15-го тяжелого артдивизиона участвовал в Первой мировой войне, сражался на Висле, Немане, в Бессарабии.

После Октябрьской революции Уборевич организовывал красногвардейские отряды в Бессарабии. В январе—феврале 1918 года командовал революционным полком в боях против румынских и австро-германских интервентов. Был ранен и попал в плен, откуда бежал. С августа командовал Котласской тяжелой гаубичной батареей, с сентября — Нижне-Двинской бригадой, с декабря по сентябрь 1919-го — 18-й стрелковой дивизией 6-й армии, преграждавшей путь к Вологде. Был награжден орденом Красного Знамени.

С октября 1919 года Иероним Петрович командовал 14-й армией и Ударной группой Южного фронта, которая совместно с 13-й армией Геккера нанесла тяжелое поражение Добровольческой армии под Орлом и Кромами, участвовала в освобождении Курска, Харькова, Полтавы, Херсона, Николаева и Одессы.

По случаю одержанных побед состоялся грандиозный кутеж, эхо которого отозвалось в Москве. Ленин по этому поводу отправил письмо члену Реввоенсовета Орджоникидзе:

«т. Серго! Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю... Скандал и позор! А я-то вас направо-налево всем нахваливал!! И Троцкому доложено... Ответьте тотчас:

- 1) Кто вам дал вино?*
- 2) Давно ли в РВС 14 у вас пьянство? С кем еще пили и гуляли?*
- 3) — то же — бабы?..*
- 5) Командарм 14 — пьяница? Неисправим?..»*

Товарищ Серго Собоульничков не сдал и даже обиделся: ну, отметили, делов-то. В марте—апреле 1920 года, в ходе разгрома белогвардейцев в районах Екатеринодара и Новороссийска, Уборевич командовал 9-й армией Кавказского фронта. За умелое руководство войсками был награжден Почетным революционным оружием. В апреле—июле снова командовал 14-й армией в войне с Польшей, июле—ноябре руководил боевыми действиями войск сдерживавшей врангелевцев 13-й армии. За бои в районе Бердянск—Мелитополь получил второй орден Красного Знамени. Снова принял 14-ю армию, вел на Украине бои с «буржуазно-националистическими бандами».

В январе—апреле 1921 года, будучи помощником командующего Вооруженными силами Украины и Крыма, Иероним Петрович занимался ликвидацией «Гуляй-полевской свободной народной анархической республики». С конца апреля при подавлении Тамбовского мятежа был заместителем Тухачевского. Командовал сводной группой из двух кавалерийских бригад и броневого отряда. Летом в качестве командующего войсками Минской губернии громил контрреволюцию в Белоруссии.

С августа 1921 года командовал 5-й армией и войсками Восточно-Сибирского военного округа. В августе 1922 года Уборевич сменил Блюхера на посту военного министра Дальневосточной Республики и главнокомандующего Народно-революционной армией. Под его руководством была разработана и проведена Приморская операция, завершившаяся взятием Владивостока и отмеченная третьим орденом. После чего вновь принял 5-ю армию. С ноября 1924 года являлся заместителем командующего и начальником штаба Украинского военного округа.

В 1925 году Уборевича назначили командующим войсками Северо-Кавказского округа, где снова подняли головы «чечбандиты». Новый командующий, использовав собственный богатый опыт подавления антисоветских выступлений в различных регионах страны, в кратчайшие сроки подготовил и провел военную операцию по «разоружению населения Чеченской автономной области».

Согласно утвержденной Уборевичем инструкции, войска Красной Армии окружали чеченские аулы и предлагали в срок не более двух часов сдать все имеющееся оружие. В случае невыполнения требований населенные пункты обстреливались артиллерией и авиацией до полной капитуляции противника. После чего ОГПУ производило изъятие «порочного и бандитского элемента».

Операция началась 25 августа и продолжалась две недели. Артиллерийскому и ружейно-пулеметному обстрелу подвергся 101 населенный пункт, воздушной бомбардировке — 16 аулов, было взорвано 119 домов, арестовано более 300 человек, изъято свыше 25 тысяч винтовок, 4 тысяч револьверов и около 80 тысяч патронов.

В 1927—1928 годах Иероним Петрович учился военному делу в Германии, после чего сменил Ворошилова на посту командующего войсками Московского округа. В 1930—1931 годах был заместителем председателя Реввоенсовета СССР и начальником вооружения РККА. Наконец, в 1931 году принял Белорусский военный округ.

По отзывам сослуживцев, Уборевич любил практическую работу в войсках, в нем чувствовалась «военная косточка».

Командарм 1-го ранга Белов Иван Панфилович родился в 1893 году в крестьянской семье. Готовился стать учителем, но жизнь повернула иначе. Прошел Первую мировую войну, получил три Георгиевских креста и унтер-офицерские лычки. Сразу после Февральской революции записался в левые эсеры, был избран председателем полкового комитета 1-го Сибирского запасного полка.

Во главе полка в октябре 1917 года устанавливал Советскую власть в Ташкенте. С января 1918-го Белов состоял начальником гарнизона и комендантом крепости Ташкент. В январе 1919 года в городе произошло выступление левых эсеров. Иван Панфилович, проявив «исключительную находчивость», товарищей по партии передавил и перебежал в РКП(б).

Полгода, с апреля 1919 года, он был главкомом войсками

Туркестанской республики, затем командовал 3-й Туркестанской стрелковой дивизией. В июне 1919-го начдив Белов подавлял «белогвардейский мятеж» гарнизона Красной Армии, стоявшего в городе Верном, в сентябре — руководил обороной Андижана.

В августе—сентябре 1920 года во главе Бухарской группы войск Иван Панфилович «блестяще провел операцию» по захвату независимого (эта независимость была подтверждена большевиками в марте 1918 года, а вот два года спустя было признано «необходимым разделаться с Бухарским правительством») сопредельного государства Бухарский эмират, организованную с целью оказания «революционной братской помощи бухарскому народу в его борьбе с деспотией бухарского самодержца», а также конфискации эмирской казны, которая оценивалась в 150 миллионов рублей золотом.

Братская помощь сопровождалась варварским разрушением крупнейшего мусульманского центра — Старой Бухары (по мнению командующего Туркфронтом Фрунзе, «оплота мракобесия и черносотенства»), уничтожением исторических памятников, применением химических снарядов, неслыханными преступлениями оккупантов и разгулом мародерства. Белов со своим штабом особо отличился при разграблении сокровищницы эмира. У представителя ВЧК в Туркестане товарища Я.Х. Петерса глаза на лоб полезли, когда у одного лишь командира Бухарской группы он изыал мешок золотых слитков, денег и серебра, столь необходимых мировой революции.

«После сдачи Бухары, — сообщал член «тройки» Реввоенбюро Машицкий, — начались поджоги и невероятные грабежи и мародерство. Все богатства, содержащиеся в подвалах и кладовых Регистана, разграблены, громадные нестораемые шкафы разбиты, разломаны... В грабеже принимала участие Красармия, и два эшелона с награбленным имуществом направлены в Ташкент...

Быстро установился порядок, на основании которого в память о «революции» в Бухаре раздаривались драгоценные предметы, часто имеющие историческое значение, и дело с

этим дошло до того, что каждый, оказавшийся в Бухаре, считал зазорным не увезти что-нибудь «на память».

Эмир Саид Алим бежал в Афганистан, а Бухарская область до начала 30-х годов оставалась очагом басмачества и перманентных восстаний. Иван Белов и его преемники, не вникая в тонкости Востока, рубили контру в капусту. Военком 1-й Туркестанской кавдивизии И. Винокуров рапортовал:

«Положение сейчас в Восточной Бухаре крайне плачевно, теоретически мы здесь закрепляем Советскую власть, а практически рубим бедноту тысячами... Я теперь совершенно не представляю, какие нужны колоссальные труды, чтобы примирить с нами население».

Красные бойцы и командиры, не зная отдыха, несли за кабаленным феодалами и реакционным духовенством «отсталым» и «темным» народам Средней Азии избавление «от угрозы колониального империалистического рабства» и светлые идеи коммунизма: сжигали мечети, устраивали в них казармы и конюшни, «употребляли листы Корана для естественных надобностей», насиловали мусульманских женщин.

«Всякий наш поход на басмачей, — признавал один из участников событий, — сопровождался обычно убийствами и грабежами мирного населения».

В 1921—1922 годах Белов, командуя стрелковой дивизией, подавлял «кулацкие мятежи» на Кубани. Затем командовал корпусом. В 1923 году окончил Высшие академические курсы Академии Генштаба, повышал квалификацию в Германии.

С ноября 1927 года Белов возглавил «беспокойный» Северо-Кавказский округ. На этой должности Иван Панфилович занимался в основном любимым делом — организацией карательных акций. Политика насильственной «сплошной коллективизации», закрытие мечетей, тупое самодурство высокопоставленного советского и партийного быдла привели к тому, что в сентябре 1929 года вспыхнуло восстание, охватившее всю Чечню и ряд горных районов Дагестана.

Нужно быть законченным негодяем и провокатором,

чтобы в наиболее религиозных районах Кавказа заставлять мусульман заниматься свиноводством или переоборудовать мечети под амбары, а затем вызывать войска для подавления «антисоветских выступлений». И войска всегда стояли наготове. Под руководством Белова было проведено две чекистско-войсковые операции, Шали брали штурмом с применением артиллерии, но подавить восстание удалось лишь к апрелю 1930 года.

Затем Иван Панфилович побывал в Германии, где перенимал опыт рейхсвера. С 1931 года Белов командовал войсками Ленинградского, с 1935-го — Московского военных округов. За боевые отличия был награжден двумя орденами Красного Знамени. Военных трудов не оставил.

Командарм 1-го ранга Шапошников Борис Михайлович родился в 1882 году в городе Златоуст. В 1903 году окончил Московское военное училище и Академию Генерального штаба в 1910-м. Служил в Туркестанском и Варшавском военных округах на командных и штабных должностях. Участвовал в Первой мировой войне, был начальником штаба казачьей бригады, 2-й Туркестанской дивизии, 10-го стрелкового корпуса. При Временном правительстве получил звание полковника. В декабре 1917 года был избран начальником Кавказской гренадерской дивизии.

В марте 1918 года начдива Шапошникова демобилизовали в бессрочный отпуск, в мае он добровольно записался в Красную Армию и был назначен на должность помощника начальника Оперативного управления Штаба Высшего Военного совета Республики, в октябре возглавил разведывательный отдел Полевого штаба РВС.

В марте 1919 года Бориса Михайловича назначили первым помощником начальника штаба Наркомвоенмора Украины, в августе — начальником разведотдела, а в октябре — оперативного управления Полевого штаба. Принимал непосредственное участие в разработке плана контрнаступления против денкинских войск в октябре 1919 года и других стратегических операций.

С февраля 1921 года Шапошников — первый помощник

начальника Штаба РККА. За заслуги перед Республикой был награжден орденом Красного Знамени. В мае 1925 года был назначен заместителем, а с октября командующим войсками Ленинградского военного округа. Ровно через два года Шапошников возглавил Московский военный округ. В мае 1928 года стал начальником Штаба Красной Армии. Решением Секретариата ЦК ВКП(б) в 1930 году был принят в партию без прохождения кандидатского стажа. С апреля 1931 года командовал войсками Приволжского ВО. В апреле 1932 года Бориса Михайловича перевели на должность начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе.

С сентября 1935 года он вновь командовал войсками Ленинградского военного округа. Высокопрофессиональный штабист, автор ставшего классическим труда «Мозг армии», Борис Михайлович пользовался большим авторитетом в армии и лично у Сталина.

Флагман флота 1-го ранга Орлов Владимир Митрофанович родился в Херсоне в 1895 году. Студентом Петербургского университета принимал участие в революционном движении, дважды арестовывался. В 1916 году с четвертого курса юридического факультета был призван на военную службу, в октябре 1917 года окончил школу мичманов ускоренного выпуска и был назначен вахтенным начальником на крейсер «Богатырь», стоявший в Ревеле. После большевистского переворота матросы избрали политически подкованного Орлова членом судового комитета.

После срыва мирных переговоров в Брест-Литовске в начале 1918 года германские войска перешли в наступление в Прибалтике. Крейсер «Богатырь» вместе с другими кораблями Ревельской базы по приказу начальника штаба Балтийского флота А.М. Щастного совершил переход в Гельсингфорс, а затем в Кронштадт. Всего с 12 марта по 22 апреля в сложной ледовой обстановке балтийцы сумели увести со стоянок в Прибалтике, Финляндии и на Аландских островах около 250 боевых кораблей и вспомогательных судов.

За этот подвиг Щастный был обвинен «в подготовке контрреволюционного переворота и государственной изме-

не», по приказу Троцкого арестован прямо в кабинете наркомвоенмора, осужден и расстрелян. Что, в совокупности с некоторыми обнародованными документами, позволило историкам утверждать, что Алексей Михайлович сорвал ленинский план сдачи кораблей Балтфлота немцам.

А Владимир Митрофанович Орлов вступил в партию большевиков и пошел по комиссарской линии. Корабли в море не ходили, и кронштадтские моряки, озаботившись своим культурным досугом, организовали культурно-просветительный клуб, превратившийся к концу 1918 года в Центральный культурно-просветительный совет флота. Орлов был избран заместителем председателя правления. Там занимался интересными делами:

«Правление организовало ряд групп по общеобразовательным предметам, а также школы специалистов — штурманов, механиков, курсы бухгалтеров. Читались лекции на общественно-политические темы, по литературе и искусству. Довольно широко был развит спорт. К августу 1918 года работали секции борьбы, гимнастики, бокса, фехтования, футбола и легкой атлетики».

15 февраля 1919 года вся эта самодеятельность превратилась в весьма серьезное учреждение — политотдел Балтийского флота во главе с Орловым. Одновременно он являлся редактором газеты «Красный Балтийский флот».

Вплоть до конца Гражданской войны Орлов с коллегами закладывал основы синекуры для всех последующих поколений советских политработников: расставлял комиссаров, укреплял партийные организации, проводил митинги, выпускал листовки, «поднимал боевой дух, воспитывал любовь к Родине, ненависть к врагам». Вот в мае 1919 года эсминец «Гавриил» вышел в море, чтобы обстрелять вражеское побережье, а политотдел разъясняет личному составу, «что корабли, команды которых проявляют смелость, искусство и сплоченность, могут с честью сражаться с любым противником». В июне восстали форты «Красная Горка» и «Серая Лошадь», Орлов напутствует экспедиционные отряды, инструктирует комиссаров и коммунистов. В октябре на

Петроград наступает генерал Юденич, Владимир Митрофанович «систематически информирует» политсостав об обстановке, беседует с матросами и солдатами, организует для них концерты.

В феврале 1920 года партия направила Орлова на работу по восстановлению водного транспорта в должности заместителя начальника Главного политического управления (Главполитвода) и одновременно начальника Донкубаньаз-черноморполитвода, а затем комиссара Балтийского морского транспорта.

В декабре 1921 года решением ЦК ВКП(б) Орлов был возвращен на флот и назначен помощником начальника Политуправления РСФСР по морской части — начальником Морского отдела. С 1923 года Владимир Митрофанович возглавил управление военно-морских учебных заведений. В 1926 году, после окончания Высших академических курсов, его назначили командующим Морскими силами Черного моря.

С июня 1931 года Орлов — флотоводец, никогда не командовавший даже катером, — начальник Военно-Морских сил РККА и член Реввоенсовета СССР.

Флагман флота 1-го ранга Викторов Михаил Владимирович родился в Ярославле в дворянской семье. В 1913 году окончил Морской корпус, в 1915-м — Минный класс, в 1917 году — Штурманский класс. В годы Первой мировой войны служил в Минной дивизии Балтийского флота, затем старшим штурманом линкора «Гражданин» (бывший эскадренный броненосец «Цесаревич»).

После Октября Викторов принял сторону большевиков. Служил старшим штурманом крейсера «Олег», участвовал в высадке морского десанта под Нарвой, командовал эсминцем «Всадник», линкорами «Андрей Первозванный» и «Гангут». В июне 1919 года принимал участие в подавлении мятежа фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь» («очищенные от контрреволюции» форты переименовали в «Краснофлотский» и «Передовой»), в боевых действиях против английского флота и войск генерала Юденича.

В марте 1921 года Михаил Владимирович подавлял Кронштадтский мятеж, удостоился ордена, в апреле сменил Дыбенко на посту старшего морского начальника покоренного Кронштадта. В мае был назначен начальником Морских сил Балтийского, с июня 1924 года — Черного морей. В декабре возглавил Гидрографическое управление.

С 1926 года, окончив Курсы усовершенствования высшего начсостава, Викторов вновь командовал Морскими силами Балтийского моря, с марта 1932 года — возрождающимися Морскими силами Дальнего Востока (тогда же был принят в партию), в январе 1935 года переименованными в Тихоокеанский флот.

Прекрасно образованный, профессиональный моряк Викторов считался одним из лучших командующих флотом.

Армейский комиссар 1-го ранга Гамарник Ян Борисович родился в 1894 году в Житомире в семье служащего. Окончив гимназию, в 1913 году поступил в Петербургский психоневрологический институт, через год перевелся на юридический факультет Киевского университета. В 1916 году вступил в партию большевиков.

В октябре 1917 года стал членом Киевского ревкома, с марта 1918 года — член ЦИК Советов Украины, в апреле—июне — член «Повстанческой девятки». Был одним из руководителей Одесской, Харьковской и Крымской подпольных партийных организаций. Вел работу по развертыванию партизанского движения. В конце 1918 года Гамарник, будучи членом ревкома, возглавлял вооруженное восстание в Харькове против петлюровской Директории. С мая 1919 года был председателем Одесского губкома компартии Украины, членом Совета обороны Одессы.

После поражения Украинского фронта Гамарник вошел в состав Реввоенсовета Южной группы войск 12-й армии, вместе с Якиром выводил ее из окружения. В ноябре 1919 — апреле 1920 года был комиссаром 58-й стрелковой дивизии.

После Гражданской войны Ян Борисович продолжал карьеру партийного функционера: в 1921—1922 годах был

председателем Одесского и Киевского губисполкомов, в 1923—1928 годах — секретарем Дальневосточного крайкома партии, членом РВС Сибирского военного округа. В 1928 году его избрали первым секретарем ЦК компартии Белоруссии и членом РВС Белорусского военного округа.

В октябре 1929 года решением ЦК Гамарника перевели на работу в Москву и назначили, вместо Бубнова, начальником Политического управления РККА. Одновременно он стал членом Реввоенсовета СССР, а на следующий год — заместителем наркома обороны. Под непосредственным руководством этого «бородатого человека с мрачным лицом и добрыми глазами» проводилась в 1930 году чистка вооруженных сил от бывших царских офицеров, «участников монархического заговора».

Командарм 2-го ранга Вацетис Иоаким Иоакимович родился в 1873 году на мызе Нейгорф Курляндской губернии в крестьянской семье. Окончил училище Министерства народного просвещения, Виленское пехотное училище в 1897 году, Николаевскую академию Генерального штаба в 1909 году.

Участник Первой мировой войны. Летом 1915 года для защиты Прибалтики от вторжения германских войск началось формирование национальных частей. Так в русской армии появилась Латышская стрелковая дивизия (39 тысяч человек), в которой Вацетис командовал 5-м Земгальским полком. Дивизия сражалась на рижском направлении и показала высокую выучку и боеспособность.

После падения монархии пропагандируемые левыми социалистами идеи о праве наций на самоопределение нашли благодатную почву в латышских полках. Поэтому, когда свершился большевистский переворот, латышские стрелки по приказу ревкома 12-й армии заняли основные стратегические пункты в Латвии и Эстонии, обеспечив «триумфальное шествие» Советской власти в Прибалтике. 22 декабря 1917 года декрет ЦИК признал независимость Советской Латвии, в которой немедленно началась реализация Декрета о земле и других ленинских декретов.

Полковник Вацетис «решительно» перешел на сторону революции. В декабре он был вызван в Могилев и назначен начальником оперативного отделения Революционного полевого Штаба при Ставке Верховного главнокомандующего и одновременно командиром Латышского стрелкового корпуса. В январе 1918 года Вацетис возглавил боевые действия против мятежного польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого — еще одного национального формирования царской армии.

13 апреля 1918 года приказом Троцкого на базе латышских частей началось формирование Первой Латышской советской стрелковой дивизии (первой дивизии в Красной Армии) под командованием Вацетиса. В ее составе намечалось иметь 9 стрелковых, 1 кавалерийский полк, дивизионы легкой и тяжелой артиллерии, авиационный отряд. В середине июня 1918 года в дивизии насчитывалось 8151 человек, 175 пулеметов, 25 орудий.

В июле, в дни левоэсеровского мятежа, Вацетис оказался фактически единственным военачальником, который поддержал большевиков. Он еще раз доказал преданность власти, расстреляв из трехдюймовок штаб мятежников в особняке Морозова. Латыши сыграли первую скрипку в деле подавления антибольшевистских выступлений в Ярославле, Муроме, Рыбинске, Саратове, Новгороде, Пензенской губернии.

Ленинские указания: «Повесить, непременно повесить, чтобы народ видел... видел, трепал, знал» — были адресованы Евгении Бош, но вешала-то не она. Как утверждают летописцы из АН СССР: «И снова стрелки оправдали оказанное им доверие» (впрочем, массовыми расправами отмечился в Пензе и чехословацкий интеротряд). Латыши пристрелили пытавшегося поднять мятеж и двинуться вместе с «белочехами» на Москву главнокомандующего Восточным фронтом М.А. Муравьева.

С 12 июля 1918 года Вацетис, имея под рукой верных стрелков, командовал Восточным фронтом, организуя боевые действия против чехословацкого корпуса. Штаб фронта был создан на базе штабов 2-й и 3-й латышских стрелковых

бригад, сформированная Вацетисом 5-я армия более чем наполовину была укомплектована латышами, и во главе ее встал командир 1-го латышского полка П.С. Славен. В командование 3-й армией вступил Р.И. Берзин.

В августе «белочехам» удалось захватить Казань, а вместе с ней — половину золотого запаса России. Однако в начале сентября красные сумели организовать успешное контрнаступление и нанести поражение противнику. Любимый командующим 5-й полк стал первой советской воинской частью, удостоенной за эти бои Почетного революционного Красного Знамени. В разгар операции Вацетис был назначен главнокомандующим Вооруженными Силами Республики.

В это время со всех направлений красные латышские полки перебрасывались на запад. К концу 1918 года они были развернуты в две стрелковые дивизии, составившие ядро Армии Советской Латвии. Командующим ее был назначен Вацетис, оставаясь по совместительству главкомом. Вторжение на родную землю началось в декабре, и уже к концу января 1919 года была оккупирована большая часть страны. Рига пала 3 января. Главком писал:

«Одной из важнейших задач армии Латвии являлось очистить долго поливаемую потом и кровью и слезами почву от исторического мусора в виде прогнивших привилегированных верхов старого общественного уклада Прибалтики и расчистить почву для власти трудового народа».

Дальнейшее — понятно. С целью очищения почвы от «мусора» в Латвии на пять месяцев был установлен режим жесточайшего террора. Батальоны палачей не успевали справляться со своей работой. Лишь к началу лета «контрреволюционные силы» снова отбили Ригу и вышибли «борцов за правое дело». Армию Советской Латвии переименовали в 15-ю армию, а из нее снова отпочковалась ударная Латышская дивизия.

Летом 1919 года блистательная карьера Вацетиса в Красной Армии внезапно оборвалась. Все началось с разногласий между главкомом и штабом Восточного фронта. Считая, что главная опасность для Советской Республики на-

зревает на юге, Вацетис предложил приостановить успешное наступление против Колчака и передать ряд дивизий Южному фронту. Однако этой идее категорически воспротивились Каменев и его комиссары. Командующий Восточным фронтом обещал и выделить необходимые дивизии, и добить противника. Свои обязательства Каменев выполнил полностью, а авторитет главкома пошатнулся. Тогда Вацетис попытался сместить Каменева, но 8 июля сам был отрешен от должности.

Троцкий вспоминал:

«Оба они были полковниками Генерального штаба старой царской армии. Между ними шло несомненное соревнование, в которое были втянуты и комиссары. Трудно сказать, кто из двух полковников был даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими данными, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать невозможно. Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался несомненно влиянию враждебных революции элементов. Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов».

Последнее обстоятельство вкупе с успехами Восточного фронта оказалось решающим. Почти сразу после отставки Вацетис был арестован чекистами по подозрению в причастности к «военному заговору», но вскоре выпущен из зиндана и с августа 1919 года до конца Гражданской войны работал в РВС Республики.

С 1921 года Иоаким Иоакимович находился на преподавательской работе в Военной академии РККА.

Командарм 2-го ранга Дыбенко Павел Ефимович родился в 1889 году в селе Людков Черниговской губернии, из крестьян. Окончил четырехлетнее городское училище. Работал грузчиком, строительным рабочим. В 1911 году был арестован за уклонение от воинской службы и этапирован на призывной участок. По окончании минной школы служил на линейном корабле «Император Павел I» Балтийского флота.

В разгар мировой войны матрос Дыбенко занимался антивоенной пропагандой «в недрах царского флота» и добился немалых успехов. Едва Николай Второй отрекся от престола, распропагандированная братва приступила к истреблению офицеров. Их стреляли, поднимали на штыки, забивали прикладами и кувалдами, топили в прорубях. А Дыбенко в мае 1917 года стал председателем Центрального комитета Балтийского флота — Центробалта.

Активно участвовал в подготовке Октябрьского переворота в Петрограде, руководил формированием и отправкой в столицу отрядов революционных матросов. Крейсер «Аврора» и другие корабли вошли в Неву по приказу Дыбенко. На следующий день после взятия Зимнего дворца полуграмотный Паша Дыбенко стал членом Советского правительства, народным комиссаром по морским делам и, как повествует официальная биография, «одним из организаторов советского ВМФ», а также разгона Учредительного собрания и расстрелов рабочих демонстраций.

В феврале 1918 года нарком иностранных дел Троцкий, выбросив дурацкий лозунг «Ни мира, ни войны», отказался подписывать Брестский мир. В ответ германское командование двинуло в наступление войска. За пять дней, с 18 по 23 февраля, не встретив никакого сопротивления со стороны разложившейся «пацифистами» русской армии, немцы заняли Двинск, Полоцк, Минск, Псков, подошли к Петрограду. В районе Нарвы большевики попытались организовать оборону силами Красной Гвардии.

Была также предпринята попытка оторвать от увлекательного занятия экспроприацией и привлечь на защиту революции балтийских матросов. Нарком Дыбенко объявил красный террор всей «немецкой буржуазии» и во главе сводного отряда численностью в 800 человек (для сравнения, брать Зимний, мосты, почтамт, телеграф и прочее по ленинскому списку приехали 10 тысяч балтийцев) выступил к Нарве с намерением гнать противника до самого Ревеля. Однако запала «братишек», всю войну поглощавших паек в глубоком тылу, хватило на одни сутки фронтовой жизни. По воспоминаниям М.Д. Бонч-Бруевича, вместо борьбы с нем-

цами «разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом».

Уже 3 марта Дыбенко объявил начальника Нарвского боевого участка бывшего генерала Д.П. Парского врагом, специально поставившего его геройский отряд в «трудное положение», и отдал приказ к ретираде. Матросы восприняли приказ с воодушевлением и «добежали до Гатчины», в рекордные сроки преодолев 120 километров. Были брошены даже те населенные пункты, где германским духом и не пахло; их потом «отбили» обратно русские телеграфисты.

В середине марта за сдачу Нарвы Дыбенко исключили из наркомов, арестовали и отдали под следствие. Но как только содержание под стражей заменили подпиской о невыезде, Павел Ефимович набрал эшелон матросиков и убыл на восток, сражаться с «контрреволюционной волной». Эшелон по приказу Москвы задержали уже в Самаре, полководца вернули обратно. Суд состоялся в мае. Ревтрибунал бывшего наркома оправдал, но Центральный Комитет выгнал его из партии — «за бесчестное нарушение обязательства».

После суда Павел Ефимович убыл на подпольную работу против «буржуазно-помещичьей диктатуры» гетмана Скоропадского на Украине и в Крыму. В августе 1918 года был схвачен в Севастополе, посажен в тюрьму, но в сентябре немцы вернули «резидента» Советскому правительству в целостности и сохранности. После этого он занимался формированием повстанческих частей в «нейтральной» зоне.

В начале 1919 года Дыбенко всплыл как командир одного из партизанских отрядов в составе Украинского фронта, «созданного для оказания помощи трудящимся Украины в освобождении от германо-австрийских оккупантов и буржуазных националистов», участвовал во взятии Харькова, ставшего временной столицей Советской Украины, и наступлении на Екатеринослав.

21 февраля он возглавил 1-ю Заднепровскую дивизию. Комбригами у Павла Ефимовича тоже были колоритные персонажи — атаман Н.А. Григорьев и «батько» Н.И. Махно. Затем Дыбенко командовал Крымской армией, которая 29 апреля заняла Севастополь. На краткий срок Дыбенко

снова стал министром — наркомвоенмором Крымской республики. Однако в мае сначала поднял вооруженный мятеж Григорьев, затем генерал Шкуро — бывший командир Красной Армии, арестованный по обвинению в контрреволюции и чудом избежавший расстрела, — разбил бригаду Нестора Махно, прикрывавшую участок Таганрог—Ростов, и в конце июня советские войска вынуждены были оставить Крым. Из Крымской армии сделали дивизию, а Дыбенко отправили в Академию Генерального штаба.

В середине июня белые взяли Харьков. «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков» скрупулезно фиксировала следы жизнедеятельности дыбенков:

«Забравшись в храм под предводительством Дыбенко, красноармейцы вместе с приехавшими с ними любовницами ходили по храму в шапках, курили, ругали скверномерно Иисуса Христа и Матерь Божию, похитили антиминс, занавес от Царских врат, разорвав его на части, церковные одежды, подризники, платки для утирания губ причащающихся, опрокинули Престол, пронзили штыком икону Спасителя. После ухода бесчинствующего отряда в одном из притворов храма были обнаружены экскременты».

В академии Дыбенко не задержался и снова убыл на фронт. С октября 1919 года Павел Ефимович последовательно командовал 37-й стрелковой, 1-й Кавказской дикой, 4-й и 2-й кавалерийскими дивизиями на Кавказском и Южном фронтах. В сентябре 1920 года возвратился на учебу.

Будучи слушателем академии, Дыбенко был отправлен на подавление Кронштадтского мятежа. В ходе организации карательных сил у большевиков возникли серьезные трудности: ряд воинских частей отказались выступать против мятежников. В этих условиях беспартийному Дыбенко доверили командование Сводной дивизией. Бывший председатель Центробалта доверие оправдал и особо отличился, приказав в критический момент боя стрелять по собственным отступающим бойцам. Командующий 7-й армией М.Н. Тухачевский впоследствии писал: «Я был пять лет на войне, но не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь наблюдал такую кровавую резню». Так Павел Ефимович заработал

свой первый орден Красного Знамени — «за героизм и мужество, проявленные при подавлении». Через год, командуя карательной дивизией «против банд Антонова», — второй орден — за аналогичные подвиги.

Карьера снова пошла в гору. В мае 1921 года — начальник Черноморского сектора, в июне — начальник 51-й Перекопской стрелковой дивизии. В 1922 году Дыбенко восстановили в партии с зачетом дореволюционного стажа. По окончании академии сухопутный матрос командовал 6, 5, 10-м стрелковыми корпусами. 6 мая 1925 года был назначен начальником Артиллерийского управления, а в 1926 году — начальником снабжения РККА.

С 1928 года Дыбенко командовал войсками Туркестанского военного округа, бился с басмачами Максума Фузайли и Ибрагим-бека, получил еще одно Знамя на грудь. В 1930—1931 годах был на учебе в Германии. Из Берлина вернулся в Среднюю Азию, а в 1933 году возглавил Приволжский военный округ.

В свободное время писал и переписывал воспоминания о своих подвигах в «недрах царского флота» и роли балтийцев в победе Октябрьской революции.

Командарм 2-го ранга Федько Иван Федорович родился в 1897 году в селе Хмелев Сумской области в крестьянской семье. Окончив начальную школу, учился в ремесленном училище столяро-краснодеревщиков, работал на мебельной фабрике. В начале 1916 года был призван на военную службу, в июле направлен на Юго-Западный фронт, а еще через четыре месяца откомандирован на учебу в Киевскую школу прапорщиков.

Во время Октябрьской революции Федько стал одним из руководителей ревкома в Феодосии, где организовал отряд Красной Гвардии, развернувшийся затем в 1-й Черноморский революционный полк. Вслед за победой пролетариата последовали массовые убийства бесперспективных для новой жизни классов. Так, в январе 1918 года в Евпатории революционный экипаж гидрокрейсера «Румыния» утопил 46 арестованных новой властью офицеров, одного, интере-

са ради, сжег в топке парового котла. В связи с вступлением в Крым германских войск Федько через Керчь отвел свой отряд на Кубань.

В мае—октябре 1918 года он командовал 3-й и 1-й колоннами войск Северного Кавказа, сражавшихся против Деникина. С 27 октября, после измены И.Л. Сорокина, временно исполнял должность главкома революционных войск на Северном Кавказе. В ноябре командовал 11-й армией, затем был помощником командующего и членом РВС той же армии.

В мае 1919 года Иван Федорович убыл в распоряжение Украинского Советского правительства и был назначен в помощь Дыбенко членом РВС Крымской советской республики и заместителем командующего Крымской армией. В конце июня, перейдя в наступление с керченского плацдарма, деникинцы выбили красных из Крыма. На этот раз Федько уходил через Перекоп. Из остатков Крымской армии была образована Крымская советская дивизия под командованием Дыбенко, заместителем остался Федько. 1 августа дивизию переименовали в 58-ю стрелковую, и Иван Федорович стал ее командиром. Дивизия обороняла Николаев, затем в составе группы Якира выходила из окружения и в сентябре соединилась с основными силами Красной Армии. За эти бои комдив удостоился ордена Красного Знамени.

В декабре 1919 года Федько убыл на учебу в Академию Генерального штаба РККА. После шести месяцев учебы, в июне 1920 года, он был откомандирован на Южный фронт на должность начальника 46-й стрелковой дивизии. В ходе разгрома Врангеля командовал ударной группой 13-й армии. За бои на никопольском плацдарме и проявленную при этом храбрость был награжден вторым орденом Красного Знамени. В декабре вернулся в академию.

Третий орден комдив получил «за умелое командование» 187-й курсантской бригадой в составе Сводной дивизии Дыбенко при ликвидации Кронштадтского мятежа. В мае 1921 года Иван Федорович, душой болея за Советскую власть, отпросился у начальника академии и добровольцем отправился на подавление Тамбовского мятежа. Командо-

вал 1-м боевым участком. За отличия, проявленные в борьбе с антоновщиной, удостоился четвертого ордена. В декабре вновь вернулся в академию доучиваться.

В феврале 1922 года Федыко был назначен командиром 18-й Ярославской стрелковой дивизии. 25 апреля 1925 года вышел приказ о его назначении на Туркестанский фронт командиром 13-го стрелкового корпуса.

Полгода Иван Федорович занимался ликвидацией басмачества на территории Восточной Бухары. За успехи в деле разгрома отрядов Ибрагим-бека был отмечен орденом Трудового Красного Знамени Бухарской республики. В ноябре — 2-й стрелковый корпус, которым командовал около двух лет.

С февраля 1927 года Федыко был начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1928-м ездил в Германию, на маневры рейхсвера. В 1929 году был откомандирован на Дальний Восток, принимал участие в разрешении конфликта на КВЖД. С февраля 1931 года командовал Кавказской Краснознаменной армией. В марте 1932 года был назначен командующим войсками Приволжского военного округа, в октябре 1933 года — помощником командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией. С июня 1934 года Иван Федорович командовал Приморской группой войск ОКДВА.

Командарм 2-го ранга Дубовой Иван Наумович родился в 1896 году на хуторе Чмыривцы Чигиринского уезда в семье шахтера. В ноябре 1916 года был призван в армию, окончил школу прапорщиков. На фронт не попал. Активно делал революцию в Донбассе.

С февраля 1918 года Дубовой командовал отрядом Красной Гвардии в Бахмуте, затем был военным комиссаром Новомакеевского района, комендантом Центрального штаба Красной Гвардии Донбасса, помощником начальника штаба 10-й армии. Участвовал в обороне Царицына.

С 1919 года Иван Наумович был начальником штаба группы войск киевского направления на Украинском фронте. 5 февраля части 1-й Украинской советской дивизии

вступили в Киев. В последующем Дубовой — начальник штаба и командующий 1-й Украинской армией, начальник 3-й пограничной дивизии, помощник начальника дивизии у Щорса, с сентября, после его гибели, начальник 44-й стрелковой дивизии, которая, будучи в составе 12-й армии, отличилась при разгроме петлюровских и денкинских войск, борьбе с поляками и ликвидации «кулацкого бандитизма». За заслуги перед революцией награжден орденом Красного Знамени.

После окончания Гражданской войны продолжал командовать 44-й дивизией, а с 1924 года стал командиром 14-го стрелкового корпуса. В 1926 году Дубовой окончил Военно-академические курсы.

В октябре 1929 года был назначен помощником, а в декабре 1934-го — заместителем командующего Украинским военным округом. С мая 1935 года Иван Наумович командовал войсками Харьковского ВО.

Командарм 2-го ранга Левандовский Михаил Карлович родился в 1890 году в станице Николаевской Терской губернии. В 1912 году окончил Владимирское военное училище. Участвовал в мировой войне в чине штабс-капитана.

В феврале 1918 года вступил в Красную Армию, организовывал красные отряды в Грозненском районе. И здесь не обошлось без китайцев: в боях под Грозном, Нальчиком и Кизляром отличился батальон под командованием Пах Тисана. В июле 1918 года Левандовский был избран наркомом по военным делам Терской Советской республики. Руководил подавлением контрреволюционных выступлений в районах Владикавказа и Грозного.

В январе 1919 года Михаил Карлович стал командующим 11-й армией. Армия проводила наступательную операцию в направлении Екатеринодара и Новороссийска. Однако была разбита войсками Деникина и эпидемией сыпного тифа. Потеряв две трети личного состава, она оставила Северный Кавказ и через калмыцкие степи отошла к Астрахани.

Отступая, армия повсюду оставляла за собой следы са-

мого изощренного зверства. Еще бы. Своими штыками она обеспечивала деятельность одного из наиболее знаменитых «чудовищ большевизма» — уполпреда Георгия Атарбекова. В Пятигорске с отрядом чекистов он вывез на кладбище около ста заложников и изрубил их шашками, в Армавире расстрелял из пулеметов возвращавшийся на родину эшелон с грузинскими офицерами и сестрами милосердия, в Екатеринодаре «перешлепал» около двух тысяч заключенных. Так что бывший штабс-капитан Левандовский имел полное представление о той власти, которой взялся служить.

В феврале 11-я армия была расформирована. Левандовский последовательно командовал 1-й Особой и 7-й Самарской кавалерийскими, 33-й Кубанской стрелковой дивизиями в составе возрожденной и снова распущенной 11-й отдельной и 10-й армий, действовавших против частей Кавказской армии барона Врангеля на астраханском направлении. После провала деникинского похода на Москву красные в феврале—марте 1920 года вернулись на Северный Кавказ. Левандовский командовал Терской группой войск, важнейшая задача которой состояла в захвате нефтепромыслов. Ленин держал этот вопрос на особом контроле, бомбардируя реввоенсовет фронта телеграммами:

«Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест к населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть, и наоборот дадим жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости».

Еще до завершения операции Владимир Ильич поставил командованию Кавказского фронта задачу организовать вторжение в Азербайджанскую республику — на бакинскую нефть тоже имелись виды. Потому, выбросив на свалку сыгравшие свою разрушительную роль лозунги о праве наций на самоопределение, Ленин возвращал утраченные колонии:

«Взять Баку нам крайне необходимо. Все усилия направить на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичным и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к

Грузии, хотя к ней советую относиться еще более осторожно...»

Так отработывался ставший позже классическим сценарий: подставное правительство просит у Кремля военной помощи, в которой большевики никогда не умели отказать. Главная роль отводилась 11-й армии, которую вновь возглавил Левандовский. Азербайджанское правительство по дипломатическим каналам пыталось выяснить у Москвы, что означает концентрация советских войск у границы, но ответа не получило.

27 апреля началась интервенция. Через два дня ударами с суши и с моря был захвачен Баку. К «вождю мирового пролетариата» полетела телеграмма Временного ревкома Азербайджана с просьбой «немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии» для отражения натиска «соединенных банд внутренней и внешней контрреволюции». В это время по стране во всех направлениях, не встречая сколько-либо серьезного сопротивления, распространялись оккупационные войска, проводя показательные акции устрашения. В Баку «банды» начали расстреливать в первую же ночь.

Левандовский в июле 1920 года вступил в командование 9-й армией, которая разбила десанты генерала Улагая на Таманском полуострове и особо отличилась в истреблении кубанского казачества. Как писал член Реввоенсовета С.А. Анучин, в июле РВС армии совместно с Кубано-Черноморским комитетом РКП(б) и ревкомом сформировали ударные отряды, которыми была «расстреляна не одна тысяча противников Соввласти и сожжена не одна станица (не одна сотня домов). И это чрезвычайно благоприятно подействовало на казачество, отрезвило его».

Весной 1921 года 9-я армия внесла свой вклад в установление Советской власти в Закавказье, ликвидируя «контрреволюцию» в Грузии. С июля по сентябрь, будучи губвоенкомом Тамбовской губернии, Михаил Карлович истово давил «антоновщину», затем служил заместителем командующего округом. В апреле 1924 года был назначен на пост командующего Туркестанским фронтом и полтора года ус-

мирял басмачество в Средней Азии. С ноября 1925 года — командующий Кавказской Краснознаменной армией, одновременно с марта 1928 года — уполномоченный Наркомата по военным и морским делам при Совнаркоме Закавказской федерации.

С октября 1928 года — начальник Главного управления РККА, с декабря 1929 года — командующий войсками Сибирского, затем Закавказского военных округов. С 1933 года вновь командовал Кавказской армией.

Командарм 2-го ранга Великанов Михаил Дмитриевич родился в 1892 году в селе Зимино Рязанской губернии в крестьянской семье. Окончил духовную семинарию, работал земским учителем. В 1914 году был призван в армию и направлен в школу прапорщиков. Войну закончил с Георгиевским крестом в чине подпоручика.

В начале марта 1918 года вступил в Красную Армию, получил назначение на должность командира роты Лефортовского отряда. В мае во главе Сводного отряда был направлен на борьбу с белочехами в 1-ю армию Тухачевского. Отряд вошел в состав 24-й Железной дивизии, Великанов стал во главе 2-го Симбирского полка. В декабре принял командование 1-й бригадой, в феврале 1919 года временно исполнял обязанности начальника 25-й Самарской дивизии. Весной 1919 года командовал Уфимской ударной группой войск, принимал участие в разгроме войск Колчака на Урале, возглавлял оборону Оренбурга.

17 июля 1919 года был назначен начальником 20-й стрелковой дивизии 1-й армии Восточного фронта, во главе которой стоял до конца Гражданской войны. В сентябре дивизию перебросили на Юго-Восточный фронт. В составе 10-й армии совместно с «буденновцами» она принимала участие в сражении под Егорлыкской, в составе 11-й армии осуществляла оккупацию Азербайджана.

В мае 1920 года «темным силам контрреволюции удалось спровоцировать в Азербайджане несколько крупных восстаний». На долю комдива Великанова выпало подавлять Гянджинское восстание. Осенью 1920 года заволновались

трудящиеся Армении. Созданный большевиками Ревком, собравшись в глухой деревне Дилижан, объявил Армении Советской Социалистической республикой и тут же позвал на помощь «героическую Красную Армию великой социалистической России». На помощь армянским пролетариям двинулась 11-я армия быстрого реагирования. Уже 4 декабря Великанов вел свою дивизию по улицам Еревана. Интересно, что армянам советская армия помогала во взаимодействии с турецкой.

Прошло не более двух месяцев, и такая же оказия случилась в Грузии, пришлось 10 февраля 1921 года и туда вводить советские войска. Великанов командовал группой Тифлиско-го направления. 25 февраля, после ожесточенных боев с грузинскими войсками, в Москву пришла телеграмма: «Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти».

Однако, пока помогали грузинам, неутомонные дашнаки в середине февраля отбили у «красных империалистов» Ереван. Пришлось Великанову возвращаться и восстанавливать порядок в Армении с применением артиллерии, аэропланов и бронепоездов. Ереван удалось отбить только 4 апреля.

В 1922 году трижды орденосец Великанов окончил Высшие военно-академические курсы командного состава РККА и был назначен командиром 1-й Кавказской стрелковой дивизии, затем 9-го стрелкового корпуса. С 1923 года Михаил Дмитриевич был помощником командующего войсками округа, инспектором пехоты РККА. С 1933 года — командующий войсками Среднеазиатского военного округа.

Командарм 2-го ранга Корк Август Иванович родился в 1886 году в деревне Ардлан Лифляндской губернии в крестьянской семье. Окончил в 1906 году Чугуевское пехотное училище, в 1914-м — Академию Генерального штаба, в 1917-м — Военную школу летчиков-наблюдателей. Служил в основном в штабах, подполковник.

В июле 1918 года Август Иванович вступил в Красную Армию, работал в Оперативном отделе Всерхглавштаба, с октября был начальником отделения штаба Западного

фронта и начальником оперативного разведывательного отдела штаба 9-й армии.

Аннулирование Брест-Литовского договора позволило большевикам приступить к реализации планов советизации Эстонии. В середине ноября сформированный кремлевскими посланцами Ревельский (Таллинский) Ревком призвал народ выступить против «самозванного правительства Пятса» и попросил трудящихся РСФСР оказать эстонцам помощь войсками Красной Армии.

В ответ на эту просьбу, точнее — даже раньше, советское правительство сосредоточило у эстонской границы 7-ю армию и свезенные со всех фронтов эстонские и латышские части и без промедления двинуло их в наступление. 25 ноября они взяли Псков, к утру 29 ноября — Нарву. И уже в полдень в здании Нарвской ратуши Эстония была провозглашена Советской Социалистической республикой под названием Эстляндская трудовая коммуна.

Корк получил в коммуне должность консультанта при Наркомате по военным делам. К началу января 1919 года советские войска заняли большую часть территории Эстонии, не дойдя всего 30 километров до Таллина, и своими штыками обеспечивали развернувшиеся «социалистические преобразования».

Однако 9 января «белоэсты» при поддержке немецких, финских, русских добровольческих формирований перешли в контрнаступление и уже через десять дней были в Нарве. Правительство трудовой коммуны перебралось в Псков, затем в Лугу. Надежды оно не теряло и 18 февраля 1919 года с одобрения ЦК РКП(б) приступило к формированию Эстляндской Красной Армии, начальником штаба которой был назначен Корк. В марте—апреле последовала еще одна попытка вторгнуться в Эстонию, но и она закончилась неудачей. Москва, отвлеченная успехами Колчака на востоке, помочь дополнительными силами не могла. Более того, в мае перешла в наступление сформированная на территории Эстонии армия генерала Юденича. 25 мая «белоэстонские войска» отбили Псков, к середине июня белые были под стенами Петрограда.

Эстляндскую армию пришлось расформировать, ее части влились в состав Западного фронта. Августа Ивановича назначили помощником командующего 7-й армией, которая в июле сумела оттеснить войска Юденича к границам Эстонии. В августе 1919 года Корк принял командование над остатками разбитой Армии Советской Латвии, переименованной в 15-ю армию, и снова взял Псков. Осенью Юденич сделал повторную попытку овладеть Петроградом, но потерпел поражение. Значительную роль в его разгроме сыграл фланговый контрудар армии Корка, еще большую — отказ генерала в случае победы признать независимость Эстонии. 31 октября советские войска вернули Лугу, 7 ноября — Гдов. За эти бои командарм-15 был награжден орденом Красного Знамени. 2 февраля 1920 года Москва заключила с Таллином мирный договор, советизацию Эстонии пришлось отложить на двадцать лет.

Весной 15-я армия была переброшена в Белоруссию, где назревала война с Польшей. 14 мая, чтобы помочь Юго-Западному фронту, сдавшему Киев, командующий Западным фронтом начал наступление, не дожидаясь сосредоточения всех своих сил. Через неделю советские войска заняли Молодечно и Борисов. Однако 30 мая поляки контратаковали и с помощью подошедших резервов восстановили положение. Только 15-я армия Корка смогла удержать небольшой плацдарм в районе Полоцка. В июле она участвовала в походе на Вислу, была разбита, как и весь Западный фронт, две дивизии 15-й армии оказались в Восточной Пруссии. Тем не менее командарм удостоился второго ордена.

С октября 1920 года Корк командовал 6-й армией Южного фронта, участвовавшей в сражении в Северной Таврии и штурмовавшей Перекоп. За взятие Перекопских и Ишуньских позиций Август Иванович был награжден Почетным революционным оружием. В мае 1921 года 6-я армия была расформирована, ее управление направлено на формирование Харьковского ВО. Корк принял командование округом, затем был помощником командующего Вооруженными силами Украины и Крыма, помощником начальника управления воздушного флота РККА.

С 1922 года он командовал Туркестанским фронтом. В декабре 1923-го был назначен помощником командующего Западным военным округом. Затем в феврале 1925 года стал командующим Кавказской Краснознаменной карательной армией Кавказа, руководил еще не ставшими рутинной операциями по разоружению Чечни. «Для убеждения Урус-Мартана, — сообщалось в донесении штаба СКВО, — потребовался артиллерийский обстрел из 900 снарядов и авиационная бомбардировка». С ноября 1925-го Корк командовал войсками Западного, с 1927 года — Ленинградского военных округов. В этот период вступил в большевистскую партию. В 1928 году был военным атташе в Германии, начальником Управления снабжения РККА. В 1929 году принял командование войсками Московского военного округа.

В 1935 году Корк был назначен начальником Военной академии имени Фрунзе, членом Военного совета при Наркомате обороны. Активно участвовал в разработке военно-теоретических проблем, являлся автором ряда работ по вопросам военной теории и тактики: о военной доктрине, стратегии и тактике, об операциях Гражданской войны.

Командарм 2-го ранга Каширин Николай Дмитриевич родился в 1888 году в городе Верхнеуральске в семье станичного атамана. В русской армии служил в частях Оренбургского казачьего войска, окончив в 1909 году Оренбургское юнкерское училище. Первую мировую окончил подьесаулом.

В 1917 году Николай Каширин был избран председателем полкового казачьего комитета. В марте 1918 года вместе с братом Иваном сформировал в Верхнеуральске «первую советскую казачью сотню», с которой участвовал в борьбе против генерала Дутова. В результате успешных действий отряда Кашириных было обеспечено соединение Оренбургского и Орского советских отрядов. Возглавив их, Каширин выступил на помощь Самарской советской армии, разбив два казачьих полка, и прикрывал отход армии. В июле Оренбургский отряд Николая Каширина, партизанская бригада

Ивана Каширина и 1-й Уральский полк Блюхера слились в Южно-Уральскую армию, пробившуюся на соединение с РККА.

С сентября 1918 года Николай Каширин — помощник начальника, затем начальник 4-й Уральской дивизии, позднее переименованной в 30-ю стрелковую. В 1919 году Николай Дмитриевич был комендантом Оренбургского укрепрайона, начальником 49-й крепостной дивизии Туркестанского фронта.

В 1920 году в должности командира 3-го кавалерийского корпуса участвовал в разгроме войск Врангеля на Южном фронте. Корпус под командованием Каширина, действуя в составе 13-й армии, нанес ряд поражений противнику и во взаимодействии с другими соединениями освободил Мелитополь, Геническ, Керчь. После разгрома Врангеля Каширин командовал Александровской группой войск, участвовавшей в борьбе с махновщиной.

В 1923—1925 годах был командиром 14-го стрелкового корпуса, состоял для поручений при штабе РККА, командиром 1-го кавалерийского корпуса Червоного казачества. В 1925—1931 годах — помощник командующего войсками Уральского, Белорусского, Московского военных округов. В 1924 году окончил Военно-академические курсы высшего состава РККА.

С июня 1931 года на протяжении шести лет Каширин командовал войсками Северо-Кавказского военного округа. Ему выпало подавлять чеченское восстание 1932 года, вспыхнувшее 23 марта, подготовленное «кулацко-мульским подпольем» и возглавленное имамом М. Шамилевым, поскольку войска собственными силами с этой задачей не справились. В сводках штаба округа отмечали «организованность этого выступления, исключительную ожесточенность повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на большие потери, религиозное пение при атаках, участие женщин в боях». Трудности Николая Дмитриевича не пугали, и уже 9 апреля он докладывал в Москву, что «восстание надо считать подавленным». Потери повстанцев соста-

вили 333 убитых, 150 раненых, карательных войск — 27 убитых, 30 раненых.

Каширин был награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

Командарм 2-го ранга Седякин Александр Игнатьевич родился в 1893 году в Санкт-Петербурге в семье солдата. С началом мировой войны был призван на военную службу. В 1915 году окончил Иркутское военное училище. Воевал, дослужился до штабс-капитана.

С октября 1917 года участвовал в формировании отрядов Красной Гвардии. В Гражданскую был комиссаром 2-й Псковской дивизии, командиром бронепоезда, стрелкового полка и бригады, помощником командующего 13-й армией, комиссаром штаба Южного фронта, командиром 31-й и 15-й стрелковых дивизий.

После войны Александр Игнатьевич был инспектором пехоты Петроградского военного округа. При ликвидации Кронштадтского мятежа командовал Южной группой 7-й армии. В 1921—1922 годах командовал войсками Карельского района Петроградского ВО, вел боевые действия против финских отрядов, вторгнувшихся на территорию Карельской Трудовой Коммуны, с декабря 1923 года Седякин принял 5-ю Краснознаменную армию. Окончил Высшие военно-академические курсы.

В 1924—1927 годах командовал войсками Приволжского военного округа. С 1927 года — заместитель начальника Главного управления, затем инспектор пехоты и бронесил РККА. В 1931—1932 годах начальник Военно-технической академии РККА им. Дзержинского.

С 1933 года был заместителем начальника Штаба РККА, руководил Военно-технической академией, Управлением боевой подготовки РККА.

Командарм 2-го ранга Алкснис (Астров) Яков Иванович родился в 1897 году в Лифляндской губернии в семье батрака. В марте 1917 года мобилизован в армию. По окончании Одесской военной школы прапорщиков направлен на За-

падный фронт. Вел большевистскую пропаганду среди солдат, участвовал в создании солдатских комитетов.

После революции работал в партийных и советских органах, был комиссаром Донской области. В мае 1919 года был назначен военным комиссаром Орловской губернии, затем комиссаром 55-й стрелковой дивизии. Участвовал в боях с деникинцами.

В 1924 году окончил Военную академию РККА. В августе 1926 года назначен заместителем начальника управления ВВС РККА. В ноябре 1929 года окончил Качинскую авиационную школу, получил звание военного летчика. В июне 1931 года, после командировки в Германию, стал начальником ВВС РККА и членом Реввоенсовета.

С именем Алксниса связаны многие важные мероприятия по совершенствованию организационной структуры ВВС, оснащению их новой боевой техникой. По его инициативе были установлены обязательная периодическая проверка техники пилотирования у летного состава, предполетная подготовка экипажей, внедрялись полеты по приборам вне видимости земли.

Командарм 2-го ранга Халепский Иннокентий Андреевич родился в 1893 году в городе Минусинске, сын портного. Образование получил в уездном городском училище. Работал телеграфистом.

В начале 1918 года стал секретарем ЦК профсоюза почто-телеграфных работников, в апреле вступил в Красную Армию и большевистскую партию.

Во время Гражданской войны в составе красногвардейского отряда сражался под Нарвой. Затем участвовал в боях с белочехами и белогвардейцами на Урале, был начальником связи 3-й армии Восточного фронта. С октября 1918 года чрезвычайный комиссар связи всех фронтов. С марта 1919 года нарком почт и телеграфа Украины. В октябре 1919-го — июне 1920-го — начальник связи Южного, Юго-Западного и Кавказского фронтов. С июля 1920 года помощник, затем заместитель начальника, а с сентября начальник Управления связи РККА.

В 1924—1929 годах начальник Военно-технического управления РККА, с 1929 года начальник Управления моторизации и механизации, а с декабря 1934 года — Автоброне-танкового управления.

Флагман флота 2-го ранга Кожанов Иван Кузьмич родился в 1897 году в станице Вознесенской на Кубани. В 1916 году был призван на флот, окончил Отдельные гардемаринские классы, служил на крейсере «Орел» и миноносце «Бодрый» Сибирской флотилии. В 1917 году мичман Кожанов вступил в партию большевиков.

С 1918 года Иван Кузьмич был начальником Отряда особого назначения при Наркомате по морским делам, командовал десантными отрядами моряков на сформированной в июне из речных судов и группы боевых кораблей Балтийского флота Волжской военной флотилии. Сражался с «белочехами» и белогвардейцами в Поволжье. За бои под Елабугой и вклад в дело разгрома Колчака был награжден орденом Красного Знамени.

В июле 1919 года Волжская флотилия вошла в состав Волжско-Каспийской военной флотилии под командованием Ф.Ф. Раскольникова, оказывавшей содействие сухопутным войсками Южного, Туркестанского, а затем Кавказского фронтов. Летом и осенью «героического 1919-го» флотилия и «отряды Кожанова» участвовали в наступлении на Царицын, защите Астрахани, боях под Мариуполем, в апреле 1920 года — в захвате Баку, наконец в попытке устройства революции в Персии.

18 мая Красный флот появился у Энзели, крупнейшего иранского порта на южном берегу Каспийского моря. После артиллерийского обстрела на берег были высажены десантные отряды моряков. Размещавшийся в Энзели английский гарнизон отступил в Решт. Официально целью операции провозглашалось «возвращение Советской Республике кораблей, уведенных белогвардейцами и интервентами». Дело было сделано, казалось бы, можно с победой возвращаться в Баку.

Однако «внезапно» выяснилось, что в Гилянской про-

винции Персии началась революция. Оказывая бескорыстную помощь персидским трудящимся, советские войска заняли город Решт, в котором 4 июня было образовано правительство и Реввоенсовет Персидской Советской Социалистической республики под председательством Кучек-хана. Новоявленному «персидскому демократу» передали власть над захваченными населенными пунктами, снабдили его оружием, помогли инструкторами. На рейде Энзели были оставлены советские корабли под азербайджанскими флагами.

Персидские революционеры начинали по марксистским рецептам: комиссары, экспроприации, конфискации земель, резня, стремление распространить свою власть на всю страну.

В ответ на запросы Тегерана нарком иностранных дел Чичерин делал честные глаза и говорил о невмешательстве РСФСР во внутренние дела Персии. Однако «попытка ведения коммунистической политики» в Гиляне не привела к успешным результатам: революционные шахи делили власть и убивали друг друга. Через год Гилянская республика рухнула, часть ее комиссаров перешла на сторону шахских войск, другая — сбежала в Баку.

Кожанов с сентября 1920 года командовал экспедиционной морской дивизией на Азовском море, действовавшей против войск генерала Улагая на Кубани и войск Врангеля в Северной Таврии. В марте 1921 года отличился при подавлении Кронштадтского мятежа и был назначен командующим Морскими силами Балтийского моря. В июле Ивана Кузьмича снова перебросили на юг, сделав начальником Кавказского сектора обороны побережья Черного и Азовского морей. С января 1922 года он занимал должность начальника и комиссара Морских сил на Дальнем Востоке вплоть до их ликвидации.

В 1924 году Иван Кузьмич добился направления в Военно-морскую академию. После ее окончания в 1927 году Кожанов занимал должность военно-морского специалиста при полпредстве СССР в Японии. С марта 1930 года — помощник командира, с сентября — командир эсминца

«Урицкий». С ноября 1930 года — начальник штаба Морских сил Балтийского моря. С июня 1931 года — командующий Морскими силами Черного моря, переименованными в 1935 году в Черноморский флот.

Флагман флота 2-го ранга Галлер Лев Михайлович родился в 1883 году в Санкт-Петербурге в семье военного инженера. После окончания в 1905 году Морского корпуса служил на кораблях Балтийского флота: вахтенным начальником на крейсерах «Азия», «Генерал-адмирал» и линкоре «Слава». В 1912 году, окончив Артиллерийские офицерские классы, попал на линкор «Андрей Первозванный», затем был флагманским артиллеристом 2-й бригады линейных кораблей, старшим офицером линкора «Слава».

Октябрьскую революцию встретил капитаном 2-го ранга, будучи командиром эсминца «Туркменец-Ставропольский» и имея к фамилии приставку «фон». В марте 1918 года участвовал в Ледовом походе.

Во время Гражданской войны командовал эсминцем, крейсером, был начальником штаба Действующего отряда судов Балтийского моря. Приняв в апреле 1919 года командование линкором «Андрей Первозванный», Лев Михайлович участвовал в операциях против войск Юденича и британского флота, бомбардировках фортов «Серая Лошадь» и «Красная Горка».

В 1921 году был назначен начальником дивизии миноносцев, затем начальником штаба Морских сил Балтийского моря. В этот период Галлер являлся одним из организаторов восстановления боеспособного флота на Балтике. В 1926 году окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военно-морской академии. С 1927 года Галлер командовал дивизией линкоров, руководил переходом отряда судов в составе линкора «Парижская коммуна» и крейсера «Профинтерн» в Севастополь.

В марте 1932 года Галлера приняли в партию и назначили командующим Морскими силами Балтийского моря, с 1935 года — Балтийским флотом.

Комиссаров отметим скопом. Комиссар — он и есть «комиссар обыкновенный», глаза и уши партии.

Армейский комиссар 2-го ранга Амелин Михаил Петрович (1896—1937), начальник Политуправления КВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Аронштам Лазарь Наумович (1896—1938), начальник Политуправления ОКДВА.

Армейский комиссар 2-го ранга Булин Антон Степанович (1894—1938), заместитель начальника Политуправления РККА, начальник Управления по комначсоставу.

Армейский комиссар 2-го ранга Векличев Георгий Иванович (1898—1938), член Военного совета СКВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Гришин Александр Сергеевич (1895—1938,) начальник Политуправления Балтийского флота.

Армейский комиссар 2-го ранга Гутин Григорий Иванович (1896—1937), член Военного совета Черноморского флота.

Армейский комиссар 2-го ранга Иппо Борис Михайлович (1898—1937), член Военного совета САВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Кожевников Сергей Николаевич (1896—1938), начальник Политуправления ХВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Ланда Михаил Маркович (1890—1938), редактор газеты «Красная звезда».

Армейский комиссар 2-го ранга Мезис Август Иванович (1894—1938), член Военного совета БВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Окунев Григорий Сергеевич (1900—1938), начальник Политуправления и член Военного совета Тихоокеанского флота.

Армейский комиссар 2-го ранга Осепян Гайк Александрович (1891—1937), заместитель начальника Политуправления РККА.

Армейский комиссар 2-го ранга Славин Иосиф Еремеевич (1893—1938), начальник УВВУЗ РККА.

Армейский комиссар 2-го ранга Смирнов Петр Александрович (1897—1938), член Военного совета ПриВО.

Армейский комиссар 2-го ранга Шифрес Александр Львович (1898—1938), начальник Военно-хозяйственной академии РККА.

Итак, подведем некоторые итоги. В пятерке маршалов — два слесаря, окончившие начальную школу, вахмистр-самоучка, подпоручик с двухлетним военным образованием и один полковник. Из четырнадцати сухопутных командармов семеро закончили военные училища, из них четверо — Николаевскую академию Генерального штаба. Имелось также буйное племя «легендарных» начдивов и комбригов, в основном вовсе не отягощенных образованием.

Иоаким Вацетис как-то сказал:

«Если бы это зависело от меня, я бы не давал высоких постов тем, кто не имеет хотя бы трехлетней практики командования полком. Только этот пост вырабатывает в командире организатора, администратора, тактика и оператора, стратега и политика, арбитра и воспитателя. Академия для офицера — это полк».

Но таковых среди высшего советского «генералитета» насчитывалось всего четыре-пять человек, остальные почти сразу прыгали в комдивы и командармы. Для сравнения: Б.М. Шапошников, окончив основной и дополнительный курсы академии, был назначен всего лишь командиром роты и командовал ею два года.

Понятно, что пролетарская революция подняла на самые верхи свои, пролетарские кадры. Однако стремительное развитие военного дела и военной техники в 1930-е годы предъявляло к профессионализму полководцев более высокие требования, чем умение скакать «на горячем боевом коне», рубить контру и травить газами тамбовских мужиков.

Впрочем, формально все «видные» военачальники имели дипломы «академиков». Только вот качество этих дипломов значительно отличалось от дореволюционного ввиду низкого общеобразовательного уровня обучаемых, а также глубокого презрения значительной их части к буржуазным наукам вообще. Вдобавок эти науки преподавали бывшие царские генералы и полковники «с узким военным кругозором», не понимавшие по своей «отсталости» определяющей роли классовой борьбы.

Первый набор слушателей в Академию Генерального

штаба РККА был объявлен в ноябре 1918 года. Более половины абитуриентов являлись выходцами из рабочих и крестьян, из них 25% имели только начальное образование. Главную роль при поступлении играло наличие рекомендации двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы в Красной Армии. Вступительные экзамены для «буревестников» были упрощены до предела, по сути превратившись в фикцию.

Начальник академии в 1919—1921 гг. А.Е. Снесарев писал:

«...Нет языков, математика за 4 класса, не требуются даже военные уставы, политически ценные люди принимаются подчас и с совсем слабыми знаниями. Центр тяжести испытаний перенесен был на «общее развитие» — термин, просторный для ошибок, но оказавшийся единственно целесообразным».

Срок обучения определили в шесть месяцев (немного, если учесть, что в царское время на «академика» нужно было учиться два-три года, имея за плечами 12 лет общего и военного образования; вступительные «испытания» включали экзамены по русскому и двум иностранным языкам, общей тактике, артиллерии, верховой езде, уставам родов войск, математике, географии, общей и русской истории), потом его увеличили.

Естественно, учебные программы и планы перестроили в соответствии с особенностями обучающихся. Начинать приходилось «от самых элементарных ступеней военного познания». Были выброшены «ненужные» и неусвояемые предметы вроде астрономии, высшей математики, географии, геодезии, древней истории, и налажено преподавание безусловно необходимых курсов по марксизму и тактике революционных боев.

«Но даже шесть месяцев подряд никто не слушал лекции, — вспоминал будущий маршал и начальник Генерального штаба К.А. Мерецков (1897—1968). — Обычно люди, проучившись некоторое время, убывали в действующую армию, чтобы потом возвратиться и доучиваться. Так случилось и со мной. Некоторым пришлось курсировать так три-четыре раза. Чаще всего зимой учились, а летом воевали...»

Поэтому первый выпуск «красных генштабистов» состоялся только в октябре 1921 года. Академию успешно окончили такие известные военачальники, как К.А. Мерецков (четыре класса сельской школы), П.Е. Дыбенко (четырёхлетнее городское училище), И.В. Тюленев (пять классов реального училища экстерном), И.Ф. Федыко (начальная школа), В.Д. Соколовский (учительская семинария). Начдив В.И. Чапаев (согласно аттестации «почти безграмотный») сбежал, не доучившись, поскольку, как он сам писал в рапорте на имя начальства, «все это уже прошел в боях».

К этому времени, с учетом сокращения вооруженных сил, учебное заведение было перепрофилировано на подготовку кадров тактического звена управления, превратившись в общеармейскую Военную академию РККА. Высший и старший комсостав в течение последующих пятнадцати лет готовился на различных курсах.

Молодые краскомы пробелы в образовании компенсировали стремлением к знаниям, усердием в учебе. Что касается высокопоставленных орденоносцев, то они были неизлечимы в своем воинствующем невежестве. Вот, например, поступает в академию червоный казак Дмитрий Шмидт:

«На вступительных экзаменах Шмидт был трогательно беспомощен... Прихрамывая, со своей огромной саблей на боку, он медленно подошел к столу.

— Назовите годы правления Петра Великого, — попросили его.

— Не имею представления, — сухо ответил он.

— Назовите войны Екатерины Второй.

— Я их не знаю.

Генералы переглянулись между собой, и Мартынов повторил вопрос:

— Назовите нам годы правления Екатерины Великой и год ее смерти.

— Меня тогда не было на свете, и это меня не интересует.

...Это взорвало Мартынова:

— Господа, это недопустимо! Я отказываюсь экзаменовать далее этого кандидата.

Тут вмешался комиссар академии, и этот замечательный кавалерист был принят при условии, что он пообещает сдать экзамен позже, когда у него будет больше времени на изучение истории, что практически означало — никогда».

Жаль, не дожил до 1941 года этот «замечательный кавалерист», уж он бы непременно надрал хвост Гудериану.

Немного толку было и от учебы в Военной академии С.М. Буденного, «сплошь и рядом опрокидывавшего шаблонную теорию ведения войны». Вообще трудно представить, каким образом можно в 50 лет получить сразу высшее военное образование, не имея до того никакого. Да еще без отрыва от служебных обязанностей «по внедрению в гущу армии правильных взглядов на обеспечение дальнейшего роста конницы» и забот по «осеменению маток».

(Хотя нам представить не так уж и трудно. Допустим, сегодня придет в Академию подучиться командующий Московским военным округом, трижды Герой, в звании генерал-полковника. А?)

Жена маршала Егорова рассказывала о компании, окружавшей Семена Михайловича:

«Здесь собирались соратники по Конной армии, ветераны походов во времена Гражданской войны: Апанасенко, Косогов, Тюленев, Щаденко, Тимошенко, Городовиков, Кулик. Десятки раз я слышала пересказы каждого о личной доблести и героизме в походной жизни. Тщеславие. Наигранная поза, стремление быть на виду, ревность ко всему молодому, обгоняющему их были характерными чертами этой компании».

Помощник инспектора кавалерии Б.К. Верховский на допросе показал:

«Система угодничества доводилась до того, что мы не только позволяли маршалу Буденному бить нас по лицу, но даже сами подставлялись под удары и затем в знак преданности целовали ему руки».

В период с 1926 по 1933 год ряд крупных советских военачальников побывал в командировке в Германии для участия в маневрах рейхсвера или обучения в тамошней академии. В их числе были Тухачевский, Уборевич, Якир, Фельд-

ман, Егоров, Корк, Триандафиллов, Алкснис, Эйдеман, Белов, Дыбенко, Левандовский, Дубовой, Примаков и другие — всего более 150 человек.

Те из них, кто хотел учиться, умел наблюдать, думал о грядущей войне, многое сумел почерпнуть из этих поездок.

«Присматриваясь к рейхсверу, — писал в отчете начальник Военной академии имени Фрунзе Р.П. Эйдеман в августе 1928 года, — мы имели возможность убедиться, что мы, быть может, сами того не замечая, уже весьма многое в вопросе организации занятий, в вопросах организации боя и управления переняли от немцев... Не все, конечно, у немцев идеально, но все же немецкая армия — это армия, которая хранит в своем командном составе лучшие традиции мировой войны...

Общая установка — на маневренную войну. Борьба с проявлением позиционных тенденций. Из этого основного курса на маневренную войну вытекают требования тактики и техники, отсюда же ставка на подготовку гибкого, быстро реагирующего на обстановку аппарата управления (маневры не столько для подготовки войск, сколько для аппарата управления), нажим на технику отдачи приказов и приказаний и командный язык».

Напротив, «заслуженные революционные бойцы» и за границей приятно проводили время. Дыбенко с Егоровым на валюту употребляли коньячок в компании с командующим Кавказской армией К.А. Авксентьевским. Потому дважды «академик» Павел Ефимович так и не выучил «американского» языка, а Константин Алексеевич допился до белой горячки и по привычке пытался изнасиловать квартирную хозяйку и всю прислугу в доме. Пришлось героя упаковать и отправить в Москву малой скоростью.

Великий стратег Тухачевский, совершивший поездку в Германию в 1932 году, ничего полезного для себя не обнаружил и в своем докладе на имя Ворошилова дал командованию германской армии нелицеприятную оценку:

«Руководящий состав рейхсвера мыслит себе войну в формах последнего, маневренного периода империалистической войны. Он не способен представить себе новые фор-

мы боя, вытекающие из нового вооружения: авиации, танков, автоматической винтовки и прочего».

Эти люди разрабатывали военную доктрину, мобилизационные и оперативные планы, заказывали технику и вооружение, обучали войска, готовили армию к войне.

К какой? Да к той самой, к которой неустанно призывали готовиться Маркс — Ленин — Сталин: к войне с «отсталыми» странами за революционное отпадение новых стран от системы империалистических государств, за господство коммунизма.

Как заметил в свое время А.А. Свечин, «в безвоздушном пространстве стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики». Еще Фрунзе, закладывая основы советской военной доктрины, требовал:

«Поставить работу военных штабов так, чтобы Красная Армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка старого света...

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготавливать ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций...

Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования... Это вытекает из классовой природы рабоче-крестьянской армии и в то же время совпадает с требованиями военного искусства».

Рассуждая о характере будущих войн, Михаил Васильевич с уверенностью утверждал, что «они будут приближаться по типу к нашей гражданской войне. А раз так, то в целом методы позиционной войны не будут иметь широкого применения».

На вооружение были взяты идеи маневренной войны с широкой моторизацией на земле и в воздухе. Советская стратегия изначально ориентировалась на то, что новая война будет носить мировой характер; при этом, «учитывая существование двух социально противоположных систем, грядущая мировая война рассматривалась, прежде всего,

как война коалиции капиталистических стран против Советского Союза». Поэтому боевые действия потребуют участия массовых миллионных армий, напряжения всех экономических сил и будут носить тотальный характер.

Война планировалась как исключительно наступательная, захватническая, колонизаторская. Война не просто ради заключения выгодного мира путем разгрома вооруженных сил противника, а за присоединение новых земель и населения к «братской семье» советских народов. Коммунистам, как и нацистам, постоянно недоставало «жизненного пространства». Оттого и воевать собирались на чужой территории, вернее, за чужие территории:

«Ведь каждая занятая нами территория является после занятия уже советской территорией, где будет осуществляться власть рабочих и крестьян... мы тоже будем расширяться в социалистическую коалицию, когда будут вспыхивать новые социалистические революции или когда нам придется занимать тот или иной район, находящийся под владычеством капитала».

У Тухачевского, самого «крупнокалиберного» красного теоретика, это называлось «расширением социалистического базиса войны».

Правда, старые профессора, вроде Свечина или Верховского, пытались поднять вопрос о выгодах оборонительного образа действий и даже докатились до утверждения, что «нужно иметь возможность утрачивать территорию». Не поняли они сущности «классовой стратегии», и взгляды их поддержки не получили. Только «стратегия сокрушения» капитализма давала возможность освободить угнетенных всех стран. «Своей земли не отдадим ни пяди!» — провозгласил Сталин, а с ним не поспоришь.

Поскольку «сокрушить» всех врагов сразу не представлялось возможным, была создана теория ведения последовательных операций. В 1923 году Тухачевский писал:

«Ряд последовательно введенных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях».

Таким образом, выстраивалась следующая схема: цели

операции — сокрушение, полный разгром живой силы противника; метод действий — непрерывное наступление; средство — длительное оперативное преследование, избегающее пауз и осуществляемое рядом последовательных операций, из которых каждая является промежуточным звеном на пути к конечной цели.

Наиболее эффективным способом ведения наступательных действий советская военная мысль признавала нанесение противнику ударов огромной пробивной силы по всей глубине его порядков. Нанесение таких ударов требовало сосредоточения на избранном направлении «всесокрушающего тарана» — глубокоэшелонированной массы пехоты, танков, артиллерии, поддержанных авиацией, с одновременной «авиамотомехборьбой» в тылах противника и применением химического оружия.

После прорыва обороны «таран» совершает обходной маневр либо осуществляет преследование противника, «покуда он не будет приперт к какой-либо преграде или к району, который он не сможет оставить». При этом «контрудар противнику будет более всего выгоден победоносно наступающему, ибо дает последнему возможность сломать и уничтожить контрнаступление врага».

Никаких выводов из польской кампании, когда один короткий контрудар превратил в неуправляемое стадо все его таранные массы, Михаил Николаевич не сделал.

При этом полководцы-каратели, полководцы-оккупанты пребывали в уверенности, что народы СССР поют от счастья гимны, имея столь мудрых вождей, как Сталин и подручные, и таких выдающихся военачальников, как они сами, тогда как трудящиеся всех других стран стонут под ярмом угнетателей и ждут не дождутся, когда же придет Красная Армия. Поэтому стоит начаться войне, и рабочий класс капиталистических держав в едином порыве встанет на защиту «своего международного социалистического отечества» и развернет «повстанческое движение в тылу у наших врагов»

«Кроме того, не нужно забывать, что при будущих столкновениях с империалистическими государствами мы неизбежно столкнемся с таким серьезным фактором, как социа-

листическое рабочее движение во враждебных нам странах... — пророчествовал Тухачевский в 1929 году. — В ходе войны положение капиталистических стран будет ухудшаться. Война империалистическая будет превращаться в войну гражданскую».

В соответствии с любимой Тухачевским «классовой стратегией», по мере завоевания новых областей советскими войсками они будут неуклонно усиливаться вливающимися в их ряды пролетариями:

«Наиболее выгодное уничтожение (*живой вооруженной силы*) достигается путем пленения противника, так как, помимо ослабления неприятельской армии, пленные экономически укрепляют тыл победителя».

Идея активного наступательного метода нашла свое отражение в разработанной в Советском Союзе теории глубокой наступательной операции. Ее создателями были В.К. Триандафилов, Б.М. Шапошников, К.Б. Калиновский, А.Н. Лапчинский, В.Д. Грендаль и другие. Теория предусматривала одновременное нанесение ударов противнику на всю оперативную глубину его обороны, для чего имелось в виду использовать высокие боевые возможности современной артиллерии, танковых и механизированных войск, авиации и воздушно-десантных соединений.

Проведение операции сводилось к тому, чтобы решить две основные задачи. Во-первых, взломать фронт неприятельской обороны ударом танков, артиллерии, пехоты и авиации на всю ее тактическую глубину. Во-вторых, развить тактический успех в оперативный немедленным вводом в прорыв подвижных войск. Было признано, что наступательная операция наиболее полно развивается во фронтовом масштабе.

Считалось, что для такой операции необходимо создать как минимум двойное превосходство в силах и средствах над противником, иметь в своем распоряжении две-три ударные и одну-две обычные общевойсковые армии, сильную авиационную группу и подвижную группу, состоящую из танковых и механизированных соединений, способную развить успех и самостоятельно удерживать важные районы

или объекты в оперативной глубине противника. Ведущая роль во фронтовой операции отводилась ударным армиям.

Глубина фронтовой операции достигала 250 км, а ширина полосы наступления — 150–300 км. Темп продвижения пехоты предусматривался 10–15 км, а подвижных войск — 40–50 км в сутки. Для обеспечения высоких темпов наступления и обеспечения конечных целей операции войска фронта строились в два эшелона. Танки, поддержанные массированными ударами авиации и парашютными десантами, должны были, прорвав оборону, наносить удар на глубину 100–120 км. Общеармейские армии, составлявшие второй эшелон, расширяли прорыв и закрепляли достигнутый успех. Фронтальный удар должен был перерасти в операцию на окружение и уничтожение обороняющегося противника.

Была разработана и тактика глубокого наступательного боя. Сущность ее заключалась в одновременном массированном применении войск и техники для атаки на всю глубину боевого порядка противника с целью его окружения и уничтожения.

Одновременное подавление всей глубины вражеской обороны достигалось непрерывным воздействием авиации на резервы и тылы обороняющихся войск, решительным продвижением танков дальнего действия, безостановочным наступлением пехоты с танками непосредственной поддержки, а также стремительными действиями механизированных и кавалерийских соединений в тылу неприятеля.

Советская военная мысль прозорливо отводила особое место танковым войскам.

«Быстро и дерзко проникая в глубину походных порядков противника, танки попутно (не ввязываясь в длительный бой) сбивают разведывательные и охраняющие органы противника, опрокидывают успевшие развернуться на огневых позициях батареи, вносят в ряды развертывающегося противника общее расстройство, сеют панику и срывают организацию и управление развертывающимися для боя войсками... Глубокая атака танков ведется со всей возможной стремительностью, — учил А. Громыченко в «Очерках тактики танковых частей».

На первое место при этом ставилась «необходимость глубоких действий танков через все расположение развертывающегося противника, чтобы парализовать его попытки к наступлению, вырвать инициативу и не допустить организованного развертывания его главных сил».

Из этого следует, что удар надо наносить внезапно, по не успевшему развернуться противнику.

Теория глубокой операции придавала большое значение завоеванию господства в воздухе в начальном периоде боевых действий. Поскольку был сделан «правильный вывод» о том, что современные войны «будут начинаться внезапно, без формального объявления войны», то господство в воздухе планировалось достичь внезапными ударами по аэродромам противника. Соответственно, приоритет при строительстве ВВС отдавался фронтовым бомбардировщикам среднего радиуса действия и штурмовой авиации.

В феврале 1933 года Красная Армия получила официальное руководство к действию — «Временные указания по организации глубокого боя».

Оборонительные действия в оперативно-стратегическом плане не рассматривались даже теоретически. По свидетельству Иссерсона, оборонительные действия войск разрабатывались лишь на тактическом уровне — оборона полка, дивизии, корпуса в рамках общего стратегического наступления. Говорить об оперативной обороне в армейском масштабе «считалось как-то неприлично и чуть ли не противоречило нашей наступательной доктрине». Такой маневр, как планомерное отступление на заранее подготовленные позиции в масштабах фронта или армии, считался вредным и просто невозможным. Бывший главком С.С. Каменев утверждал:

«Планомерный отход как таковой не должен иметь места. Армия, не говоря о более крупных войсковых соединениях, должна при неудачном ходе операции более сложным и более осмысленным по своим конечным достижениям маневром, имея своей задачей контрудар с переходом в решительное контр наступление».

Идея активного наступательного метода ведения войны

была отражена во всех предвоенных уставах, а также замыслах оперативно-стратегических игр и учений. Эти положения были отражены в Полевом уставе 1936 года, разработанном под непосредственным руководством Тухачевского и Егорова:

«Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью Вооруженных Сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию напавшего врага. Боевые действия будут вестись на уничтожение. Достижение решительной победы и полное сокрушение врага являются основной целью в навязанной Советскому Союзу войне».

В соответствии с основными положениями военной доктрины велось военное строительство.

В период бурного технического переоснащения и реорганизации Красной Армии Тухачевский получил возможность претворять свои теории в жизнь. Еще в бытность свою командующим войсками Ленинградского округа, Михаил Николаевич в январе 1930 года представил наркому записку, в которой, для достижения победы в будущей войне, предложил значительно увеличить численность армии военного времени (до 260 дивизий) и количество боевой техники; для создания своих любимых «таранных масс» запросил 50 тысяч танков, а к ним 40 тысяч самолетов (в соответствии с принятым решением Политбюро программой, к концу первой пятилетки планировалось иметь 5500 танков и 3500 самолетов).

Ворошилов, своего мнения старавшийся не иметь, передал письмо Сталину вместе с отрицательным заключением Штаба РККА. Иосиф Виссарионович, озабоченный хозяйственными проблемами, покрутил пальцем у виска и обозвал план Тухачевского «канцелярским максимализмом», способным загубить все народное хозяйство, чему Климент Ефремович немало порадовался. Однако на самом деле Сталин весьма сочувственно относился к идее «военизации страны», просто соизмерял ее с экономическими возможностями.

Ограбление деревни позволило обрести «большие капиталы», обозначились первые успехи ускоренной индустриализации. Уже в начале 1931 года программа строительства РККА была пересмотрена в сторону увеличения личного состава и насыщенности войск современным вооружением (смета Наркомата обороны, по сравнению с «допереломным» 1928 годом, выросла более чем в 10 раз).

В июле Тухачевский был назначен заместителем председателя РВС СССР и начальником вооружений. Начиная с 1932 года «тракторные» и «паровозостроительные» заводы уже выпускали более трех тысяч танков в год, примерно столько же самолетов производили наши «мебельные фабрики».

С 1933 года Штаб РККА планировал свои мероприятия на «установлении по военному времени такого масштаба развертывания, при котором Красная Армия смогла бы вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести армиям этих держав решительное поражение» и на «закреплении за РККА первого места в мире по всем решающим видам средств борьбы». В постановлении Совета Труда и Обороны от 13 августа констатировалось, что в стране «создана производственная база по танкостроению, обеспечивающая уже в настоящее время производство 11 000 танков в год».

Мобилизационный план 1934 года предусматривал развертывание вооруженных сил численностью 4,8 млн человек (включая 149 стрелковых и 22 кавалерийских соединения первой очереди); количество танков в строю должно было составить 9000. Новый мобплан (М-8), утвержденный в конце 1937 года, предусматривал увеличение мобилизуемых сил до 8,6 млн человек (в том числе 6,4 млн человек в первоочередных формированиях). Первой в мире Красная Армия приступила к формированию механизированных бригад и корпусов, авиационных армий и воздушно-десантных сил.

Конечно, принципиально новой стратегии Тухачевский не создал, но он интересовался новыми веяниями в военной теории, живо на них откликался, стремился внедрить в

войсках самую передовую технику. Вместе с Уборевичем он внес большой вклад в строительство современной армии. Конечно, были допущены определенные ошибки, так ведь и начинать приходилось практически с нуля.

Сам Михаил Николаевич имел склонность к гигантомании и увлекался всевозможными «военными модами» и техническими новинками: универсальными пушками и безоткатными орудиями, полигональными снарядами и ракетами, радиоуправляемыми катерами, танками, самолетами, торпедами. Щедро финансировались и совсем уж экзотические проекты вроде отклоняющей вражеские снаряды электромагнитной установки, «лучей смерти» или «подземных танков».

Но, во-первых, далеко не все из этих разработок были совсем бесполезными, например радиолокационные установки или радиоуправляемые фугасы. Во-вторых, если во всех ошибках в военном строительстве виноват один Тухачевский, чего стоили все остальные вожди и полководцы, в частности нарком обороны, начальники Артиллерийского, Автобронетанкового и прочих управлений?

Не напрасно и за пределами страны маршала считали самым выдающимся из всех руководителей Красной Армии и в случае войны именно его видели во главе советских войск на Западном театре.

Герои Гражданской войны, в зависимости от того, под чьим началом им довелось совершать свои «легендарные подвиги», делились на своеобразные кланы — «конармейцев», «червонцев», «пехотинцев», «котовцев», «чапаевцев». Каждый из них приписывал себе исключительную роль в победоносной оккупации собственной страны и увлеченно интриговал против конкурентов в борьбе за влияние, посты, признание заслуг.

Самую мощную группировку составили ветераны Первой конной армии. У истоков ее создания стоял сам товарищ Сталин. Он заботливо отбирал, расставлял и оберегал «свои кадры» и в годы войны, и в период радикального сокращения Красной Армии, способствовал их выдвижению на руководящие посты. Эти люди были его надежной опо-

рой в период борьбы с Троцким, и чужих подпускать к командным высотам они не имели ни малейшего желания. В Первой конной начинали свои карьеры С.М. Буденный и Б.М. Шапошников, А.И. Егоров и Г.И. Кулик, С.К. Тимошенко и И.Р. Апанасенко, Е.А. Щаденко и А.В. Хрулев, И.В. Тюленев и А.А. Гречко.

Червонные казаки, составлявшие ядро военной оппозиции, в ходе борьбы с троцкизмом были оттеснены на вторые роли, считали себя обиженными — мало власти, мало почестей, мало привилегий — и отчаянно фрондировали.

«Пехотинцы», хотя и не были такими лихими рубаками, да и возможностей отличиться в маневренной Гражданской войне было гораздо меньше, зато они представляли более образованную и думающую часть командного состава — Тухачевский, Каменев, Уборевич, Корк, Якир, Эйдеман. Среди них было немало офицеров царской армии. Группировку Буденного, Белова, Егорова и Тимошенко они называли «рутинерами, недостаточно понимающими современное военное дело», а Кулика обидно обзывали «фейерверкером».

В свою очередь, Ворошилов и Буденный терпеть не могли «красавчика-дворянчика» Тухачевского; именно по их инициативе в мае 1928 года Михаил Николаевич был отрешен от поста начальника штаба РККА и направлен командовать Ленинградским округом. Дворянин, умник, пишет статьи, играет на скрипочке, якшается с иностранцами, к тому же — выдвиженец Троцкого.

Сталин, начав формировать свою команду для будущей Большой войны, принял сторону более близких, проверенных и понятных ему конармейцев. Все прочие крупные военачальники, в первую очередь пользующиеся авторитетом в войсках, демонстрирующие самостоятельность мышления, смеющие «свое суждение иметь», просто «сомнительные», подлежали ликвидации, согласно принципу, сформулированному еще древнегреческими тиранами: «Нет человека — нет проблемы».

Для НКВД, после опыта проведения московских политических процессов, «слепить» еще одно дело особых трудно-

стей не представляло. На всех выдвиженцев Троцкого, тем более голосовавших за него в ходе дискуссий 1920-х годов, давно были заведены особые папки, куда аккуратно подшивался каждый донос и каждое неверно сказанное слово.

В ходе следствия по делу Каменева и Зиновьева чекисты дальновидно заготавливали компромат на военных с «сомнительным политическим лицом». Например, участники «параллельного троцкистского центра» директор Камерного театра Ричард Пикель и заместитель директора завода «Магнезит» Ефим Дрейцер поведали о том, что они якобы объединили всех военных, оставшихся верными Троцкому, в единую подпольную организацию, задачами которой являлось убийство Сталина и Ворошилова и проведение государственного переворота в пользу Троцкого, Зиновьева, Каменева. Немало полезных материалов можно было накопать из фактов старых связей высших советских военачальников с рейхсвером.

Собственно дело о военно-фашистском заговоре в Красной Армии уже было готово, оставалось выбить из заговорщиков собственноручные признания и показания на других членов организации.

Первыми в августе 1936 года арестовали комкоров В.М. Примакова и В.К. Путну. Им инкриминировали участие в некой троцкистско-зиновьевской «боевой группе».

Примаков Виталий Маркович родился в 1897 году. Будучи гимназистом, в разгар Первой мировой войны распространял среди солдат Черниговского гарнизона антивоенные листовки, за что и был летом 1915 года сослан в Восточную Сибирь. После падения монархии вернулся на родину «заслуженным революционером», вошел в Киевский комитет большевиков и был избран делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов. В Петрограде оказался в нужное время в нужном месте. В октябре 1917 года Примаков командовал одним из отрядов Красной Гвардии при взятии Зимнего дворца и ликвидации мятежа Керенского — Краснова.

В январе 1918-го сформировал полк Червонного казачества, который превратился в бригаду, затем в дивизию, затем в 1-й конный корпус. Воевали на Украине с петлюров-

цами, немцами, деникинцами, врангелевцами, польскими легионерами и махновцами; в Средней Азии усмиряли басмачей. Разбили всех. Не имевший никакого военного опыта и военного образования, недоучившийся гимназист Примаков проявил в боях «умелое командование» и «личное героичество», отмеченное тремя орденами Красного Знамени.

Правда, бывал иногда слишком крут и даже угодил под суд ВЦИК за самочинные расстрелы собственных красноармейцев. И бог бы с ними — нарком Троцкий самолично ввел в Красной Армии децимации, а политком 46-й стрелковой дивизии Мехлис практиковал шомпольные экзекуции. Но на сей раз дело происходило не в боевой обстановке и не в Средней Азии, а под Шепетовкой мирной осенью 1922 года. А Виталий Маркович все никак не мог остановиться. Прокурорская проверка выяснила, что бесчинные расправы в Червонном корпусе — дело житейское, способ укрепления дисциплины. Но все обошлось: 25-летнего «красного атамана», учтя его революционные заслуги, не стали судить, а отправили подучиться на Высшие курсы комсостава.

С лета 1924 года Примаков начальствовал в Высшей кавалерийской школе, в 1925 году съездил в Китай, затем командовал 1-м стрелковым корпусом. Принадлежал к троцкистской военной оппозиции, посему в 1927—1933 годах сидел военным атташе в Афганистане и Японии. Поразмыслив, Виталий Маркович «честно, без двурушничества, без обмана» написал заявление об отходе от троцкизма.

Вернулся на военную работу, был командиром 13-го корпуса в Приволжском округе, помощником командующего Северо-Кавказским округом, инспектором высших учебных заведений РККА, в 1931 году посетил Германию.

На досуге сочинял мемуары о славных червонных казаках и их героическом командире, стихи о прекрасной жизни в Советской стране и фантазии на тему «мирового пожара». Военно-теоретическими изысканиями не увлекался. В 1935 году Виталию Марковичу присвоили звание комкора и назначили на должность заместителя командующего Ленинградским военным округом. Такое отношение к себе он

считал несправедливым и в знак протеста вместо трех комкоровских ромбов носил знаки различия командарма 2-го ранга.

Примакова арестовали 14 августа 1936 года.

Путна Витовт Казимирович родился в 1893 году. Из крестьян. В царской армии к 1917 году дослужился до ускоренно выпущенного прапорщика, командовал батальоном, в котором, естественно, «вел революционную пропаганду». Гражданскую войну окончил начальником 27-й Омской стрелковой дивизии. Сражался на Восточном фронте против Колчака и на Западном с «белополяками», заслужил два ордена Красного Знамени.

Третьего ордена был удостоен «за исключительную военную доблесть и мужество, проявленное при ликвидации Кронштадтского мятежа». Участвовал в боях с «бандитами» на Нижней Волге.

В 1923 году окончил Высшие курсы комсостава. В 1924—1925 годах был советником в Китае. Затем возглавил Управление военно-учебных заведений РККА. В 1927 году Витовт Казимирович был назначен командиром 2-го стрелкового корпуса, но в том же году уехал военным атташе в Японию, оттуда — в Финляндию. На служебной карьере сказалось участие в троцкистской оппозиции.

Вовремя раскаялся. В 1931—1934 годах командовал корпусом и Приморской группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В июле 1934 года Путну отправили военным атташе в Англию. В августе 1936-го отозвали в Москву для срочного доклада наркому обороны и по приезде арестовали.

В сентябре взяли в оборот комкора С.А. Туровского, заместителя командующего войсками Харьковского округа (соратник Примакова, в прошлом начальник штаба Червонного казачества), комдива Д.А. Шмидта, командира 8-й механизированной бригады (тоже червонный казак и активный троцкист, тоже считал себя незаслуженно обиженным), комдива Ю.В. Саблина, коменданта Летичевского укрепленного района (бывший левый эсер, один из органи-

заторов мятежа в июле 1918 года), комбрига М.Ю. Зюка — командира 25-й Чапаевской дивизии, полковника И.Л. Карпеля — начальника штаба 66-й стрелковой дивизии, майора Б.И. Кузьмичева — начальника штаба 18-й авиационной бригады (голосовал когда-то за Троцкого и давно числился в неблагонадежных).

На десятый день непрерывных допросов дважды орденосец Кузьмичев подписал показания о том, что в 1935 году совместно с другими троцкистскими агентами участвовал в подготовке неудавшегося покушения на жизнь Ворошилова во время посещения оным Киевской оперы. История, придуманная чекистами, была явно списана с убийства премьера Столыпина. Но на «первого маршала» она произвела потрясающее впечатление. Значит, действительно, все эти тухачевские и якиры не просто сволочи и интриганы, а натуральные враги!

Комдив Д.А. Шмидт, «человек отчаянной храбрости», в 1927 году публично грозился отрезать товарищу Сталину уши, но, оказавшись в тюремной камере, заблажил многие лета: «...всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина». Тем не менее через месяц и он признался, что замышлял убийство Ворошилова, а затем и самого Генсека — подлый двурушник!

Примаков, Туровский и Путна поначалу не осознали своего положения и не проявили склонности к сотрудничеству с «органами товарища Ягоды». Самое большее, в чем они были согласны покаяться, — так это в том, что не любили Ворошилова и Буденного, враждебно о них высказывались.

Факт «несознания фигурантов», в совокупности с рядом проколов в деле разгрома «троцкистско-зиновьевского центра», еще более утвердил Сталина во мнении, что Генрих Григорьевич Ягода (1891—1938) «оказался не на высоте своей задачи» и в необходимости всерьез заняться «лечением чекистской части».

Осенью 1936 года Ягоду на посту главного карателя страны сменил «железный нарком» Николай Ежов, а мягкотелых дознавателей в апреле 1937-го — следователи-ударники А.А. Авсеевич и З.М. Ушаков. Уже в начале мая комкоры

«раскололись» и подписали протоколы о своем участии в заговоре, назвав фамилии шестидесяти сообщников, в их числе Тухачевского, Дыбенко, Гамарника, Каменева и «глубоко законспирированного троцкиста» Якира.

«Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными», — вспоминал один из его коллег.

Примерно в эти же дни бывший заместитель наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьев и бывший начальник особого отдела М.И. Гай, арестованные в рамках чистки бдящего ведомства, дали нужные показания о «преступных связях» Тухачевского, Уборевича, Корка, Эйдемана, Шапошникова и других военачальников с гнусным отравителем Ягодой, который по ночам опрыскивал из пульверизатора кабинеты верных ленинцев каким-то страшным ртутным ядом и успел таким злодейским способом умертвить Максима Горького, Вячеслава Менжинского и Валериана Куйбышева.

Последовала новая волна арестов. В апреле — начальника кафедры организации и мобилизации Академии Генштаба комкора М.И. Алафузо; в начале мая — члена Военного совета СКВО армейского комиссара 2-го ранга Г.И. Векличева и командующего войсками Уральского ВО трижды героя Гражданской войны комкора Б.С. Горбачева, тоже щеголявшего с петлицами командарма (а в соседних камерах Лефортовской тюрьмы уже полтора месяца сидело предыдущее командование округа: комкор И.И. Гарькавый и его заместитель комкор М.И. Василенко).

Чекисты работали споро, весело, по методике, разработанной еще мастерами Сысского приказа и Тайной канцелярии: «Для начала испытуемого надо привести в изумление». Первым делом с легендарных начдивов и комбригов срывали знаки различия, ордена и давали в морду. Полковому комиссару П.П. Любцеву следователь разъяснил сразу: «Ты теперь не комиссар, а говно, если захочу, будешь меня в жопу целовать, держась за штаны следователя, от нас все зависит».

12 мая взяли командарма 2-го ранга А.И. Корка. Он сломался на вторые сутки допроса и написал заявление на имя Ежова: да, существует план проведения дворцового переворота, создан оперативный штаб в составе Тухачевского, Путны, Уборевича, Эйдемана и самого Августа Ивановича.

15 мая был арестован друг Тухачевского комкор Б.М. Фельдман, всего за несколько недель до этого назначенный заместителем командующего войсками Московского ВО, и заместитель командующего Закавказским округом комкор И.К. Кутяков. Еще через два дня — командующий ВВС Дальневосточной армии комкор А.Я. Лапкин и начальник автобронетанковых войск ОКДВА комдив С.И. Деревенцов.

Фельдман Борис Миронович в 1913 году был призван в царскую армию. В мае 1918-го вступил в РККА. Гражданскую окончил начальником 55-й стрелковой дивизии. С 1926 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. В 1927-м ездил учиться в Германию. С 1934 года Фельдман был начальником Управления по начальствующему составу РККА.

Фельдман, на которого у чекистов и показаний-то не было, сразу продемонстрировал стремление к сотрудничеству, «честно признал», что является участником военно-троцкистского заговора, матерым шпионом, завербованным Тухачевским в начале 1932 года, назвал других членов подпольной организации — начальника штаба Закавказского военного округа Савицкого, начальника инженерной академии Смолина, заместителя начальника Автобронетанкового управления комдива М.М. Ольшанского — всего более 40 командиров и политработников.

После доклада Ежова об успехах следствия Вожь дал санкцию на арест главных фигурантов. 21 мая взяли начальника Управления боевой подготовки комкора К.А. Чайковского. 22 мая прямо из президиума Общевойсковой партийной конференции выдернули комкора Р.П. Эйдемана, боевого соратника Примакова и Уборевича.

Эйдеман Роберт Петрович родился в 1895 году, окончил реальное училище, в 1916 году — ускоренный курс Киевского пехотного училища, служил прапорщиком в запасном полку в Канске, после свержения монархии витийствовал с пламенными речами в Совете солдатских депутатов, как истинный революционер, упорно уклоняясь от отправки на фронт.

В Гражданскую командовал дивизиями на Восточном и Южном фронтах, 13-й армией, Правобережной группой войск Юго-Западного фронта, оборонявшей каховский плацдарм.

В 1921 году как начальник внутренних войск «непосредственно» руководил борьбой с «кулацко-националистическими бандами» на Украине; в 1924—1925 годах — войсками Сибирского военного округа. В 1925—1932 годах был начальником и комиссаром Военной академии имени Фрунзе.

В 1927—1928 годах изучал опыт рейхсвера, прослушал курс Высшей военной академии Генерального штаба в Берлине «без отрыва от своей непосредственной работы».

Последние пять лет до ареста возглавлял Центральный совет Осоавиахима. Кроме того, Эйдеман был литератором и поэтом.

«В своих произведениях Роберт Петрович воспевал партию, Ленина, социалистическую революцию, героизм и доблесть советских воинов в Гражданской войне». Получалось ходульно, но с красотами. Примерно так:

Ни отдыха, ни тишины не знаем...
От жарких дум, как факелы пылаем.
Где сносим старь, там новое растет.
Иной падет в пути, но мы идем вперед...
В тифу мы пылали, но не сгорали.
Мы воинами были — тверже стали.
Мы — крепкие. Железо и гранит.

(«Большевики»)

Посему Эйдеман, «талантливый военачальник и преданный борец Великой революции», являлся еще и членом Союза писателей, и председателем его латвийской секции, где пестовал поэтов себе под стать. Вот только воспеть това-

рища Сталина он не догадался и в молодости успел побывать членом партии эсеров-максималистов. Когда в 1929 году вышла в свет брошюра Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и всем стало ясно, кто организатор всех побед и разгрома Деникина в том числе, Роберт Петрович откликнулся статьей «Орловское сражение» с пассажем о гениальной ленинской голове, в которой «политика и стратегия как бы нашли свое полное гармоническое сочетание», а про сталинскую гениальность опять же ничего не вспомнил.

В тот же день арестовали начальника военных сообщений РККА комкора Э.Ф. Аппогу и начальника Артиллерийского управления комкора Н.А. Ефимова. Последний дал показания на своего помощника комбрига Я.М. Железняка и еще 25 подчиненных, которых успел «завербовать». Комкор Лапиньш поведал о заговорщицкой деятельности Тухачевского, Гамарника, Путны, Примакова и Мерецкова. В соседнем кабинете, помогая следствию, диктовал список сообщников «патентованный немецкий шпик» железогранитный Эйдеман.

Наконец, 22 мая 1937 года в Куйбышеве арестовали Тухачевского, перемещенного с поста заместителя наркома обороны на должность командующего войсками Приволжского военного округа. Маршала допрашивал сам Ежов, и Михаил Николаевич, поупиравшись одни сутки, подписал признания в том, что стоял во главе антисоветского троцкистско-правого заговорщицкого блока и шпионил в пользу Германии. Участие в заговоре принимали Ягода, Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна, Эйдеман, Якир, Каменев, Уборевич, Корк, Гамарник, Осепян и многие другие. Тухачевский назвал и фамилии бывших конноармейцев Тимошенко и Апанасенко.

А подробности? Да, пожалуйста: командующие приграничными округами в сговоре с Саблиным собирались сдать германцам Летический укрепленный район. Уборевич создавал партизанскую сеть и готовил диверсионные группы тоже по заданию немцев. Каменев «по своей линии» разрабатывал мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в

БВО и КВО и тем внести расстройство в стратегическое сосредоточение Красной Армии. Сам Тухачевский, зная, что сил на Западном ТВД недостаточно, оперативный план не менял: «Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства».

Через неделю были изъяты из своих округов командармы 1-го ранга Якир и Уборевич, командир 4-го казачьего корпуса комкор И.Д. Косогов. Они тоже дали признательные показания. Одновременно с напутствием Ворошилова: «Берите всех подлецов» — началась зачистка Артиллерийского управления.

30 мая арестовали начальника внешних сношений штаба РККА комкора А.И. Геккера и заместителя начальника Политического управления Красной Армии армейского комиссара 2-го ранга Г.А. Осепяна. В этот же день Политбюро приняло решение исключить из состава Реввоенсовета и отстранить от военной работы товарищей Гамарника и Аронштама. 31 мая главный комиссар страны, «запутавшийся в своих связях с антисоветскими элементами», застрелился. Начальник Политуправления ОКДВА армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам стреляться не пожелал и был арестован. 1 июня, пригласив в Москву на партийную конференцию, взяли в дороге заместителя Блюхера комкора М.В. Сангурского.

После первой волны арестов Сталин и Ворошилов решили провести расширенное заседание Военного совета при наркомате обороны СССР и разъяснить военным ситуацию. Заседание происходило с 1 по 4 июня 1937 года в Свердловском зале Кремля.

Сначала участников ознакомили с показаниями арестованных военачальников. Затем Климент Ефремович зачитал доклад «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Конечной целью заговора являлась убийство «руководителей партии и правительства», ликвидация Советского Союза и «восстановление ярма помещиков и капиталистов».

На второй день заседания выступил Сталин. Он подтвердил, что в стране был «военно-политический заговор про-

тив Советской власти, стимулировавшийся и финансируемый германскими фашистами», и простым понятным языком поведал о том, как легко красные командиры вербуются всяческими разведками и заграничными центрами — «на базе бабской части» и неудовлетворенного честолюбия. Как было не верить Вождю и Учителю, ведь «такая уйма показаний самих преступников».

Военная верхушка страны без колебаний сдала сослуживцев. На заседании выступили 42 военачальника. Все они клеймили позором шайку арестованных врагов, обзывали мерзавцами и фашистами, кое-кто требовал их сразу же и расстрелять. Все выступавшие, за исключением восьми человек, в скором времени сами оказались «врагами и шпионами иностранных разведок».

Товарищ Сталин был человеком справедливым и уважающим порядок. Он считал, что, какие бы ни были заговорщики нехорошие люди, их сначала все-таки надо осудить, а уж потом расстреливать. На процесс решили вывести главных «главарей изменнической банды» — Тухачевского, Якира, Корка, Уборевича, Эйдемана, Фельдмана, Примакова, Путну.

10 июня чрезвычайный пленум Верховного суда СССР определил состав Специального судебного присутствия под председательством армвоенюриста 2-го ранга В.В. Ульриха. Судьями назначили военачальников самого высшего ранга: маршалов С.М. Буденного и В.К. Блюхера, командармов 1-го ранга Б.М. Шапошникова и И.П. Белова, командармов 2-го ранга Я.И. Алксниса, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширина, комдива Е.И. Горячева.

Доблестные чекисты тем временем ковали железо, куда оно не остыло. В самый канун суда предводитель червонного казачества Примаков с помощью неутомимого начальника особого отдела И.М. Леплевского сочинил показания на командармов Каширина, Дыбенко, Шапошникова, комкоров Куйбышева, Грязнова, Урицкого, Ковалева, Васильева и других.

Закрытый процесс по делу «Антисоветской троцкистской военной организации» начался 11 июня 1937 года и закончился 11 июня того же года. Судьи в допросах прояви-

ли завидную активность. Подсудимые уличили друг друга в злодеяниях, все признали себя виновными, раскаялись, исповедались в любви к партии и вождю народов Сталину и были приговорены к «высшей мере репрессии» с лишением воинских званий и конфискацией имущества. Расстреляли их тут же, в подвале, в ночь на 12 июня.

Командарм Белов свои впечатления изложил в докладной записке:

«...Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамье подсудимых. Печать смерти уже лежала на всех лицах... Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими...

Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они как институтки боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами.

Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смягкла, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал глухим спазматическим голосом».

Бездонную подлость самого Белова, как и других членов присутствия, также нельзя было различить по глазам, но и на их лицах уже лежала печать смерти. Ты стреляешь — тебя стреляют.

Прочую «предательскую падаль» из банды Тухачевского — комкоров Алафузо, Гарькавого, Горбачева, Грязнова, Кутякова, Василенко и прочих — стерли с лица земли в июле 1937-го.

Все делалось на благо народа, именем народа и с народным благословением. На прокатившихся по всей стране многочисленных митингах слесари и трактористы, доярки и крестьянки, домохозяйки и деятели культуры клеймили гнусных предателей, надрываясь в истерике: «Расстрелять! Как бешеных собак!» Репрессии распространялись на жен и детей, осужденных самым гуманным в мире судом. Членов семей врагов народа арестовывали, давали срок (лет семь-восемь) и отправляли в лагеря. Детей — в специальные детские дома.

«При чем здесь женщины и дети?» — поинтересовался как-то Феликс Чуев у Вячеслава Молотова. «Что значит при чем? — возмутился старый вурдалак. — Они должны быть в какой-то мере изолированы. А так, конечно, они бы были распространителями жалоб всяких... И разложения в известной степени».

Для верности, чтобы не жаловались и не разлагали, их тоже потом стреляли, например жену Тухачевского, Уборевича, Гамарника.

Под занавес достославного заседания Военного совета Сталин предложил всем военнослужащим присоединиться к процессу разоблачения врагов:

«Я думаю, что среди наших людей, как по линии командной, так и по линии политической, есть еще такие товарищи, которые случайно задеты. Рассказали ему что-нибудь, хотели вовлечь, пугали, шантажом брали. Хорошо внедрить такую практику, что, если такие люди придут и сами скажут обо всем, — простить их».

В войска пошел совместный приказ Ворошилова и Ежова № 082 «Об освобождении от ответственности военнослужащих, участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем совершенно откровенно и о своих сообщниках».

Добровольно, конечно, никто не явился. Но такие призывы не могли не вызвать у советского народа, за двадцать лет уже приученного пописывать доносы, буквально взрыва энтузиазма. Статистика показывает: более 90% арестов в 1937—1938 годах были инициированы снизу. Это и есть творчество масс, о котором мечтал Ленин.

Уже через девять дней после суда над Тухачевским как участники военного заговора были арестованы 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров. Всего с 1 апреля по 10 июня 1937 года по политическим мотивам из РККА уволили 4370 человек.

19 июня арестовали начальника Политуправления Киевского военного округа армейского комиссара 2-го ранга М.П. Амелина; 31 июля — армейского комиссара 2-го ранга Б.М. Иппо, члена Военного совета САВО; 3 августа — начальника ВВС Киевского округа комдива А.М. Бахрушина; 9 августа — заместителя Амелина корпусного комиссара М.Л. Хороша.

10 июля 1937 года был арестован «соратник Тухачевского» по заговору заместитель наркома обороны по Военно-Морским Силам флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов. К тому же в мае Владимир Митрофанович ездил в Великобританию на коронацию Георга V. Там, естественно, его с лету завербовала английская разведка. Орлов почти сразу признал себя заговорщиком, но отрицал участие «в террористической и диверсионной работе».

Уже знакомый нам Зяма Ушаков настойчиво убеждал флагмана до конца разоружиться перед партией. Через неделю после ареста Орлов написал заявление на имя Ежова:

«Я нахожусь на грани сумасшествия. Через короткий срок я стану, как стал Джимми Хигинс, неосмысленной собакой. Но это может быть только в капиталистической стране и не может быть у нас».

Вранье! В Советской стране все самое лучшее. Даже «папа Мюллер» завидовал, что не имеет таких специалистов, какие были у Коли Ежова.

Сталин, пораженный масштабом заговора, требовал продолжения чистки в вооруженных силах. Понятливый наркомвнудел дал целевое указание: «Военно-фашистский заговор должен иметь ряд ответвлений». На местах старались и везде «ответвления» находили. Дело было поставлено на поток: донос — допрос — двадцать минут на судебное разбирательство — расстрел. Член «Особой комиссии по ликвидации последствий вредительства в войсках Киевского военного округа» Ефим Щаденко в полной запарке черкнул жене письмо:

«18 июля 1937... Работы так много, что раньше 2—3 часов ночи не выбираюсь из штаба. Вредительская сволочь целыми годами гадила, а нам надо в недели, максимум в месяц,

не только ликвидировать все последствия, но и быстро двигаться вперед...»

Признавались практически все. В отношении «явных и неразоружившихся врагов народа», нагло отказывающихся выдавать заговорщиков, успешно применялся «метод физического воздействия».

«Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей пролетариата, — разъяснял Сталин. — Спрашивается: почему социалистическая разведка должна быть гуманнее в отношении заклятых врагов рабочего класса?»

В итоге под лозунгом «Бить можно кого угодно и как угодно» показания получили на всех военачальников.

5 августа 1937 года заместитель начальника Разведывательного управления РККА М.К. Александровский дал показания на целый коллектив врагов, в их числе на командармов Каширина и Дубового. 7 августа был арестован заместитель командующего Ленинградским округом комкор М.Я. Германович, 9-го — командир 1-го кавалерийского корпуса комдив М.А. Демичев, 10-го — армейский инспектор Белорусского ВО комкор Е.И. Ковтюх, 18 августа — заместитель Якира комкор Д.С. Фесенко.

Николая Каширина после процесса над Тухачевским перевели в Москву на повышение. В июле 1937 года он возглавил Управление боевой подготовки РККА, а 19 августа, с личной санкции Вождя, уже был арестован. Через три дня он признал свое участие в «правотроцкистском заговоре», проводившем подрывную работу в контакте с военным заговором Тухачевского. Из Каширина выбили показания на маршала Егорова:

«Вокруг маршала Егорова Александра Ильича сложилась группировка. Эта группировка являлась военной группой правых, особым военным центром — и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой во главе с Тухачевским, Якиром, Гамарником и другими».

В числе участников «правой группировки» Каширин назвал Буденного, Белова, Дыбенко, Халепского и других.

Командарма расстреляли 14 июня 1938 года. Расстреляли и двух его братьев.

15 августа были арестованы командующий Уральским округом комкор Я.П. Гайлит, военный советник при Главкоме Монгольской народной армии комкор Л.Я. Вайнер, командующий войсками Среднеазиатского военного округа комкор И.К. Грязнов.

Последний в Средней Азии руководил всего два месяца. А до этого Грязнов почти пять лет командовал Забайкальским военным округом, где, как выяснилось после тщательных расспросов в Лефортовской тюрьме, руководил военно-фашистской организацией, работал на японскую разведку и натаскивал террористическую группу для убийства руководителей страны.

В Забайкалье срочно отправилась выездная сессия Военной коллегии Верховного суда. Только 2 октября 1938 года она приговорила к расстрелу двадцать командиров частей и штабов округа. В «забайкальском заговоре» принимал участие и командир 15-й кавалерийской дивизии К.К. Рокоссовский, но он успел перевестись в Ленинградский округ, и карающая рука советского закона настигла комдива уже там.

21 августа арестовали командующего войсками Харьковского военного округа командарма 2-го ранга И.Н. Дубового. Тот тоже назвал ряд лиц, состоявших в заговоре, и даже вспомнил, как застрелил в 1919 году, чтобы получить командование дивизией, народного героя Щорса. По показаниям Дубового взяли 18 человек, в первую очередь его заместителей, правда, самого командарма от расстрела это не спасло.

Лишь Епифан Ковтюх, послуживший прототипом главного героя в романе А. Серафимовича «Железный поток», мужественно перенес истязания и до конца отрицал все обвинения.

30 августа был арестован член Военного совета Черноморского флота армейский комиссар 2-го ранга Г.И. Гугин, 9 сентября — начальник Политуправления ХВО армейский комиссар 2-го ранга С.Н. Кожевников, 5 октября — командующий Черноморским флотом флагман флота 2-го ранга

И.К. Кожанов и начальник УВВУЗ РККА армейский комиссар 2-го ранга И.Е. Славин.

Армейского комиссара 2-го ранга А.С. Булина, начальника Управления по комначсоставу, арестовали 5 ноября 1937 года. Он оказался опаснейшим заговорщиком. В циркулярном письме Главного военного совета РККА указывалось:

«Вражеское руководство ПУРа подбирало и расставляло на руководящие посты в Красной Армии своих людей, враждебных нашей партии. Гамарнико-булинская банда затирала десятки тысяч командиров и политработников, способных и беспредельно верных партии Ленина — Сталина».

В ходе допросов Булин также вспомнил об участии в заговоре командарма Белова.

В тот же день (5 ноября) был арестован ответственный редактор газеты «Красная звезда» армейский комиссар 2-го ранга М.М. Ланда. Михаил Маркович долго не запирался: уже через пять дней на письменном столе Сталина лежал список из 90 человек, руководящих политработников Красной Армии, входивших в состав военного заговора. Ланда сдал всех сотрудников своей редакции, ряд членов военных округов, начальников политотделов и заместителя начальника Генштаба комкора К.А. Мерецкова.

13 ноября взяли командарма 2-го ранга И.А. Халепского, «выдавшего» более сотни своих сообщников по заговору, и армейского комиссара 2-го ранга А.Л. Шифреса, начальника Военно-хозяйственной части академии РККА.

В 1937 году начался отстрел еще одних героев Революции — латышских стрелков и прочих интернационалистов. Приложивший к этому делу холодную чекистскую голову и не очень чистые руки бывший начальник УНКВД Московской области Александр Павлович (Израиль Моисеевич) Радзивиловский показал:

«Я спросил Ежова, как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей. Он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбить из них необходимые

показания. С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться альбомным порядком. Надо доказать, что латыши, поляки и другие, состоящие в ВКП(б), — шпионы и диверсанты...»

Сказано—сделано.

Командарм 2-го ранга Алкснис, заместитель наркома обороны по авиации, был арестован 23 ноября 1937 года. После интенсивной обработки он подписал показания о том, что является агентом Латвии и состоит лидером анти-советской латышской организации.

Много удивительного разного может вспомнить о себе человек, особенно если вопрошающих, к примеру, четверо, и в руках у них, к примеру, резиновые шланги. Или если посадить подозреваемого на ножку стула. Или пообещать вплотную заняться его семьей. Один из немногих, переживших 1937 год, комиссар Я.В. Волков вспоминал:

«...Просил поскорее меня расстрелять, чтобы не мучить меня и не терять времени, а на провокацию не пойду, чего бы мне это ни стоило. На это мне Ушаков ответил, что не таких, как я, фашистская блядь, раскалывали... что мне показали только подготовительный класс, в дальнейшем будет показана московская техника, и не родился еще тот, кто бы устоял против этой техники и не раскололся... Первую неделю, а может быть, и больше Ушаков лично с остервенением зверски избивал меня до потери сознания резиновой дубинкой... затем передавал меня в руки «молотобойцам», которые по его указанию в соседней комнате били меня всюду и везде».

26 ноября взяли члена Военного совета Белорусского ВО комиссара 2-го ранга А.И. Мезиса; 27 ноября — начальника Разведывательного управления РККА, свежееиспеченного армейского комиссара 2-го ранга Я.К. Берзина (П. Кюзи-са), едва вернувшегося из командировки в Испанию; 29 ноября — профессора Военной академии командарма 2-го ранга И.И. Вацетиса, начальника ВВС ОКДВА комкора Ф.А. Ингауниса, инспектора Наркомата обороны комкора Ж.Ф. Зонберга.

Дошла очередь и до великого практика красного террора Судрабса—Лациса и прочих Петерсов.

1 декабря 1937-го был арестован член Военного совета ТОФ армейский комиссар 2-го ранга Г.С. Окунев. 2 декабря — начальник Управления противовоздушной обороны РККА командарм 2-го ранга А.И. Седякин. Он признался в связях с Тухачевским и тоже дал показания на Егорова.

Командарма 2-го ранга Великанова в июне 1937 года назначили на должность командующего войсками Забайкальского военного округа, арестовали его 20 декабря.

Комиссарское ведомство чистили с особым тщанием. На это ответственное направление Иосиф Виссарионович решил бросить своего бывшего секретаря, проверенного, беспредельно преданного и ревностного кадра. В конце 1937 года Постановлением Политбюро начальником Политического управления РККА вместо П.А. Смирнова был утвержден член ЦК ВКП(б) Лев Захарович Мехлис, занимавший до этого посты заведующего отделом печати и главного редактора газеты «Правда». Одновременно ему присвоили звание армейского комиссара 2-го ранга.

К этому моменту уже были арестованы, а впоследствии расстреляны все армейские комиссары «образца 1935 года», за исключением покончившего самоубийством начальника Политуправления Балтийского флота А.С. Гришина и ушедшего на повышение П.А. Смирнова. Последнему присвоили звание армейского комиссара 1-го ранга и сделали наркомом по военно-морским делам. Его расстреляют через год.

С приходом Мехлиса в ПУ РККА осуществлявшаяся ранее работа по разоблачению врагов народа была признана недостаточной. За весь 1937 год было арестовано всего-навсего 870 армейских политработников. Лев Захарович сразу же взялся за дальнейшее перетряхивание аппарата Политического управления Красной Армии и политсостава в главных и центральных управлениях Наркомата обороны, военных округах, военно-учебных заведениях. Понятно, что все эти организации оказались нашпигованы иностранными резидентами.

«Особенности работы вредителей в Красной Армии, — заявил Мехлис на Всеармейском совещании политработни-

ков в апреле 1938 года, — сказались в том, что здесь орудовало много различных обособленных шпионских групп. Они действовали по принципу: «врозь идти, вместе бить». Каждая группа держала камень за пазухой против другой. Но всех их объединяло одно — ненависть к нашей большевистской рабочей партии, к рабочему классу и к делу социализма».

Чистку от «мрази» Мехлис начал с самого Политуправления, в аппарате которого «сидели правотроцкистские шпионы». Менее десяти дней продержался при «новой метле» начальник отдела кадров бригадный комиссар М.Р. Кравченко, а через месяц после увольнения был арестован, как сообщник Булина по заговору.

Политуправления военных округов также оказались запущены. В Закавказском округе бывший начальник Политуправления Раздольский «в порядке показательной бдительности» уволил свыше 700 человек, а на поверку сам оказался сподвижником Гамарника и Якира.

В Сибирском военном округе в качестве начальников Политуправления и членов Военного совета долгое время служили «матерые шпионы» Н.А. Юнг, А.П. Прокофьев, Г.Ф. Невраев, И.Д. Павлов. Чекисты «помогли избавиться от этой грязи». В Приволжском округе начальник Политуправления Черемин оказался «правотроцкистским шпионом». В Киевском военном округе на должности начальника Политуправления долгое время безнаказанно орудовал активный участник военно-фашистского заговора Горностаев.

Член distinguished Специального присутствия командарм 1-го ранга Белов возглавил Белорусский особый военный округ после приговоренного им Уборевича. «Видного деятеля РККА», оказавшегося на деле «шпионом из эсеров», арестовали 7 января 1938 года.

Его допрашивали сам Сталин с Ежовым. На очной ставке Белова уличали комиссар 2-го ранга Булин и бывший начальник Разведуправления РККА комкор С.П. Урицкий, оказавшийся «штатным французским шпионом с большим опытом работы». Командарм сначала все отрицал, но после

вразумления покаяться, что является агентом британской разведки, и подписал все, что от него требовали, в том числе сведения о контактах с заговорщиками маршала Егорова.

Приближалась очередь одного из, казалось бы, самых верных — маршала Егорова. На дружеской попойке конармейцев в декабре 1937 года по поводу назначения Щаденко на должность заместителя наркома обороны Александр Ильич расслабился в кругу боевых друзей и высказал затаенную обиду на то, что все победы в Гражданской войне незаслуженно приписывают Сталину и Ворошилову, а его, Егорова, роль не оценивают по достоинству. Собутыльники маршала — Щаденко и Хрулев — мгновенно протрезвели и, едва закончился ужин, настрочили доносы на имя Ворошилова.

Были и другие «сигналы». Чекисты предъявили уличающие Егорова «чистосердечные признания» Каширина, Белова, Орлова и наркома финансов Г.Ф. Гринько. До поры до времени наветам врагов не давали ходу, но таить личную обиду на товарища Сталина!

25 января 1938 года Политбюро и Совнарком констатировали: Егоров развалил работу Генерального штаба, состоял в дружеских отношениях с заговорщиками и шпионами и даже пытался организовать «свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного». Егорова освободили от работы заместителя наркома обороны и «в качестве последнего испытания» назначили командующим войсками Закавказского военного округа. Эту должность маршал занимал менее двух месяцев.

Тем же постановлением Павла Дыбенко за подозрительные связи «с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками», систематическое пьянство и морально-бытовое разложение сняли с поста командующего Ленинградским военным округом, уволили из армии, назначили заместителем наркома лесной промышленности и отправили в командировку на Урал.

Параллельно началась интенсивная разработка Буденного. В феврале—марте после тщательных расспросов на

него дали показания арестованные ранее командармы Белов, Седакин, Каширин. Так, Седакин показал, что еще покойный Тухачевский «строил какие-то свои пораженческие расчеты на личности Буденного». Каширин заявил: «По расчетам Егорова, антисоветское вооруженное восстание должна будет поддержать большая часть конницы РККА во главе с самим Буденным».

Полным ходом шли дела и по другим направлениям. 1 февраля 1938 года подгребли члена Военного совета ОКДВА комкора Г.Д. Хаханьяна. В его показаниях впервые всплыло имя маршала Блюхера. 2 февраля арестовали комкора Николая Куйбышева, он всего полгода прокомандовал Закавказским военным округом.

8 февраля 1938 года взяли жену Егорова актрису Галину Цешковскую, она оказалась польской шпионкой, в чем и созналась. А кем она еще могла быть с такой фамилией? Александр Ильич, вибрируя всеми фибрами своего тонкого организма, немедленно отрекся от «подлой изменницы» и написал слезное письмо Клименту Ефремовичу, умоляя старого друга устроить встречу со Сталиным:

«Я хочу в личной беседе заявить ему, что все то светлое прошлое, наша совместная работа на фронте остается и впредь для меня самым дорогим моментом в жизни и что это прошлое я никогда и никому не позволял чернить, а тем более не допускал и не могу допустить, чтобы я хоть в мыслях мог изменить этому прошлому и сделаться не только уже на деле, но и в помыслах врагом партии и народа».

Не помогло.

23 февраля был арестован командующий Приморской группой войск ОКДВА командарм 2-го ранга М.К. Левандовский, 26 февраля — бывший командарм П.Е. Дыбенко.

Павел Ефимович признал наличие обширной группы военных, тесно связанных с «антисоветским правотроцкистским блоком» Рыкова — Бухарина и «военно-фашистским заговором» Тухачевского:

«В период 1926 года сложилась наша группа, и мы начали подбирать своих сторонников в армии в начале под флагом групповой борьбы против Ворошилова... борьба начи-

нает все более обостряться и уже в период 1918—1929 гг. наша группа становится центром организации правых в РККА».

Во главе группы, кроме самого Дыбенко, стояли Егоров и Буденный, которые были «лично озлоблены против Ворошилова». Вменяемую ему также работу на разведку Северо-Американских Штатов Дыбенко категорически отрицал (зато «вспомнил», что он якобы еще в 1915 году был завербован царской охранкой и выдавал революционно настроенных матросов).

Михаил Левандовский дал аналогичные показания:

«От Егорова впервые я услышал в 1931 году, что им и его друзьями создан подпольный центр военной организации правых, действующих по указаниям правых в лице Рыкова».

27 марта 1938 года, через две недели после процесса над «троцкистско-бухаринскими диверсантами» Бухариным, Рыковым, Ягодой и прочими, «политически запачканного» маршала арестовали. Уже сутки спустя он признался:

«Я, Егоров, вместе с Дыбенко и Буденным возглавлял руководство антисоветской организации правых в Красной Армии, имевшей своих участников в военных кругах. Эта наша антисоветская организация была на особо законспирированном положении...»

Причем на Буденного заговорщики делали особую ставку: Семен Михайлович должен был в случае вооруженного восстания возглавить «антисоветские элементы конницы РККА» и потому активно занимался вербовкой своих соратников по Гражданской войне, которые, в свою очередь, готовили «контрреволюционные формирования» из казачьих частей.

Сам Егоров держал связь с польским и германским генеральными штабами, снабжал их информацией и готовил «пораженческие планы» на случай будущей войны. Как начальник Генерального штаба и первый заместитель министра обороны, Александр Ильич знал весь командный состав армии. И давал показания на всех, почти два года, пока и его, выжав досуха, не расстреляли в феврале 1939 года, в день годовщины Красной Армии.

Вслед за Егоровым посадили всех его заместителей в Генштабе, по-стахановски трудившихся в пользу немецкой, польской и итальянской разведок сразу — комкора В.Н. Левичева, комкора С.А. Меженинова. В течение нескольких месяцев были арестованы начальники управлений Наркомата обороны, руководители Генерального штаба и командующие военными округами. Затем репрессии захватили армейский, корпусной, дивизионный уровень, расширяясь вглубь и вширь. Вслед за военачальниками арестовывались их семьи.

Особый отдел ГУГБ НКВД рапортовал о почти четырех десятках заговорщицких групп и организаций, «вскрытых» в вооруженных силах в 1937—1938 годах: «военно-эсеровская организация», «антисоветский правый заговор», «террористическая группа в Политуправлении РККА», «шпионская вредительская организация в Военгизе», «террористическая группа в ЦДКА», «офицерско-монархическая организация», «заговорщики из Сануправления», «запасной троцкистский центр в Политуправлении КОВО», «террористическая группа в Академии Генштаба», «украинская военно-националистическая организация», «филиал заговорщицкой организации в 69-й стрелковой дивизии», «группа польских диверсантов в системе военных сообщений КОВО» и прочих. Между особистами разворачивалось соцсоревнование на количество арестов и полученных признаний.

Тем временем окрыленный доверием Вождя комиссар П.А. Смирнов, ставший главным военным моряком страны, с присущей ему энергией громил флот, пачками подписывая санкции на арест.

10 января 1938 года был арестован командующий Тихоокеанским флотом флагман 1-го ранга Г.П. Киреев. 19 марта — командующий Амурской военной флотилией флагман 1-го ранга И.Н. Кадацкий-Руднев. 25 марта снят с должности и зачислен в распоряжение командного управления РККФ начальник Морских сил флагман флота 1-го ранга М.В. Викторов. Через месяц за ним пришли.

17 мая был вызван из Полярного в Москву, да так и не вернулся начальник Политуправления Северного флота П.П. Байрачный. 23 мая по пути в Ленинград «железнодорожники» арестовали командующего Северным флотом, бывшего матроса с крейсера «Аврора», участника штурма Зимнего дворца, флагмана 1-го ранга К.И. Душенова и заместителя начальника Политуправления П.М. Клиппа, вызванных наркомом «для решения срочных вопросов». Вскоре были взяты под стражу начальник штаба флота П.С. Смирнов, председатель военного трибунала Донченко.

К Душенову с ходу и в полном объеме применили «московскую технику». В заявлении № 267 на имя Молотова он писал:

«После 22 часов применения ко мне жестоких физических методов воздействия я почти в бессознательном состоянии в результате внутреннего кровоизлияния написал под диктовку следствия ложное заявление, что я — заговорщик и вредитель. Через 5 дней после тех же методов я подписал заранее написанный протокол, где указано более 30 человек, якобы моих сообщников, которых после арестовали без допроса меня... Я всем сердцем Вас прошу, не можете ли сделать так, чтобы меня больше не били... прошу меня расстрелять, но не бить. Если Вы не найдете возможным вмешаться в это дело, то прошу сделать так, чтобы хотя бы за это заявление меня не били. Я опасюсь, что следствие может рассмотреть его как провокацию».

Константина Ивановича «разрабатывали» почти два года, а потом присудили-таки долгожданную пулю в затылок.

13 июня арестовали руководителя морского отдела Академии Генерального штаба флагмана 1-го ранга Э.С. Панцезанского и начальника Военно-морской академии флагмана 1-го ранга И.М. Лудри.

В докладной записке на имя Сталина и Молотова от 17 июня 1938 года флотоводец-кромешник П.А. Смирнов рапортовал о результатах проверки боевой готовности Тихоокеанского флота и Амурской флотилии:

«Засоренность кадров в Тихоокеанском флоте очень

большая. Врагами народа оказались начальник штаба флота, четыре командира основных морских бригад, три комманданта укрепленных районов, начальник отдела ПВО Тихоокеанского флота, командир Владивостокского военного порта, командующий и начальник Политуправления флота. В авиации и командующий ВВС и военком оба оказались врагами народа. Во всех частях враги народа практиковали пьянство как способ разложения личного состава».

Но к этому времени выяснилось, что и сам Смирнов «оказался врагом народа». 30 июня его взяли, обвинили в подготовке заговора и через полгода расстреляли. На его место, присвоив звание командарма 1-го ранга, назначили заместителя Ежова, командующего войсками НКВД М.П. Фриновского.

Маршал Ворошилов тоже не покладая рук, беспощадно чистил армейские ряды, «безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого, здорового мяса, очищаясь от мерзостной предательской гнили». После каждого «задушевного разговора с органами товарища Ежова» нарком подписывал новые и новые расстрельные списки.

Предателя Иону Якира на должности командующего войсками Киевского военного округа в 1937 году сменил командарм Иван Федько. В 1938 году его сделали первым заместителем наркома обороны и присвоили звание командарма 1-го ранга. 7 июля — арестовали, он тоже оказался «зараженной частью организма», вовлеченным в заговорщицкую деятельность еще в 1932 году. В сентябре Федько дал показания на Блюхера.

Дела Белова, Орлова, Дубового, Дыбенко, Левандовского, Седякина, Великанова, Халепского, Алксниса, Вацетиса, Грибова, Грязнова, Ковтюха, Кутякова, Ингауниса, Хрипина, Киреева, Кадацкого, Окунева, Ланда, Яна Берзина, Погребного и других — сплошь командармы, комкоры, армейские комиссары и комдивы — Военная коллегия Верховного суда под неизменным председательством Ульриха рассмотрела 28–29 июля 1938 года. Управились быстро. Всех приговорили к высшей мере, что и было исполнено немедленно.

День 28 июля 1938 года достоин именоваться Днем Чекиста. Всего за одни сутки «органы товарища Ежова» перестреляли 9 командармов, одного флагмана флота 1-го ранга, двух флагманов 2-го ранга, трех армейских комиссаров, 9 комкоров и 6 комдивов.

Примечательно, что палачей и заплечных дел мастеров спускали в расстрельный «тюрьод» буквально следом, порой и одновременно со своими жертвами. Но немедленно еще более рьяно за дело брались новые наследники Дзержинского, и машина террора набирала обороты. При регулярно освобождавшихся вакансиях НКВД неизменно испытывал потребность в палаческих кадрах, и с какой готовностью записывались в палачи в стране освобожденного труда и ампутированной совести. Это потому, рапортовал крупный чекист Реденс, что: «Люди любят работу, любят советскую власть, любят нашу партию и любят Сталина».

Недалек был день, когда отстрелят органы и Реденсу, и Ушакову, и самому «батыру Ежову».

(Новая генерация «сотрудников для особых поручений» с честью несла эстафету, принятую от легендарных чекистов времен Гражданской войны — верный наган, которому не давали остыть:

«У нас всегда под рукой было ведро водки и ведро одеколна. Водку, само собой, пили до потери сознательности. Что ни говорите, а работа была не из легких. Уставали так сильно, что на ногах порой едва держались. А одеколоном мылись. До пояса. Иначе не избавиться от запаха крови и пороха. Даже собаки от нас шарахались».

Известно, что многие приговоренные умирали со словами: «Да здравствует товарищ Сталин!» Поэтому палачам предписывалось «проводить воспитательную работу среди приговоренных к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя».

Когда тех из них, кто пережил все чистки и даже самого товарища Сталина, сажали в 1957 году, они, наивные молотобойцы, отчаянно защищались: «Почему вы судите меня, а не судите Молотова, чья вина доказана и определена? Он

отправлял росчерком пера на тот свет тысячи людей, а его не судят».

Потом, отсидев по пятнадцать лет, они требовали своей реабилитации:

«Мы не можем нести ответственности за нарушения социалистической законности, так как лишь выполняли задание своего руководства и считали, что боремся с врагами партии и Советского государства... Почему покарали именно нас, небольшую группу чекистов? Мы просим возвратить нам наши честные имена, вернуть нас в советское общество, чтобы мы могли встать в ряды строителей коммунизма».

И в этом они правы, а Хрущев, нарушив ленинские заветы, совершил фатальную ошибку: без таких кадров и таких методов коммунизм построить невозможно.)

Летом 1938 года в связи с обострением обстановки в районе озера Хасан Политбюро направило на Дальний Восток неутомимого Мехлиса. 28 июля он телеграфировал «отцу народов»: «Уволил двести пятьдесят политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена».

Не внушало доверия Льву Захаровичу и поведение командующего Дальневосточным фронтом Блюхера. Маршал, вместо того чтобы без разговоров выполнять указания Кремля о разгроме «японских агрессоров», учинил собственное расследование и доказывал, что виновниками инцидента на высоте Заозерная являются советские пограничники.

По завершении конфликта Блюхера вызвали в Москву и на заседании Главного военного совета РККА, состоявшемся 31 августа 1938 года, обвинили в «сознательном поражении», неумении или нежелании «по-настоящему организовать очищение фронта от врагов народа», «двуличии, недисциплинированности и саботировании вооруженного отпора японским войскам». Приказом наркома обороны Блюхер был отстранен от командования Дальневосточным фронтом.

Василия Константиновича арестовали 22 октября на ворошиловской даче «Бочаров ручей». Вскоре его, вздумавшего все отрицать на очных ставках с «подельниками» Федько и Хаханьяном, переместили в Лефортово и били две недели, пока не замордовали до смерти. Но успели вырвать признание в том, что Блюхер продал-таки японцам Дальний Восток, состоял и в заговоре правых, и в военном заговоре. Двух из трех маршальских жен расстреляли, третью приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей — за недонесение.

Ну, кажется, почти никого и не осталось. В феврале 1939 года расстреляли Егорова, Федько и Смирнова. Как с гордостью отметил Анастас Микоян: «...аппарат, который вел это следствие, выдержал большевистский экзамен правдивости и точности».

Из когорты «лучших из лучших, достойных из достойных», первыми в стране получивших высшие персональные воинские звания, уцелели лишь трое — Ворошилов, Буденный и Шапошников.

«Товарищ Сталин, как заботливый садовник, растит и воспитывает эти кадры», — соловьем заливался Никита Хрущев.

На Военном совещании «заботливый садовник» обнадеежил впавших в задумчивость военачальников:

«Вижу на ваших лицах мрачность и некоторую растерянность. Понимаю, очень тяжело слышать такие обвинения в адрес людей, с которыми мы десятки лет работали рука об руку и которые теперь оказались изменниками Родины. Но огорчаться не надо. Явление хотя и неприятное, но вполне закономерное», — и призвал смелее выдвигать новые, преданные советскому строю кадры.

Какие головокружительные в те годы делались карьеры!

На волне репрессий стремительно вырос «буденновец» С.К. Тимошенко: в июле 1937 года вступил в командование Северо-Кавказским военным округом в звании комкора, в сентябре, уже командармом 2-го ранга, принял Харьковский ВО, в феврале 1938-го — Киевский округ, ровно через год

ему было присвоено звание командарма 1-го ранга. В мае 1940 года Семен Константинович стал маршалом и наркомом обороны.

Комбриг Н.Н. Воронов, отправленный в Испанию с поста начальника 1-й Ленинградской артиллерийской школы, по возвращении получил ромбы комкора и сразу стал начальником артиллерии РККА. Начальником Академии Генерального штаба назначили полковника И.Т. Шлемина, до этого командовавшего полком. Еще один «испанец», Яков Смушкевич, из комбрига мгновенно стал командующим всей военной авиацией. Иван Пересыпкин в 1937 году был старшим лейтенантом, в мае 1939-го он — нарком связи СССР. Майор И.П. Рослый путь от командира батальона до командира дивизии одолел за три месяца.

Полковник М.П. Кирпонос в 1934—1939 годах был начальником Казанского пехотного училища. Оттуда его забрали на Финскую войну командовать дивизией. В июне 1940 года Михаил Петрович возглавил Ленинградский военный округ.

Чуть больше года понадобилось В.Ф. Трибуцу, чтобы с мостика эсминца переместиться в кабинет командующего Балтийским флотом и получить звание вице-адмирала.

Командира эскадрильи И.И. Копеца в 1938 году назначили заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа, а перед началом войны — командующим ВВС Западного особого.

Окрыленные доверием партии, они без колебаний занимали самые высокие посты, автоматически превращаясь в собственных глазах в «выдающихся полководцев».

Не тот гений, кто вышел в полковники, а кто полковник, тот и гений.

Маршал Конев в беседе с Константином Симоновым заявил:

«Блюхер был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от Гражданской войны и принадлежал к той категории, которую пред-

ставляли собой к началу войны Ворошилов, Буденный и некоторые другие бывшие конармейцы, жившие несовершенными, прошлыми взглядами.

Представить себе, что Блюхер справился бы в современной войне с фронтом, невозможно. Видимо, он с этим справился бы не лучше Ворошилова или Буденного. Во всяком случае, такую небольшую операцию, как хасанские события, Блюхер провалил».

Очень может быть, что так оно и есть. Только расстреляли Блюхера не за военную отсталость и не за пристрастие к выпивке. В свое время Сталин защищал Блюхера:

«Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, что еще? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадет... Поставьте людей на командные должности, которые не пьют и воевать не умеют — нехорошо... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается».

«Нет людей без недостатков, — сообщал Иосиф Виссарионович военным. — Один любит выпить. У других это превращается в болезнь. Таких людей мы лечим, но из партии не выгоняем. Таких людей мы перевоспитываем. Иные любят девочек. Это тоже нас мало интересует. Пусть себе с ними возятся, сколько угодно... Ничего страшного в этом нет».

К таким недостаткам Вождь относился снисходительно, он понимал людей, любивших простые радости жизни. Такими людьми проще управлять. Как раз «шибко умные» ему были и не нужны. Блюхера убили за обнаружившееся у него наличие собственного мнения в деле затеянной советской стороной провокации у озера Хасан и желание разрешить конфликт цивилизованным способом вместо того, чтобы, как было указано Москвой, «по-настоящему воевать с японцами».

И Конева, окончившего три класса сельской школы и «особую группу» Военной академии, командующим военным округом сделали не за военные таланты, а за неодно-

кратно проявленную «верность». Даже в 1948 году, будучи маршалом СССР, Иван Степанович в автобиографии не забыл указать:

«Принимал активное участие в борьбе против троцкистско-бухаринских врагов, агентов германо-японского фашизма, особенно на Украине в 1923 году и против бандита Примакова и др. В 17-й дивизии — против троцкистов и в очищении от враждебных элементов дивизий, которыми я командовал».

Да и с фронтом в «современной войне» Конев поначалу справлялся не лучше Буденного: Иван Степанович является одним из «соавторов» печально известного Вяземского котла. Вместе с «брехуном» Еременко (сталинское определение), в рапортах громившего «подлецов Гудерианов» оптом и в розницу.

Подполковник Л. Симон, докладывая в Париж о деле Тухачевского, отмечал:

«Первое последствие этого судебного процесса состоит в том, что советская армия лишилась своего будущего руководителя... Его исчезновение породило пустоту, заполнить которую будет трудно, так как преемник Тухачевского будет, по всей вероятности, уступать ему в интеллектуальном отношении. Эта оценка применима даже к маршалу Егорову...»

Одним из преемников Тухачевского и Егорова стал Г.К. Жуков, имевший в багаже четыре класса начальной школы, девять месяцев кавалерийских курсов и «органически ненавидевший штабную работу». Всю глубину интеллекта Георгия Константиновича можно измерить одной только его резолюцией. Когда ему, начальнику Генерального штаба, положили на стол описание французской кампании вермахта с подробным анализом причин успеха «блицкрига» и поражения французов, Жуков начертил: «Мне это не нужно». Это даже не «пустота», это полный вакуум.

Вместо Белова Белорусский военный округ возглавил командарм 2-го ранга М.П. Ковалев. Служивший в этом округе Жуков утверждал, что Белов был слабее Уборевича, а Ковалев был слабее Белова. А уж насколько «силен» был

сменивший Ковалева Павлов, можно судить по полному разгрому Западного фронта в июне 1941 года. Кто сегодня помнит полководца Ковалева, который всю войну сторожил Забайкалье; ему даже армию не доверили.

Посмотрим на полководцев, первыми встретивших германское нашествие, чем они были лучше Буденного или Ворошилова?

Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов (1898—1961), командующий Прибалтийским Особым округом. До этого ничем крупнее полка не командовал, находился на преподавательской работе. В начале войны руководил действиями Северо-Западного фронта всего 11 дней, полностью потерял представление об обстановке и оказался в окружении вместе со своим штабом. В начале августа сумел выбраться к своим, получил новый фронт, затем 51-ю отдельную армию, командуя которой сдал немцам Крым. Еще год Федора Исидоровича пытались пристроить, перебрасывая с одной должности на другую, и, наконец, задвинули руководить Военной академией.

Генерал армии Д.Г. Павлов (1897—1941), командующий Западным военным округом. Окончил два класса городского училища, курсы и Военную академию. За три года с должности командира механизированной бригады вырос до командующего приграничным округом. Говорят, Сталин возлагал на него «большие надежды». В автобиографии генерал писал: «Ни в каких троцкистских и других организациях никогда не состоял, никогда ни по каким вопросам не колебался. Ошибок и отклонений от генеральной линии не было и быть не могло».

А оказался — «предатель». Под командованием Павлова Западный фронт перестал существовать как организованная сила через восемь дней войны. На девятый день полководца отозвали и отстранили от должности. Стремительный взлет окончился «стенкой».

Генерал-полковник М.П. Кирпонос (1892—1941), командующий Киевским Особым округом. Окончил церковно-приходскую школу и Военную академию имени Фрунзе. Командуя самым мощным из фронтов, имея над немцами

многократное численное преимущество, особенно в технике (почти 9000 танков против едва ли 1000), проиграл Клейсту и Гудериану вчистую. Погиб в Киевском котле.

Генерал-лейтенант П.П. Собенников, командующий 8-й армией. Бывший офицер царской армии плюс курсы высшего начсостава. На армию пришел с должности преподавателя Военной академии. Полководческие успехи командарма Верховный суд СССР «оценил» в пять лет исправительно-трудовых лагерей.

Генерал-лейтенант В.И. Морозов (1897—1964), командующий 11-й армией. Образование имел два класса сельской школы и многочисленные курсы. В первые два дня войны его армия была разбита вдребезги, сам Василий Иванович с мая 1943 года учил в тылу воевать других.

Генерал-майор Н.Э. Берзарин (1904—1945), командующий 27-й армией. Закончил свою учебу в десятилетнем возрасте. Военное образование получил на курсах «Выстрел». По всем критериям, даже с точки зрения здравого смысла, Берзарин — нуль.

Генерал-лейтенант В.И. Кузнецов (1894—1964), командующий 3-й армией. Окончил гимназию и курсы, курсы, курсы. Вся его армия осталась в Волковысском котле, Василий Иванович сумел выбраться и получил новую армию.

Генерал-лейтенант К.Д. Голубев (1896—1956), командующий 10-й армией. Окончил ремесленное училище, Военную академию имени Фрунзе, Академию Генерального штаба. На самую мощную армию Западного фронта попал из преподавателей академии. Армия в 1941 году в полном составе оказалась в плену, Константин Дмитриевич из окружения вышел. Сталин доверил ему 13-ю армию, после нее — 43-ю армию. Но в мае 1944 года его отозвали с командования и сделали уполномоченным Совнаркома по делам репатриации граждан.

Генерал-майор А.А. Коробков, командующий 4-й армией. Армия потерпела поражение, в конце июля 1941 года была расформирована, Александр Андреевич расстрелян по «делу Павлова».

Генерал-майор М.И. Потапов (1902—1965), командую-

ший 5-й армией. Образование — три класса сельской школы и Военная академия моторизации и механизации РККА им. И.В. Сталина. С должности командира мехбригады до командарма перепрыгнул менее чем за два года. Вместе с армией в сентябре 1941 года попал в окружение и оказался в плену.

Генерал-лейтенант И.Н. Музыченко (1901—1970), командующий 6-й армией. Общее образование — два класса учительской семинарии, военное — сплошные курсы. В командармы вырос за полгода с должности преподавателя кавалерийских курсов. В июле 1941 года попал в плен под Уманью вместе с остатками своей армии.

Генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, командующий 26-й армией. Окончил два класса сельской школы и, уже в генеральском чине, курсы усовершенствования высшего командного состава при Академии Генерального штаба. Федор Яковлевич «не любил пускаться в рассуждения, если получен приказ. Его высоко ценили за твердость и точность в выполнении решений командования». Погиб он в 1942 году в Барвенковском «мешке», куда вместе с Тимошенко завел четверть миллиона своих подчиненных.

Генерал-майор П.Г. Понеделин (1893—1950), командующий 12-й армией. Окончил Военную академию имени Фрунзе. Вместе с армией сдался в плен в Уманьском котле. За это после войны его сначала посадили, а потом расстреляли.

Еще один конармеец генерал-полковник Я.Т. Черевиченко (1894—1976) командовал 9-й армией. В автобиографии он раскрывает «секрет» особого факультета Академии, который он закончил, имея два класса сельской школы: «В 1935 году сдал за десятилетку при Военной академии им. Фрунзе». С 1943 года — тыловой генерал. В апреле 1945 года генерал-полковнику доверили «поручить» стрелковым корпусом в Берлинской операции.

Таким образом, к 1941 году «провалились» ВСЕ сталинские «выдвиженцы». Иначе и быть не могло. Являясь всего лишь «винтиками» и «шестеренками» советской военной

машины, они интересовали Сталина исключительно с точки зрения «надежности». Полная унификация. Незаменимых у нас нет!

«В чем сила армии? — спрашивал в январе 1938 года Сталин у военной аудитории. И сам давал ответ: — Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой, что техника-де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся ее сила в командном составе. Это также неправильно. Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране... При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств».

По сравнению с казенными военачальниками, новые имели лишь одно, да и то лишь с точки зрения диктатора преимущество — знали свое место, были запуганы до смерти. Маршал Жуков, при Хрущеве рассказывавший байки про то, как Сталин воевал по глобусу, а он, Жуков, дверь к нему в кабинет чуть ли не ногой открывал, будучи на пенсии, в приватной беседе о Верховном честно сказал: «Он был страшен».

От иностранцев красные командиры теперь шарахались как черт от ладана. На совещании начальствующего состава в апреле 1940 года командующий войсками Ленинградского округа Мерецков жаловался на то, что командиры отказываются от выполнения разведывательных заданий за границей. И боялись советские офицеры не коварной вражеской контрразведки и не застенков румынской сигуранцы: «Командиры боятся идти в такую разведку, ибо они говорят, что потом запишут, что они были за границей. Трусят командиры».

Смертельно опасно стало проявлять любую инициативу. Инициатива — признак того, что ты мыслишь не так, как начальник, имеешь свое суждение, а может, считаешь себя умнее. А не враги ли тебя надоумили исказить «генеральную линию»?

Как это часто бывает, не имеющие достаточного опыта, не отягощенные образованием, скороспелые «сталинские полководцы», заняв генеральские должности и получив со-

ответствующие материальные блага, в большинстве своем совершенно остановились в развитии. Уверовав, что самые высокие посты им достались по заслугам, они ничему учиться не желали, всячески выказывая презрение к «образованным». Чем примитивнее было мышление стратега-самородка, тем сильнее разыгрывало в нем желание самоутвердиться, унижая нижестоящих. К примеру, Жуков «академиев не кончал», зато с удовольствием бросал в лицо прибывшему в его подчинение выпускнику: «Так и знал. Что ни дурак, то выпускник академии».

Кстати, для выращивания командиров и работников штаба высшего звена управления в ноябре 1936 года была воссоздана Академия Генерального штаба. Однако подготовка ее питомцев страдала значительными пробелами. Во-первых, из-за того, что по-прежнему приходилось учитывать «особенности» обучаемых. Во-вторых, ввиду массовых досрочных выпусков для заполнения освободившихся вакансий. В-третьих, в годы Большого Террора было репрессировано более трех тысяч преподавателей военных учебных заведений, что привело к снижению качества обучения.

Например, одним из слушателей первого набора был зачислен без экзаменов командир 29-го кавалерийского полка 5-й кавдивизии М.И. Казаков, уже успевший с тремя классами церковно-приходской школы превзойти все науки в Военной академии имени Фрунзе. Настораживает тот факт, что, даже будучи генералом армии, Михаил Ильич думал, будто Академию Генерального штаба изобрели большевики:

«Таких учебных заведений еще не было в других армиях... Как я уже упоминал, подобных учебных заведений не было не только у нас, но и за рубежом (?), так что все приходилось начинать сначала, идти непроторенным путем».

Он так и умер, не узнав, что в России Академия Генштаба существовала с 1832 года, в других странах — еще раньше.

Идя «непроторенным путем», в не имеющем аналогов учебном заведении попытались было создать кафедру стратегии, но быстро от идеи отказались в связи с полным от-

стрелом почти всех военных теоретиков в стране. В 1935 году была сделана попытка организовать курс лекций по стратегии в Военной академии им. Фрунзе, но и она провалилась. Заместитель начальника академии Щаденко поставил на место начальника военно-исторического факультета: «Это что еще за курс стратегии? Стратегией занимается лично товарищ Сталин, и это не наше дело!»

Первые месяцы учебы «ушли на повторение и пополнение знаний по боевой технике Красной Армии». Зимой два занятия по оперативному искусству успели провести командармы Уборевич и Якир. Слушателям они показались слишком сложными и заумными:

«Многие высказывали недоумение: почему это Уборевич так осложнил оперативную обстановку и вынудил войска Западного фронта отражать контрудар мощной группировки немецких войск из Восточной Пруссии? А на занятиях, которые проводил Якир, случилось как будто и вовсе несообразное: наш мехкорпус, входивший в состав ЭРП, не сумел преодолеть сопротивление немецкой танковой дивизии. Почему?.. Не все могли взять себе в толк: с какой стати руководители занятий сводили к такому неудачному финалу наступательные операции наших войск...»

И все.

Через полгода напряженной учебы, в июне 1937 года, их выпустили — в войсках не осталось командиров: полковников А.М. Василевского и В.В. Курасова — в Генштаб, полковника А.И. Антонова — начальником штаба Московского военного округа, полковника М.В. Захарова — начальником штаба в Ленинградский военный округ, остальных — всего лишь заместителями и начальниками оперативных отделов, но ненадолго. Казаков стал начальником штаба Средне-Азиатского военного округа уже в марте 1938 года.

Как показал «неудачный финал наступательных операций наших войск» в 1941—1942 годах, советские генштабисты по-прежнему предпочитали не «осложнять оперативную обстановку» и умели только рисовать гениальные планы разгрома противника, независимо от его намерений. Так, в ночь на 28 июня 1942 года начальник штаба Брянско-

го фронта генерал Казаков усиленно обдумывал план Орловской наступательной операции, а утром «все вдруг круто изменилось»: немцы начали операцию «Блау» — генеральное летнее наступление — и через неделю были в Воронеже. А почему? Побитый стратег сообщает:

«Основная ошибка заключалась в том, что до самого начала операции «Блау» у нас мало кто принимал всерьез (*он вообще представлял себе обязанности начальника штаба фронта?*) возможность главного удара немцев на курско-воронежском направлении».

Главной же причиной разгрома «был недостаток опыта в управлении войсками в условиях сложной операции». Сложная — это значит немцы наступают и одной дивизией бьют уже не мехкорпус (как допускал в своей лекции «враг народа» Якир), а 5-ю танковую армию А.И. Лизюкова. Почему? «...Штабы всех степеней 4-й армии, — писал генерал Л.М. Сандалов, — можно было считать готовыми для управления войсками при развитии событий в нормальной обстановке».

То есть готовы были разбить любого супостата, но при условии, что он будет стоять на месте и не сильно сопротивляться, не усложняя, понимаешь, обстановку. Как тут не вспомнить похода убитого Вацетиса: «Решает за противника тупица, а представить себе десять вариантов его возможных действий обязан любой военачальник».

За пять предвоенных лет (1937—1941) академия Генерального штаба выпустила более 800 «высокообразованных командиров», не умевших управлять войсками.

Бог с ней, со стратегией, но организацию связи в академиях тоже не проходили. Радиосвязь советские генералы просто игнорировали, слишком мудреная штука. Руководить предпочитали из теплого штаба по телефону. Если враг перерезал провода, использовали посыльных.

Почти совершенно отсутствовали средства кодирования переговоров, радиоразведки, шифровальные машины. Развитию связи значения не придавали, радиосвязь не любили и боялись ее. Сандалов свидетельствовал:

«Командный состав и штабы всех соединений, в том числе и штаб армии, не умели управлять войсками при помощи радио и не любили этот вид связи из-за трудности его применения по сравнению с проводной связью».

Поэтому советские штабы тотчас теряли управление, едва войска трогались с места.

В 1932 году командир артиллерийского полка Московской Пролетарской дивизии Н.Н. Воронов в составе делегации побывал в Италии на военных маневрах:

«Меня поразило обилие в итальянских войсках полевых радиостанций. Понравилась четкость штабной работы, которая значительно сокращала время подготовки боевых документов... На составление боевого приказа командир дивизии затрачивал 50 минут, командиры полков — 30—40 минут. Такой оперативности следовало поучиться».

Интересны выводы советской делегации: «Орудия батареи были старомодного типа, времен Первой мировой войны, никакого интереса не представлявшие. У нашей военной миссии составилось весьма невысокое мнение о боевых качествах итальянских войск, особенно артиллерии. Красная Армия далеко обогнала их и по качеству вооружения, и по боевой выучке личного состава».

В 1936 году Николай Николаевич вновь побывал в Италии и снова был «разочарован до предела»: «Вообще поучительного для нас в Италии было мало. Мы еще раз убедились, что итальянская армия далеко не соответствует современным требованиям». Но в то же время Воронов снова отметил: «Понравилось мне на маневрах широкое применения итальянцами радиостанций различного назначения. Стало обидно, что мы на родине еще не достигли такого высокого качества радиостанций для всех родов войск».

Острый дефицит современных средств связи означал не только потерю управления, но и отсутствие всякого взаимодействия между родами войск. Не страшно, зато мы всех обогнали «и по качеству вооружения, и по боевой выучке», а сила армии в «правильной политике».

Можно, конечно, все свалить на Тухачевского. Но при нем советские разработки по скрытой связи и радиолока-

ции были самыми передовыми в мире. Однако разработчиков-вредителей репрессировали вслед за маршалом. Наркомат связи с середины 1936 года сделал местом ссылки высокопоставленных чекистов перед их уничтожением. Сначала им руководил один из заместителей Ягоды — Г.Е. Прокофьев, затем сам Генрих Григорьевич, потом — уволенный из армии Халепский, после него — «вселагерный шеф», строитель великих каналов М.Д. Берман. Связью они интересовались менее всего, все «вредительство» выкорчевывали.

Но ведь и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков, непосредственно курировавший Управление связи НКО, только с началом войны с удивлением обнаружил, что у него нет командного пункта, своих линий связи, а хоть какие-нибудь новости о противнике можно узнать, только обзванивая по телефону сельсоветы: «Товарищ! Немцы в деревне есть?»

Уже в середине дня 22 июня 1941 года командующий Западным фронтом доложил, что из имеющихся у него трех (!) радиостанций две разбиты, а третья повреждена. Ему пообещали прислать три новые, но так и не прислали. В дальнейшем Павлов не только ничем не управлял, но даже не знал, где проходит фронт, а Генштаб не ведал, где находится сам Павлов. В Москве Жуков рыдал в голос, когда Сталин задал ему простой вопрос: «Вы управляете фронтами?»

А ведь с каким энтузиазмом они готовились воевать «на чужой территории». В мае 1940 года командарм 2-го ранга Мерецков заявил на совещании идеологических работников:

«Можно сказать, что наша армия готовится к нападению, и это нападение нужно нам для обороны. Это совершенно правильно... Исходя из политических условий, мы должны наступать, и Правительство нам укажет, что нам нужно делать».

Правда, заняв кресла, квартиры и дачи «стратегов-вредителей», ничего нового «выдвиженцы» не придумали. Разработанные ими «Соображения об основах стратегического

развертывания» практически копируют «план вторжения», написанный Тухачевским, — основной удар из района южнее Полесья — в центр Польши — только с учетом изменившихся в результате Освободительного похода границ и многократного увеличения задействованных сил.

Летом 1940 года было принято решение о восстановлении механизированных корпусов. При Тухачевском их было всего два, по 500 танков в каждом. Утверждают, что эти соединения имели ряд недостатков: мало пехоты (мехбригады две, а стрелковая одна), примитивные средства радиосвязи.

Тимошенко с Мерецковым «для глубокого потрясения фронта противника» заказали 29 механизированных корпусов по 1031 танку в каждом, но тоже без средств связи. Как управлять ими на поле боя, никто не задумывался. Скорее всего — концентрировать таранные массы и указывать общее направление движения: «Вперед, на Варшаву! Вперед, на Берлин!»

В штабах упоенно отработывали «глубокие операции» при полном пренебрежении к вопросам организации обороны.

«Вся система нашей подготовки в будущем году, — наставлял командующих округами маршал Шапошников, — в основном должна быть насыщена не оборонительными тенденциями, а идеей наступательной операции. — **Обороне должно быть уделено внимание постольку-поскольку**».

Армии прикрытия на учениях оборону имитировали чисто символически, «при этом минных полей не ставили, траншей и ходов сообщения не создавали, а лишь обозначали ячеистую систему».

Любые оперативные игры или маневры начинались стандартной вводной: поползновения «поджигателей войны» вторгнуться на советскую территорию мы, само собой, отбили и переходим в «контрнаступление». А вот на то, что «противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день компактными группировками на всех стратегических направлениях», на такую подлость, по признанию Жукова, «не рассчитывали».

Полевой устав 1939 года гласил:

«Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо существующих армий. Войну мы будем вести наступательную, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красная Армия будет вести на уничтожение, с целью полного разгрома противника».

Легкость, с какой удалось в 1939—1940 годах присоединить к СССР новые Советские республики, вдохновляла на новые свершения. Несколько подпортили впечатление реалии Финской войны, но она была объявлена «неправильной», а отдельные недостатки — устраненными. На совещаниях комсостава маршалы и генералы уверяли партию и друг друга в собственной непобедимости. На вероятных противников смотрели, как на мальчиков для битвы.

Несколько выдержек из речи Мехлиса на собрании в Киевском Особом военном округе:

«Страна социализма одета в стальную броню и бетон. Мы не чувствуем себя слабее наших вероятных капиталистических противников и смело смотрим в будущее... Вторая империалистическая война, в которую фашистские агрессоры и их поклонники втягивают человечество, похоронит на своих обломках мир капиталистического разбоя...

Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то мы обязаны будем перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик во всем мире...

...мы можем констатировать, что так называемая «ось Берлин — Рим — Токио» имеет много амбиции, но в большой войне она быстро останется без амуниции... Кичливые японские самураи, надувшись до отказа, подобно лягушке из басни Крылова, могут лопнуть от напряжения...

Бряцающая оружием, гитлеровские аферисты боятся серьезной войны, боятся и не пойдут на серьезную войну, на войну с серьезным противником. Ахиллесова пята германской армии — ненадежный тыл... Ахиллесова пята германской

армии — отсутствие денег, отсутствие достаточного количества среднего командного состава, необходимого для большой войны...

...за германскими проделками в Румынии мы будем и обязаны следить пристально, и мы должны готовиться к тому, чтобы в случае навязывания нам войны румынская нефть, на которую так зарятся германские фашисты, потекла в желательном нам, а не немцам направлении...

Нам дан строжайший наказ — громить и уничтожать врага на его территории и малой кровью. Надо работать так, чтобы враг не мог опомниться, чтобы инициатива с первого часа войны принадлежала и находилась целиком в наших руках».

Что там, шапками закидаем. Как заметил Б. Рассел, те, кто принимает большевизм, «невосприимчивы к доказательствам науки и совершают интеллектуальное самоубийство».

Думали не о защите Отечества — у пролетариев его нет, — а исключительно о том, как на штыках понесут счастье народам Европы и Азии, как будут помогать трудящимся Зимбабве налаживать работу ЧК и пускать в расход враждебные классы, крестьянам Камбоджи — организовывать колхозы, пролетариям Италии — национализировать заводы и экспроприировать эксплуататоров. Некий майор А. Соловьев фантазировал с трибуны: «Ведь когда-то наши командиры займут в мире положение британских офицеров. Так должно быть и так будет. Мы будем учить весь мир».

Перекося в мозгах, вызванный страхом быть зачисленным в разряд врагов и идеологической накачкой, не позволял «красным колонизаторам» реально оценивать обстановку. Все, что не укладывалось в их представления о возможностях противника, о характере будущей войны, просто отметалось, как несущественное или несуществующее. Маршал Шапошников после победоносных кампаний вермахта в Польше и во Франции пренебрежительно отметил: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». Задумываться не над чем, когда сам товарищ Сталин «планирует историю».

Оказалось, что историю планировал не только он.

В первые же дни войны советские военачальники продемонстрировали полное отсутствие профессионализма, неспособность управлять крупными войсковыми соединениями в реальных условиях, пренебрежение всеми правилами ведения боевых действий. Они бросали войска в сражение без подготовки, без авиационной разведки, без авиационного прикрытия.

Войска, вопреки требованиям собственных уставов, развертывались и действовали на широких фронтах, в произвольных направлениях, без взаимодействия друг с другом. Оборона строилась по принципу кордонной линии, без должной глубины, без учета тактики противника, характера местности и важности обороняемых направлений.

Оперативное построение армий почти всегда было одноэшелонным, силы и средства в соединениях также распределялись равномерно по всему фронту. Резервов не было. Об обеспечении стыков и флангов генералы не заботились, сваливая эту головную боль на соседей.

В ходе оборонительных операций отсутствовал широкий маневр силами и средствами за счет других, менее активных участков. Отход войск с одного оборонительного рубежа на другой, как правило, вынуждался обстановкой и осуществлялся под сильным огневым воздействием противника. Заблаговременная подготовка рубежей и организация устойчивой обороны в тылу осуществлялась редко. В результате в случае вынужденного отхода и на новом рубеже не удавалось закрепиться.

Аукнулось шапошниковское «постольку-поскольку», но в основном — просто безграмотность, незнание элементарных основ военного искусства, неумение прогнозировать действия противника. Почему-то не рушился «ненадежный тыл» германской армии, не организовывал повстанческих отрядов европейский пролетариат, и с амуницией все у немцев оказалось в порядке.

Маршал А.И. Еременко (1892—1970), прозевавший удар танковой группы Гудериана на Орел и оставшийся без фронта, после войны сокрушенно качал головой:

«Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли тогда разгадать намерения противника?.. Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов, Новгород-Северский, Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел и Тулу был кратчайший. Десну форсировать не надо. Брянские леса остаются севернее. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр».

Остается сделать вывод, что в сентябре 1941 года Еременко читать карту еще не умел.

Оказавшись в окружении, советские полководцы впадали в полную прострацию, поскольку просто не знали, что нужно делать в такой непредусмотренной уставами ситуации. Одни пытались во что бы то ни стало удержать занимаемый район, другие — хаотично и бестолково бросали тающие силы на прорыв в различных направлениях. Маршал Конев писал:

«Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника. Конечно, борьба в окружении — сложная форма боя, и, как показал опыт войны, мы должны были готовиться к такому виду действий, чего, к сожалению, перед войной не делалось».

В конце концов и те и другие отдавали войскам приказ разбиться на мелкие группы и выходить из котлов самостоятельно. Оставшиеся без командиров, красноармейцы десятками тысяч сдавались в плен, бросая оружие и технику. Разнокалиберные командующие просачивались на восток в сопровождении самого близкого круга командиров и личной охраны, не пытаясь возглавить какое-нибудь подразделение: так было легче проскользнуть незамеченными.

Генерал А.А. Власов выходил из окружения дважды, и каждый раз «группа прорыва» состояла из самого генерала и очередной походной жены. Если имелась такая возможность, наши военачальники просто грузились в самолеты и улетали, передавая оставшимся войскам пламенный привет

и последний приказ: «сражаться до последней возможности» или «наступать перевернутым фронтом».

Невозможно представить себе Паулюса, бросившего в Сталинграде свою 6-ю армию, и Гитлеру не могло прийти в голову вывезти из котла фельдмаршала. Когда фюрер отдал приказ оставить гиблое место командиру 14-го танкового корпуса генералу Хюбе, тот «категорически отказался подчиниться. Он отправил в Берлин сообщение, что он привел своих солдат в Сталинград и приказал им сражаться до последней пули. А теперь он намеревается показать им, как это делается».

Сравним это с бегством советского командования из Севастополя в июле 1942 года, когда почти все руководители обороны — адмирал Октябрьский и генерал Петров, их штабы, все командиры дивизий, все партийное руководство и чины НКВД — около 500 человек — погрузились на самолеты и подводные лодки и благополучно отбыли, бросив на произвол судьбы 100-тысячный гарнизон. Понятие о воинской чести им отшибли смолodu.

Сталинские генералы готовились только наступать, но, как выяснилось, наступать они тоже не умели. Во-первых, сразу терялось управление; во-вторых, «не хватало опыта»; в-третьих, мешал противник, создавая своими действиями «сложную обстановку». Примеров тому не счесть.

Май 1942 года. Уже год идет война, германская армия потерпела поражение под Москвой, но устояла. Воспрянувший духом Сталин велел закончить войну в 1942 году. Две армии Юго-Западного фронта, наступая на Харьков, сами влезли в организованный для них немцами «мешок». В последний момент маршал Тимошенко отдал приказ: развернуться частью сил и совместными ударами разгромить вышедшего в тыл противника.

«Ничего не скажешь, — пишет маршал Москаленко, командовавший 38-й армией, — замысел был смелый и представлялся авторам простым и реальным. На деле все обстояло не так просто. Прежде всего, необходимо было произвести перегруппировку больших масс войск, разбросанных на

большом пространстве. А мы тогда еще не умели делать это должным образом».

Июнь. Самому Москаленко дали танковый корпус и приказали контратаковать:

«Танковые бригады нанесли удар в лоб. Между тем были вполне возможны и обходные маневры, которые, несомненно, дали бы лучший результат... К сожалению, в описываемый период войны мы еще далеко не всегда обладали таким умением и еще только накапливали драгоценный опыт... Да, многому научились мы в ходе майских и июньских боев в 1942 году. Стали лучше видеть и предугадывать замыслы противника, лучше планировать и управлять боевыми действиями».

Начало июля. Три советских танковых корпуса в районе Старого Оскола вступают в сражение с 48-м танковым корпусом противника и терпят поражение. «Командиры танковых корпусов, — объясняет маршал А.М. Василевский, — еще не имели достаточного опыта...»

ОНИ НЕ УМЕЛИ НИЧЕГО, кроме как стучать кулаком, требовать «стоять насмерть», грозить трибуналом, «внушать бодрость» войскам при помощи заградительных отрядов и забрасывать врага трупами красноармейцев.

Летом 1942 года Сталин окончательно убедился, что «гинденбургов» у него нет. Их и не могло быть. В той Большой войне, которую он по-дилетантски готовил, они ему были не нужны. Полководцев Отечественной войны пришлось готовить в ходе самой войны и лично, осваивая постепенно военное дело, писать для них инструкции: о необходимости использовать радиосвязь и иметь резервы, об использовании инженерных заграждений, об «артиллерийском наступлении» и концентрации сил, о взаимодействии, о пересмотре тактики и даже о необходимости проявлять инициативу.

Расплачиваться за невежество пришлось долго и большой кровью. Не своей, конечно.

22 августа 1944 года маршал Г.К. Жуков писал начальнику Главного управления кадров:

«Чему нас учит полученный опыт?»

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронтов встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Черевиченко, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.), на армии ставились также малоизученные люди.

Иначе и не могло быть, так как подготовленных еще в мирное время кандидатов на фронты, армии и соединения не было. Людей знали плохо. Наркомат обороны в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих командовать фронтами и армиями... короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров...

Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей».

Таким образом, маршал Жуков письменно подтвердил все изложенное выше. Что мне импонирует в характере Георгия Константиновича, так это его скромность. В списке военачальников, «которые проваливали одно дело за другим», себя он обозначил под псевдонимом «и др.».

Судя по количеству израсходованных им солдат, «маршал Победы» был одним из самых бестолковых. Впереди у него была Берлинская наступательная операция; по темпам потерь (16 тысяч убитыми и ранеными ежедневно) она превзошла даже самые кровопролитные летние сражения 1943 года (11–12 тысяч в сутки). Война почти закончилась, и Жуков, видимо, спешил восполнить пробелы в своем «образовании», расплачиваясь кровью сполна.

Часть III

КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ

«Посылать людей на войну, не обучив, значит предавать их».

Конфуций

В июле 1918 года V съезд Советов, одобрив решение ВЦИК о введении всеобщей воинской обязанности, специально подчеркнул, что право защищать Социалистическое Отечество с оружием в руках предоставляется только трудящимся. Но в хаосе развязанной большевиками Гражданской войны классовую чистоту рядов соблюсти не получилось.

Троцкий писал:

«Армия строилась под огнем. Приемы строительства, в которых господствовала импровизация, подвергались немедленному испытанию на деле. Армия росла численно чрезвычайно быстро. Объяснялось это, с одной стороны, чрезвычайной протяженностью фронтов, с другой стороны, рыхлостью военной организации. Недостаточная подготовка вызывала, естественно, чрезмерный расход человеческой силы. Быстрый и полухаотический рост армии вызывался тем, что для разрешения каждой новой боевой задачи приходилось строить из ничего новые полки и дивизии...

Мы были чужды педантизму и шаблонам, прибегали ко всяким комбинациям и экспериментам, ища успеха. В одной армии командует бывший унтер-офицер при начальнике штаба из бывших генералов. В другой армии командует бывший генерал при помощнике из партизан. Одной дивизией командует бывший солдат, в соседней — полковник Генерального штаба. Этот «эклектизм» навязывался всем положением».

К концу Гражданской войны численность Рабоче-Крестьянской Красной Армии достигла 5,5 миллиона человек. Один за другим ликвидировались фронты. Однако революция в Европе не состоялась, страна лежала в запустении, а

содержать и кормить такую прорву молодых, здоровых и ничего не производящих мужчин было не по карману. Вместо раздувания «мирового пожара» пришлось заняться проблемами восстановления хозяйства и «социалистическими преобразованиями». Благо внешние враги — весь капиталистический мир — зализывали раны, нанесенные мировой бойней, и новой интервенции не замыслили.

Поэтому с начала 1920 года победоносные пролетарские армии, одну за другой, стали превращать в марксовы трудовые. По замыслу Ленина и Троцкого, солдаты этих армий с винтовкой в одной руке и лопатой в другой должны были заниматься ликвидацией последствий Гражданской войны и одновременно бороться с «внутренней контрреволюцией» и вообще быть начеку. В январе—апреле было образовано восемь трудовых армий: 1-я Революционная армия труда (бывшая 3-я армия), Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта), Петроградская Революционная (7-я армия), 2-я Особая железнодорожная (4-я армия), Донецкая и Сибирская трудовые армии...

В составе различных трудовых формирований было 2,5 млн красноармейцев, то есть половина вооруженных сил. Они занимались в основном неквалифицированным трудом: восстановлением шахт и железных дорог, заготовкой топлива и продовольствия, бесконечными погрузками и разгрузками. В общем, всем тем, что станет постоянным и главным занятием советского солдата в мирное время. Одновременно личным примером и пламенными речами красноармейцы вели культурно-просветительную работу среди аборигенов.

Когда были вырыты все каналы, загружено и разгружено 460 тысяч вагонов и заготовлено 66 тысяч кубометров дров, стало ясно, что и трудовые армии нерентабельны. Они были расформированы в 1922 году. Одновременно началось глобальное сокращение вооруженных сил. Из командного корпуса в первую очередь удаляли бывших офицеров царской армии и нераскаявшихся троцкистов.

8 августа 1923 года декретом ВЦИК и Совнаркома была введена смешанная система комплектования, позволившая

на порядок уменьшить численность армии и до минимума урезать расходы на нее. Суть идеи состояла в том, что лишь небольшая часть воинских соединений осталась кадровой (так, до 1931 года весь Дальний Восток прикрывали 6 стрелковых дивизий, 2 кавалерийские бригады и 6 эскадрилий авиации, в которых насчитывалось 42 тысячи человек), остальные переводились на территориально-милиционную систему комплектования.

В территориальных формированиях в мирное время содержалось минимальное количество кадровых военнослужащих, в основном командный состав, которые занимались военным обучением приписанного к соединениям переменного состава. При такой системе состоящие на учете резервисты, проживающие в районах дислокации воинских частей, регулярно призывались на учебные сборы, на которых проходили воинскую подготовку. По мобилизации все они были обязаны прибыть в свои части, укомплектовывая их тем самым по штатам военного времени.

Призыв рядового состава осуществлялся на основе Закона об обязательной военной службе, принятого 18 сентября 1925 года. В нем было установлено, что защита СССР является обязанностью всех граждан, но оборона страны с оружием в руках доверяется только трудящимся, «на нетрудовые элементы возлагается выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза ССР». В армию зачислялись годные по состоянию здоровья граждане, достигшие 21 года, которые должны были отслужить в вооруженных силах пять лет.

В кадровых частях эти годы слагались из непрерывной службы от 2 до 4 лет, в зависимости от рода войск и специальности, и пребывания в долгосрочном отпуске 1—3 года с привлечением в это время на учебные сборы общей продолжительностью не более двух месяцев. Переменный состав территориально-милиционных формирований регулярно призывался на учебные сборы общей продолжительностью 8—12 месяцев. В период между сборами резервисты числились в воинских частях состоящими в отпуске и могли участвовать в строительстве социализма.

На кадровую службу охотно шла та часть сельской молодежи, которая хотела вырваться из деревни и перебраться в город. Младших командиров пытались готовить из наиболее грамотных красноармейцев на ускоренных курсах в батальонных школах. При этом срок службы им продлевали с двух до трех лет. В военные школы, где готовились «красные командиры», старались набирать рабочих.

В 1926 году была введена военная подготовка в общеобразовательных школах, но толку от нее было немного. Кроме того, ежегодно в летнее время по всему Советскому Союзу проводились «недели обороны» с обязательным участием всего трудоспособного населения страны. В это же время был создан ряд оборонно-патриотических обществ, объединенных в январе 1927 года в «Осоавиахим».

Общая численность вооруженных сил с 1924 по 1931 год не превышала 640 тысяч человек, а количество начальствующего состава — 40 тысяч.

На протяжении 1920-х годов армия просто боролась за свое выживание. Так, 20 января 1924 года заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский (1892—1925) сообщил в Совет Труда и Обороны:

«При предельных окладах для младшего комсостава — 18 рублей, для среднего — 40 рублей и для старшего — 60 рублей, т.е. для преобладающей по численности категории военнослужащих, получаемое ими содержание не составляет даже прожиточного минимума. При современных условиях рынка оклад не может обеспечить не только семьи, обреченные на все лишения полуголодного существования, но и их самих».

В сводке Политического управления от 15 ноября 1926 года указывалось:

«Материальное положение начсостава, особенно семейного, остается неудовлетворительным. Получаемый оклад содержания едва покрывает расходы на питание, оплату квартиры и покупку дров.

Наиболее большим местом в быту начсостава является квартирный вопрос. Большинство живет на частных квар-

тирах и платит 10—20 рублей в месяц. Такая дороговизна вынуждает семейный начсостав нередко с семьей из 3—5 человек ютиться в одной комнате. Коммунально-бытовых денег часто не хватает на оплату квартиры. Много квартир непригодно для жилья...

Задолженность начсостава, особенно семейного, растет. Получаемого содержания в большинстве не хватает. Приобретение одежды и предметов первой необходимости неизбежно ставит начсостав перед необходимостью залезть в долги. Некоторые командиры при получении жалования только расписываются... некоторые лица начсостава кредитуются у частных торговцев. В 191-м полку часть начсостава носит свои вещи в заклад к ростовщику...

Тяжелые условия быта, необеспеченность создают подавленное настроение начсостава, понижают работоспособность. Наблюдаются разговоры о «нищенском существовании».

Генерал-полковник И.М. Чистяков (1900—1979), в 1922—1924 годах командовавший взводом в 37-м стрелковом полку, вспоминал:

«Красноармеец должен был получать в день фунт хлеба, но ему выдавали только двести граммов, потому что остальные двести отчислялись детским домам... Страна делала все возможное, чтобы облегчить участь детей, поэтому и красноармейцы стойко переносили полуголодную жизнь. Вволю поели крапивы. Наварят ее полный котел, бросят туда кружку крупы или кукурузной муки, вот и приварок.

(Установленный паек красноармейца неизменно превосходил паек рабочего. Другое дело, что из положенных продуктов и в каком виде доходило до реального бойца. Так, в Западном военном округе «выдавалась солонина, которая была засолена с кишками и калом и издавала отвратительный запах. Во многих частях выдавался сырой хлеб с примесью песка, суррогатов, а часто и мусора». А потом в казармах крутили фильм «Броненосец «Потемкин».)

Я, командир, как и мои подчиненные, в то время ходил в лаптях. Гордо ходил! Наган на одном боку, полевая сумка на другом — девушки смотрели! Приходишь в казарму, лапти

поскорее в воду, знаешь, что старшина строгий. Красноармейцам говорил: «Кто лапти раньше пяти дней износит, новые давать не буду — топчитесь по лужам». И правда, идем строем, а как увидим лужу, все в нее гуртом — потопчемся, лапти намокнут, значит, не растрескаются раньше времени, дольше прослужат. В пулеметной роте было шесть командиров... На всех была одна пара сапог. Брали мы самый большой размер, чтобы подошли всем. Составляли график, когда кому в них идти в город».

На пленуме ЦК в апреле 1928 года нарком Ворошилов жаловался на трудности в подготовке командных кадров:

«Из крестьянина выработать командира нелегко, потому что мы его должны политически обрабатывать столь долго и столь серьезно, что эта задача становится иной раз не по силам. Настоящих пролетариев в военные школы мы почти не получаем. Бытовые и прочие условия в Красной Армии таковы, что они ни в какой степени не могут служить приманкой для хороших пролетарских кадров».

Постепенно материальное положение военнослужащих, в первую очередь начальствующего состава, улучшалось, но квартирный вопрос так и остался «наиболее большим местом в быту начсостава». Советская Родина никогда не жалела денег на самую большую в мире бомбу или ракеты-«сосиски», при этом неизменно экономила на своих защитниках, одновременно уверяя, что народ ради них снял с себя последнее.

Широко пропагандировался тезис о том, что новая армия по духу в корне отличается от старой: «В Красной Армии не стало антагонистического классового расслоения, которое существовало между барами — командирами и «холопами» — солдатами, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Однако классовая демагогия не могла скрыть тот факт, что воинственно невежественные хозяева новой жизни, выбившиеся в начальники в силу одного лишь пролетарского происхождения и дорвавшиеся до власти, во многих отношениях сумели переплюнуть дореволюционных «бар». Осо-

бенно ярко это стало проявляться в конце 20-х годов, по мере закручивания гаек в отношении крестьянства.

«Серьезной причиной недовольства красноармейцев, — сообщало ОГПУ в «Обзоре политико-экономического состояния СССР, — является рост староофицерских замашек комсостава (грубость, пьянство, матерщина и денщикество), укоренившихся в отношении к красноармейцу даже и со стороны политсостава...

Эксплуатация красноармейцев для личных нужд — явление массовое, отмечаемое почти во всех округах; часты случаи посылки вестовых в распоряжение жен, матерей и т.п. для выполнения домашних работ...

Грубость комсостава увеличивается с каждым месяцем, принимая формы полнейшего пренебрежения к красноармейской массе, предпочтения репрессивных мер вместо морального воздействия на красноармейцев и подчиненных, также эксплуатации красноармейцев...»

Между тем в «классово расслоенной» царской армии со времен Петра Первого офицеру запрещалось отдавать приказания, не относившиеся к служебным делам. Более того, солдат такого рода приказания не обязан был выполнять и должен был донести на офицера в суд. Согласно Артикулу воинскому 1715 года: «Команда офицерская более не распространяется над солдатами, токмо сколько Его Величества и Его Государства польза требует; а что к Его Величества службе не касается, то и должность солдатская того не требует чинить».

Буйным цветом распускались в Красной Армии мордобой и поголовное пьянство:

«Пьянство в частях прогрессирует и становится характерным для быта комсостава армии в мирной обстановке. Во многих случаях оно сопровождается дебоширством и пьяным разгулом в ресторанах, вплоть до уличной стрельбы. В некоторых частях пьянство подрывает всякий авторитет комсостава и представляет серьезную опасность...

Отношение комсостава к своим обязанностям халатное. Командиры по несколько дней не посещают занятий и оторваны от красноармейской массы. Местами комсостав

представляет касту, совершенно чуждую интересам красноармейцев...

Упадочность настроений среди политработников армии особенно наблюдается в частях Кавказской армии, где за последнее время участились случаи самоубийства. Из анонимной анкеты, проведенной партколлегией 3-й дивизии, выяснилось, что до тридцати процентов коммунистов дивизии думают или думали о самоубийстве как о выходе из тяжелого положения...

В Приволжском военном округе помощник командира роты в пьяном угаре разделся сам, раздел проститутку, с которой начал плясать русского. Остальные подняли стрельбу из револьверов, подняв много шума...

В Уральском военном округе попойки носили характер оргии, где некоторые жены комсостава танцевали чуть ли не нагими. Была попойка женская, на которой присутствовали все жены комсостава 20-го полка. Попойка продолжалась танцами, дебошами, руганью, и дошло до того, что случайно попавший командир был повален на пол, были спущены брюки, и ему стоило много трудов вырваться оттуда неизнасилованным».

Несмотря на это, а также на недовольство большинства красноармейцев развернувшейся на селе коллективизацией, Ворошилов заверял, что «армия крепка, боеспособна и является надежной опорой диктатуры пролетариата». Однако вместо боевой учебы основной упор делался на политическую обработку личного состава, моральное состояние которого было крайне низким в связи с ограблением деревни и введением карточной системы. Из десяти часов рабочего времени почти половину занимало прослушивание сказок политруков о прекрасной жизни в Советской стране.

«Счастлив тот человек, кто родился в советский век».

«Великие победы нас ждут впереди под лучами красной звезды».

«Солдатская честь и слава дороже хлеба и сала».

Известный генерал П.Н. Краснов (1869—1947) в своем труде «Душа армии» утверждал:

«Чем выше идеалы, за которые борется армия, тем доблестнее она ведет себя на войне...

Все духовное запрещено для красноармейца. У него нет ни воспоминаний о славном прошлом, ни надежды на светлое будущее. Жизнь — это сегодняшний день. Живи и радуйся им... Мы не можем себе представить, какой беспросветный мрак, какой неистовый ужас царят в красноармейской душе. Это такая пустота, которую не зальешь никаким самогоном, не заглушишь никакими насилиями над женщинами, никакой гульбой. Их новые песни грубы и дики, их развлечения низменны, впереди у них ничего. Будущего нет. Их слава — темная, кровавая слава, без лучезарного слияния со светлой славой предков, без оправдания в будущем. В этом кроется мужество многих из них и их военная сила. Это мужество отчаяния, это сила страшного своею пустотой сознания: «ничего больше не остается делать, как сражаться и умирать...»

В самих приемах военного воспитания коммунисты не придумали ничего нового. Они использовали старые способы влияния на человеческую душу: религию, патриотизм, знамя, лозунги, сомкнутый строй, музыку, пение, внешность начальника. Их религия — «Ленинизм», Заветы «Ильича» — их заповеди».

Таким образом, в 1920-е годы Советский Союз имел армию небольшую, технически отсталую, неграмотную, скудно финансируемую, опутанную политическим контролем и мало боеспособную. Какие-то из этих недостатков удастся исправить, но врожденные пороки остались неизлечимы.

Коренной перелом в советской военно-политической доктрине произошел в 1932 году после затянувшегося ответа Сталина на записку Тухачевского. Иосиф Виссарионович, в частности, писал:

«Несомненно, что изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая реорганизация армий создают совершенно новую обстановку, лишаящую старые споры о большом количест-

ве дивизий их решающего значения.... Я думаю, Вы согласитесь со мною, что 6-миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной, — будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей родины на всех без исключения фронтах. А такая армия нам более или менее по силам».

Для Штаба РККА пожелания Вождя явились руководством к действию, хотя для решения оборонительных задач такая армия была не нужна (в 1930 году было признано, что для противостояния «Западному блоку» достаточно развертывание армии численностью 3–3,5 миллиона человек).

К началу 1933 года численность вооруженных сил достигла 800 тысяч человек, к началу 1934-го — перевалила за миллион.

В августе 1936 года призывной возраст был установлен 19 лет.

Мобилизационный план 1938 года уже предусматривал развертывание 8,6-миллионной армии. 1 сентября 1939 года внеочередной сессией Верховного Совета СССР был принят новый закон о всеобщей воинской обязанности. Поскольку эксплуататорские классы были уничтожены, то закон провозглашал службу в рядах Красной Армии почетной обязанностью и священным долгом каждого гражданина СССР, независимо от социального происхождения и положения. Сроки службы устанавливались: в сухопутных и внутренних войсках для рядового состава — 2, для младшего начальствующего состава — 3 года; в авиации, частях береговой обороны и пограничных войсках — 4 года; на кораблях и частях ВМФ — 5 лет.

Для обеспечения вооруженных сил командными кадрами всех специальностей разворачивалась широкая сеть учебных заведений. Так, если в 1937 году в стране имелось 75 военных училищ и школ, в том числе 7 морских и 18 авиационных, то на 1 мая 1941 года их насчитывалось уже 255, включая 100 авиационных и 16 морских.

При комплектовании училищ предпочтение отдавалось красноармейцам срочной службы и сверхсрочникам в возрасте до 25 лет, для гражданской молодежи возрастной ценз

ограничивался 22 годами. На военную службу шли ровесники Революции, выросшие и воспитанные при советском строе.

Надо сказать, что созданию «нового человека», который только и способен жить при задуманном ими коммунизме, марксисты придавали первостепенное значение. Самый бородатый из классиков для «производства всесторонне развитых людей» предлагал использовать фабричный труд подростков в сочетании «с преподаванием и гимнастикой». Ленин, мечтая всю молодежь «научить коммунизму», предлагал воспитывать ее с двенадцати лет «в сознательном и дисциплинированном труде» и вырабатывать в ней «коммунистическую нравственность», подчиненную интересам классовой борьбы пролетариата.

«Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом, — пророчески писал Ф.М. Достоевский. — Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях — клевета и убийство, а главное — равенство. **Первым делом понижается уровень образования, наук, талантов**».

И точно, едва завоевав страну, первым делом новоявленные просветители принялись жечь книги.

Вообще, как показывает исторический опыт, все революционеры, придя к власти, становятся мракобесами. Силой они захватывают власть, террором приводят народ к повиновению, насильно ведут «истомленную массу» к всеобщему счастью, помахивая перед носом морковкой светлого будущего и приставив ствол пистолета к затылку. Чтобы скорее оболванить народ своими идеями, необходимо оградить его от тлетворного влияния идей посторонних.

В решении этой задачи большая роль отводилась Народному комиссариату просвещения, в рамках которого 12 ноября 1920 года был образован Главный политико-просветительный комитет Республики. Бессменным председателем комитета до 1930 года была Н.К. Крупская. Известный историк Ю.В. Готье однажды был приглашен на заседание «горилл», после чего сделал запись в своем дневнике:

«Я был водим в Комиссариат Народного просвещения на заседание коллегии комиссариата... На заседании присутствовала Н.К. Крупская-Ульянова, без 5 минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью; остальные присутствовавшие были Познер, Шапиро, Маркс и другие представители господствовавшего племени...

Оказалось, что мне не нужно было вовсе приезжать. Я однако не раскаиваюсь, что потерял здесь время; картина убожества и неумения ничего сделать, разве что утопать в словах, была так ярка, что оставила во мне неизгладимое впечатление и убедила еще раз, что эти существа, имеющие от людей только образ, ничего создать не могут».

Надежда Константиновна, в молодости просвещавшая рабочих, нашла, наконец, себе занятие по душе. Утвержденная ею инструкция предписывала немедленно развернуть работу по очищению библиотек от «вредной литературы». Инструкция Крупской легла в основу секретной директивы Наркомпроса, подписанной в 1923 году.

Согласно ей изъятию и уничтожению подлежала литература «следующих «типов»: патриотическая, черносотенная, враждебная передовым идеям, религиозно-нравственная, историческая беллетристика, идеализирующая прошлое, проповедующая мещанскую мораль, сентиментальная, «бледная, не художественная», упадочного настроения, пошлая юмористика, «литература надрыва и упадочнического настроения», мистика, романы приключений и т. д.

Далее документ уточнял:

«Так как под эти рубрики можно подвести почти всю старую литературу, то Главполитпросвет вырабатывает примерные списки изымаемой литературы, которые в течение ближайшего времени будут периодически высылаться, чтобы места имели более конкретные представления о том, что допустимо в библиотеках... Списки эти примерные и потому отнюдь не будут исчерпывать всего, что надо изъять».

Лица, «виновные в сокрытии запасов книг», подлежали преданию суду.

В число авторов, мешающих «советскому строительству», первыми были зачислены все философы, историки, психологи, социологи, этики: Кант, Платон, Декарт, Ницше, Шопенгауэр, Спенсер, Соловьев, Мах. Все они заменялись марксизмом, аккумулировавшим в себе всю «сумму человеческих знаний». Следом были запрещены Лев Толстой и Достоевский, Лажечников и Загоскин, Дюма-отец и Майн Рид, Сенкевич и Аверченко... Вместо них подлежали распространению брошюры «Всемирный Октябрь» и «Уничтожайте вошь», портреты Маркса, Ленина, Троцкого, Свердлова.

Перефразируя изречение халифа Омара: «Зачем нужны библиотеки, если у нас есть «Капитал»?» (Когда Ленин впал в маразм и решил заняться разведением кроликов, книги пришлось выписывать из Германии.)

Подлежала уничтожению вся старая школа, по мнению Ленина, «вырабатывавшая прислужников, необходимых для капиталистов», и старые вузы, которые нарком Луначарский объявил «кучей мусора».

В педагогике и в образовании на первое место выдвигались задачи формирования у подрастающего поколения классового сознания, чуть ли не с пеленок. В 20-е годы от воспитателей детских садов и преподавателей школ требовали проведения «правильной классовой политики» и воспитания у детей ненависти к «социально чуждым элементам». Трех-четырёхлетним малышам разъясняли сущность классовой борьбы и реакционность буржуазии.

В школах комиссии проверяли, у всех ли учеников собраны подписки о непосещении церкви, как проходит антирождественская кампания, проводится ли «индивидуальная обработка ребят, отрицательно настроенных со стороны общественно-политической». Шкрабам (учителей переименовали в «школьных работников»), воспитанным в дореволюционную эпоху, ставилось в вину чрезмерное «увлечение общепросветительными задачами в ущерб интересам пролетариа-

та». Высказывания вроде того, что «учитель должен учить», расценивались как вражеская диверсия и «кулацкая» пропаганда. От учителей требовалось не обучать, а «идеологически воспитывать у учащихся вражду к чуждому им классу».

«Борясь за темпы коммунистического воспитания, — писал сотрудник Наркомпроса В. Шульгин, — мы должны освободиться от традиционных излишеств... Надо выкинуть все излишнее из программ, надо пересмотреть их под углом зрения ускорения темпа».

И пересматривали, и выкидывали. Большевики, выдвинув лозунг о ликвидации безграмотности, вовсе не собирались заниматься просветительством, которое всегда таит угрозу диктатуре. Ленин, позируя живописцу Ю.П. Анненкову, высказался вполне определенно:

«Вообще, к интеллигенции, как вы знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг «ликвидировать безграмотность» отнюдь не следует толковать как стремление к народжению новой интеллигенции. **«Ликвидировать безграмотность» следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель — вполне практическая, только и всего.»**

Еще в апреле 1918 года начала реализовываться программа пролетаризации университетов. Для начала в августе того же года отдельным декретом была отменена необходимость среднего образования. Отныне все желающие старше 16 лет получали право поступать в высшие учебные заведения без представления диплома, аттестата или сведений об окончании какой-либо школы.

В октябре 1920 года Ленин сформулировал принципы реформы высшего образования: 1) наука только для бедных; 2) никакой свободы преподавания; 3) повышение материального обеспечения сотрудников, преданных советской власти. Абитуриенты отбирались по классовому признаку, независимо от уровня их подготовки и способностей. «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» предписывало принимать в вузы всех детей рабочих и крестьян,

имеющих направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

Задачи советского студента озвучила в 1924 году верная боевая подруга вождя Крупская: 1) учиться марксизму и ленинизму; 2) дополнить пролетарское происхождение усвоением пролетарской идеологии; 3) вооружившись идеологией, преобразовать жизнь. И пусть мы проиграем в квалификации «красных спецов», зато у нас будет «прочная гарантия того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не съедет где-нибудь под откос». Обученные марксизму «красные профессора» должны были заменить буржуазных специалистов.

Циркуляр ЦК комсомола указывал: «Основной задачей вузов должна быть подготовка специалистов, преданных партии и советской власти. Эта основная задача может быть достигнута, если командирующие организации проведут тщательный отбор кандидатов в вузы».

8 июня 1922 года на заседании Политбюро были приняты предложения заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта о разработке мероприятий по вопросам «фильтрации студентов к началу будущего учебного года», установлении «строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения» и «установлении свидетельств политической благонадежности». Вскоре к этим пунктам появилось дополнение: «До начала учебного года все студенты (кроме членов РКП и РКСМ) обязаны представить отзыв ГПУ по месту нахождения вуза о лояльном отношении к советской власти».

Вступительные экзамены теперь не имели никакого значения. Важна была чистота анкеты и благословение партийно-чекистского аппарата. При наличии первых двух условий большим подспорьем могла стать «пролетарская» внешность и манера поведения. Как вспоминал М. Москвин:

«Чем более «пролетарски» вы выглядите, чем грубее ваша речь и тупее ответы, тем больше шансов на то, что вы будете грызть гранит науки».

Важно также умение материться, бить «по сопатке», но-

снять одежду по-пролетарски и «познать, что грубость не порок, что насилие — добродетель, и только тогда кандидат на высшее образование становится частицей материала, который пролетаризирует вузы».

Да он готовый «красный офицер»!

К началу 1925 года в вузах страны удельный вес выпускников рабочих факультетов среди студентов составлял уже 43 процента. Пленум ЦК ВКП(б) в июле 1928 года потребовал поднять этот показатель до 65 процентов. Одновременно в 20-е годы регулярно проводилась чистка учебных заведений от «чуждых элементов». Только в 1925 году из высшей школы было изгнано 40 тысяч студентов.

Учебные программы приходилось адаптировать к уровню катастрофически безграмотных молодых пролетариев. В Московском высшем техническом училище изъяли из программы курс по сопротивлению материалов, дабы не обременять студентов сложностями высшей математики; в ряде университетов полностью упразднили физико-математические факультеты. Как «устаревшие и бесполезные для диктатуры пролетариата» были ликвидированы юридические и историко-философские факультеты, изъято преподавание истории из средних школ. (Первейшим марксистским историком и официальной главой советской исторической науки стал большевик М.Н. Покровский, переписавший русскую историю с классового точки зрения: «Но сторонниками этой науки, кроме самого Покровского, были только одиночки-историки из числа членов партии. Представители старых русских исторических школ не признавали ни авторитета Покровского, ни его исторической концепции. Собственно, поэтому пришлось упразднить на время вообще историческую науку в России».)

Тщетно взывал в своем обращении к Совнаркому 8 февраля 1922 года коллектив преподавателей МВТУ:

«Прием в школы массы неподготовленных, иногда почти безграмотных лиц, заставивших столь немногочисленный в России и потому особенно для нее ценный персонал научных работников расточать силы на элементарную под-

готовку принятых лиц и притом несомненно с худшим результатом, чем это могла бы сделать правильно поставленная средняя школа».

Старорежимных профессоров, возомнивших себя «ценным персоналом», заменяли «красными профессорами». Один из них, некто А.Б. Залкинд, в 1924 году опубликовал «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата», где, в частности, писал:

«Пролетариат имеет все основания для того, чтобы вмешаться в хаотическое развертывание половой жизни... Все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутриклассовые отношения, должны быть беспощадно отмечены... Половое влечение к классово-враждебному, морально противоположному, бесчестному объекту является таким же извращением, как половое влечение человека к крокодилу, к орангутангу...» Далее шел бред про «классовый противоположный насос», с помощью которого предлагалось «отсосать обратно ценности», похищаемые из пролетарского организма.

Уровень образования закономерно и неуклонно снижался, но и в упрощенном варианте качество усвоения материала оставалось невысоким. Так, в МВТУ в 1926 году не успевало 38 процентов студентов, а из 378 выпускников 262 являлись второгодниками. В технических училищах количество второгодников составляло более 55 процентов всех студентов. Сами руководители советской системы образования признавали, что «вузы готовят «дефективных» инженеров и врачей, и их дефективность не заметна потому, что эти инженеры ничего не строят, а врачи работают в условиях эпидемий, косящих людей».

Ничего не строящие инженеры, никого не лечащие врачи, не умеющие воевать военные — все это стало еще одной стойкой советской традицией.

В военные учебные заведения, естественно, направлялись самые отборные молодежные кадры. Ведь они получали в руки оружие, изучали «самую лучшую в мире» и самую

секретную технику. Поэтому чистоте анкеты придавалось особо большое значение, а сокрытие «чуждого происхождения» считалось тяжким преступлением и сурово наказывалось. Те, кому не повезло с происхождением, имели возможность попасть на службу при условии сильно выраженной любви к советской власти и публичного разрыва со своими родителями, как, к примеру, сделал сын священника будущий маршал А.М. Василевский.

Лишь в декабре 1935 года, после сталинского знаменитого «Сын за отца не отвечает», постановлением ЦИК и СНК были сняты ограничения, «связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей». Формально. Поскольку практически одновременно вышел секретный циркуляр НКВД, отмечавший, что дети и внуки «бывших людей» являются «контрреволюционным резервом». Поводом для ареста могло послужить не только дворянское происхождение, но и наличие университетского диплома, знание иностранных языков, умение грамотно говорить и писать по-русски!

Впрочем, теперь гораздо актуальней было не попасть в разряд «врагов народа» или «члена семьи врага народа».

К 1939 году основная масса поступающей в военные заведения молодежи — 43,9% — имела образование 7 классов, 17% — 10 классов, 14,5% окончили рабфаки и техникумы (по тем временам — это высокий уровень: молодые люди, окончившие семилетку, сами могли быть учителями в сельских школах, как, к примеру, будущий генерал-полковник А.М. Крюков).

Для огромного количества развернутых в стране училищ и школ не хватало ни материальной части, ни преподавательского состава.

Так, на 1 января 1941 года училища и летные школы ВВС преподавателями были укомплектованы только на 44,1%. В этих же учебных заведениях вместо положенных по штату 1276 бомбардировщиков СБ имелось в наличии лишь 535, кабин с двойным управлением вместо 743 было всего 217.

Несмотря на то что в стране ежегодно строились тысячи самолетов, «сталинских соколов» учили летать на устаревшей технике.

(Это положение не изменилось и в ходе войны. Ставка делалась не на высокий уровень подготовки военных кадров, а на их массовость. Бывший командующий 4-й воздушной армией маршал К.А. Вершинин вспоминал, как принимал пополнение в ходе подготовки к операции «Багратион»: «Из 1-й воздушной армии к нам прибыли три авиационные дивизии. Нам стало известно, что 309-я иад на 60% была укомплектована молодыми летчиками, прибывшими из школ. 22 человека из них закончили летную программу только на самолете «По-2» и на боевом самолете не летали вовсе. Не лучше обстояло дело и в 233-й шад. В ее составе насчитывалось 22 молодых летчика». Прямо на фронт направлялись пилоты-истребители, никогда истребителя не видевшие, и пилоты-штурмовики, которые были подготовлены «не лучше».)

Горючим летные училища обеспечивались на 41,4% от потребности, соответственно и танковые — тоже.

Трехлетний срок обучения почти во всех училищах был сокращен до двух лет, а его качество постоянно ухудшалось, в упрощении доходя до примитивизма. Вместе с расстрелянными военачальниками исчезли написанные ими учебники и наставления. С.М. Елизаров вспоминал: «В офицерских училищах нас учили приемам «отбивания конницы справа и слева», бессмысленной шагистике. А созданных революционными полководцами учебников мы в глаза не видели».

В апреле 1940 года на заседании начальствующего состава, посвященном итогам Финской войны, был озвучен факт, великолепно характеризующий качество подготовки командных кадров: в 142-й стрелковой дивизии из начальствующего состава лишь 17% знали компас, карту и умели ходить по азимуту!

Зато в учебные планы всех военных и военно-политических училищ, курсов, военных академий, дивизионных партийных и комсомольских школ был введен специаль-

ный курс «О методах борьбы со шпионско-вредительской, диверсионной и террористической деятельностью разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры».

Широко практиковались досрочные выпуски.

За три предвоенных года военные училища наштамповали 48 тысяч красных командиров.

На 1 января 1941 года списочная численность командно-начальствующего состава армии и флота составляла 579 581 человек, в том числе в сухопутных войсках проходили службу 427 тысяч, в военно-воздушных силах — 113 тысяч человек. Из них 7,1% имели высшее, 55,9% — среднее, 24,6% — ускоренное военное образование и 12,4% вообще не имели никакого военного образования.

В связи с частыми перемещениями многие офицеры перед войной исполняли свои должности непродолжительное время и не успели приобрести необходимый опыт. До половины командного состава имели практический командный стаж от 6 месяцев до одного года. Во всех округах, ввиду некомплекта 77 тысяч кадровых офицеров, 30—40% командиров среднего звена составляли офицеры запаса с недостаточной военной подготовкой.

«Наши академии, школы и курсы неправильно учили командные кадры, — прозрел в 1944 году маршал Жуков, — а именно:

1) Теоретическое обучение шло явно в ущерб практическому обучению. Опыт войны показал, что только те командиры оказались хорошими командирами, которые выросли на полевой работе, а не в кабинетах...

2) Наши командиры очень плохо знали и знают технику (авиацию, артиллерию, танки и пр.).

3) Волевые качества нашего командира — инициатива, умение взять на себя ответственность — развиты явно недостаточно, а это пагубно сказалось в ходе войны в первый период...»

За шесть дней до германского нападения на СССР сотрудники военного атташе США в Москве составили доне-

сение для Отдела военной разведки с анализом состояния Красной Армии, в котором, в частности, писали:

«Руководство армии состоит из необразованных и даже невежественных людей. В результате чистки 1938 г. из армии были изгнаны способные военачальники, что сделало ее сегодняшней высший командный состав в качественном отношении неполноценным.

Офицерский корпус в целом может быть охарактеризован подобным же образом, за исключением офицеров молодого возраста. Возросшее значение, придаваемое последние десять лет системе военных училищ, подняло общеобразовательный уровень среди половины офицеров молодого возраста, но в этом отношении еще предстоит сделать очень много».

Недоучившись, недолетав, недостреляв, «неправильно обученные» свежеепеченные командиры разъезжались в строевые части принимать технику и любимый личный состав...

Советские «военные доктринеры» полагали, что отдельный красноармеец изначально превосходит любого бойца любой капиталистической державы, поскольку: «Классовый отбор, классовый принцип воспитания армии и классовые цели войны пролетарского государства делают Красную Армию несравнимой силой в политико-моральном отношении», а наше тактическое искусство развивается «на стержне высокого политико-морального уровня, на базе подвижности, смелости и напора. Сила классового воспитания, проводимая нашей партией, является могучей силой, и притом силой только Красной Армии».

Правда, Фрунзе, кроме классового воспитания, настаивал еще и на «максимальном умственном развитии красноармейцев», а Тухачевский писал о том, что «современный боец должен быть высококультурен, должен обладать способностью к целесообразному и продуктивному использованию передовой техники».

Но откуда было взять этого «высококультурного бойца»?

Основную часть красноармейской массы по-прежнему составляли крестьяне, прошедшие школу коллективиза-

ции, пережившие раскулачивание, смертный голод 1932—1933 годов, голодуху 1936 и 1937 годов, запуганные террором и навечно закрепленные за колхозами. «Уважаемых хлеборобов» превратили в бесправных, работающих за поллебку рабов.

Они выросли в стране, где сочинение доносов возвели в ранг высокой доблести, где наследники Павлика Морозова — пионеры-«дозорники» — собирались на слеты и рассказывали, как посадили в тюрьму своих родственников за украденную с работы катушку ниток, где врачи призывали: «В деле раскрытия вредительств вызвать на соревнование ОГПУ».

«Пусть знает товарищ Ежов, что чекисты Наркомвнудела — это не только те, кто работает в карательных отрядах, но и миллионы трудящихся, научившихся большевистской бдительности, научившихся разоблачать врагов народа и составляющих резервы НКВД», — писала «Правда» от 21 декабря 1937 года.

С точки зрения иностранцев, счастливые советские колхозники были низведены до скотского состояния. Вот пример любопытной ситуации. При насильственном вхождении прибалтийских стран в состав Советского Союза часть прибалтов, зараженная «бациллами коммунизма», активно этому способствовала: встречала с цветами «освободителей», выискивала классовых врагов, помогала НКВД в деле проведения депортаций и других социалистических преобразований. Летом 1941 года они успели сбежать, их семьи были отправлены в глубокий тыл. Не в заполярный концлагерь, а в обыкновенные райцентры и деревни: поправить пошатнувшиеся нервы. Оказавшись на «интернациональной родине», они испытали новое потрясение:

«Уважаемый товарищ Маленков. На XVIII конференции партии Вы беспощадно раскрыли недостатки в промышленной жизни. Такое же беспощадное отношение нужно сделать насчет колхозной жизни. Если Вы, тов. Маленков, жили бы в таком колхозе, в каком мне приходится жить, у вас, наверное, волосы встали бы дыбом — вместо настоящего социалистического хозяйства получилось какое-то

уродство. Крестьянская масса живет в большой бедноте (главное пропитание — хлеб с водой, да и то не хватает) из-за неряшливости, и можно сказать, преступного руководства. Скажу Вам правду — в фашистской Латвии рабочие жили в гораздо лучших условиях, чем здешние колхозники.

Мы, приехавшие латыши, активные работники за советскую власть в Латвийской ССР, были до того глубоко разочарованы, что наша вера в жизнеспособность социалистического строя получила значительный ушиб... Ведь здесь, в Горьковской области, земля плодородная, и при правильном руководстве доходность можно вполне удесятить. Нечего ссылаться на недороды — культура таких не знает... Разве это не кричащий факт, что колхозники в течение больше десяти лет существования колхозов не добились больше 1 килограмма хлеба на трудодень? И внешний вид нашей деревни такой, что люди ее готовятся к гибели, нежели к жизни».

Вот такие идеалы и такую повседневную практику «на стальных штыках и ворошиловских залпах» они собирались принести народам Европы? «Освободители» под присмотром вертухаев?

(Вспоминаю, как при проходе советских кораблей через Черноморские проливы под руководством замполитов организовывали «вахту бдительности»: матросов загоняли в кубрики и на боевые посты, а по периметру верхней палубы выставляли офицеров и мичманов с автоматами, дабы никто не сбежал из нашего социалистического рая — до турецкого берега местами всего сотня метров; а было это в 1989 году.)

Реальные успехи большевиков в деле «культурной революции» были сильно преувеличены. При переписи населения в 1937 году выяснилось, что даже среди молодежи 18—19 лет было 8,5% безграмотных, среди тридцатилетних грамотным был каждый четвертый.

Весной 1936 года командующий Белорусским ВО командарм Уборевич докладывал:

«Каждый призыв бойцов из деревни приносит к нам в

казармы 35 малограмотных на сотню. Но эти «малограмотные», по сути дела, люди совершенно безграмотные: еле пишут фамилию и в час прочтут две страницы. Это люди, которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где запад, где восток, что такое социализм.

И в армии мы мучаемся, месяцами обучаем грамоте. У нас имеются инженеры, техники, которые не знают, под каким соусом едят термодинамику, не знают дробей, потому что в средней школе черт знает что делалось».

К 1939 году образование в семь классов средней школы и выше имели 8,2% рабочих и только 1,8% колхозников. Ликвидация неграмотности дала подавляющему большинству лишь формальное образование, умение «читать декреты» и выводить каракулями: «Мы не рабы, рабы не мы».

Александр Базаров, исследовав хранящиеся в Государственном архиве Ханта-Мансийской АО документы медицинских комиссий, опубликовал антропометрические данные призывников «образца 1941 года»:

«Изучаю документы на всех 279 человек, призванных из моего родного района в Зауралье: там средний рост составил 153 сантиметра, средний вес — 52 килограмма. По всему региону Урала и Северного Приобья анатомические параметры призывников примерно одинаковы. **Редкий призывник выходит за габариты 160 см и 50 кг**».

«С таким пополнением можно и горы vorочать, и скулы выворачивать всем большим и малым козьявкам», — вещал товарищ Мехлис.

Между тем весовая нагрузка на рядового красноармейца с учетом полного боевого снаряжения и зимнего обмундирования составляла 33,3 килограмма.

В 1930-е годы говорить и писать о советских вооруженных силах, созданных неустанными заботами партии, правительства и лично товарища Сталина, полагалось только в самых превосходных степенях. Страна победившего социализма превзошла все капиталистические государства, а ее армия являлась «лучшей в мире, самой организованной, самой культурной и физически здоровой». В ней были созда-

ны «все условия, обеспечивающие высокий уровень жизни и быта всех бойцов и командиров».

Главный печатный орган Наркомата обороны газета «Красная звезда» писала:

«Боец Красной Армии, знающий, за что он борется, чувствующий любовь и заботу своей родины, не может не быть самым лучшим, самым дисциплинированным бойцом в мире».

Сообщалось об образцовых казармах и столовых, лучших подразделениях, отличниках боевой и политической подготовки, замечательно организованных занятиях и великолепных маневрах, повергавших в изумление иностранные делегации: «Красная Армия сильна, как никогда!»

В 1936 году был расширен ассортимент красноармейского пайка. Каждому бойцу в сутки полагалось 600 г ржаного и 400 г пшеничного хлеба, 150 г крупы, 10 г макарон, 175 г мяса, 20 г животного жира, 30 г растительного масла, 35 г сахара, 30 г соли, 735 г картофеля и овощей, 1,6 г чая.

Пропаганда подчеркивала достоинства рациона и его высокую калорийность. Она утверждала, что «почти все молодые бойцы во время пребывания в рядах РККА прибавляют в весе и объеме груди», приобретают «богатырскую» статью.

Однако «в ряде частей» все же имели место «многочисленные факты» отдельных «недостатков».

Эти факты, приведенные, в частности, в исследовании Натальи Кулешовой по 1938—1939 годам, приоткрывают картину всегдашнего российского бардака, азиатской дикости, большевистского равнодушия к отдельному человеку, начисто опровергая ностальгические утверждения о том, что «при Сталине был порядок».

«Прежде всего, поражает разница между положенным и реальным ассортиментом продуктов, получаемых военнослужащими (для любого советского гражданина, служившего в Советской армии, в этом как раз ничего поразительного нет). Например, в Белорусском Особом военном округе (БОВО) бойцы жаловались на перебои в выдаче пайка: масло, которое они «должны получать ежедневно, выдали сразу

за 23 дня», а на курсах заместителей политруков на обед, ужин и завтрак курсанты неизменно получали картофельное пюре.

Такое же постоянство, правда, в другой продовольственной вариации, практиковалось и в 1-й Отдельной Краснознаменной армии (1-я ОКА). Там утром и вечером 10–15 дней подряд давали гречневую кашу, затем подряд 10 дней — соленую рыбу. «Суп из этой рыбы варят утром и вечером, соленый и очень жидкий, если обнаружишь в супе 3 куска от картошки — это счастье. Одним словом — питание скверное».

Об отсутствии в блюдах лука, моркови, томата и недостатке картофеля сообщали из Приволжского военного округа (ПриВО). Констатировалось, что бойцы недовольны таким питанием, но «на все сигналы... никто никаких мер не принимает». Из Киевского Особого военного округа (КОВО) красноармейцы обращали внимание на то, что пища готовится невкусная и однообразная: «Борщ жидкий, совершенно ничего в нем нет, за исключением соленых огурцов».

Ну, это дело знакомое.

Нередко вместо «соленых огурцов» или картошки в пище запросто можно было обнаружить самые разнообразные предметы и «пищевые добавки». Так, из Московского военного округа летом 1938 года сообщали: «10 июня к обеду вторым блюдом была подана тухлая колбаса. Ни командир, ни комиссар на этот факт не обратили внимания. 11 июня подали к обеду картофель в керосине, несмотря на то что за день до этого дежурный по столовой запретил выдавать к обеду картофель такого же «качества». Ничего не менялось. 15 июня в поданном на второе картофеле обнаружилось стекло. Через день в хлебе нашелся гвоздь. 17 июня санитарная комиссия установила, что мясо, доставленное для столовой, было вымазано в навозе.

В Калининском военном округе в пище систематически обнаруживались куски колючей проволоки, щепки, тряпки и другой скобяной товар. Такая же ситуация имела место в Ленинградском ВО: «Хлеб привозится за 4 дня раньше, в

столовую дается в мерзлом виде... с этим можно еще мириться. Но когда в хлебе бойцы находят стекло, конские зубы, то это уже становится нетерпимо».

Казалось бы, вот они происки агентов-вредителей. Однако все гораздо проще.

Красноармеец Н.Н. Черновол, описывая состояние пищеблока, сообщал в любимую газету: «Таковую столовую приходилось представлять, когда прочитывал книгу о бурлаках, — грязная, неопрятная. Там, где хранятся продукты, появился мох. А отсюда появляются насекомые, как, например, тараканы, которые очень часто плавают в пище (борще, супе и т.д.)». И во всех округах, везде было одно и то же: «На полу имеется нарост грязи на сантиметра два», «столы грязные, табуретки грязные, миски подают грязные, в кружках можно сажать картофель... Обеды подают в грязных бачках».

Самым грязным «местом» были сами работники пищеблока: «Мало того, что грязь в столовой, помощник зав. столовой ходит сам всегда грязный, без халата, ему надо самому мыться 24 часа в бане и отмыть грязь на руках».

Столовые часто располагались в непригодных для использования помещениях. Во время приема пищи с потолка в тарелки сыпалась штукатурка или лилась вода. Столовые порой не отапливались, и зимой температура в них падала ниже нулевой отметки. Из Киевского округа бойцы писали, что холод «достигал 12–15 градусов, так что без перчаток нельзя было кушать». Такие же сигналы поступали из Приволжского ВО.

В столовых не было элементарного порядка, ни командиров, ни следивших за командирами комиссаров «мелочи» солдатского быта не интересовали совершенно. Многие бойцы просто оставались голодными. Из-за толкучки, например, в стрелковом полку Харьковского округа прием пищи длился 2–3 часа, за кружкой чая красноармейцы простаивали в очереди около часа. Во многих частях не хватало обедов и ужинов. Так, из Белорусского округа сообщали, что 5 января 1939 года «не хватило ужина на 80 человек —

бойцов. Пришлось им ждать до 12 часов ночи, когда приготовили ужин второй очереди». В Калининском ВО: «Перерывы от завтрака до обеда 10–11 часов, часто остаются без обеда люди».

Чтобы избежать случаев нехватки пищи, повара просто уменьшали порции, а если оставались излишки, «сэкономленное» выбрасывали на помойку. Полуголодные бойцы, выходя из столовой, говорили: «Когда мы наедемся досыта?» — и требовали «покончить с бездушным отношением к самому счастливому бойцу РККА». «Красная звезда» отвечала передовицей о методах «подлой деятельности агентов фашистских разведок».

На всех уровнях «пищевой цепочки» процветало воровство. Отцы-командиры не гнушались кормить себя и свои семьи за казенный счет, списывая потом продукты, как испорченные. Это было тем более просто, что продовольствие при хранении и транспортировке гноилось тоннами:

«Часты случаи, когда вагон муки или крупы складывают на место, где только что лежал вагон утиль-сырья, алебаstra, красок и т.п., или же в непосредственной близости, вплотную с подобными товарами. Бывает и так, что крупа, прибывшая в адрес склада НКО и не зараженная вредителями зерна, укладывается рядом с крупой, зараженной этими вредителями».

Отсутствие в ряде воинских частей ледников для хранения скоропортящихся продуктов и небрежное к ним отношение приводили к тому, что мясо валялось на грязном полу, или рядом с продовольственными припасами были брошены «рваные шинели, лыжи и другие вещи».

Помимо постоянной нехватки пищи, бойцы мучились от отсутствия в столовых нужного количества посуды: ложек, мисок, чайников, тарелок. Были случаи, когда на 100 человек имелось только 25–30 ложек или их вообще не было, и бойцы «кушали через край миски все густые и жидкие кушания. Из-за этих ложек у красноармейцев начало вызываться недовольство против командования части». Из 1-й Отдельной Краснознаменной армии корреспондент, сообщая о нехватке ложек и мисок, отмечал, что «приходит-

ся подолгу ожидать и, после того как дождешься, ложки берешь невымытые. Ибо если отдать мыть — больше не получишь. Аналогичные письма поступали в редакцию «Красной звезды» ежедневно, из всех военных округов. Начальник Политуправления Лев Мехлис, выступая 4 апреля 1939 года перед активом Киевского Особого округа, привел пример, когда «на целый полк было 150 ложек, и красноармейцы в нескольких очередях стояли, чтобы получить ложку, буквально с бою ложка бралась».

Антисанитария приводила к тому, что многие военнослужашие страдали желудочными заболеваниями. По данным Политуправления, только за январь—февраль 1938 года в частях приграничных округов было зарегистрировано «двадцать одно отравление», в результате чего заболело 1963 красноармейца. Командование вместо того, чтобы принять меры — пресечь воровство, обеспечить условия для хранения продуктов, застеклить окна, отдраить помещения и отмыть работников столовых, — предпочитало затыкать жалобщикам рты универсальным способом. «Кое-кто из головоотяпов, — сообщил Мехлис, — когда красноармейцы обращаются к ним по поводу безобразно сваренного обеда, подводит это дело под коллективку, учит наказывать за это красноармейцев, а не тех людей, которые безобразно относятся к красноармейцам».

Все это происходило в мирное время, не в фашистском плену, а в самой «организованной армии». В Отечественную войну наши снабженцы будут просто морить солдат голодом. Относясь к своим обязанностям так же наплевательски и к людям так же бездушно, «кое-кто из головоотяпов» фактически поможет немцам организовать ленинградский голодомор. Будут умирать от дистрофии без всякой блокады воины Калининского и Сталинградского фронтов. Как, к примеру, бойцы 66-й армии генерала Жадова в октябре 1942 года:

«Вследствие плохого питания — истощения бойцов, в 587 и 692 СП, 212 СД зарегистрировано 23 смертных случая. В 62 СД отмечено 9 смертных случаев. Врачебными комиссиями установлено, что смерть последовала от истощения и

переутомления организма. Несмотря на наличие сигналов, ни командование армии, ни командование фронта не приняли должных мер через учреждения тыла для организации нормального снабжения».

Командование гнало армию в ежедневные атаки на немецкие пулеметы, а заботиться об «организации снабжения» подчиненных оно не привыкло. Хотя сами генералы покушать любили.

Взглянем на заявку на отпуск продовольственных товаров для Военного совета Западного фронта от 29 сентября 1941 года:

«Для проведения ряда мероприятий Военным советом Западного фронта прошу Вашего распоряжения об отпуске: 1. Фруктов разных (виноград, груши, яблоки, апельсины, мандарины и консервированные фрукты). 2. Рыбных изделий (балык, семга, тешка, севрюга), икры. 3. Консерв рыбных (шпроты, сардины, кильки, бычки). 4. Вино-водочных изделий на 3000 рублей. 5. Кондитерских изделий в ассортименте. 6. Пива и фруктовых вод. Секретарь Военного совета Западного фронта батальонный комиссар Астапов».

Ровно сутки оставались до начала немецкой операции «Тайфун», в ходе которой будет полностью уничтожен весь Западный фронт генерала Конева, а его штаб планировал «мероприятия» с икрой и вино-водочными изделиями (генерал Манштейн в мемуарах жаловался, что в его возрасте трудно было грызть выдаваемую в пайке сухую колбасу, а балыков ему не полагалось).

Неприхотливость дешевого советского бойца вызывала удивление и зависть иностранных генералов и считалась его сильной стороной, во многом компенсирующей недостатки в подготовке:

«В Красной Армии органам тыла не приходится беспокоиться об обеспечении войсковых частей обмундированием, палатками, одеялами и другими предметами, столь необходимыми для солдат армий Запада. Во время наступления они могут позволить себе забыть о снабжении войск даже продовольствием, так как войска находятся на «подножном корму». Основная задача снабжения сводится к

доставке горючего и боеприпасов, но даже в этом случае для подвоза часто используются боевые машины. В русской моторизованной дивизии у солдата нет другого «багажа», кроме того, который он имеет при себе, и он ухитряется передвигаться на автомашине, взгромоздившись на ящики с боеприпасами или бочки с горючим.

Этот недостаток автотранспортных средств приводит к важным последствиям тактического и психологического порядка. Поскольку количество автомашин в моторизованной дивизии у русских намного меньше, чем в таких же соединениях западных армий, русская дивизия более мобильна (!). Такой дивизией легче управлять, ее проще маскировать и перевозить по железной дороге».

Не менее безрадостная картина наблюдалась, когда бойцы приходили в свои казармы, которые советская пресса сравнивала с «дворцами», в которых «много света, всегда тепло и уютно». Проверка Орловского военного округа, проведенная в 1938 году, показала, что «в комнатах общежития, на лестницах, в коридорах грязно, умывальные комнаты неисправны. На несколько сот человек один умывальник с восемью кранами, а 30 кранов засорены и не работают. В столовой не хватает табуреток, и бойцы обедают чуть ли не стоя. Табуретки использованы для устройства кроватей в общежитии».

Не лучше обстояло дело в Московском округе, где в казармах протекала крыша, отсырели стены и личный состав спал на топчанах. Проверка, прошедшая в декабре во всех частях Ленинградского округа, показала, что казармы «не утеплены... двери не закрываются, и, вследствие этого, люди мерзнут». В Киевском ОВО: «...уже в течение четырех месяцев бойцы двух подразделений не имеют возможности как следует умыться. На всех бойцов имеется 5 рукомыльников. Утром, в тесноте и давке, стараясь не опоздать в строй, красноармейцы едва успевают протереть глаза водой. Они не имеют возможности вычистить зубы...»

При этом можно смело утверждать, что этим солдатам

еще сильно «повезло» — казармы имели далеко не все воинские части.

В корпусе ПВО Ленинграда бойцы «жили в землянках, без освещения и т.д.». Но даже такие условия представлялись роскошью воинам Забайкальского округа, которые спали в рваных палатках, без одеял и без нар, на голой земле при 12 градусах мороза. Советская группировка на Дальнем Востоке только с 1932 по 1934 год численно выросла в пять раз. Прибывающие из европейской части Союза дивизии и бригады выгружались в чистом поле или на глухих таежных полустанках. Генерал И.М. Чистяков вспоминал:

«В этих местах, как мы говорили, дождь идет один раз: начинается он в мае, а кончается в августе. Причем к августу разражаются такие ливни, что смывает и дороги, и мосты — не проехать, не пройти. Сапоги, если оставить на два дня без ухода, покрывались зеленью».

Здоровый, в общем, климат. На месте обустроивались своими силами, кто как мог. Выглядело это примерно так:

«Комдив палкой раздвинул кусты: «Вот что... Будешь тут, Чистяков, полком командовать...» Каким полком? Где командовать? Ничего вокруг, кроме кустов да травы и бурьяна. Однако комдив не шутил. Пришлось принять полк, на голом месте строить временное жилье, столовую и конюшни. Красноармейцы рыли землянки, ставили навесы. Натаскали камней, сделали казарму на пятьсот (!) человек.

Осенью стали прибывать лошади. И вдруг (!) ударили сильные морозы. Лошадей укрывали на ночь своеобразными попонами, сплетенными из камышей, но они все равно мерзли. Приходилось делать так: когда ночью было особенно холодно, я шел к секретарю комсомольской организации полка Спиридонову, будил его: «Поднимай комсомол...» Он уже знал для чего. Садились наши комсомольцы на коня и гоняли их несколько часов, чтобы согрелись, принимались все меры, чтобы спасти лошадей, и надо сказать, что ни одна из них не пала (*какими «попонами» укрывались его бойцы, командир полка не упоминает*)... Питание у нас было неважное, но очень спасала рыба. Осенью по реке шли кета и горбуша метать икру, и мы тогда делали большие запасы».

В конце лета 1937 года передовика майора Чистякова назначили командиром 105-й стрелковой дивизии: «Деревня, где расположился штаб, стояла на голом месте у реки, даже сопки были здесь пустые, безлесые... Размещены полки были плохо. Некоторые подразделения не имели даже землянок, бойцы и командиры жили в «лисыих норах».

И продолжали в них жить и осенью, и зимой, и весной 1938 года, когда в дивизию приехал маршал Блюхер и попросил показать ему расположение 314-го полка: «Вышли мы с ним из машины. Кругом степь, только трубы из земли торчат.

— Где же полк?

— В «лисыих норах».

— А ну, сыграй «тревогу».

Только раздались первые звуки трубы, как красноармейцы и командиры из-под земли, словно суслики, повыскакивали и вмиг построились. Блюхер схватился за живот и стал хохотать. Действительно, зрелище было очень смешное...»

У хорошего хозяина собаке живется лучше, а маршалу весело, его не беспокоит, что вверенные ему войска косят простудные заболевания, а весной — цинга. Маршал прочитал лекцию о международном положении, призвал «потерпеть», затем приказал «сусликам» совершить марш по сопкам, проверил стрелковую подготовку и убыл, очень довольный, и ставил потом 314-й полк в пример другим. Отсюда можно сделать вывод, что условия, в которых размещался полк, не считались экстраординарными, что таких соединений краснoзвездных «неандертальцев» на Дальнем Востоке хватало. Люди в норах — это нормально.

Начальник Политуправления РККА приводил вовсе дикие примеры из жизни блюхеровской губернии, когда красноармеец, посланный охранять несуществующий полигон, «жил один в землянке в течение 13 месяцев (!), про него все забыли и в течение этого времени никто его не навестил». Или высланный на два дня на обеспечение предстоящих учений караул пробыл на месте «17 дней без горячей пищи и продовольствия, вследствие чего была попытка к продаже обмундирования и охраняемого имущества».

Правда, продавать особо им было нечего: не прельщали потенциальных покупателей обноски забытых богом и начальством «солдат Чонкиных». Многим из них выдавались шинели не соответствующего размера, ношенные, рваные и даже «сшитые из разноцветных кусков материала», а также дырявые ботинки и брезентовые сапоги. Нередко отсутствовало зимнее обмундирование. В частности, после проведенной в конце января 1938 года проверки 5-й мотомеханизированной бригады отмечалось, что зимнего обмундирования не получили 60 человек: «кто не получил брюки, гимнастерки и ходят в рваных брюках и гимнастерках... на что бойцы проявляют свое недовольство».

Проверка Ленинградского ВО показала, что штаб округа не знал даже, сколько в округе военнослужащих: «По одним данным — некомплект 8000 бойцов, по другим данным, сверх комплекта 12 000 бойцов. Поэтому в ряде частей имеется излишнее обмундирование на складах, а в ряде частей часть бойцов ходит раздетыми».

Факт наличия на складах вещевого имущества еще не означал, что его получит личный состав. Обмундирование приходило в негодность в помещениях с протекающими крышами, нередко оно просто сгнивало под открытым небом, разворовывалось, продавалось или использовалось «не по назначению». Никакого контроля и учета материальных ценностей, в первую очередь со стороны командиров и политработников, не существовало, народные деньги выбрасывались на ветер.

17 августа 1940 года группа бойцов и командиров направила анонимное письмо первому секретарю Ленинградского обкома партии.

«Тов. Жданов!

Положение в Красной Армии стало совершенно невыносимым.

1. Срок службы стал самым длинным, по 3—4 года держат в цепях муштровки...

2. Питание стало самое отвратительное — равноценное на броненосце «Потемкин» в старое время.

3. Одевание у нас, как у партизан, ходим кто в чем попало.

4. Семьи наши тоже голодают.

5. Порядок и дисциплина как в старой армии, только лишь одного нет, не бьют по морде.

6. Работаем по 13–15 часов, только нас еще не лишили сна 6-ти часов.

Благодаря этому у красноармейцев и мл. командиров моральное состояние самое отвратительное, это показала война в Финляндии, где наша армия показала свою беспомощность, многие наши товарищи сдались врагу. Такое же настроение и в данное время. Бойцы в открытую протестуют и выливают свое возмущение перед средними командирами, они молчат и никому не доносят, т.к. они сами это осознают и сочувствуют...

Бойца, как личность, унизили до невозможности; за малейшее — дают гаупвахту и наряды, политруков и не слушают, т.к. их считают пустышками, трепачами, в их агитацию никто не верит.

Мы сознаем, что в стране у нас экономическое положение тяжелое, поэтому просим:

- 1) отпустить нас домой;
- 2) сократить срок службы, т.к. длинный срок хуже отражается на моральном состоянии;
- 3) приравнять бойца к человеку;
- 4) в корне изменить питание;
- 5) дать хорошее обмундирование;
- 6) выпускать из расположения части хоть часа на три, Вы видите, какие результаты, когда не выпускают;
- 7) уменьшить рабочий день;
- 8) предоставить свидание с родными.

Поверьте, т. Жданов, если это будет выполнено, то все недостатки в армии ликвидируются и моральный дух будет высокий, и бойцы будут сражаться. Убедительно просим, проделайте эти мероприятия. Вы сами хорошо знаете из опыта царской армии — репрессии, наказания порядка не восстановят».

Прошедший путь рядового, ныне профессор искусствоведения Н.Н. Никулин утверждал:

«Если бы немцы заполнили наши штабы шпионами, а войска диверсантами, если бы было массовое вредительство и враги разработали бы детальный план развала нашей армии, они бы не достигли того эффекта, который был результатом идиотизма, тупости, безответственности начальства и беспомощной покорности солдат».

Может быть, презрев мелочи быта и скудость пайка, красноармейцы и командиры все свое время отдавали подготовке к войне с «озверевшим фашизмом»? Отнюдь. Боевой подготовкой Красная Армия практически вовсе не занималась, а лишь изредка имитировала ее.

Расходы на боевую подготовку в смете Наркомата обороны были крайне низкими — 0,34—0,41 процента. На проведение политической и культурно-просветительной работы средств тратили вдвое больше, ведь «моральные силы Красной Армии являются решающим средством в деле организации современного боя». Поэтому время политических занятий всегда было святое время.

Кадровый политработник, генерал армии Е.Е. Мальцев (1910—1981) вспоминал, как тяжело приходилось ему трудиться на должности комиссара 72-й стрелковой дивизии:

«Каждый командир и начальник, какой бы пост он ни занимал, в обязательном порядке должен был посещать занятия по марксистско-ленинской подготовке и по определенной программе сдавать зачеты и экзамены, которые проводились очень строго. Результаты их заносились в личные дела военнослужащих, и это придавало идейно-политической закалке командных кадров строгую плановость и целеустремленность...

Мне, как комиссару дивизии, приходилось, честно говоря, нелегко. Надо было осуществлять квалифицированный контроль за всеми формами политической учебы, самому готовиться к лекциям для командного состава и бойцов. Буквально целыми ночами приходилось просиживать над изу-

чением произведений классиков марксизма-ленинизма, книгами, журналами, газетами».

И все же основным занятием советского бойца всегда были, в первую, вторую и третью очередь, хозяйственные работы. Плюс несение дежурной службы. Даже в открытой советской печати систематически обращалось внимание на потери учебного времени из-за отвлечения красноармейцев на строительные, хозяйственные, погрузочно-разгрузочные работы. Армия сама заготавливала лес и сено, делала кирпичи, строила себе казармы, склады, полигоны.

Поэтому закономерным итогом выглядят результаты состязаний артиллерийских батарей Приморской группы войск ОКДВА в марте 1937 года: «В дивизионной артиллерии ни одна из состязавшихся батарей 76-мм пушек не смогла выполнить ни одной из стрельб! В полковой артиллерии из 30 батарей таких оказалось 27! Все батареи медленно разворачивались и изготавливались к стрельбе, слабо маскировались, плохо разведывали цели».

Тем не менее и год спустя, в марте 1938 года, в батарее 60-го артиллерийского полка «из 134 учебных часов, отведенных на боевую подготовку, было использовано только 42 часа», во взводах 49-го полка 17-й стрелковой дивизии МВО «из 150 часов, отведенных для учебы в июне, использовано по назначению» менее 50 часов. В итоге «программа занятий по тактике, штыковому бою, огневой подготовке усвоена слабо».

В декабре Мехлис на Военном совете докладывал о состоянии дел в дальневосточных армиях:

«Боевая подготовка частей 1-й и 2-й армий и войск ЗАБВО еще находится на низком уровне... До сих пор еще много людей в частях отвлекается на всякие подсобные работы, не связанные с боевой подготовкой. Некоторые округа медленно ликвидируют подсобные хозяйства, особенно ЗАБВО. Одна из дивизий ЗАБВО имеет до 670 га посева, стадо коров и тысячу овец».

Как вынуждена была констатировать «Красная звезда», результат такой боевой подготовки был «**везде один и тот же — невыполнение учебной программы**». В одной из частей

Белорусского округа на вопрос красноармейцев: «Почему у нас до сих пор нет занятий по боевой подготовке?» проводивший политинформацию политрук ответил: «Сперва нужно поработать, а после будем учиться».

По неопубликованным письмам военных корреспондентов, боевая учеба во многих частях происходила неорганизованно и неэффективно: то стрельбы начинались с опозданием на 3—4 часа из-за отсутствия дежурных и сигнальщиков, то в течение 3—4 часов отстреливались всего лишь 2—3 человека, то вместо трех положенных патронов каждому бойцу выдавали по одному. Бывало и так, что стрельбы вовсе не удавалось начать ввиду того, что на огневом рубеже вдруг выяснялось, что забыли (?) взять патроны или неисправно оружие.

Из Харьковского округа сообщали, что за время пребывания в лагере состоялось лишь одно занятие по стрельбе, да и то из малокалиберной винтовки. Как следствие, красноармейцы «не умеют стрелять, не знают винтовки и противогаза». Были части, где после года службы бойцы не знали, как правильно оседлать коня, не могли стрелять. Из 1-й ОКА с возмущением писали, что жена комиссара пошла на стрельбище, а красноармейца заставила мыть полы в их квартире, хотя в части некоторые бойцы «за полтора года ни разу не стреляли».

В сентябре 1938 года постоянный корреспондент газеты по Ленинградскому военному округу писал: «Смешно говорить, что бойцы на передовом рубеже, где завтра они могут вступить первыми в бой, не умеют стрелять, бросать гранат, владеть штыком. И не занимаются этим. Нет там и необходимых вооружений, боеприпасов, чтобы немедленно открыть огонь».

Не лучше обстояло дело с подготовкой младших командиров. Курсанты полковых школ посылались на работы, отнимавшие около 80% учебного времени. Так, в полковой школе 50-го стрелкового полка «из времени, предусмотренного программой на учебную подготовку курсантов, непосредственно на занятия было использовано только 23 про-

цента!.. Так же обстояло дело с организацией учебы в полковой школе артиллерийского полка ...на курсах младших лейтенантов запаса в 63-м полку».

Если занятия и проводились, то на них, как правило, отсутствовало более половины, а то и до 70% бойцов. Нередко красноармейцы «в составе целых взводов отрываются от учебы». В 37-м артиллерийском полку план зимней учебы «абсолютно не предусматривал такой «мелочи», как... боевая подготовка полковой школы».

В одной из частей Харьковского округа радисты артиллерийского полка пять с половиной месяцев не занимались специальной подготовкой, в другой части — восемь, в третьей занятия с младшими командирами-артиллеристами не проводились около года.

Так было всюду и так было всегда: танкисты не изучали «теории и практики новой техники», другие специалисты — «инженерного дела, ручного пулемета и ручной гранаты». Многочисленные обращения самих курсантов к командирам и комиссарам никакого эффекта не давали. В ответ звучало: «Какие еще с вами занятия, времени нет (!)».

Если подобное происходило в строевых частях, то что можно сказать о тыловиках и хозяйственниках? Один из них признавался: «Я пришел в ряды РККА 1 октября 1937 года и за это время не был ни разу на занятиях по боевой и политической подготовке. Я не только не повысил свой уровень знаний, но забыл и то, что знал до прихода в часть».

Совсем по-другому на этом безотрадном фоне выглядела германская армия, быстро наращивавшая мускулы, готовившаяся только к войне, делавшая ставку на высокий профессионализм. В августе 1928 года на маневрах рейхсвера побывал Р.П. Эйдеман, в своем отчете он отмечал:

«Офицер физически вынослив, хорошо тренирован, шестидесятилетние генералы скачут по полю, как фендрики. Весьма вынослив в полевой обстановке. Всегда четок и чеканен (исключения редки) в своих распоряжениях...

Отношения между собой и к солдатам, особенно в поле,

просты, в известной мере даже демократичны; нет и малейшего козыряния. Дисциплина высокая...

Основное требование, предъявляемое офицеру, — это знание. Проявление отсталости, нарушение элементарных требований в руководстве войсками приводит к отставке...

Устройство учебных полей в Германии заслуживает внимания; учебные поля (они в то же время служат стрельбищами) оборудованы связью, дорогами, башнями наблюдения. Хорошие лагерные постройки. На роту — барак. Каменные и деревянные постройки. Во время лагерного сбора все офицеры обязаны жить в черте лагеря без семей. В лагере — ряд удобств. Имеется даже купальный бассейн...»

7 октября 1930 года И.П. Белов писал из Германии Ворошилову:

«Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделке всех слабых командиров».

В ноябре 1931 года комкор Б.С. Горбачев принял участие в полевой поездке в Силезию:

«Поистине каждого немецкого офицера можно назвать высококвалифицированным специалистом... Также очень поучительны добросовестность и четкость выполнения своих обязанностей всеми звеньями начсостава и большая ответственность за порученное дело. Особенно же, что требует с нашей стороны самого пристального внимания, так это постановка и система учебного дела в немецкой армии и исключительное внимание к командиру и учащемуся, и бережное отношение к материальной части...»

Однако на родине решили «переделать» самих перенимавших опыт рейхсвера командиров. Их пустили в расход, а отчеты и донесения убрали в папки с грифом «Секретно» и шестьдесят лет никому не показывали.

Уровень боевой подготовки РККА резко снизился и вследствие осуществлявшейся в армии охоты на «вредите-

лей». В 1936—1940 годах было репрессировано около 10 тысяч военнослужащих командно-начальствующего состава. Притом что, как следует из доклада Ворошилова на февральско-мартовском пленуме, в начале 1937 года их было всего 107 тысяч.

«До хасанских событий я служил в 120-м стрелковом полку 40-й стрелковой дивизии, — рассказывал С. Шаронов. — Боевой подготовкой занимались мало. В 1937—1938 годах многих командиров забрали. Командование дивизии забрали полностью: арестовали комдива Васнецова, комиссара Руденко, начштаба Шталя, начальника артиллерии, начмеда и его жену, офицера-медика. В полку — та же картина. Мы, рядовые бойцы, порой не знали, кому верить. Тянулись только к политруку Матвееву, настоящему большевику, еще красногвардейской закалки. Его тоже забрали, а потом вернули. Мы спрашивали у него, когда же будем боевые гранаты метать, все деревянными и деревянными? Ему такие вопросы можно было задавать, мы знали. А Матвеев отвечал: «Вам гранату метнуть, а для государства это в корову обойдется». Он задумывался и добавлял: «Да... еще повоюете...»

Во всех округах фиксировалось падение воинской дисциплины. Рядовые красноармейцы проявляли неповиновение «вражеским приказам».

В докладной записке наркому обороны Мехлис писал:

«В некоторых парторганизациях неправильно понимают критику и самокритику и, вместо того чтобы направить ее на повышение боевой подготовки и укрепление воинской дисциплины, содействуют подрыву авторитета начсостава. Бывают даже дикие случаи.

Парторганизация транспортной роты 301-го полка 48-й стрелковой дивизии, обсуждая вопрос о состоянии конского состава, вынесла такую резолюцию: «Лошади находятся у нас в плохом состоянии, конюшни не покрыты, овес сыпается на землю, у лошадей появляются заболевания и зачесы. Нет ли здесь со стороны командного состава роты у нас врагов народа?..»

Командиры были растеряны и не могли навести порядок. В Дисциплинарный устав внесли новое положение:

«В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка командир имеет право применять все меры принуждения, вплоть до применения оружия. Командир не несет ответственности за последствия, если он для принуждения неповинующихся приказу и восстановления дисциплины и порядка будет вынужден применять силу или оружие».

Правда, одновременно по приказу наркома обороны и наркома внутренних дел личное оружие у комсостава изъяли.

Массовым явлением в армии стали пьянки и самовольные отлучки. Всеармейское совещание политработников в апреле 1938 года констатировало: «Пьянство стало широко распространенным, по сути дела, бытовым явлением. Никакой серьезной борьбы с ним комиссары и политработники не ведут».

Что естественно: трудно организовать «спасение одних алкоголиков» руками других:

«Если до 1939 года основными видами проступков, за которые привлекали к партийной ответственности, были политические преступления, то в 1939 году резко выделяются два вида проступков: служебные преступления (привлечено к партответственности 4261 человек) и морально-бытовое разложение (привлечено 3138 человек). Среди привлеченных к ответственности за эти виды проступков большинство — лица начальствующего состава...

Пьянство продолжает оставаться бичом армии. Особенно безобразные формы принимает пьянство среди начсостава. Командир не считает зазорным появляться в пьяном виде на улице, в парке, театре и кино, что непонятно населению, предъявляющему высокие требования к Красной Армии и ее начсоставу. В ресторанах нередко пьют водку рядом сидящие начальники и красноармейцы.

Преобладающими видами нарушения воинской дисциплины являются: перепалки с начальниками, нарушение строевого устава, уставов внутренней и караульной службы, небрежное отношение к сбережению оружия и боеприпа-

сов, самовольные отлучки и дезертирство». Выросло число самоубийств, аварий и катастроф.

Французский посол в Москве заметил по поводу Большого террора: «На Западе подобное положение быстро привело бы к революции. Здесь же народ использует оружие слабых — плохо работает».

Часть командиров, пытаясь укрепить дисциплину, принялись широко практиковать «применение силы», то есть бить подчиненных. Другие просто махнули на все рукой. Репрессии вызывали у командного состава неуверенность в себе и боязнь любой ответственности.

Будущий генерал армии А.И. Грибков, досрочно выпущенный из военного училища в 1939 году, вспоминал:

«На должности разной высоты были расставлены слабо подготовленные командиры, многие из которых не отвечали требованиям занимаемой должности, но зато умели помалкивать. Из войскового обихода исчезли такие понятия, как «думать», «обсуждать», а фразы «это не ваше дело» или «это не мое дело» превратились в формулу жизни».

С помпой проводимые праздничные парады и показательные маневры не могли служить показателем действительного состояния Красной Армии, как и доказательством ее высокой боеготовности, умные люди это понимали.

Генерал П.Н. Краснов писал еще в 1927 году:

«Коммунистическая власть устраивает перед многолюдной толпой, толпой в несколько десятков тысяч человек, показательные маневры. Пускают газы, мечутся люди в противогазных масках, скрипя и гремя движутся танки, в небе реют аэропланы, крадутся в дымовой завесе цепи, скачет конница, тянут громадные пушки. Все это так нелепо поставлено, что с военной точки зрения это недостойный балаган. Но балаган этот действует на толпу, он внушает ей представление о советской мощи и о непобедимости Красной Армии.

В толпе говорят: «Разве при царях на это показывали? Разве при царях мы такое видали?»

Коммунисты — большие знатоки психологии толпы. Они неустанно внушают обществу поработанной ими России, что они непобедимы, что их армия великолепна, что

если бы они были побеждены, то все, кто имеют землю, потеряют ее, понесут наказание за все совершенное, и этот внушаемый массе страх ответственности и еще худшего будущего заставляет ее терпеливо сносить все ужасы настоящего».

Французский военный атташе январские учения 1935 года оценил как организованные в чисто пропагандистских целях и изобилующие тактическими ошибками, посещение училища связи в Ленинграде в 1936 году — как организованное для него шоу.

На маневрах Киевского военного округа в 1935 году (участвовало 75 тысяч человек, 800 танков, 500 самолетов), Белорусского (85 тысяч человек, 1136 танков, 638 самолетов), Московского, Одесского и других округов 1936 года проверялись на практике положения теории глубокой операции. В ходе учений, на которые съехались самые видные советские полководцы и иностранные военные делегации, отрабатывались: прорыв укрепленной оборонительной полосы пехотой, усиленной танковыми батальонами и артиллерией РКК, ввод в прорыв группы развития успеха, маневр механизированного корпуса и кавалерии с целью окружения и уничтожения противника, действия штурмовой авиации по боевым порядкам, применение авиадесантов. «Маневры со всей убедительностью доказали огромную сокрушительную силу и исключительные маневренные возможности механизированных и танковых соединений», а также «высокую боевую мощь Красной Армии, хорошую выучку красноармейцев и навыки командного состава», войска «округов с честью выдержали экзамен на зрелость». Мероприятия завершились речами, парадами и банкетами.

Истинные результаты подвели в узком кругу: «Тактическая выучка войск, особенно бойца, отделения, взвода, машины, танкового взвода, роты — неудовлетворительная.

Эскадрильи бомбардировщиков и штурмовиков, которые должны были расчистить путь наступающим танкам, сделать этого, по существу, не смогли. Их взаимодействие с механизированными соединениями «не удавалось», «терялось совершенно» или «осуществлялось эпизодически» вви-

ду неумения организовать устойчивую связь. Танкисты Якира и Уборевича наступали вслепую, поскольку разведка, по оценке начальника Управления боевой подготовки командарма 2-го ранга А.И. Седякина, «была недееспособна».

В результате 15-я и 17-я бригады КВО неоднократно наносили удар «по пустому месту», 5-я и 21-я мехбригады не смогли обнаружить вражеские засады. В БВО машины 1-й танковой бригады «внезапно» для себя очутились перед полосой танковых ловушек и надолбов и вынуждены были резко отвернуть в сторону — в болото, где и застряли. Командиры танков не умели вести наблюдение в бою, механики-водители — выдерживать заданное направление, ввиду чего боевые порядки атакующих частей «быстро расстраивались». Командиры взводов, рот и батальонов не освоили радиосвязь, не умели наладить управление своими подразделениями. «Вопрос взаимодействия артиллерии с пехотой и танками» оказался недостижимым «высшим пилотажем» даже в учебных условиях.

Все взаимодействие и управление на поле боя состояло в громкой команде «Вперед», повторяемой «всеми от командира батальона до командира отделения».

В заметках по поводу больших маневров Московского военного округа, проходивших в сентябре 1936 года, маршал Тухачевский отмечал, что ни выучка войск, ни работа штабов, ни взаимодействие войск не находились на должной высоте:

«Мехкорпус прорывал с фронта оборонительные полосы противника без артподдержки. Потери должны были быть огромны... Действия мехкорпуса вялы, управление плохое... Действия мехкорпуса не поддерживались авиацией... Авиация использовалась недостаточно целеустремленно... Плохо работала связь... Высадку авиадесантов следовало бы обеспечить истребителями... Парашютисты прыгают без оружия. Это надо изменить... Работа штабов, в частности разведка, очень слаба во всех частях...»

В Красной Армии процветали мат, пьянство, отсутствие дисциплины, элементарное раздолбайство и очковтирательство:

«Бичом РККА накануне 1937 года была низкая требовательность командиров всех степеней и обусловленные ею многочисленные упрощения и условности в боевой подготовке войск. Бойцам позволяли не маскироваться на огневом рубеже, не окапываться при задержке наступления; от пулеметчиков не требовалось самостоятельно выбирать перед стрельбой позицию для пулемета, связиста не тренировали в беге и переползании с телефонным аппаратом и катушкой связи за спиной...

В 52-м артиллерийском артполку БВО в декабре 1936 года даже устройство винтовки изучали без самой винтовки, подготовку телефона к выходу в поле — без самого телефона... Неприглядно смотрелся и младший командир РККА. Неподтянутый, небритый, часто в рваной гимнастерке, а то и без знаков различия, он в принципе не мог быть требовательным, не мог отрабатывать с бойцами все детали их подготовки. С таким командиром можно было пререкаться, его можно было величать «балдой» и крыть матом...

Процветало и прямое очковтирательство, когда скрывались факты аварий, «округлялись» и завышались результаты стрельб, а совершенно не умеющие стрелять бойцы объявлялись в рапортах стахановцами».

Ничего не изменилось в лучшую сторону и после Тухачевского.

Во время конфликта в районе озера Хасан, «горячая фаза» которого пришлась на 29 июля — 9 августа 1938 года, аукнулись и пренебрежение боевой подготовкой, и блюхеровские хозяйственные эксперименты. На совещании командного и политического состава Посьетского погранотряда, посвященном итогам операции, бригадный комиссар К.Ф. Телегин записывал за выступавшими:

«Растянулись по фронту, а во время боя сгруппировались на необорудованных позициях. Связь только телефонная, после потери ее много израсходовали живой силы... Не было увязки между подразделениями, даже стреляли по своим танкам... Военком 40-й стрелковой дивизии боялся взять на себя ответственность за мобилизацию плавадиниц

для подброски грузов на фронт («а если сорву путину?»). Округ прислал гранаты Ф-1, а пользоваться ими не могли... Бинокли на 40 процентов негодны... Вначале полевые части работали без кода. Пеленгаторной службы нет... Полевые части от Новой деревни до Заозерной побросали ранцы, пулеметы. Пренебрегали штыковым боем. Боевой подготовкой не занимались, потому что превратились в хозяйственных командиров. Сено, дрова, овощи заготавливаем, строительство ведем, белье стираем».

В приказе Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года указывалось на то, что «боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава оказалась **на недопустимо низком уровне**». Войска выступили к границе совершенно неподготовленными, советские части были «раздраны и небоеспособны», снабжение их не организовано:

«Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снаряжение имеются. Во многих случаях целые артбатареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов».

Рота 118-го стрелкового полка 40-й дивизии прибыла к месту боевых действий с холостыми патронами и деревянными гранатами. Когда же были доставлены боевые гранаты, то оказалось, что пользоваться ими не умеют ни рядовые, ни командиры. **Все рода войск обнаружили полное неумение действовать в реальной боевой обстановке.** Артиллеристы не знали, куда стрелять, танковые части использовались неумело и понесли большие потери. Помимо этого, несмотря на «громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми».

Этим же приказом маршал Блюхер был отстранен от командования Дальневосточным фронтом, а сам фронт расформирован в две отдельные армии. В приказе Ворошилова, естественно, не было упоминаний о том, что непосред-

ственно перед началом боев производились аресты комбригов и комбатов — чекисты работали по собственному плану.

Мехлис, выступая в начале декабря на Военном совете при Наркомате обороны, сообщал, что во время событий на озере Хасан на передовые линии выделяли стрелков, «не умеющих стрелять из винтовки и даже открыть замок», многие красноармейцы прибыли громить японскую военщину «в таком рваном обмундировании, что, по сути дела, они оставались в нижнем белье».

В итоге в ходе небольшого столкновения с неподвижно сидевшим в обороне, правда, все-таки вооруженным, противником, при пятикратном превосходстве в живой силе и абсолютном — в технике (так, с советской стороны, кроме танков 2-й механизированной бригады, были задействованы 250 самолетов, с японской — ни одного), наши людские потери составили 3500 человек убитыми и ранеными, потери японских войск составили 500 человек убитыми и 900 ранеными. Процент потерь командно-политического состава оказался «неестественно велик» — около 40 процентов.

При этом выбить японские подразделения со ставших вмиг знаменитыми сопок Заозерная и Безымьянная так и не удалось, конфликт был разрешен дипломатическим путем, после чего японцы сами очистили высоты.

В заключительной части приказа нарком обороны поставил перед вооруженными силами стандартную задачу — всегда быть в состоянии полной боевой готовности, а начальник Политуправления потребовал от комиссаров вернуться лицом к боевой подготовке:

«Нет более важного дела для командира и комиссара, чем боевая и политическая подготовка. Если товарищи не хотят ссориться с командованием округа — они должны помнить: на занятиях по боевой подготовке должны присутствовать все, все без исключения — все командиры, все комиссары, все политработники, все до единого красноармейцы, ибо занятия по боевой и политической подготовке — это наша священная обязанность».

Руководящие указания сопровождалась звуками побед-

ных фанфар и привычными славословиями в адрес мудрого руководства:

«Победа у Хасана произвела сильнейшее впечатление во всем мире. Проба сил японской военщины, решившей прощупать твердость советских дальневосточных границ... закончилась позорным провалом. Отборные части Квантунской армии были разбиты и вышвырнуты с советской территории».

Правда, на закрытых совещаниях признавалось, что «были и отрицательные моменты», но в целом «наши бойцы и политработники показали непревзойденное качество советского патриотизма и боевой подготовки», а японцы «пролили втрое больше крови, чем мы».

На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года комкор Штерн, сменивший на Дальнем Востоке забитого опричниками Блюхера, а затем возглавивший 1-ю отдельную Краснознаменную армию, бодро рапортовал:

«Я должен сказать несколько слов о наших командирах. Всякие борзописцы за границей, из понятных для нас с вами соображений, пытаются изобразить дело так, что из-за того, что мы с вами уничтожили кучу всякой дряни — тухачевских, гамарников, уборовичей и им подобную сволочь, у нас в Красной Армии нет хорошего командного состава.

Красная Армия обладает достаточным числом замечательных людей, командующих и взводом, и ротой, и батальоном, и полком, и дивизией, и высшими военными соединениями. Командный состав Красной Армии ковался под непосредственным руководством товарища Сталина, товарища Фрунзе, товарища Ворошилова. (*Аплодисменты.*) Все эти люди знают свое дело, испытаны они не только в боевой подготовке мирного времени и не только на Хасане. Эти люди преданы своей Родине до конца, готовы в любой момент отдать свою жизнь за дело партии, за дело Ленина — Сталина (*аплодисменты*) и сумеют, если им нужно будет отдать свою жизнь, сделать так, чтобы раньше получить десять жизней за одну жизнь нашего драгоценного человека. (*Аплодисменты.*)

ВОРОШИЛОВ. Десять мало, надо двадцать. (*Смех, аплодисменты.*)

ШТЕРН. Поправку принимаю. Прошу внести в стенограмму (*смех*)».

Григория Михайловича запишут в «сволочи» в июне 1941 года.

Вторжение Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года с военной точки зрения оказалось «легкой прогулкой», польское государство, по выражению Ворошилова, «при первом же военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега», но и тогда погибло и пропало без вести красных 1475 бойцов и командиров. Как вспоминал один из участников, специально призванный из запаса для участия в Освободительном походе:

«Мы переходили границу приблизительно 20 сентября, не имея никакого оружия вообще. Не дали... Вот тогда-то возникли сомнения. В смысле нашей подготовки. Не знаю, как было в других подразделениях, но даже если так было только в одном, то это уже говорило о неблагополучии в армии. Хорошо, что мы ни с кем не встретились».

Советским руководством Польская кампания была воспринята как убедительное подтверждение боевой мощи Красной Армии и репетиция будущего Великого Похода.

Но маленькая Финляндия оказалась «твердым орешком».

На совещании начальствующего состава в апреле 1940 года, посвященном анализу действий советских войск в Финляндии, командиры и комиссары прямо ставили вопрос о необученности личного состава. Так, военком 50-го стрелкового корпуса Семенов заявил:

«Я считаю, что абсолютно ненормальным был тот факт, когда присылали на фронт необученных бойцов, состав их был высок, доходил до 20–30%. Присылались такие бойцы, которые не имели боевой подготовки, не умели обращаться с винтовкой. В период подготовки к прорыву укрепленного района таких неподготовленных людей получили по двум

дивизиям 874 человека, а позже в 100-й и 123-й дивизиях получили необученных красноармейцев 4314 человек».

Командир 142-й стрелковой дивизии Пшенников сообщил, что при проверке полученного пополнения «оказалось, что до 47% красноармейского состава не знало материальной части положенного ему оружия. Это главным образом относилось к станковым пулеметчикам и ручным пулеметчикам... Дивизия была совершенно не подготовлена к бою».

На совещании отмечалось полное пренебрежение бойцов к маскировке, игнорирование или несоблюдение ими дисциплины на поле боя, неумение прятаться от налетов вражеской авиации, слабая физическая и тактическая подготовка всего личного состава. Плохо работали штабы, терялись в боевой обстановке, не умели организовать разведку и не знали обстановки на фронте. Все управление велось по телефону открытым текстом. Общевоинские командиры плохо представляли, как надо использовать бронетанковую технику; летчики были обучены летать только в хорошую погоду.

Рядовые бойцы не понимали целей затеянной Москвой войны и не сочувствовали им, были склонны к панике и нередко бежали с поля боя, бросая оружие.

«Пехота, — возмущался Ворошилов, — действует на фронте не как организованная сила, а болтается туда-сюда, как почти никем не управляемая масса, которая при первом раздавшемся выстреле разбегается в беспорядке по укрытиям и в лес».

Выяснилось, что в вооруженных силах нет точных данных не только о противнике, но и о количестве собственных бойцов и командиров, что подтвердил начальник Управления снабжения А.В. Хрулев:

«С товарищем Тимошенко у нас были расхождения буквально на двести тысяч едоков (!). Мы держались своей, меньшей цифры. Но у меня, товарищи, не было никакой уверенности, что я прав...»

И, наконец, в зимнюю войну Красная Армия вступила в летнем обмундировании.

Однако все это — мелочи, отдельные недостатки и просчеты отдельных «головотяпов». Главное — одержана была новая блистательная победа, и не только над Финляндией, бог с ней, с «финляндской козявкой», а чуть не над всей Европой. В заключительном слове товарищ Сталин заявил:

«Финнов победить — не бог весть какая победа. Мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов, но и технику передовых стран Европы. Не только технику, мы победили их тактику, их стратегию. В этом наша победа!»

Тем не менее в мае 1940 года Сталин снял с поста Ворошилова и назначил вместо него Тимошенко с одновременным присвоением ему маршальского звания. Поскольку имелись подозрения, что Климент Ефремович решительно впал в немилость, был составлен совершенно разгромный «Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР», в котором, в частности, указывалось:

«Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68 проц. имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование командного состава кадра должным образом не организовано...

Боевая подготовка войск имеет крупнейшие недочеты. Ежегодно издаваемые Народным комиссаром приказы о задачах боевой подготовки в течение ряда лет повторяли одни и те же задачи, которые никогда полностью не выполнялись, причем не выполнявшие приказ оставались безнаказанными. Военская дисциплина не на должной высоте и не обеспечивает точного выполнения войсками поставленных им боевых задач.

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками

5) Войска не обучены лыжному делу.

6) Применение маскировки отработано слабо.

7) Не отработано управление огнем...»

И так далее, и тому подобное.

Приказ нового наркома № 120 от 16 мая о боевой подготовке войск на летний период требовал коренной ее перестройки: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

Но хотя 15 июля в Красной Армии были восстановлены дисциплинарные батальоны, дело от этого не поправилось. На декабрьском совещании Семен Константинович заявил: «В целом огневая подготовка должного роста не дала и оценивается плохо». Начальник Управления боевой подготовки генерал В.Н. Курдюмов основными причинами такого положения назвал отсутствие руководства и контроля со стороны старших командиров и их штабов, значительный отрыв личного состава на хозяйственные работы, систематическое невыполнение учебных планов «во всех проверенных военных округах», постоянные срывы и переносы занятий «в большинстве соединений и частей».

В общем: «Собака лает, а караван идет своей дорогой».

В ходе осенней инспекторской проверки лишь отдель-

ные подразделения смогли получить положительную оценку. Например, в Западном Особом округе из 54 частей, проверенных по огневой подготовке, положительную оценку получили только три, в Ленинградском округе — лишь пять из 30. Такая же картина наблюдалась и в других военных округах.

Заместитель командующего войсками Московского округа генерал И.Г. Захаркин отмечал:

«Имеют место случаи, когда командный состав выходит на огневую подготовку лично сам неподготовленным. Часто нет и учебных патронов. Их нет не потому, что их не достает. Их нет потому, что их не взяли со склада. Командир части не знает, что у него на складе имеются тысячи патронов. Когда доберешься до склада, вытащишь их оттуда, он удивляется: «Откуда это?»»

Генерал Конев, командовавший войсками ЗабВО, был вынужден признать, что имеют место факты, «когда красноармейцы ходят плохо и неопрятно одетые, не обучены, не умеют стрелять, а командир не принимает необходимых мер, не делает того, что с него требует служба — навести элементарный порядок в своем подразделении».

Генерал Я.В. Смушкевич обнародовал факт, что вся бомбардировочная авиация Ленинградского ВО в общей сложности налетала норму всего трех летчиков. Главную причину всех недостатков высоколобые полководцы, этими округами и авиацией командовавшие, видели в **низкой квалификации подавляющего большинства командного состава Красной Армии.**

После совещания последовал новый приказ о боевой подготовке на 1941 год. Тем не менее боевая подготовка в Красной Армии продолжала «хромать на обе ноги».

Военлетов нарком Тимошенко сделал своими врагами на всю оставшуюся жизнь, приказав выпускать их из училищ не офицерами, а сержантами. Заодно Семен Константинович, отчаянный рубака, одним махом решил наболевший квартирный вопрос.

Присутствовавший на совещании в декабре 1940 года

командир 43-й авиационной дивизии Г.Н. Захаров вспоминал:

«Я говорил о том, что, хотя дивизия и прошла все инспекторские проверки, ее боеготовность оставляет желать лучшего в связи с крайне затруднительным бытовым положением личного состава. В авиагородке, расположенном неподалеку от аэродрома, в то время жили многочисленные семьи военнослужащих, которые в сороковом году не имели никакого отношения к дивизии.

В то же время летчики вынуждены были селиться в окрестных деревнях, разбросанных вокруг в радиусе пяти-шести километров. Надежной связи с ними нет. В нормативы, отведенные для приведения дивизии в боевую готовность, уложиться невозможно. Летчики прибывают на аэродром с большим опозданием, а зимой бегут через лес на лыжах, в машины садятся потные, разгоряченные, многие, конечно, простужаются. Часто возникает ситуация, при которой машины готовы к полету, а летчиков нет. Изменить это положение командование дивизии не может, поэтому я как командир обращаюсь с просьбой о содействии...

Все это я изложил одним махом. Сталин кивнул и тут же прервал меня жестом... Аналогичные трудности испытывали командиры многих других вновь сформированных частей и соединений.

Вскоре, после того как мы разъехались по своим частям, был издан специальный приказ, номер которого я помню по сей день. В нем, в частности, **говорилось о необходимости перевода личного состава на казарменное положение».**

Руководители ВВС, в отличие от простых летчиков, пришли в восторг. Генерал Я.В. Смушкевич заявил:

«Приказ Народного комиссара является основным условием оздоровления наших военно-воздушных сил... Единственная и, пожалуй, главная причина, почему боевая подготовка военно-воздушных сил находится на низком уровне, заключается в том, что в авиации фактически не было рядового состава (?), все были командиры. Летчики в возрасте 17–19 лет обзаводились семьями, и все внимание лет-

ного состава уходило не на рост боевой подготовки, а на семейно-бытовые вопросы».

Ему вторил генерал П. В. Рычагов:

«Молодой летчик и техник, обремененные семьей, потеряли всякую маневренность в случае передвижения части. Кроме этого, летчик, связанный большой семьей, теряет боеспособность, храбрость и преждевременно изнашивается физически (!). Приказ Народного комиссара обороны устраняет имевшиеся недочеты в этом отношении, создает нормальные условия для работы и роста воздушного флота, который при едином понимании использования принесет немало побед».

Гениально! Одна только подпись на приказе — и боеготовность подняли, и на офицерских окладах сэкономили, и на форме, и женщины летчиков больше «не изнашивали».

Французский военный психолог Мокор выделял пять опасностей, грозящих снизить у отдельного военнослужащего «способность побеждать»: 1) половое воздержание; 2) разлука с семьей; 3) недоверие к своим начальникам; 4) скептицизм к военным установлениям; 5) страх смерти. По мнению буржуазных спецов, разработка комплекса мероприятий по уменьшению воздействия этих факторов на психику солдата позволяла повысить его стойкость в бою. На рядового красноармейца и сержанта действовали все пять.

Сталина не интересовали изыски психологии и тонкости индивидуального подхода, ему нужна была покорная, послушная, нерассуждающая масса. Психологию, в том числе и военную, в СССР придушили еще в 1930 году, чуть позже, в 1939-м, расстреляли комкора Г. Д. Хаханьяна, написавшего вредительские «Вопросы военной психологии». В СССР остались только психушки.

С началом войны упор сделали на борьбу с «пятой опасностью» путем воспитания у бойцов «презрения к смерти» и насаждения «железной дисциплины»:

«Подобная, не знающая жалости военная дисциплина, — которую, я уверен, не выдержала бы ни одна другая армия, — превратила неорганизованную толпу в необычно

мощное орудие войны. Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила армии».

Вот только невозможно предвидеть, как поступит красноармеец при отсутствии традиционных советских «дисциплинирующих факторов» — комиссаров, особистов, трибуналов: «Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую... Бывали случаи, когда русские части, самоотверженно отразившие все атаки немцев, неожиданно бежали перед небольшими штурмовыми группами».

А какой прок от «дисциплинированного» пилота истребителя, если он только на фронте впервые увидел свою «лошадку».

В советских ВВС, вследствие спешки и упрощенности при подготовке пилотов, на протяжении всего предвоенного десятилетия сохранялся высочайший уровень аварийности.

Так, 21 июня 1932 года Ворошилов писал Сталину:

«Я сейчас буквально места не нахожу вследствие аварий в Воздушном флоте. Не проходит дня, чтобы не получить сведения об авариях и даже тяжчайших катастрофах с человеческими жертвами то в одном, то в другом округе. Достаточно указать, что только с 5 по 20 июня разбито одиннадцать самолетов и погибло тридцать человек...

Кадры летного и технического состава разрослись, укомплектовываются хотя и нашим, надежным политически, составом, но чрезвычайно молодым, малоопытным (что естественно), а главное, по-настоящему недисциплинированным. Залихватские замашки, бравадование своими летными подвигами, малая авторитетность молодого начсостава — вот основные источники, откуда проистекают наши несчастья...»

Так было всегда: то состав молодой, то «бурный рост», то освоение новой техники.

9 апреля 1941 года вышло постановление ЦК и Совнаркома «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии». В постановлении говорилось, что «из-за расхлябанности ежедневно гибнет у нас при авариях и катастрофах

два-три самолета, что составляет в год шестьсот-девятьсот самолетов». Интересно было бы подсчитать: если произвести на шестьсот самолетов меньше (а у нас и так имелось по две машины на каждый экипаж), сколько толковых летчиков можно на эти деньги нормально обучить?

В 1944 году потери в боевых самолетах составили 24 800 машин, максимальные за войну. Но потрясает другое: из этого количества лишь 9700 погибли в боях, а 15 100 относятся к небоевым потерям. С одной стороны, советская военная приемка на заводах закрывала глаза на брак и на фронт нередко поступали самые настоящие «летающие гробы»: например, у «лучшего истребителя Второй мировой войны» «Як-3», в силу непрочности конструкции, сами собой отрывались куски обшивки или отламывались крылья, а 40-килограммовую мотор-пушку нередко отдачей срывало прямо в грудь летчика. С другой, опять сказывался низкий уровень летной подготовки «сталинских соколов».

Германские авиазаводы в 1941 году и в последующие годы выпускали в два-три раза меньше боевых машин, чем наши, и люфтваффе их вполне хватило, чтобы завоевать господство в воздухе.

Да и зачем нужно столько самолетов, если их нечем заправлять. Особым приказом были введены ограничения в расходе топлива, предназначенного для боевой учебы.

В результате накануне Великой Отечественной войны, за первые три месяца 1941 года, летчики Прибалтийского военного округа успели налетать в среднем 15,5 часа, Западного — 9, Киевского — 4 часа (немецкие пилоты проходили выучку в 450 часов, после чего отправлялись на фронт, но с ходу участия в боях не принимали — сначала наблюдали со стороны и набирались опыта). Во время войны советских пилотов будут готовить еще ускореннее: «взлет—посадка» и — в бой.

Советские летчики в своем большинстве не умели действовать в сложных метеоусловиях, имели низкий уровень огневой и разведывательной подготовки («большинство экипажей не умеют отыскивать цели даже в крупных пунктах»),

не знали силуэтов и боевых характеристик ни немецких, ни своих машин (последнее относится ко всем вооруженным силам: истребители и зенитчики азартно палили во все, что летало, артиллерия с пехотой расстреливала и забрасывала гранатами свои танки или, наоборот, радостно приветствовала немецкие с красными нацистскими флагами на башнях).

Кроме того, из-за частых аварий двигатели на некоторых типах самолетов запрещалось использовать на полную мощность. По свидетельству В.Ф. Голубева, на ряде серий истребителей И-16 и «чайках» летчики имели право летать «только при условии, если крен не более 45 градусов, скорость не превышает 400 километров в час, угол пикирования не более 35 градусов. Фигуры высшего пилотажа и воздушный бой категорически воспрещались». Ограничивались полетом по кругу и стрельбой по конусу.

На самолетах новых конструкций многие пилоты вообще ни разу не поднялись в воздух. Не у каждого «сокола» хватало для этого квалификации. Генерал Г.Н. Захаров делился впечатлениями от поступавших на вооружение «мигов»:

«Между тем этот самолет имел ряд свойств, которые в конце концов были определены как недостатки конструкции... «Миг» был тяжеловат для истребителя. Ошибок при пилотировании он не прощал, был рассчитан только на хорошего летчика. Средний пилот на «Миге» автоматически переходил в разряд слабых, а уж слабый просто не мог бы на нем летать».

К началу войны в соседней дивизии на аэродроме в районе Белостока «было уже около двухсот «Мигов», но, кроме командиров полков и некоторых командиров эскадрилий, на них еще никто не летал. Машина осваивалась медленно и в других соединениях».

И старые, и новые машины не имели радиооборудования. Так, на первых 1000 серийных «яках» радиостанции не устанавливались вовсе, а на последующих передатчики имел только каждый 15-й самолет, остальные — только приемники.

Советские летчики, в соответствии с предвоенными теориями, обучались в основном нанесению ударов по наземным целям и были слабо подготовлены к ведению воздушного боя. Эскадрильи ходили плотными строями, что тоже соответствовало задачам штурмовки, с одной стороны, с другой — было вызвано отсутствием радиосвязи. Для воздушного боя эти «рои» были малопригодны, в кутерьме схватки летчики быстро теряли визуальный контакт друг с другом и действовали самостоятельно, без взаимодействия и взаимного прикрытия.

Основной тактической единицей в истребительной и штурмовой авиации являлось звено из трех самолетов. Не имея между собой связи, летчики в полете держались компактно, крыло к крылу, внимательно наблюдая за действиями командира звена. Он же управлял подчиненными по принципу «делай, как я». Такой строй сковывал маневр, не позволял вести непрерывное наблюдение за воздушной обстановкой, ограничивал инициативу. По наблюдениям противника:

«В воздушных боях советские летчики показали себя агрессивными, храбрыми, однако часто действовали опрометчиво и прямолинейно, им недоставало гибкости. Как индивидуальный боец средний советский летчик испытывает недостаток личной инициативы; однако в групповых боях его высокая дисциплинированность была как нельзя кстати».

Немецкие летчики действовали парами — ведущий и ведомый. Наличие на борту радиостанций позволяло им расходиться на значительные расстояния и быстро сближаться при необходимости, обмениваться информацией об обстановке, осуществлять сложные боевые маневры, взаимодействовать друг с другом и другими парами, оказывать помощь — действовать в бою осмысленно и тактически грамотно. Наземные пункты наведения помогали им быстрее найти в воздухе противника, занять более выгодное по отношению к нему положение.

Истребители держали связь с бомбардировщиками при совместных с ними действиях, бомбардировщики — с на-

земными войсками. На всех Me-109 устанавливалась коротковолновая радиостанция с радиусом действия до 100 км, а на Me-110 — две станции, одна из них длинноволновая, перекрывающая расстояние около 300 км. Имелись у немцев также станции ультракороткого диапазона, позволявшие выходить на наземную телефонную сеть.

Все это, и техническое оснащение, и четко работающую организацию, и адекватную тактику, в советских ВВС еще только предстояло создать, причем в ходе боевых действий, ценой жизни пилотов, которых готовили к совсем другой войне.

Только в конце августа 1942 года вышло постановление ГКО об оборудовании всех выпускаемых истребителей и штурмовиков приемо-передающими радиостанциями и приемниками из расчета 1:5, а в дальнейшем 1:3. Постановление еще предстояло выполнить, пилотов — обучить правильно, обеспечивая скрытность управления, пользоваться связью. Между тем даже книгу позывных штаб ВВС издал лишь в середине войны.

Германский генерал Ф.В. Меллентин о боевой деятельности советской авиации писал:

«Эффективность действий русской авиации не соответствовала ее численности. Потери в опытных кадрах, понесенные в первые месяцы войны, так и не были восполнены, а самолеты серийного производства намного уступали по своим качествам нашим самолетам. Старшие офицеры, видимо, не могли усвоить принципов ведения боевых действий авиации в современных условиях.

Русские фактически не имели стратегической авиации, и те немногие удары, которые нанесла их авиация дальнего действия, не причинили нам никакого ущерба. Самолеты-разведчики углублялись иногда в наше расположение на 50—100 км, но истребители и бомбардировщики редко залетали за линию фронта более чем на 30 км. Это было для нас большим облегчением, так, даже в самые тяжелые периоды войны передвижение войск и грузов в тыловых районах происходило беспрепятственно.

Русская авиация использовалась в основном для решения тактических задач, а начиная с лета 1943 года самолеты

русских висели с утра до вечера над полем боя. Организация взаимодействия между авиацией и наземными войсками непрерывно улучшалась; в то же время качественное превосходство немецкой авиации постепенно исчезало. Но в тактическом отношении русские всегда уступали нам, а их летчики не могли сравниться с нашими летчиками».

Аналогичные проблемы испытывали все рода войск. Например, танкисты имели радиостанции только на командирских машинах, а на линейных их не было, что немало затрудняло управление боем.

Для вновь формируемых танковых соединений не хватало экипажей. В танкисты срочно переквалифицировали командиров и солдат из других родов сухопутных войск. При этом на практическую подготовку механика-водителя отводилось всего 5 часов, но многие имели всего 1,5–2 часа практики вождения, в то время как в вермахте — не менее 50 часов.

В результате из-за неопытности экипажей в условиях форсированных маршей случались частые поломки, которые никто не мог устранить; в коротких перерывах между боями офицерам приходилось обучать танкистов самым элементарным навыкам, таким как вождение боевой машины и стрельба из пушки. Мы неустанно наращивали выпуск танков, а немцы повышали уровень подготовки экипажей.

Если образцы бронетехники снимались с вооружения, немедленно прекращалось производство запасных частей к ней. Вообще производить запчасти в советском производстве было невыгодно, и за это не спрашивали. По этой причине было просто брошено множество боевых машин.

Боевой устав предусматривал для танковых частей только один вид боя, как в наступлении, так и в обороне, — атаку. Стрельба с места в обороне допускалась в исключительно редких случаях. И сотни легких танков бросались во встречный бой или под прицельный огонь противотанковой артиллерии. Советская бронетехника применялась без разведки местности, без поддержки артиллерии, пехоты, авиации, без учета ее боевых возможностей и назначения.

Так, обстановка диктовала для слабо бронированного БТ-7 соответствующую тактику действий — ведение огневого боя из засад, с использованием естественных и искусственных укрытий, которые давали возможность снизить вероятность попадания вражеских снарядов и одновременно позволяли подпустить танки противника поближе, на дистанцию, когда от 45-мм снаряда не спасла бы и 30-мм броня.

Именно такую тактику англичане применяли в Северной Африке. И условия были схожими: те же танки со стороны немцев и практически полные аналоги БТ-7 — крейсерские танки — со стороны англичан. Последние отличались даже рядом преимуществ перед нашей машиной: более многочисленный экипаж, хорошие приборы наблюдения и средства связи. Однако немцы превосходили английские крейсерские танки все в той же броневаой защите. Англичане использовали укрытия из мешков с песком, завалы из камней, иногда просто зарывали танки в песок по башню и получали необходимый эффект — они несли значительно меньшие потери в обороне. К тактике танковых засад у нас перешли только осенью 1941 года, после того как было выбито 90% советских танков.

Генерал Меллентин оставил описание танковых сражений начального периода войны:

«В 1941 и 1942 годах тактическое использование танков русскими не отличалось гибкостью, а подразделения танковых войск были разбросаны по всему огромному фронту... Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры, им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые решения.

Первые операции танковых армий заканчивались полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовалась неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали движение и останавливались, вместо того чтобы развивать

успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час. Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть...»

В результате советские механизированные корпуса оказались неспособными решить бездумно поставленные им задачи и были разгромлены в первые же дни войны.

Армия входила в войну с устаревшими уставами. В ходе учебы не отрабатывались такие виды боевых действий, как отход и бой в окружении. Солдаты не умели окапываться, командиры — выбирать удобные позиции с учетом особенностей рельефа.

В наступлении применялись плотные, глубоко эшелонированные боевые порядки — все тот же таранный удар пехотных масс. Вершиной боя нашим генералам виделась штыковая схватка: «Немец штыка боится».

Одну из таких фронтальных атак в августе под Киевом, предпринятую 37-й армией Власова, запечатлел немецкий офицер в письме к родным:

«С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей начали бежать. С их приближением доносилось нестройное раскатистое: «Ура-а-а!»...

Первые три волны были уничтожены нашим огнем... Натиск четвертой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулеметы раскалились от непрерывного огня, и часто приходилось прекращать стрельбу для замены стволов... Количество, продолжительность и ярость этих атак совсем истощили нас и довели до оцепенения. Не буду скрывать, они испугали нас... Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пыта-

ясь ликвидировать даже незначительные результаты нашего наступления, то как же часто и каким числом людей они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?»

Подобные атаки, призванные истощить врага, завалить его трупами атакующих, были обычным явлением и 41-м, и в 42-м годах, и после. Зачастую толпы призывников гнали в бой, даже не выдав им форму и оружие. Так, на Волховском фронте красноармейцы штурмовали опорные пункты противника с палками, на которые крепились штыки, и с деревянными трещотками. Актуальным стал лозунг: «Оружие добудете в бою!»

Естественно, такие атаки вели к огромным потерям. В середине января 1942 года немецкая разведка выпустила бюллетень «Опыт войны на Востоке», где обобщила основные особенности русских атак:

«Атаки русских, проходя, как правило, по раз и навсегда данной схеме — большими людскими массами и повторяются несколько раз без всяких изменений. Наступающая пехота компактными группами покидает свои пехотные позиции и с большого расстояния устремляется в атаку с криком «ура». Офицеры и комиссары следуют сзади и стреляют по отстающим. В большинстве случаев атаке предшествует разведка боем на широком фронте, которая после прорыва или просачивания в наше расположение переходит в решительное нападение с тыла и флангов.

Артиллерийская подготовка атаки применяется редко, однако русские очень охотно применяют ночью, перед атакой, короткий, но сильный беспокоящий огонь с дальних дистанций, постоянно меняя при этом свои огневые позиции.

Свои атаки русские начинают в сумерках или на рассвете. Пользуясь темнотой, туманом, вьюгой или дождливой погодой, русские занимают исходные позиции для атаки. Отбитые атаки повторяются снова, не щадя сил и ничего не меняя. Трудно предположить, что на протяжении одного дня боев наступающая часть каким-либо образом сменит схему проведения атаки. Таким образом, для отражения

атак русских нужны крепкие нервы и сознание того, что наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоять массовому наступлению русских».

Для немцев такая тактика была за гранью понимания, поэтому русские атаки врезались в память буквально каждому фронтовику:

«Ведение боевых действий русскими, особенно в наступлении, характеризуется использованием большого количества живой силы и техники, которые командование **часто вводит в бой безрассудно и упрямо**, однако добивается успеха. Русские всегда славились своим презрением к смерти; коммунистический режим еще более развил это качество... Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием.

До самого конца войны русские, не обращая внимания на потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях. Стадный инстинкт и неспособность младших командиров действовать самостоятельно всегда заставляли русских вести атаки массированно, в плотных боевых порядках. **Благодаря превосходству в численности этот метод позволил добиться многих крупных успехов (вот это и есть главный тактический прием всех советских полководцев, всему остальному «учиться было некогда»)**...

Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Но часто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы. Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого».

Лишь в октябре 1942 года Верховный Главнокомандующий издал приказ, предусматривавший внесение изменений в тактику боя:

«Практика войны с немецкими фашистами показывает, что некоторые пункты наших уставов стали уже устаревшими и требуют пересмотра. Конечно, уставы в целом приносятся и будут приносить Красной Армии большую пользу. Но ряд пунктов этих уставов до того устарели, что они будут приносить Красной Армии большой вред, если не отменить их немедленно. Речь идет о недостатках наших уставов по таким вопросам, как построение боевых порядков во время наступления, обеспечение подразделений и частей огневыми средствами, организация огня, роль командиров в наступлении.

Что это за недостатки? Вот главные из них:

Первый недостаток. В соответствии с требованиями наших уставов наши войска, организуя наступательный бой во всех звеньях от стрелкового взвода и до дивизии, строят свои боевые порядки в глубину. Как правило, стрелковая дивизия, получая для наступления полосу в один или полтора километра по фронту, строит свои полки в два эшелона, из них два полка в первом и один — в затылок им; стрелковый полк, наступая в полосе 750—1000 м, также вынужден иметь, в лучшем случае, два батальона в первом и один во втором эшелоне, чаще всего три батальона один другому в затылок; точно такое же поэшелонное расположение подразделений предусматривается и в батальоне, роте и во взводе.

Таким образом, стрелковая дивизия, построенная для наступления, вынуждена иметь в первом эшелоне для атаки переднего края обороны противника всего лишь восемь стрелковых рот из 27. Остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелонном на глубину до 2 км, покрывают поле боя сплошными боевыми порядками и полностью лишаются возможности использовать свои огневые средства.

В результате этого мы имеем, во-первых, исключительно большие, ничем не оправданные потери в личном составе и огневых средствах от огня артиллерии, минометов и авиа-

ции противника, которые несут прежде всего подразделения вторых и третьих эшелонов еще до вступления их в бой, ввиду чего наступление часто захлебывается у нас на первом же этапе, и, во-вторых, вынужденное бездействие свыше трети всех пехотных огневых средств дивизии — автоматов, ручных и станковых пулеметов, минометов и полковой артиллерии, не говоря уже о винтовках.

При этом подразделения вторых и третьих эшелонов будут вынуждены бездействовать и принимать на себя основной огонь минометов, артиллерии и авиации противника; чтобы не нести больших потерь, вынуждены прижиматься к впереди идущим эшелонам, а затем по той же причине и вливаться в их боевые порядки. А это ведет к неизбежному перемешиванию боевых порядков первого эшелона с последующими, к превращению их в толпу и к невозможности управлять ими».

По уставу советские командиры обязаны были поднимать и вести своих бойцов в атаку. Нередко в цепь ставились в полном составе штабы и командиры батальонов и полков, обязанные личным примером обеспечить выполнение поставленной задачи любой ценой. На Невском пятачке и генералам приходилось лично вести в бой дивизии. Отсюда непропорционально большие, бессмысленные потери в офицерском корпусе, причем в наиболее грамотной и перспективной его части. Только в 1941 году погибли 50 тысяч командиров и пропали без вести еще 80 тысяч.

Возникший некомплект пытались восполнить, готовя младших лейтенантов на трехмесячных курсах, хотя до войны считалось, что для подготовки командира взвода и шести месяцев мало. Военные училища штамповали ускоренные выпуски, программа подготовки пехотных офицеров укладывалась в «широкий диапазон» от строевой подготовки до штыкового боя. Бывший курсант Орджоникидзево-го военного училища полковник А.З. Лебединцев, выпущенный в декабре 1941 года, вспоминал:

«У нас не было ни одного занятия по организации частей и соединений противника, их вооружению и тактике, мы не знали организацию даже родного своего стрелкового полка.

Мы не видели ни танка, ни самолета. Даже картинок не было для ознакомления. И это в училище, которое в предвоенные годы оспаривало первенство у Московского и Одесского пехотных...»

Еще большим идиотизмом было формирование курсантских полков, которые порой бессмысленно изничтожались в одной атаке, первой и последней в жизни.

И в этом вопросе товарищ Сталин решил навести порядок:

«Второй недостаток. Согласно требованиям наших уставов командиры стрелкового взвода в наступательном бою обязаны находиться впереди своих боевых порядков и лично вести свои подразделения в бой. Кроме того, часто наблюдаются случаи, когда командиры стрелковых рот и батальонов с начала наступления также становятся впереди боевых порядков и отсюда пытаются организовать управление боем своих подразделений.

В результате этого командир взвода, роты лишается возможности лично наблюдать за ходом боя, влиять на боевой порядок взвода и роты в целом, правильно использовать свои и приданные огневые средства, теряет связь с командиром батальона, и все управление ротой сводится к подаче им команды «рота, за мной, вперед», которая к тому же, как правило, воспринимается лишь той частью боевого порядка роты, при которой находится командир. При этом мы несем ненужные потери в командирах, что нередко ведет к расстройству боевых порядков.

Из этого следует, что требование наших уставов в этой области не соответствует интересам нашей армии, исходит из недооценки роли командира, как организатора боя, из непонимания того, что командир является центральной фигурой боевых порядков, что сохранение командира является залогом успеха в бою, и наоборот, выход командира из строя ведет к уменьшению возможностей нашего успеха.

Положения сильно запоздавшего сталинского приказа были абсолютно правильными, но при «экстенсивном» способе ведения войны, принятом в Красной Армии, — практически невыполнимыми. Расчленение боевых поряд-

ков требовало наличия хорошо обученного инициативного бойца и грамотного управления. Между тем пополнение сразу бросалось в бой, порой даже не умея стрелять и не зная своих командиров, поэтому действовать подразделения могли только строем «толпы», которой начальник указывал направление движения, а пулеметы заградительного отряда «придавали бодрости». Управление же долгое время ограничивалось лишь постановкой боевой задачи: «вперед» и «любой ценой».

К примеру, «полководец» генерал В.Н. Гордов (1896—1950), командовавший армиями и фронтами, и осенью 1943 года издавал приказы, вроде этих:

«Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд...

Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела...

Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу...»

Они не умели воевать по-другому. Причем многие из гордовых давно потеряли способность к обучению.

За четыре года войны безвозвратные потери командного состава превысили один миллион человек, хватило бы укомплектовать двадцать офицерских армий.

Оценивая боеспособность Красной Армии, отдел военного атташе США в Москве 16 июня 1941 года доносил: «В сравнении с высокомоторизованными, боеспособными, современными армиями, уже созданными или создаваемыми в различных странах мира, боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне».

«Враг народа» Тухачевский, хотя тоже мечтал «об эпохе войн и революций», однако в своем докладе «Вопросы современной стратегии» предупреждал: «...мы должны готовиться к длительной войне», войне упорной и кровопролит-

ной, которая, вполне возможно, будет сопровождаться «отдельными неудачами нашего Советского Союза».

Но разве такими перспективами можно вдохновить народ на освободительные походы? Во второй половине 1930-х годов советские средства массовой информации и деятели пролетарского искусства вдохновенно пропагандировали грядущую войну «за свободу и счастье всего трудящегося человечества», за Всемирный Союз советских социалистических республик. Эту войну воспевали в стихах и прозе, писали о ней романы, снимали кинофильмы, орали в уши через репродукторы, о ней мечтали: «как только враги полезут на нас», мы с веселой песней и барабаном «двинемся в славный поход». И мы победим обязательно, «потому что за нас история и у нас миллионы людей знающих, за что они борются, и знающих, что они защищают право на счастье». Война изображалась скоротечной, победоносной, без особых жертв и трудностей, почти бескровной.

Сюжет всех этих шедевров соцреализма был однообразен: сначала враг коварно вторгнулся на нашу землю и немедленно получал по зубам, затем Красная Армия наносила сокрушительный ответный удар, красноезвездная авиация разносила в пыль аэродромы, штабы и коммуникации германских и японских агрессоров, в их тылу вспыхивали народные революции, а сбрасываемые на европейские столицы советские десантники немедленно принимали командование над отрядами повстанцев.

В. Киршон в пьесе «Большой день» разгромил Германию за два дня, Н. Шпанов в своей повести «Первый удар» отбил вражеское нападение за несколько минут и окончательно расправился с «фашистами» в течение двенадцати часов. Все сражения велись исключительно на территории других стран и заканчивались повсеместным установлением Советской власти. Шпановская «наука побеждать» была издана массовым тиражом в серии «Библиотека офицера».

В общественном сознании сформировалось представление о войне как о вполне безопасном и героическом занятии, закладывалась уверенность, что война начнется тогда, когда мы пожелаем, и закончится, когда мы этого захотим.

В стране раздувался военный психоз, прикормленные трубадуры изнывали от нетерпения: «Когда ж нас в бой пошлет товарищ Сталин?!»

Война грянула внезапно, как зима или посевная кампания. Совсем не такая, о которой мечтали...

Все планы рухнули в одночасье. На пятый день войны германские танки оказались в Минске. Сгорели на аэродромах 1200 «лучших в мире» самолетов, и немецкие летчики продолжали сбивать их сотнями. Сгнули, как не было, громоздкие и бессмысленные 1000-танковые корпуса. Целые армии погибли в гигантских котлах. Красноармейцы десятками тысяч, бросая оружие, дезертировали и сдавались в плен. Стреляли в спину Красной Армии «осчастливленные» Советской властью литовцы и украинцы. Шли на службу к оккупантам комсомольцы и партийные работники. И не вспыхивали в германском тылу никакие революции.

Советские генералы, сталинские выдвиженцы в полной мере продемонстрировали свою бездарность и отсутствие профессионализма, что пытались компенсировать большевистской твердостью в достижении поставленных задач и безжалостностью к собственным войскам.

«И только один способ войны известен им — давить массой тел. Кто-нибудь да убьет немца. И медленно, но верно кадровые немецкие дивизии тают. Но хорошо, если полковник попытается продумать и подготовить атаку, проверить, все ли возможное сделано. Часто он просто бездарен, ленив, часто пьян. Часто ему не хочется покидать теплое укрытие и лезть под пули... часто артиллерийский офицер недостаточно выявил цели и, чтобы не рисковать, стреляет издали, по площадям, хорошо, если не по своим, хотя и такое случалось нередко... Иногда майор сбивался с пути и по компасу выводил свой батальон совсем не туда, куда надо...

Путаница, неразбериха, недоделки, очковтирательство, невыполнение долга, так свойственные нам в мирной жизни, здесь, на войне, проявляются ярче, чем когда-либо. И за

все одна плата — кровь. Иваны идут в атаку и гибнут. А сидящий в укрытии все гонит и гонит их».

К декабрю 1941 года кадровая Красная Армия практически перестала существовать: от нее осталось лишь 8% личного состава. Войну в конце концов выиграли резервисты.

Вячеслав Молотов в докладе, посвященном 28-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, говорил: «Это наше счастье, что в трудные годы войны Красную Армию и советский народ вел вперед мудрый и испытанный вождь Советского Союза — Великий Сталин».

«Великий Сталин» подставил страну, как никто. Почти за сто лет до 22 июня 1941 года генерал Антуан Жомини написал: «Трудно предположить, чтобы армия, расположенная в виду неприятеля, исполняла свой долг столь плохо, что позволила бы противнику напасть на себя врасплох». Упоенный неограниченной властью, ослепленный своей доктриной, Сталин сам создал условия, при которых германское нападение стало внезапным, и огромную феодально-крепостническую армию, оказавшуюся неспособной исполнить свой долг. Товарищ Сталин отдал противнику миллионы квадратных километров территории и десятки миллионов советских граждан, объявив их потом предателями. Товарищ Сталин довел народ до такого морального состояния, что поначалу он даже не знал, а стоит ли воевать за эту истребительную власть, за «преимущества социалистического строя» и даже за собственную страну.

И что бы мы делали без товарища Сталина! Памятник надо поставить товарищу Сталину. На Поклонной горе. С окровавленным топором в натруженной руке, с метлой и собачьей головой у пояса.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М.: Наука, 1967. 627 с.

Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М.: Воениздат, 1965. 768 с.

Вопросы тактики в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М.: Воениздат, 1970. 519 с.

Ганичев П.П. Воинские звания. М.: ДОСААФ, 1989. 143 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. 703 с.

Захаров Г.Н. Я — истребитель. М.: Воениздат, 1985. 283 с.

Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск: Русич, 1997. 666 с.

Иванов А. Неизвестный Дзержинский: Факты и вымыслы. Минск : Валев, 1994. 538 с.

Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. 832 с.

Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах Гражданской войны. М.: Знание, 1989. 63 с.

Кулешова Н.Ю. Красная Армия в конце 1930-х годов: проблема боеспособности с точки зрения истории повседневности//Новая и новейшая история, 2003. № 4

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Политиздат, 1981. 63 с.

Млечин Л. Иосиф Сталин и его генералы. М.: Центрполиграф, 2004. 815 с.

Ленин В.И. Избранные произведения в четырех томах. М.: Политическая литература, 1986.

Панков Д.В. Комкор Эйдеман. М.: Воениздат, 1965. 104 с.

Платонов А. Избранное. Минск: Университетское, 1989. 574 с.

Победители 1941—1945. Полководцы и военачальники. М.: Экзамен, 2005. 574 с.

Проблемы военной психологии. Хрестоматия. Минск: Харвест, 2003. 637 с.

Пятницкий В.В. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004. 719 с.

Родин А.М. А.С. Бубнов. Военная и политическая деятельность. М.: Воениздат, 1988. 174 с.

Советская военная энциклопедия в 2-х томах. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932—1933.

Соколов Б. Истребленные маршалы. Смоленск: Русич, 2000. 522 с.

Соколов Б. Третий рейх: мифы и действительность. М.: Яуза, 2005. 479 с.

Солоухин В. При свете дня. М., 1992. 222 с.

Сталин И.В. Сочинения. В 13 томах. М.: Госполитиздат, 1951—1952.

Сталину, Европа, поклонись. Сборник статей, материалов, документов о руководителе СССР в 1924—1953 годы Иосифе Виссарионовиче Сталине. (Автор-составитель Ю.Н. Гуменюк). Минск: ООО «ФУАинформ, 2004. 687 с.

Тополянский В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М.: Права человека, 1996. 352 с.

Троцкий Л.Д. Сталин. М.: Терра, 1990. 626 с.

Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 734 с.

Шапталов Б. Испытание войной. М.: АСТ, 2002. 382 с.

Широкорад А.Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М.: АСТ, 2003. 430 с.

Якир И.Э. Воспоминания о Гражданской войне. М.: Воениздат, 1957. 39 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Часть I. ВОЖДИ	17
Часть II. ПОЛКОВОДЦЫ	145
Часть III. КОМАНДИРЫ И БОЙЦЫ	307
Литература	380

Научно-популярное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Владимир Бешанов

**«КРОВАВО-КРАСНАЯ» АРМИЯ.
ПО ЧЬЕЙ ВИНЕ?**

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Н. Аничкин*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *С. Птицына*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15, корп. 4.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 26.01.2010.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 5000 экз. Заказ № 21223.

Отпечатано по технологии СТР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 978-5-699-40237-3

9 785699 402373 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Почему летом 1941 года кадровая Красная Армия была разгромлена за считанные недели? По чьей вине не удалось одолеть врага «малой кровью, могучим ударом»? Отчего до самого конца войны наши потери многократно превышали немецкие, и за каждый успех приходилось расплачиваться огромной кровью, так что Красную Армию прозвали **«кроваво-красной»**? Почему Победа была достигнута столь дорогой ценой? На все эти вопросы, самые сложные и болезненные в нашей истории, есть простой и ясный ответ, известный еще Сталину: **«Кадры решают всё!»**

Данная книга неопровержимо доказывает: именно в кадровом вопросе, в низком уровне профессиональной подготовки советского генералитета и офицерского корпуса следует искать причины всех трагедий и катастроф Великой Отечественной. Потому что кадры и в самом деле решали всё!

ISBN 978-5-699-40237-3

9 785699 402373 >